

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = ФРАМ

фрам
представляет



КНИГА ВРАК

антология альтернативной фантастики

Книга врак

фрам

МАКС ФРАЙ + АМФОРА = ФРАМ

В этой книге нет ни единого слова правды, а рассказы, вошедшие в сборник, лишь притворяются фантастическими. Конечно, мужественный и усидчивый читатель найдет там не только бранные слова да ужасы ультракоммунизма, но и ракеты с инопланетянами, колдунов с вампирами, компьютеры со встроенными божествами и даже Светлое Будущее, хотя и он будет вынужден признать: нет, никакая это не фантастика. По крайней мере, не совсем то, что мы привыкли считать фантастикой. Листая страницы этой книги, вы вряд ли сможете уютно устроиться, отдохнуть душой. Хуже того, вполне возможно, вы так расстроитесь, что пропадет аппетит, зависнет компьютер и сломается телевизор, а от этого, не к ночи будь сказано, может начаться *духовная жизнь*. Врагу не пожелаешь. Поэтому держитесь подальше от этой книги (особенно ночью, когда силы зла властвуют безраздельно). Берегите себя.



издательство
амфора

www.amphora.ru



ISBN 5-367-00087-8

Книга врак

фрам

фрам

Макс Фрай

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Книга враг

антология альтернативной фантастики

придумали и составили
Сергей Красиков и Макс Фрай

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г



ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

2006

УДК 82/89
ББК 3
К 53

Составление Сергея Красикова и Макса Фрая

*Защиту интеллектуальной собственности
и прав издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*



К 53 Книга врак: антология / [сост. С. Красикова, М. Фрая]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2006. — 510 с. — (Серия «ФРАМ»).

ISBN 5-367-00087-8

Новый век — новая литература — новая фантастика. Фантастика прежде всего, ибо именно она всегда, во все времена всё знала заранее. Писатели, чьи произведения здесь собраны, представлены уже, можно сказать, маститыми авторами — Сергеем Красиковым и Максом Фраем. Они, то есть эти «новые фантасты», безусловно талантливы. Но главное — есть у них одна немаловажная особенность: гораздо меньшая, нежели прежде, любовь ко всяческому техническим «примочкам»; взамен этого — намного больший психологизм.

**УДК 82/89
ББК 3**

ISBN 5-367-00087-8

- © Красиков С., Фрай М., составление. 2003
- © Аксенов Р., Афанасьев Р., Гайворонский Ф., Каганов Л., Крайнер Н., Матвеев И., Нестеров Ю., Новак И., Олин М., Погуляй Ю., Силян В., Шведов А., Шелли М., Шленский А., 2003
- © Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дать определение фантастике пытались многие; до сих пор это никому так и не удалось. Пожалуй, печально известная советская формулировка как нельзя ближе к истине. *Заведомо ложные измышления*, которые не укладываются в одобренную свыше схему бытия, бывают полезны в целях пропаганды, но представляют собой совершенно непредсказуемое оружие, то и дело норовящее обернуться против создателей. Парафраз собственного будущего в декорациях потенциального противника — ах, сколько цензоров в свое время лишились работы, не углядев реальной или воображаемой фиги в кармане автора!

Мы же, напротив, заявляем, что никаких «задних» мыслей не имеем (нам бы с «передними» разобраться), но ложно измышляем настоящее, прошлое и будущее, а после ложным языком пересказываем свои выдумки. Рассказы, вошедшие в сборник, лишь притворяются фантастическими: в них редко встречаются Ракеты, Инопланетяне, Бэтмены и Светлое Будущее. Листая страницы этой книги, вы вряд ли сможете уютно устроиться, отдохнуть душою. Хуже того, вполне возможно, вы так расстроитесь, что пропадет аппетит, сломается телевизор, а от этого, не к ночи будь сказано, и вовсе может начаться *духовная жизнь*.

Оно вам надо? Лучше возьмите да и перечитайте старую добрую Сагу о Покорителях Космоса или Эпопею о Героическом Драконе.

И самое главное: держитесь подальше от Интернета (особенно ночью, когда силы зла властвуют безраздельно). Не ровен час, забредете на сайт «Пуговички» по адресу: <http://www.svenlib.sandy.ru/pugovichki/>, где отбывают пожизненное заключение ужасающие тексты (в том числе и собранные под этой обложкой), да так и не выберетесь оттуда до рассвета.

Счастливого вам отдыха от этой книги.

Сергей Красиков, Макс Фрай

Леонид Каганов

ХОМКА

Стасик вращал карандаш долго. Резинка натягивалась, скручиваясь в штопор, а затем появлялся и первый барашек. Руки устали. Сосед по парте, вредный толстяк Женя Попов, искоса наблюдал за приготовлениями. «Если сейчас зачесется нос, — подумал Стасик, — я никак не смогу его почесать». В тот же миг нос действительно жутко зачесался. Но приходилось терпеть и крутить карандаш, придерживая свободной рукой линейку. Нос чесался нестерпимо. «А вот Майор Богдамир бы вытерпел!» — думал Стасик, сжимая зубы. Когда Ольга Дмитриевна перешла к разбору третьей задачи, резинка уже целиком покрылась барашками и катапульта была готова.

— Подержи линейку минуточку, — шепнул Стасик.
— Чтоб вместе с тобой выгнали? — Женя отвернулся.
— На перемене в лобешник получишь, — пригрозил Стасик.

Женя Попов ничего не ответил. Пришлось прибегнуть к шантажу.

— Скажу Ольге Дмитриевне, что ты копался в ее столе...
— Я не копался! — возмутился Женя Попов.
— А я скажу, что копался.
— Так нечестно!
— Зато интересно.

На Женю Попова было жалко смотреть. Но все-таки он еще колебался. Тогда Стасик набрал в легкие воздуха и поднял подбородок, словно собираясь привстать за партой и сделать громкое заявление. Это подействовало.

— Где подержать? — торопливо прошептал Женя.

Стасик кивнул на свободный конец линейки. Женя воровато оглянулся на Ольгу Дмитриевну, заливающуюся соловьем у доски, отодвинул перо с планшетом и прижал линейку локтем. Теперь можно было отпустить пальцы и почесать нос. Стасик нагнулся под парту и вытащил из ранца хомку. Словно чувствуя неладное, хомка тревожно водил пушистым носиком и шевелил всеми своими лапами. Стасик аккуратно посадил его в бумажную корзинку катапульты. Хомка не сопротивлялся.

— Руженко, ты чем занят? — недовольно гаркнула Ольга Дмитриевна, всматриваясь в дальний угол класса.

— Записываю, — торопливо сказал Стасик.

— Что ты там записываешь? — проскрипела Ольга Дмитриевна самым противным тоном, каким только умела. — Ты решил уравнение?

— Решаю...

— Выходи и решай на доске!

Стасик посмотрел на Женю, виновато пожал плечами и отправился к доске. Женя остался за партой, не в силах пошевелинуться. Локоть его держал взведенную катапульту. В глазах застыло страдание.

На экранной доске красовались развалины уравнения. Стасик взял из рук учительницы еще теплый магнитный маркер и остановился в нерешительности.

— Где у нас переменная? — проскрипела Ольга Дмитриевна.

Стасик нерешительно ткнул маркером в нижнюю строчку.

— Руженко, я тебя оставляю на второй год! Покажи мне числитель!

Стасик замялся, указал на верхнюю часть строки, но по брезгливому лицу Ольги Дмитриевны понял, что снова не угадал.

— Кто поможет? — проскрипела Ольга Дмитриевна, оглядывая притихший класс. — Сосед поможет. Попов?

— Числитель справа! — испуганно сказал Женя Попов.

— Для ответа положено встать!

— Извините, — пробормотал Женя, но не встал. — Числитель справа, x с минус тридцать два...

— А ну встань, когда разговариваешь с педагогом!!! — рассвирепела Ольга Дмитриевна.

Все обернулись на Женю, и наступила тишина. Женя вздохнул и медленно, обреченно поднялся. Освободившаяся линейка со свистом распрямилась и завибрировала с дробным стуком. Хомка взмыл под потолок, перелетел через весь класс, с размаху хлопнулся в тяжелую штору и повис на ней под самым потолком, испуганно уцепившись всеми шестью лапками. Примерно так и планировал Стасик, но не в такой же момент... В солнечных лучах вокруг шторы закружились пылинки. Хомка глянул вниз и заверещал. Под ним на шторе расплзлось мокрое пятнышко — видимо, от страха. Класс взорвался хохотом.

Ольге Дмитриевне пришлось трижды стукнуть указкой, прежде чем наступила тишина.

— Попов, забирай своего хомку, собирай вещи и — вон за дверь! — рявкнула она.

Повисла напряженная пауза. Стасик потупился. Ему вдруг представился Майор Богдамир — суровый и нахмуренный. Одна могучая ладонь была картинно заведена за спину, другая крепко сжимала рифленую рукоять атомного нагана, висящего на поясе. Воротник скафандра был небрежно распахнут, обнажая могучую жилистую шею. Глаза-лазеры сверлили курточку Стасика, пуговицы плавились и капали на линолеум. «Я — Майор Богдамир, часовой Галактики! — прохрипел Майор Богдамир. —

А ты — трус и мерзавец! Ты хуже злодея Пакстера!» Видение исчезло. Стасику было очень стыдно. Он вздохнул и поднял голову.

— Ольга Дмитриевна, это сделал я! Это мой хомка.

— Значит, оба вон за дверь! — с той же интонацией рявкнула Ольга Дмитриевна. — Руженко — завтра с родителями. А со следующего урока я тебя пересажу. Ты будешь сидеть... — она оглядела класс, — будешь сидеть с Перепелых!

— С девчонкой я сидеть не буду, — твердо заявил Стасик.

Анна-Мария Перепелых фыркнула, гневно качнув головой. Всем своим видом она показывала, как ей отвратительна мысль сидеть за партой с Руженко.

— Руженко, ты еще здесь?! — Ольга Дмитриевна смерила его взглядом, словно только сейчас заметила. — Собрал вещи — и вон из класса!

* * *

Стасик отодвинул свой стул как можно дальше, сел вполоборота и первую половину урока демонстративно глядел в другую сторону. Анна-Мария тоже его не замечала. Но делать было нечего. Поэтому Стасик все-таки сел ровно, взял линейку и положил ее поперек парты.

— Это граница, — сказал он. — Здесь моя территория. Там — твоя.

— И подавись. — Анна-Мария копошилась в небольшой коробочке и не обращала на Стасика никакого внимания.

— Граница охраняется! — предупредил Стасик. — Зайдешь на мою территорию — шелбан!

— Чего ко мне пристал, влюбился, что ли? — шикнула сквозь зубы Анна-Мария.

— Сама ты дура! — возмутился Стасик и снова надолго отвернулся.

Но вскоре ему наскучило сидеть без дела. Он искоса глянул на Анну-Марию и немного подвинул линейку в ее сторону. Та ничего не заметила — она копалась в коробочке. Стасик еще чуть-чуть подвинул линейку в глубь вражеской территории и снова выжидательно глянул на Анну-Марию. Только сейчас Стасик заметил, чем она занимается. Анна-Мария сосредоточенно разглядывала хомку внутри клетки-коробочки. Хомка был красивый — белое пузо, голубая шерстка, четыре лапки и два белых крыла, покрытых тонкими перышками.

— Он у тебя летает? — удивился Стасик.

Анна-Мария ничего не ответила. Она чесала мизинцем хомку между крыльями, а на глазах ее были слезы. Хомка вяло шевелил лапками и все норовил свернуться клубком, уткнуться носом в пузо.

— Куклится, — убежденно констатировал Стасик. — Вон сонный какой!

— Ему всего два месяца! — всхлипнула Анна-Мария.

— Иногда они куклятся раньше, — сообщил Стасик с видом знатока.

Анна-Мария тихо вздохнула, закрыла коробочку и уронила голову на руки.

— Куклится! Куклится! Куклится! — поехидничал Стасик. — Дашь скушать? Или сама съешь?

Анна-Мария тихо подергивалась, и Стасик понял, что она плачет.

— Ну ладно, ладно тебе... — сказал он примирительно. — Подумаешь, хомка. Еще сделаешь.

Анна-Мария подняла голову. Сквозь челку смотрели заплаканные глаза.

— Больше такого никогда не получится! — всхлипнула она. — Я код не сохранила!

Настал миг триумфа. Стасик гордо выпрямился, прищурился и произнес, стараясь подражать Майору Богдамиру:

- Не бойся, ты со мной! Я подберу тебе код!
- Как? — глаза посмотрели из-под челки с надеждой.
- Запросто! — кивнул Стасик. — Увидишь.
- Как?

— Возьму у хомки капельку слюны и запихну в инкубатор. В слюне плавают клетки этого... эпителия. В каждой клетке — код.

- Так не получится!
- Это на твоём не получится. А на моём получится!
- У меня инкубатор седьмого поколения! — обиделась

Анна-Мария. — Мне папа привез из Кореи!

- Вот потому и не получится, — усмехнулся Стасик.

— Руженко! — рявкнула Ольга Дмитриевна. — Ты и здесь отвлекаешься? Перепелых, прекрати с ним разговаривать! Воркуют как два голубя на скамейке!

Класс захихикал.

- Жених и невеста! — раздалось с дальнего ряда.

Раздался новый взрыв хохота.

- Сейчас детей нарожают!

Снова грохнул хохот. Стасик почувствовал, как багровеют уши. Он был готов провалиться сквозь землю.

— Попов, закрой свой поганый рот! — Ольга Дмитриевна яростно постучала указкой. — Я никого здесь не держу! Кому неинтересно — могут выйти из класса. К директору!

Снова воцарилась тишина. И в тишине прищуренный взгляд Ольги Дмитриевны еще долго ползал по классу, как лазерный прицел на атомном нагане Майора Богдамира. Убедившись, что дисциплина восстановлена, Ольга Дмитриевна повернулась к доске и заскрипела магнитным маркером.

«Ты правда сможешь сделать такого же хомку?» — написала Анна-Мария на своем планшете и подвинула его Стасику. Тот гордо выпрямился и написал: «Все могу!!!»

«А можешь сделать, чтобы он не куклился через три месяца?»

«Могу!!!»

«Как??? Научи!!!»

«Потом!!! Она на нас смотрит!!!»

— Перепелых и Руженко! Что вы там планшетами мняетесь? — загрохотало у доски. — Руженко, встань и повтори, о чем я сейчас рассказывала!

* * *

Из школы они вышли вместе. Стасик бегал вокруг Анны-Марии и пинал пластиковую бутылку от минералки.

— Я — космический ниндзя Майор Богдамир! — кричал он. — Бдыщ! Бдыщ! Бдыщ!

— Прекрати скакать, — морщилась Анна-Мария. — Ты правда можешь сделать бессмертного хомку?

— Я — владыка добра Майор Богдамир! — кивнул Стасик. — Я всегда там, где меня кликают о помощи! Пара пуляков! Скачиваешь из сети пиратскую прошивку для инкубатора — и делов!

— А где скачиваешь?

— А места надо знать!

— И для моего инкубатора тоже есть?

— Это надо разбира-а-аться... — важно произнес Стасик с интонациями отца.

— Поможешь?

Стасик пожал плечами, размахнулся и пнул бутылку далеко вперед по дорожке.

— Я — Майор Богдамир, дистрибьютер добра, — повторил он. — Я всегда там, где меня кликают о помощи!

— Мне не нравится сериал про Богдамира, — поморщилась Анна-Мария. — Мне нравится про фею Элизабет.

— Фея Элизабет дура и поет нудные песни! — тут же заявил Стасик.

— Сам дурак, — огрызнулась Анна-Мария.

Они пошли молча и дошли до самых гаражей. Вдруг из щели наперерез выскочил Женья Попов со своими друзьями — веснушчатый Белкиным и рослым второгодником Кузей. Стасик и Анна-Мария остановились.

— Тю! — сказал Кузя с деланным удивлением. — Жених и невеста!

— Сам жених и невеста! — обиделась Анна-Мария. — Уже поболтать нельзя!

— Тише, пацаны, они сейчас поцелуются! — предположил Женья.

— И детей нарожают! — захохотал Белкин, дурашливо помахивая ранцем.

— Попов, а в лобешник? — грозно спросил Стасик, обращаясь только к Жене.

— Рискни, — ухмыльнулся Попов, но на всякий случай оглянулся на Кузю и Белкина.

Кузя и Белкин вразвалочку подошли ближе и обступили парочку с обеих сторон.

— Бежим быстрее! — Анна-Мария дернула Стасика за рукав, но тот медленно покачал головой.

— Майор Богдамир не умеет отступать! — сказал он гордо.

— Иди домой, Перепелых, — мотнул головой Женья. — У нас к Руженко разговор. Охамел, Руженко?

Он размахнулся и ткнул Стасика в плечо. Стасик отлетел на метр и упал на одну коленку. Женья подошел ближе. За ним подтянулись Кузя и Белкин.

— Ну что, Руженко, кому ты здесь в лобешник дать собирался?

Стасик медленно поднялся, вынимая руку из-за пазухи. Из сжатого кулака торчала мордочка хомки. Стасик слегка сжал кулак, и хомка заверещал, обнажая два острых зуба.

— А ну стоять!!! — неожиданно рявкнул Стасик. — Подойти сюда!!!

Женя Попов вздрогнул.

— Пацаны, он нас своим хомкой пугает! — захохотал Белкин, но под суровым взглядом Стасика умолк.

— А ну подойди! — зашипел Стасик, надвигаясь на Женю и размахивая сжатым кулаком. — У моего хомки зубы от болотной гадюки! Три часа кровавого поноса, судороги и смерть!

Ноги Жени чуть подогнулись, он остолбенело раскрыл рот и как замороженный следил глазами за раскачивающимся кулаком, из которого торчали два белых зуба. Казалось, что с них сейчас закапает яд. Быстрее всех среагировал Белкин.

— Пацаны, тикай! — сдавленно крикнул он и первым бросился в щель между гаражами.

Следом за ним бросился Кузя. Женя наконец пришел в себя, развернулся, вытянул вперед руки и с жалобным воем бросился за друзьями.

Стасик мстительно посмотрел им вслед, разжал кулак и подул на хомку, разглаживая шерстку. Бережно сунул его за пазуху и только тогда оглянулся на Анну-Марию. В ее глазах светилось неподдельное восхищение.

— Я — Майор Богдамир, часовой Галактики, — напомнил Стасик, почесывая ушибленную коленку. — Бдыщ! Бдыщ! Бдыщ!

И они пошли дальше.

— А ты его не боишься носить в кармане? — наконец произнесла Анна-Мария.

— В смысле?

— Ну, он тебя не укусит? Ядовитыми зубами?

— У него обычные, крысиные. Это я наврал... — нехотя объяснил Стасик и, видя недоуменный взгляд Анны-Марии, пояснил: — Я прошлому хомке по правде хотел от гадюки сделать! Даже скачал из сети генокод. Потом думаю — что я, больной?

Инкубатор седьмого поколения поражал великолепием — черная полусфера, напоминающая перевернутый котелок, блестела новеньким пластиком. По переднему краю тянулась вереница кнопок, а над ними располагался даже экранчик для непонятных цифр.

— Обалдеть! — сказал Стасик, подходя к компьютерному столу и восхищенно прикасаясь пальцем к черной полусфере.

— Седьмого поколения, — напомнила Анна-Мария и махнула рукой в сторону детской. — Пойдем, покажу своих хомок. У меня их двадцать три! И с крыльями, и с жабрами, и с рожками, и...

— Инструкция есть? — перебил Стасик, не сводя глаз с инкубатора.

— Есть. — Анна-Мария привстала на цыпочки, развернулась и начала копаться в шкафу. — И на английском, и на русском...

— Совсем новый... — восхищенно вздохнул Стасик и подковырнул ногтем целлофановый квадратик пленки, закрывающей экранчик.

— Ай! Что ты делаешь?! — взвизгнула Анна-Мария. — Приклей на место!

— Уже не приклеится. Ты его что, продавать собралась?

— Дурак! — взвизгнула Анна-Мария. — Испортил!

— Мой инкубатор вообще без экранчика и без кнопок. И ничего, пашет!

— Ты испортил! — топнула ногой Анна-Мария.

— Не испортил, а подготовил к серьезной работе, — строго сказал Стасик и протянул ей квадратик пленки. — Спрячь, если так надо.

Анна-Мария долго разглядывала пленочный квадратик, а затем бережно засунула в карман кофты. Стасик тем временем сосредоточенно листал инструкцию.

— Ну не знаю, что тут за седьмое поколение, — проворчал он наконец. — По-моему, ничем от моего не отличается...

— Отличается! — топнула ногой Анна-Мария. — Отличается, отличается!

— И чем отличается?

— Всем отличается!

— Ты ж мой не видала?

— Все равно отличается! У моего кнопок больше!

— На фиг они нужны? Температуру инкубации руками регулировать? Так ее надо из компа выставить один раз — и забыть!

— У моего объем камеры два килограмма!

— И подумаешь! — сказал Стасик огорченно. — А смысл? Страусиные яйца закладывать будешь?

— И буду! — сказала Анна-Мария.

— Ну и на здоровье, — сказал Стасик примирительно. — Давай в сеть залезем, поищем к нему прошивку!

— Папа не разрешает включать комп.

— Чего-о-о? — удивился Стасик. — Это разве не твой комп?

— Не мой. Папин.

— Комп папин, а приставка в нем — твоя?

— Инкубатор тоже папин... — потупилась Анна-Мария.

— В лобешник такому папе, — сказал Стасик.

— Не смей так говорить! — обиделась Анна-Мария. — Мой папа хороший!

— На большой мешок похожий!

— Не смей так говорить! — Анна-Мария гневно топнула ножкой. — Папа сказал, когда мне будет десять лет, он мне разрешит пользоваться компом.

— Десять лет? — изумился Стасик. — Это ж ты совсем старухой будешь!

— Не буду, не буду! — топнула Анна-Мария.

Стасик задумчиво цыкнул зубом.

— Ну и как хочешь. Я пошел, — буркнул он и поднялся, с тоской поглядывая на аппарат. — Моделируй своих хомок со своим папочкой...

— Подожди! — схватила его за рукав Анна-Мария. — Давай просто подождем папу?

— И вместе с папой будем качать пиратские прошивки?

— А они пиратские?! — в глазах Анны-Марии мелькнуло страшное разочарование.

— Нет, знаешь, школьные!

Стасик высунул язык и скорчил такую рожу, что Анна-Мария поняла: прошивки не просто пиратские, а самые настоящие бандитские, за которые взрослых людей сажают в тюрьму или в монастырь, а потом рассказывают об этом в вечерних новостях. Она беспомощно посмотрела на инкубатор, затем на Стасика, затем снова на инкубатор.

— А тебе точно нет десяти лет? — спросила она с надеждой.

— Я тебе не Кузя! — обиделся Стасик.

— Я обещала папе не включать без него комп... — опустила глаза Анна-Мария и всхлипнула, но тут ее озарило, и она снова ухватила Стасика за рукав. — Слушай! Мне восемь и тебе восемь, значит, нам вдвоем — шестнадцать, да?

* * *

Стасик уткнулся в экран, отключился от действительности и перестал замечать Анну-Марию. От нечего делать она ходила по комнате, носила туда-сюда своих хомок, иногда задавала Стасику вопросы, но ответы получала невразумительные, и это ее злило.

— Можешь ты ответить как человек?! — крикнула она наконец и снова топнула ножкой.

— Что? — Стасик оторвался от экрана.

— Я спрашиваю — почему хомки живут только три месяца?

— У них такая генетическая программа... — проурчал Стасик не поворачиваясь, он сосредоточенно нажимал на кнопки. — У людей восемьдесят лет... у кошек пятнадцать... у хомяков три месяца...

— А почему?

— Чтоб не надоедали. Чтоб заводить новых. Это ж детская игрушка.

— Но они живые!

— Живая детская игрушка. — Стасик пожал плечами. — Конструктор.

— А зачем они превращаются в шоколадный батончик, когда укуляются?

— Метаморфоза у них такая. На пиратской прошивке можно отключить, если хочешь. Будет вонючий трупик.

— Но почему в батончик-то?

— Чтоб съесть его было вкусно.

— Зачем съесть?

— Чтоб дети спокойно относились к жизни и смерти.

— Зачем «относились»?

— Что ты ко мне пристала? — обернулся Стасик рассерженно. — Что я тебе, психолог школьный?

— Я думала, ты все знаешь... — Анна-Мария надула губки.

— Ну... — смутился Стасик. — Ну и знаю. А чего приставать-то?

— Ты нашел пиратскую прошивку?

— Нашел, качается. Только она сама не заработает, там защита на твоей модели. Пишут, что надо инкубатор развинтить и перемычку там одну оторвать.

— Ай! — подпрыгнула Анна-Мария. — Папа нас точно убьет!

— А он ничего не узнает.

— Давай я выйду из комнаты и не буду знать, что ты там делаешь, — решила Анна-Мария.

— Давай, — кивнул Стасик. — Я тебя позову, когда соберу обратно. Только принеси мне отвертку плоскую...

Стасик задумчиво покосился на инкубатор.

— Совсем большого слоненка не знаю... — сказал он с сомнением. — Это надо разбира-а-аться... С двух килограммов мы его не выходим, помрет... Хотя, если запрограммировать скоростной рост...

— Ну во-о-о-т... — захныкала Анна-Мария.

— Вот ослика маленького можно вырастить — сто процентов. Только слюну найти. Собачку можно. Дракончика я видел в сети классного в одном месте, уже готового. Можно код скачать, только это долго будет.

— Дракончика? А еще кого можно?

Стасик засунул в рот палец и крепко задумался. Анна-Мария смотрела на него с ожиданием. Наконец Стасик вытащил палец, рассеянно посмотрел на него, а затем вытер о кресло.

— Человечка можно.

— Человечка? — глаза Анны-Марии заблестели. — Настоящего?

— Нет, пластмассового! — Стасик высунул язык и скорчил рогу.

— Хочу человечка! — взвизгнула Анна-Мария. — Прикинь, у нас будет свой собственный человечек!

— А запросто! — сказал Стасик. — Если памяти в компе хватит. Я тебе уже новый геном-редактор скачал, версия шесть ноль!

— Только, чур, он будет общий, наш человечек! — строго сказала Анна-Мария.

— Общий, — согласился Стасик.

— Девочка! Чтоб она была как фея Элизабет!

— Бэ-э-э-э... — Стасик поморщился и изобразил, как его тошнит. — Если уж делать, то солдата! Чтоб он был как Майор Богдамир: ноги как сопла, глаза как лазеры! Вот только как сделать глаза-лазеры?

— Элизабет! Элизабет! — закричала Анна-Мария и захлопала в ладоши. — Мы ее оденем в платье, а она на

меня так посмотрит глазками — хлоп-хлоп-хлоп! Хлоп-хлоп-хлоп глазками! А я ей скажу — что за де-е-евочка такая? А она мне...

— Вместо глаз — лазеры, — твердо заявил Стасик. — Это будет храбрец! У него будет красный плащ-скафандр, и он будет командовать звездолетами!

— Не будет! Не будет командовать! — топнула ногой Анна-Мария.

Стасик смерил ее строгим взглядом.

— Тогда жди папу, — сказал он и откинулся в кресле, болтая ногой.

— Противный! Противный! — Анна-Мария пнула кресло и горько заплакала.

Стасик закатил глаза, понимая пожал плечами, будто сверху на него смотрел Майор Богдамир, и повернулся к Анне-Марии.

— Ладно, ладно, не хнычь, — сказал он, тяжело вздохнув. — Сделаем девочку. Уступаю!

Анна-Мария посмотрела на него счастливыми мокрыми глазами и еще раз хлопнула носом.

— Уступаю! — повторил Стасик и покровительственно махнул рукой.

— Ну если ты так хочешь... — сказала Анна-Мария. — Если ты так хочешь, то я тоже уступаю. Давай по-твоему. Сначала мальчика.

— А давай, чтоб по-честному, бросим карточку, — предложил Стасик.

— Давай! — Она порылась в ящике и нашла старую мамину карточку.

— Если штрих-код, то мальчик, — сказал Стасик. — Глаза-лазеры!

— А если герб банка, то фея Элизабет! — Анна-Мария подкинула карточку к самому потолку.

Они замороженно смотрели, как карточка, кружась, пикирует под диван.

— Мальчик! — радостно крикнула Анна-Мария из-под дивана.

— Круто! — кивнул Стасик. — Тащи яйцо, плевать в него буду!

— А почему ты? — обиделась Анна-Мария. — Я тоже хочу плевать!

— Потому что нам нужны гены мальчика, — объяснил Стасик.

— Так нечестно! — топнула Анна-Мария. — Мы договаривались, что человечек будет общий!

— Как же общий-то? — задумался Стасик. — Общий никак не получится...

— А как же у родителей общие дети рождаются?

— Не знаю, — честно сказал Стасик. — У папы сыновья рождаются, у мамы — дочери.

— Все дети рождаются у мамы из живота! — назидательно сообщила Анна-Мария. — Там у нее инкубатор.

Стасик с сомнением посмотрел на черную полусферу и покачал головой.

— Сто процентов! — уверенно сказала Анна-Мария. — Инкубатор у мамы.

— Мне мама когда-то говорила, что детей находят в Яндексe...

— А это где?

— Не знаю. По-моему, бред.

— Бред! — подтвердила Анна-Мария. — Инкубатор у мамы. Сто процентов.

— А откуда тогда сыновья? — ехидно поинтересовался Стасик.

— Наверно, папа в маму плюет, пока они целуются, — предположила Анна-Мария.

— Точно! — Стасик хлопнул себя ладонью по лбу. — Я в кино видел, как они губами складываются и стоят так!

— Как-то это противно... — поморщилась Анна-Мария.

— Пакость, — согласился Стасик. — Но мы сделаем по-нормальному. Ты плюнешь, и мы отсканируем твой генокод. А потом я плюну, и отсканируем мой. А потом мы их сложим.

— Это как?

— Я вспомнил. В геном-редакторе есть фильтр для совмещения мужского и женского кода. А я думал — на фига он нужен?

— Круто! — Анна-Мария захлопала в ладоши и побежала к холодильнику за яйцом.

Вернулась она из кухни разочарованная.

— Нету! Кончились хомкины яйца! — захныкала она.

— Что, даже куриных нет?

— А разве куриные годятся? — удивилась Анна-Мария.

— А ты думала, хомкины яйца — это не куриные? Это тоже куриные, только обработанные специально от микробов и раскрашенные. И стоят дорого. И коробки у них специальные.

— А хомка вырастет из куриного?

— Хомка вырастет из любого. Важно скачать из сети правильную прошивку без запретов. Только выбери яйцо побольше. У тебя от обычных кур или есть модифицированные?

— Есть куриные-экстра! Килограммовые, для салата! — кивнула Анна-Мария.

— Во, в самый раз! Нужно три яйца: одно, самое большое, — для ребенка, а два можно обычных — их сварить вкрутую.

— Зачем? — удивилась Анна-Мария.

— Мы их разрежем, плюнем в середину и подставим в гнездо инкубатора на считывание. Без яйца он не будет ничего считывать, там защита стоит. Дура-техника.

— Ясно! — кивнула Анна-Мария, побежала на кухню и оттуда донеслось: — Я хорошо умею варить яйца!

Подготовить генокод для человечка оказалось куда сложнее, чем думалось Стасику. Первая неприятность случилась, когда Стасик установил в инкубатор яйцо со своим плевком и попытался считать геном. Обычно это занимало не так уж много времени даже на таком слабеньком компе, как у Стасика, но тут, видно, код был длиннее. Геном-редактор надолго замер, и на экране кружился дубовый листок — машина работала. Стасик тревожно болтал ногой, оглядываясь по сторонам. Его что-то тревожило. Наконец взгляд упал на кабельную розетку, и тут чутье подсказало выдернуть шнур доступа в сеть.

— Зачем? — удивилась Анна-Мария.

— В кино видел, — буркнул Стасик.

На самом деле он и сам не мог объяснить, зачем отключился от сети. Но тут обработка закончилась, комп яростно пискнул и выбросил на дисплей красное окошко с сообщением: «Эксперименты с геномом человека строго запрещены! О ваших действиях доложено в дежурную часть Объединенной Церкви!». Стасик многозначительно посмотрел на Анну-Марию и ехидно улыбнулся. Тут же вылетело новое сообщение: «Ошибка подключения к сети! Проверьте информационный кабель!». Стасик выключил наивный комп и включил заново. Пиратскую ломалку для геном-редактора он нашел в сети без особого труда, установил ее и снова считал свой генокод, отключив кабель. Но это уже было лишней предосторожностью, теперь геном-редактор не возражал.

С совмещением двух геномов тоже пришлось потрудиться. Стасик изрядно полазил по сети, читая статьи о хромосомных механизмах. Наконец он нашел что искал: оказывается, пол живых существ регулировался специальной Y-хромосомой. Кто б мог подумать, обычные хомки были бесполоыми. Единственное, что он не смог придум-

мать, — как встроить лазеры в глаза. После нескольких попыток ему удалось сделать костяные зрачки, но компьютер предупредил, что существо не сможет видеть. Стасик вернул все как было и предложил встроить человечку зубья гадюки, но Анна-Мария сказала, что человечек может прикусить язык и умереть. Зато она предложила снабдить его крылышками. Стасик согласился и даже скачал из сети генокод крылышек, но геном-редактор заявил, что потребуется серьезная переделка двигательной и нервной системы, а расчет займет восемь часов. Ждать восемь часов никому не хотелось.

— Давай хотя бы сделаем звездочку на виске, как у феи Элизабет! — твердо сказала Анна-Мария.

— Какая гадость! — поморщился Стасик, но запустил фильтр родимых пятен и начал рисовать звездочку.

— Кривая! Дай я! — оттолкнула его Анна-Мария и села за клавиатуру.

Вскоре звездочка была готова. Стасик покрутил фигурку человечка, прилепил звездочку на лоб и снова покрутил со всех сторон.

— Пакость какая! — расстроился он, и на глазах появились слезы, хотя за них было стыдно перед Богдамиром. — Мы же хотели сделать героя! А получается самый обычный человек из обычных генов!

— И совсем не обычных! — возразила Анна-Мария. — У нас тоже гены древних героев. Мама рассказывала, что мои предки были викингами.

— У них были глаза-лазеры? — оживился Стасик, шмыгнув носом.

— У них были корабли и большие железные ножи, они ими резали врагов.

— Круто! — сказал Стасик. — А красный плащ-скафандр у них был?

— Сто процентов! — согласилась Анна-Мария, немного подумав.

— А у меня предки — славяне, — сказал Стасик. — Это герои?

— Конечно герои! Они сражались с викингами и ездили на конях.

— Коня мы сделаем, — кивнул Стасик и поморгал глазами, чтобы высохли слезы, пока никто не заметил. — Не проблема, коня сделать.

В это время комп пискнул.

— Ура! — подпрыгнул Стасик и прочел вслух: — «Геном адаптирован для развития в инкубаторе. Программа развития — скоростная. Установите яйцо в инкубатор и нажмите любую клавишу для записи генома в яйцо».

Анна-Мария бросилась на кухню и принесла здоровенное куриное яйцо размером с большую грушу. Стасик собственноручно укрепил его в гнездо инкубации и опустил крышку. Генокод переписывался долго, на инкубаторе поочередно мигали лампочки — сканер не сразу нашел в яйце материнскую клетку, а затем еще долго выжигал случайных бактерий. Наконец комп пискнул и выдал сообщение о старте инкубации.

— О-о-ой! — разочарованно протянула Анна-Мария. — Целых девять недель?! Это же вечность! Почему не шесть дней?

— Вообще я установил самый скоростной режим. — Стасик тоже был озадачен. — Наверно, скорее нельзя. Человечек ведь сложнее хомки. Может, в моем инкубаторе было бы скорее?

— Ну да, шас! — обиделась Анна-Мария. — У меня седьмого поколения!

— Слушай! — насторожился Стасик. — А твои родители не заметят, что инкубатор так долго занят?

— Если я не буду приставать к папе, он сам не сядет конструировать хомок. Вот только лампочки...

— Мы заклеим лампочки черной лентой, — предложил Стасик. — Папа не заметит.

Этого дня Стасик и Анна-Мария ждали с нетерпением. Анна-Мария рассказывала, что иногда из глубины инкубатора доносятся постукивания и шорохи, хотя она не уверена. И вот этот день настал. После школы Стасик и Анна-Мария сели возле инкубатора и начали ждать. Наконец инкубатор щелкнул, как тостер, и крышка его приоткрылась. Изнутри повалил теплый кисловатый пар. Стасик подскочил к инкубатору, распахнул крышку и отшатнулся. Анна-Мария выглянула из-за его плеча, и лицо ее тоже изумленно вытянулось. На подстилке камеры в склизких обломках скорлупы лежал маленький ребенок. Он дернулся, всхлипнул, забил ножками и пронзительно закричал.

— Как мерзко визжит! — поморщилась Анна-Мария, зажимая уши. — Хомки так не визжат!

— Ну какой же это геро-о-ой... — разочарованно протянул Стасик, брезгливо тыкая пальцем. — Голый, сморщенный, весь в складках. Где плащ-скафандр?

Ребенок визжал, захлебываясь, и, видно, останавливаться не собирался.

— Может, его покормить надо? — спросила Анна-Мария.

Стасик взял с полочки пакет «Хомкинкорма», вытряс на ладонь пригоршню желтоватых крошек и начал сыпать на ребенка, стараясь попасть в открытый рот. Ребенок закашлялся и завизжал еще пронзительней.

— Что-то мы не учили, — сказал Стасик. — Что-то не учили. Сто процентов.

— Фу, мерзость! — сказала Анна-Мария. — Забери его к себе, а то мои родители придут скоро.

— К себе не могу, — покачал головой Стасик. — У меня бабка.

— Может, отнести его в зоопарк? — предложила Анна-Мария.

— Ага, тут-то нас из школы и выгонят!

— Думаешь, за это выгоняют? — Анна-Мария наморщила лоб. — Идея! Давай ему рот закроем и на чердак унесем. А ночью придумаем, что делать? Ты сможешь ко мне ночью прийти?

— Смогу, наверно, — кивнул Стасик. — А чердак у вас не заперт?

* * *

Над городом висела большая луна — желтая и выпуклая, как глаз яичницы. Стасик снова выглянул из куста, свистнул и хотел было опять спрятаться, но тут на восьмом этаже наконец приоткрылось окошко и высунулась знакомая челка. Анна-Мария помахала рукой и скрылась. А через минуту пискнул домофон подъезда — Анна Мария открыла ему дверь. Стасик крадучись зашел в подъезд и пешком поднялся на восьмой — вызывать лифт он побоялся.

Анна-Мария ждала его у квартиры. Поверх белой ночной рубашки она накинула зимнюю куртку, а на ногах у нее были сапоги.

— Что, так и пойдешь? — удивился Стасик.

— Если буду искать одежду, мама с папой проснутся. Пошли!

Анна-Мария тихонько прикрыла дверь, и они крадучись пошли вверх по лестнице. Люк чердака был приоткрыт, стояла тишина. Из щели, сквозь клочья пыльной ваты и ржавые скобы, сочился теплый воздух, пахнувший летом, древесиной и голубями. Анна-Мария зажгла красный фонарик-светлячок, и они пролезли на чердак.

В дальнем углу стояла картонная коробка, и в ней на подстилке из мятых газет лежал ребенок. Глаза его были закрыты, а тельце в тусклом лунном свете казалось совсем синим. Анна-Мария посветила фонариком.

— Потрогай его! — сказала она шепотом.

— Сама потрогай! — прошептал Стасик.

— Боишься, что ли?

— Не знаю.

— Ну и потрогай!

Стасик осторожно склонился и положил палец на живот малыша. Живот был почти холодный.

— Может, укрыть его? — спросил Стасик. — Газетой?

— Он не умер? — Анна-Мария с любопытством посветила фонариком на бледное личико. — Возьми его в руки!

— А чего я? — возмутился Стасик.

— Ну ты же у нас бесстрашный герой, Майор Богдамир?

Стасик шмыгнул носом, опасливо засунул ладони в коробку и взял крохотное тельце.

— Дышит? — спросила Анна-Мария.

Стасик осторожно поднес тельце к уху.

— Не знаю, — сказал он. — Кажется, нет. Или дышит?

— Теплый? — Анна-Мария, не дожидаясь ответа, ткнула малыша ладошкой. — Чуть теплый. Смотри, смотри, кровь — ему ногу голуби поклевали!

— Фу! — Стасик положил малыша в коробку и выпрямился. — Если он умер, то его надо закопать.

— А если не умер?

Стасик задумался. Анна-Мария оглянулась и подняла фонарик-светлячок.

— Идея! — сказала она. — Мы сейчас положим его на дощечку и пустим по реке! Он будет герой-викинг!

— Круто! — согласился Стасик.

* * *

Они стояли на гранитном парапете набережной, на ступеньках, спускающихся к самой воде. Стасик, вооружившись щепкой, сосредоточенно чистил дощечку от голубиных перьев. Дощечка была бурая и заляпанная, они нашли ее в глубине чердака. Анна-Мария держала на руках младенца. Стасик подумал, что вот так, в лунном свете, на фоне тихой воды канала, Анна-Мария очень хорошо

смотрится — в белой ночной рубашке и пухлой куртке на плечах, с маленьким лысым человечком, прижатым к груди. На виске младенца темнела звездочка — не такая ровная, как они нарисовали, но вполне четкая.

— То мне кажется, что дышит... то не дышит, — задумчиво сказала Анна-Мария, укладывая малыша на дощечку. — А как мы его назовем?

— Герой, — просто сказал Стасик, опуская дощечку на воду. — Наш герой.

— Классно! Пускай плывет. — Анна-Мария улыбнулась и аккуратно положила младенца.

Дощечка мирно покачивалась на воде, и от этого казалось, что младенец тихонько шевелит ручками. Стасик поднял прутик, наклонился над водой и собирался оттолкнуть дощечку от берега, но Анна-Мария взяла его за рукав.

— Подожди! Так будет еще красивее! — Она размотала с запястья шнурок фонарика-светлячка, включила его и опустила на дощечку рядом с головой малыша.

— Клево! — улыбнулся Стасик и оттолкнул дощечку прутиком.

Дощечка уплывала все дальше от берега, а Стасик и Анна-Мария стояли, взявшись за руки, и завороченно смотрели на сонную поверхность канала и на пропадающий вдалеке призрачный свет красного маячка.

— Ну что, по домам? — наконец облегченно улыбнулась Анна-Мария и поежилась.

— По домам, — кивнул Стасик. — Я провожу тебя.

Взявшись за руки, они поднялись по гранитным ступенькам, прошли по бульвару и углубились в переулки. Город был тих и пуст, лишь мимо проехал первый робот-подметальщик, гудя и мигая желтой лампой. Стасик и Анна-Мария шли молча и улыбались. Иногда останавливались и смотрели на луну, когда та появлялась в просветах между зданиями.

Возле своего дома Анна-Мария повернулась к Стасику и серьезно посмотрела ему в глаза, потнув челкой.

— Но мы же никому-никому об этом не скажем?
— Сто процентов не скажем, — подтвердил Стасик.
— Не горюй, — попросила Анна-Мария. — Когда мы вырастем, то сделаем нового ребенка. Нашего героя!
— Сто процентов! — кивнул Стасик. — Или нашу фею.
Они еще немного постояли в неловкой тишине, а потом Анна-Мария неожиданно чмокнула его в щеку, развернулась и поскакала к подъезду. И Стасику это совсем не показалось стыдным. Может быть, потому, что никто не видел?

ДО РАССВЕТА (Жесткая версия)

А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку — хороший друг. А женщине — любимый человек. И вообще, поговорим лучше о стежках-дорожках.

А. и Б. Стругацкие

Я покопался в душе и нашел Иуду...
Я покопался в сердце и нашел Иуду...
Я покопался в мозгах и нашел Иуду...
Я порылся в карманах и нашел серебро...

Д. Мурзин

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сегодня, когда в живых осталось так мало очевидцев Катастрофы, мне кажется первостепенно важным рассказать нашим детям, внукам и правнукам о том, как это было на самом деле. Вы найдете массу литературы, посвященной краху и возрождению денежно-ценностной системы,

в том числе и труды вашего покорного слуги. Вы найдете множество работ по физике, которые объясняют постфактум особенности температурных и гравитационных воздействий при высоких скоростях, и тот факт, почему Катастрофа в итоге не состоялась. Вы даже найдете приключенческие, фантастические и любовные романы, действие которых разворачивается в дни Катастрофы, но они далеки от достоверности и очень малочисленны — человечество, как и каждый отдельный человек, любит вспоминать свои победы и не хочет перелистывать черные страницы истории, повествующие о тех днях, когда человек познал в полной мере бессилие и отчаяние. Сегодняшние подростки возмущают нас своей неграмотностью — многие из них всерьез считают, что «наша эра» и «эра после Катастрофы» — это одно и то же! Они не знают и ничего не хотят знать о Катастрофе. Именно поэтому я считаю своим долгом написать о том, что довелось увидеть мне. Пока мой разум еще в силах хранить память о тех далеких днях, а руки еще могут держать наборный скард, я буду редактировать и готовить к публикации дневник, который я написал через два месяца после Катастрофы.

Искренне ваш,

доктор юридических наук Н. В. Клеменский

* * *

Олега я впервые увидел на вокзале. В тот вечер я снова пришел туда, неужели все еще надеялся уехать? Вокзал оказался самым тихим местом в Москве. На рябом загаженном полу, под разбитыми стеклами бывших касс спали на тюках трое пьяных. В углу сидела обнявшись влюбленная парочка. На кресле у входа тихо вслипывала молодая женщина в длинной черной юбке. У нее на руках спал младенец. Больше никого не было. На улице безумно ревел ветер.

— Стоять, блядь! — раздался сзади хриплый голос.

Я медленно обернулся и увидел перед собой милиционера в форме летнего образца. Он был года на два старше меня и на пару сантиметров ниже ростом. Скуластое лицо покрывала короткая щетина, зрачки уверенно рассматривали меня сквозь набухшие, монголоидные прорезы век.

— Глухой? — спросил он.

— В чем дело? — осведомился я, стараясь придать тону максимум достоинства.

— Документы показывай! Что в сумке, что в карманах?

— С какой стати?

— Ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Язык понимаешь? Открывай сумку!

— А если не открою?

— Тогда я тебя пристрелю! — Он деловито расстегнул кобуру и вынул пистолет.

Я еще раз заглянул в его глаза и понял, что действительно застрелит. Пришлось распахнуть сумку. Впрочем, сумка была — одно название. Заплочная торба с безнадежно рваной молнией. Внутри комом лежала ненужная уже теплая куртка и завернутая в газету бутылка водки, которую я берег на последний день. Милиционер немедленно убрал пистолет, запустил руку в сумку и выудил сверток с бутылкой. Газета полетела на пол, а бутылка была втиснута в карман форменных брюк.

— На каком основании? — спросил я тупо.

— На основании приказа мэра о соблюдении порядка, на хуй.

— Что еще за бред? Какого порядка? Какого мэра? — возмутился я.

И тут же получил не сильный, но отчетливый удар кулаком в бок.

— А это тебя не ебет. Понял? Что в карманах? Все вынимай.

И я начал выгребать из кармана: носовой платок, горсть жухлых семечек, пачку долларов и капсулу с таблетками.

— Что за таблетки? — спросил он. — Яд?
Я кивнул.
— Снотворное.
— Прячь. Откуда сам?
— Местный.
— Не пизди.
— Из Екатеринбурга.
— Вот я гляжу, выговор не московский. А чо не дома?
— А мне и здесь хорошо.
— Не пизди.
— Ну, не успел, не успел...
— Ага, — злорадно усмехнулся он, — а долларов-то набрал не еби маму, да?

Я промолчал. Он вынул из кармана мою бутылку, отвинтил колпачок, глотнул и удовлетворенно поморщился.

— Будешь?
— Буду, — неожиданно сказал я и взял протянутую бутылку.

— Дома ждут?
— Ждут.
— А здесь есть кто?
— Никого.
— Вот, блядь, и у меня уже никого... — сказал он и замолчал.

Младенец на руках у женщины проснулся и начал оглушительно верещать. Милиционер поморщился.

— А чего, бля... — начал он, но сбился — младенец орал оглушительно, а женщина вдруг тоже завывала протяжно и тоскливо. — А, блядь, чего... — опять начал милиционер, но фраза снова потонула в крике. — Да заебали своими воплями! — Он вытащил пистолет.

Я инстинктивно закрыл глаза. Воздух дважды качнулся и заложило уши. По ноздрям ударил резкий запах гари, и вслед за этим до моего сознания донеслись оглушительные хлопки, будто кто-то всесильный с размаху ударил по Земле гигантским молотом.

— Так, говорю, чего, бля, делать теперь думаешь? — услышал я сквозь пелену в ушах.

Я открыл глаза: сверток с младенцем валялся на полу, под ним медленно расплзлась красная лужа. Пьяные на тюках проснулись и тарасились из угла молча и осоловело. Откуда у младенца столько крови? Женщина сидела, неуклюже откинувшись на спинку кресла. Вместо левого глаза зияла дыра, и из нее толчками выплескивалась кровь — на черное платье, на оранжевый пластик кресла и на пол.

— Что? — спросил я.

— Глухой? Чего делать будешь?

— Не знаю.

— Решай. Со мной пойдешь?

— Пойду.

Женщина дернулась всем телом и с клекотом осела на пол.

— Идем, — сказал он. — Меня звать Олег. Сумку брось, на хер она нужна.

— Коля, — представился я, — Николай Викторович Клеменский.

— Не ебет. Коля и Коля.

Долгое время мы шли молча, Олег впереди, я чуть поодаль. Под ногами чавкали лужи. Казалось невероятным, что здесь еще неделю назад лежал снег. Людей было много. Они торопливо и озабоченно сквозили в разных направлениях, и я подумал, что на моей памяти так бегали по улицам только в последний вечер перед Новым годом. Порой мимо проносились целые семьи с детьми. Из распахнутых окон раздавались голоса и музыка. Облупленные дома и короба давно брошенных автомашин казались выписанными тушью прямо в воздухе, они отбрасывали колючие тени. Повсюду ползали ярко-синие блики и резало глаза как от фотовспышки. Над головой выл ветер, пытаюсь сбить с ног и прижать к грязному асфальту. Атмосфе-

ра давно сошла с ума. А над домами и над ветром, в лиловом небе истошно палила Блуждающая звезда, выливая на Землю фиолетовый свет — чуждая, страшная, в косматых протуберанцах короны. В последние дни на нее уже нельзя было смотреть без темных очков. Очков у меня не было, и я смотрел под ноги.

— У нас в армии случай был, — вдруг начал Олег. — Сидим мы ночью в караулке — я и Тимур. Тимуру брат прислал шмали, а у меня самогон. Сидим, блядь, выпили и курим. Второй год служим, все по хую. Тут раз — входит прапор. И так носом повел — курите, суки? Пиздец, говорит, сгною на пиле. А пила — это у нас на болоте около деревни такая хуйня была, туда салаг ебошить посылали. Ангары строить. А мы смотрим — прапор сам пьяный в жопу. Ну, Тимур, типа, ему протягивает бутылку — угощайтесь, блядь, товарищ прапорщик. Короче, выпили с ним и дали ему курнуть. Сидим, блядь, и ржем в три рыла как ебанутые. Ну, хуяк, и тут приходит сам майор Лухой. А это такой, знаешь, пиздец... — Олег задумался. — Ты в армии служил?

— Ну, типа.

— Не пизди.

— На военной кафедре был.

— Салага.

На мокром асфальте валялся труп маленького мужичка. На нем был почти чистый костюм-тройка, и это не вязалось с небритым бордовым лицом в кровоподтеках. Похоже, он прыгнул из окна и лежал здесь уже давно, потому что запах был особенно гнусный. Люди обтекали труп со всех сторон.

— Смотри, — кивнул Олег и пошевелил ноздрями. — Три дня лежит, щетиной оброс. Нормально за три дня психануть? А еще мужик. Это не человек, блядь, это скотина, на хуй.

Олег сплюнул и пошел было дальше, но тут я не выдержал.

- Слушай, зачем ты застрелил женщину с ребенком?
Олег остановился и внимательно посмотрел на меня.
- Коля, ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Ты ничего не понял?
- Чего тут понимать, — буркнул я. — Она, может, жить хотела, а ты ее...
- Сколько она хотела жить? Восемь часов?
- А хоть бы и восемь, это ее право!
- А не хуй было орать.
- А это ее право орать!
- А у меня тоже право.
- Какое право?
- Что мне все по хую, вот такое и право. — Олег достал из кармана мою бутылку, сделал большой глоток и протянул мне. Я тоже глотнул.
- Нет у тебя никакого права.
- Пошли, говорю, чего воню дышать. — Олег снова двинулся вперед и свернул в замусоренный переулок. Я поплелся следом.
- В этом переулке народу было меньше, зато и пробираться было труднее: переулок был покрыт толстым слоем грязи и мусора. Его не убирали уже месяца три.
- Ты этот, блядь... юрист, что ли? — произнес Олег, не оборачиваясь.
- Юрист. Пятый курс...
- Я смотрю, права качать горазд. А в армии ни хуя не служил. Там бы тебя живо научили, что право, блядь, одно, понял? Делай, что тебе можно, а что нельзя — ни хуя не делай. Или делай, но не светись. Вопросы есть?
- Есть. Чего теперь, все можно, по-твоему? И убивать, значит, можно, да? И мучить, и калечить?
- А почему нет?
- Чего же ты тогда меня не убил?
- А на хуй?
- А чего я тебя не убил?
- А ты не умеешь. Посмотри на себя — щенок еще.

«Вот сука!» — подумал я, но вслух ничего не сказал. Какое-то время мы молчали. Потом Олег спросил:

— Сам-то давно понял, что пиздец пришел?

— Сейчас скажу... Года полтора назад. Когда доцент Саливаров отчитал половину лекции, потом махнул рукой и сказал, что больше лекции не нужны и он всем желает хорошо провести оставшееся время. И сам в Германию уехал, кто-то у него там был, очевидно.

— Очевидно, — передразнил Олег. — Отец профессор небось?

— Нет.

— Не пизди.

— Не профессор. Он доцент. Юрист. И мать юрист.

— А давно у вас в городе деньги кончились?

— Ну, как сказать... Месяца два назад вдруг дико подорожали рестораны, бани, алкоголь всякий, проституток расплодилось... Потом начался обмен — все меняли на водку и наркотики. А проститутки исчезли. Потому что женщины и без того стали вести себя... это... свободнее. Но деньги еще ходили. Особенно доллары.

— В Москве уже полгода бардак творится. Хорошо, хоть жратвы везде навалом и бесплатно. А телефоны и электричество у вас когда отрубались?

— Когда я улетал, все работало.

— Пиздец какой-то. Вот, блядь, дисциплина! Жить и радоваться. Хули тебя в Москву потянуло?

— Посмотреть хотел... Я всегда мечтал в Москве побывать. И поехал-то рано — за месяц. Прожил тут недельку, билеты у меня были обратные. На самолет. И вдруг раз — самолеты не летят, поезда не идут, машин нет...

— А ты как думал? Привык, чтоб тебя возили на своем горбу?

— Так за деньги же!

— Да, блядь, на хуй, они кому нужны, твои деньги? Полный карман денег тащишь, а ты иди купи чего-нибудь, а?

Я на ходу засунул руку в карман и вынул пачку долларов. Разорвал резинку и швырнул вперед. Бумажки веером разлетелись по высыхающему асфальту. Ветер тут же подхватил их и с ревом унес вперед. Олег покосился на меня через плечо.

— Артист, блядь. Этот, блядь, как его... Хули выебываешься? Довыебывался уже и все равно выебываешься. Вот главные деньги среди этого говнища... — Он похлопал по кобуре пистолета. — Понял? Все что хочешь куплю. Как я у тебя бутылку купил.

— А билет до Екатеринбурга мне купишь?

— Ну теперь, конечно, хуй. Потому что их нет, понял? А раньше бы купил как не хер делать. И поехал бы ты жариться к мамке с папкой. К доцентам.

Некоторое время мы шли молча — Олег впереди, я сзади.

— А ты в нее сразу поверил? — спросил я.

— Не понял.

— Ну, в Блуждающую звезду. Когда первый раз доклад Штудельта был опубликован в газетах, я не поверил. И когда верующие стали про конец света кричать, тоже не поверил. И когда первая волна паники поднялась — тоже не верил. А вот когда доцент Саливаров... я хорошо запомнил этот момент, такая тишина настала в аудитории, что...

— Я сразу поверил, — перебил Олег. — Башку надо иметь на плечах. Так вот, входит майор Лухой. А мы смотрим — тоже пьяный в жопу. Просто в полную жопень. Разинул ебальник, мы думали — пиздец. А он так — водка есть? И падает на стол! Тут прапор — р-раз из комнаты! Прибегает с литром и ставит. Наливает Лухому стакан до краев — тот, хуяк, выпил. А мы ему еще стакан — он, хуяк, выпил и вконец убился, падает на пол. А прапор как заржет, мы ржем, ну просто пиздец. А Тимур, сука, так подмигивает — давай ему ебальник нитроокраской распишем? У нас в каптерке нитроокраски до хуя было финской.

Прапор, бля, хоть пьяный, а насторожился и по-тихому съебался. А мы, как два мудака, берем нитрокраску и расхуяриваем Лухому ебальник под не еби боже. Лицо — синее, нос — зеленый, вокруг глаз — круги, блядь, красные, просто хоть растяни за щеки и кидай, на хуй, в небо вместо радуги... уй, блядь! — Олег оступился и чуть не упал в се-ребристо-синюю лужу.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Куда... За бабами. Ебал баб хоть раз?

— Ебал.

— Не пизди.

— Не пиздю. Не пизжу я.

— И много выебал?

— Ну так, бывало...

— А я до армии никого не ебал. Пиздил всем, что ебал, а сам не ебал. А в армии ебал один раз. Нас с Тимуром на пилу послали, ну и еще двух салаг. Нормальные пацаны были. И ни хуя мы за день не успели, а на ночь кинули нас под деревней на сеновал, даже, блядь, не кормили ни хуя. А тут к нам местные бабищи пришли сами, на хуй. Штук семь. У них там в селе какая-то ебаная свадьба была, все пьяные в жопу. Местные парни пьяные в жопу, а тут они услышали, что солдаты приехали. Прикинь, бля? Мы их всю ночь ебали. А утром местное пацанье пришло, толпа, блядь, человек пятнадцать демонов. И таких они пиздянок нам раскрутили... Я еще ничего отделался, только башку разбили. Тимуру эту... ключицу сломали. А салаге одному вообще почки отбили, на хуй. Он три дня кровью ссал, потом падать начал, понял, да? Нас в медсанчасть забрали. А потом в госпиталь. А мы их не запиздили ни хуя ни одного, чего мы можем, когда их пятнадцать? А после армии я много ебал.

Палило с каждой минутой все сильнее, идти по такому пеклу было невозможно. Народу на улицах становилось все меньше. Олег бросил на асфальт форменную куртку

и остался в майке. Мы старались идти в тени домов, перебегая яркие промежутки.

— Ну все, пришли. Я заебался, — сказал Олег. — Смотри, здесь уже никого нет. Куда все попрятались?

— Процентов тридцать по домам сидит, процентов тридцать в метро забились, остальные — в церквях.

— Не умничай. Вон баба идет.

Прямо на нас, прикрыв голову от зноя полотенцем, торопливо шла девушка в белой майке и джинсах.

— Стоп, — сказал Олег и схватил ее за руку.

— Вы что? Вы кто? — дернулась девушка.

— Куда идешь? Пойдем с нами.

— К матери иду... — тихо заговорила она, словно поняв все и пытаясь его убаюкать. — Они в разводе, я полночи у отца сидела, а до рассвета к матери. А он не может, у него своя семья, а мать у меня с характером. И в церковь тоже не пошла. А у меня парень в церковь ушел, он не может без Господа, а я без матери не могу. И ни туда не могу, ни сюда. А тут иду, и никого кругом нет, почему никого нет на улицах?

— А хули делать под таким пеклом? Давай пошли вон в подъезд.

Девчонка замерла, посмотрела на Олега и вдруг заголосила на всю улицу:

— Спасите! Помогите! Убивают! Помогите!

— Ну кричи, кричи... — усмехнулся Олег. — Убивают, бля. Все там будем на рассвете.

— Ну помогите, ну кто-нибудь!!! — голосила девчонка, пытаясь вырвать руку из железного кулака Олега.

Тот стоял, спокойно прищурившись.

— Думаешь, кто-нибудь выйдет? Ни одна сука не выйдет. Уже никто никому, на хуй, не нужен. Только ты нам с Колькой еще нужна. Цени, блядь.

И вдруг за его спиной хлопнула дверь — из дома напротив выбежали два мужика, явно отец и сын. Лица у обоих были зверские и небритые. В руках у старшего была мон-

тировка. Олег резко схватился за кобуру и хотел было обернуться, но старший уже повис на его спине и начал душить, обхватив горло монтировкой. Младший зашел спере-ди, повернулся ко мне спиной и начал методично бить Олега кулаком в живот. Девчонка отбежала в сторону и теперь стояла, испуганно вжавшись в стену дома. На меня никто не обращал внимания. Тогда я поднял с асфальта обломок арматуры, шагнул вперед и со всего размаха опустил его на бритый затылок младшего. Послышался хруст, брызнула кровь, и он осел на асфальт. Тотчас же Олег резко наклонился и перекинул старшего через голову — тот мешком шлепнулся рядом с сыном и попытался встать на ноги, но Олег уже достал пистолет и выстрелил ему в голову. Затем вытер рукавом лицо, проворно прыгнул назад и схватил за руку остолебеневшую девчонку.

— Так кто тут, бля, щенок? — произнес я, переводя дыхание. — Я щенок?

— Пошли отсюда. — Олег решительно дернул девчонку за руку и бегом поволок в боковой проулок. Я бросил окровавленный прут и кинулся следом.

Мы неслись минут пять, петляя дворами. Наконец забежали в подъезд старой гранитной девятиэтажки и потопали по ступенькам вверх. Олег одной рукой крепко держал притихшую девчонку, а другой дергал все двери подряд. На восьмом этаже одна из дверей распахнулась, и мы зашли внутрь.

Раньше в этой квартире хорошо жили. Мебель была сплошь старинная, но неизменно целая и со вкусом подобранная. Под ногами шелестели ковры, со стен глядели настоящие картины в золоченых рамах. В одной комнате даже стоял рояль. На его черной поверхности играл синий свет, лившийся из просторных окон. Здесь было чисто и, главное, прохладно — каменные стены, хорошо промерзшие за зиму, не успели растратить остаток январских холодов.

— Ложись, бля! — скомандовал Олег и толкнул девчонку на ковер.

— Не надо, парни... — сказала она тоскливо. — Христом-богом заклиная...

— Туда заклинай. — Олег кивнул за окно. — Вон за тобой Христос-бог летит.

— Ребята...

— Да чего ты ссышь? Мы тебя выебем, и все. И иди куда хочешь. А так бы ты рассвет без мужика встретила. Или те ублюдки тебя бы вообще заебли. Они, блядь, так и искали, кого бы ебнуть, полгода свою монтировку точили. — Олег потер шею. — Знаешь что? Выпей водки.

Он вынул мою бутылку, отхлебнул, затем протянул мне, я тоже глотнул и протянул девчонке. Несколько секунд она смотрела на бутылку, словно ей протянули змею, а затем быстро схватила и сделала несколько глубоких глотков. И тут же прикрыла рот рукой и закашлялась.

— Во! Нормально! — одобрил Олег.

— У меня там мама одна... — тихо сказала девчонка, поджав ноги и обхватив колени.

— Не ссы. Скоро твоей маме будет по хую. И всем будет по хую.

— Так отпустите меня, если вам так все... по хую... — она посмотрела на него, а потом на меня испуганными темными глазами.

— Во дура-девка, а? — Олег кивнул мне. — Да мне же сейчас не по хую! Я скотина, блядь, или человек, на хуй? Я же хочу хорошо провести время последний раз в жизни, поняла? Тебя еще просить надо, что ли? Скажи спасибо, дура.

Девчонка теперь смотрела только на меня.

— Так, Олег... — решительно начал я.

— На хуй пошел, — кинул мне Олег и повернулся к девчонке. — Поехали!

Он резко скинул штаны и бросился на нее, как в бассейне с бортика. Я пожал плечами, отвернулся и вышел из

комнаты. Сзади доносилась приглушенная возня, а я шел по квартире и смотрел на стены. Сначала шли портреты, затем потянулись просто картины. Как в музее. Странно они выглядели в синем свете — синеличные дамы, господа в синих камзолах, холодные фрукты в синих вазах... «Через несколько часов все это сгорит в пламени, разлетится на атомы, — думал я, — и никто, ни одна сука во Вселенной не узнает, как здесь жили. Как хорошо жили хорошие люди». Я остановился перед копией Брюллова — она была выполнена почти безукоризненно, только в уменьшенном масштабе. Некоторое время я рассматривал ее, а затем плюнул. Плевок лег не в центр, как я планировал, а сильно левее, не причинив композиции особого вреда. Шлепнулся на застывшее масло и нехотя пополз вниз.

— Иди, блядь, твоя очередь, — раздался за спиной голос, и я вздрогнул. — А я пока пойду водки куплю, водка кончилась.

Я вошел в комнату. Девушка лежала на полу, раскинув ноги и положив локоть под голову. Она задумчиво смотрела в потолок. Я немного постоял в нерешительности и сел рядом.

— Ну? — повернулась она ко мне. — Давай.

— Ты извини, — начал я, — ну как бы... Ну, сама понимаешь...

— Да ладно тебе. Как тебя, Коля? — Она улыбнулась. — Все нормально.

— Но, может, ты... не хочешь?

— Да все нормально, — повторила девушка и снова улыбнулась. — Последний день живем.

— Последний день живут американцы. Мы последнюю ночь живем, — поправил я и стал расстегивать брюки.

Не помню, сколько прошло времени, но когда мы устали, совсем выдохлись и просто лежали на ковре, прижавшись друг к другу, вдруг раздался выстрел. Затем снизу послышался истошный женский крик и еще два выстрела.

Мы лежали молча. В коридоре щелкнула дверь, и на пороге комнаты показался Олег. В одной руке у него была водка, в другой — красное вино. Дорогое, судя по виду.

— Купил? — спросил я.

— А то ж, — кивнул Олег, отхлебнул водки и протянул бутылку мне. — Пойдем принесем, там еще осталось.

— Да ладно, бля, потом сходим, — сказал я, глотнув и передавая бутылку девушке.

— И то верно, — кивнул Олег и повернулся к ней: — Ну что? Пойдешь к своей матери?

Она глотнула водки, поставила бутылку на пол, поднялась и медленно пошла к окну. Мы жадно рассматривали ее фигуру.

— Жарко, — наконец сказала она. — И страшно. Очень страшно.

— Не ссы, мы проводим, — сказал Олег.

Она молчала, стоя к нам спиной, контуры фигуры расплывались в ослепительном зареве оконного проема.

— Да вообще страшно...

— Далеко идти-то? — спросил Олег.

— Никуда я уже не пойду, — сказала она.

— А мать одна? — спросил я.

— С ней отчим. Да и какая уже разница?

— И молодец, — одобрил Олег. — Давай тост. За это, бля... за встречу. За что же еще?

* * *

Я сидел на диване, девушка лежала на моих коленях и смеялась. На другом диване у противоположной стены развалился Олег и курил трубку.

— Шерлок, блядь, Холмс, — хохотала девушка.

— Олег, — говорил я, — нет, ты, блядь, скажи мне, кто тебе дал право убивать, а?

— Колян, салага, ты сам понял, что сказал? Я, этот, бля, искупитель.

- Искупитель! — смеялась девушка.
- Да погоди, бля, не то... Избавитель! Они же все сгорят к ебням через несколько часов. Медленно, блядь, мучительно. А я их — хуяк! — и избавил.
- Это еще, блядь, неизвестно, медленно или нет.
- Известно, — сказала девушка. — Я сама один из докладов переводила, на хуй. Там сказано, что температура в последние часы стло... стло... столкновения будет нарастать с тридцати градусов до трехсот, но это займет два часа! Плавно! — она покачала в воздухе пальчиком. — Плавно! Поняли?
- Переводила, — сказал Олег. — Да это и без тебя во всех газетах было год назад.
- А я тоже переводила! Переводила!
- Подожди, — сказал я. — А есть гипотеза, что, блядь, и не будет никакого столкновения.
- Не пизди, — сказал Олег. — Она же в сто раз больше Солнца.
- А все равно не факт! — сказал я. — Может, и пройдет мимо. Но! Внимание! Но! Если даже прямого столкновения не будет, то все равно Земля сойдет с орбиты и превратится в сгусток плазмы от разогрева.
- Не умничай, не на лекции своей сраной, — отвечал Олег.
- От разогрева! — смеялась девушка. — Раз! И раз! И разогрева!
- Может, в метро спуститься? — сказал я.
- Да ну, на хуй. Сэкономишь пять минут, зато будешь весь в говне и духоте. Ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Сдохни как человек. Хоть раз в жизни.
- Ребята... — вдруг нервно сказала девушка. — Ну как такое может быть? Ну неужели мы все... — Она закрыла лицо руками и задергалась.
- О, бля, начинается, — вздохнул Олег. — Никогда не ссы раньше времени, поняла? Когда, блядь, нас с Тимуром

заперли в карцер, мы не ссали. А майор Лухой — это такой, знаешь, пиздец... Или сам ебать будет, или в дисбате сгноит. Проследит, чтоб сгноили, на хуй.

— Олечек, ты о чем? — спросила девчонка.

— Да ты, блядь, слушай, сейчас поймешь. Короче, утром в караулку заходит сам, блядь, полковник, поняла? Потому что позвонили, что в часть пиздует проверка. И видит Лухого — это нам пацаны из караула сказали. Видит, что ебальник у Лухого как, блядь, таблица настроечная в телевизоре. И сам Лухой спит пьяный в полное говно, и мы по углам валяемся никакие, ну просто пиздец. Нас тут же за яйца и в карцер. Полковник все, блядь, понял. Позвал двух салаг и приказал, чтоб прямо при нем отмыли Лухого скипидаром, поняла? Но это мы потом узнали. И хуяк, двое салаг стали его мыть. Намочили тряпку, хуяк — чуть, блядь, не выжгли ему все ебало. Лухой очухался и начал их дико пиздить прямо на месте. Ну и тут его самого покрутили, на хуй, и заперли вместо нас в карцере. Прикинь, у нас один был карцер, застава-то, блядь, маленькая. А он бы нас убил как не хуй делать. И их бы убил. А полковник, блядь, хотел сначала разобраться и сам всех выебать. Короче, нас с салагами в грузовик — и на пилу. Знаешь, что такое пила? Это у нас на болоте ангары были, просто пиздец, поняла?

— Я не хочу умирать, — сказала девушка. — Только подумайте, вот мы сидим... и никогда... никогда... нас не будет... — Она тряслась в рыданиях, я гладил ее плечи, стараясь успокоить.

— На хуй нам истерика? — задумчиво спросил Олег.

Я подумал, что он сейчас полезет искать свой пистолет, и это будет неприятно. Но он лишь сказал:

— Колян, это... Скилфософский. Чего у тебя там за таблетки? Успокоительное?

— Да. Но еще рано.

— Рано. — Олег повернул запястье и взглянул на свои командирские часы. — Отломи, блядь, девке четвертуху. Пусть успокоится. И запить принеси.

Я аккуратно снял тихо рыдающую девушку с колен, сходил на кухню и открыл кран. Воды, конечно, не было. Тогда я вернулся, откупорил бутылку вина, достал из шкафа пыльный бокал, нашарил капсулу и отломил ногтем четвертинку таблетки.

— Что это? — хрипло спросила девушка.

— Четвертинка успокоительного. — Я положил белую крошку на ее ладонь.

Она безразлично смотрела на нее.

— Это не яд, — сказал я.

— Во как. Помирать, блядь, помираем, а отравиться боимся, — произнес Олег из своего угла.

Девушка положила крошку на язык и запила.

— Ни хуя ты не понимаешь, — сказала она, вновь укладываясь ко мне на колени, — нас всех не будет...

— Ну а ты чего, блядь, собралась вечно жить? — сказал Олег. — Может, ты бы сегодня и так под грузовик попала или бы этой, блядь, паленой водкой отравилась. А не сегодня, так через двадцать лет или сорок там, на хуй. Тебе не по хую когда?

— Стоп, Олег! — сказал я и зачем-то погрозил пальцем. — Вот тут разберемся! Ты сказал, что можно делать все. И даже, на хуй, убивать, потому что все равно все сдохнут, так? А хули ты раньше не убивал, если все равно все сдохнут? Противоречие, на хуй-с! — Я потерял ладоши.

— Противоречие, на хуй-с! — повторила девушка и хихикнула.

— Ни хуя и не противоречие. — Олег вытряхнул трубку на ковер. — Когда я сегодня убиваю, я избавляю от страданий, так? Они мне должны спасибо говорить. А тогда бы я отнимал жизнь, на хуй, понятно?

— Стоять, блядь! — закричал я. — Стоп! Где граница? Нам осталось сколько? Три часа, да? А если бы осталось три дня?

— Я мать с отцом убил три дня назад.

Я на миг осекся, но продолжил:

— Ну и хуй с ними, я не об этом...

— Не хуй, — строго поправил Олег, достал пистолет и навел дуло на меня. — Не хуй. Понял? Скажешь еще раз — избавлю, на хуй.

— Да не о том, блядь, речь, — отмахнулся я. — Где граница? Не три дня, а четыре, десять, полгода, десять лет? Где, блядь, эта граница безнаказанности, за которой можно творить насилие, прикрываясь скорой и неизбежной смертью?

— Ты, Колян, сам ответил только что, — сказал Олег. — Граница безнаказанности. Понял? Сейчас кто тебя накажет? Никто. А тогда?

— Стойте! — сказала девушка. — Значит, если никто не накажет, то можно делать любое зло любому человеку?

— А почему зло, на хуй? — спросил Олег. — Я добро делаю. Избавляю. На хуй вообще нужна жизнь? Вот тебе, на хуй, нужна?

— Я люблю жизнь. Мне было в кайф жить, — сказала девушка.

Олег прищурился.

— Не пизди. Не до хуя у тебя было кайфа, верно, бля? С матерью собачилась, от подруг говна ждала, от мужиков шарахалась. Придет — давала, уйдет — рыдала. Вены в шестнадцать лет резала?

Девушка обиженно замолчала и спрятала левую руку за спину.

— А кто ты, блядь, такой, чтобы решать за каждого — жить ему или нет? — возмутился я. — Бог, что ли?

— Выходит бог. Потому что если Бог есть, то хули он мне это позволяет? Значит я, блядь, и главное.

— Парни, — сказала девушка, — А ведь мы все подохнем...

— О... Пошла хуйня по кругу, — вздохнул Олег.

— А детей жалко, — добавила она.

— У тебя чего, дети есть?

— Нет, я вообще...

— Вообще. А взрослых, бля, не жалко, да?

— Нет. Дети — они еще не согрели.

— А взрослые, бля, согрели?

— Да!

— Ну так хули ты волнуешься? Дети — это будущие, блядь, взрослые. Выросли бы и нагрели до хуя. Считай, что взрослые сегодня получают пиздюнок по заслугам, а дети, блядь, авансом. Поняла? А разницы никакой.

Я слушал их разговор рассеянно, думая о тех, кто остался в Екатеринбурге. Вдруг к реву ветра за окном прибавился странный звук. Я приподнялся на диване.

— Чего это такое?

— Не открывай, мудоило, жара пойдет, — ответил Олег. — И так начинается.

— А я хочу! — сказала девушка. — Да это же гармошка!

Мы с ней подбежали к окну и стали смотреть. В доме напротив одно из окон было распахнуто. На подоконнике, свесив ноги вниз, сидел мужичок. Он растягивал меха гармоны и что-то пел, но слов не было слышно.

— Слов ни хуя не слышно, — сказала девушка. — Хули он разговаривать мешает?

— Ну избавь его, на хуй, — сказал Олег.

— И избавлю, — сказала девушка. — Дай пистолет.

— Лови.

Пистолет упал на пол и покатился по ковру. Девушка подобрала его и начала целиться. Получалось у нее плохо.

— Окно открой. Стекла полетят, — сказал Олег.

— Отъебись, — ответила она.

Я дернул щеколду и открыл одну створку. Сразу застонал ветер, загремела гармошка и потянуло жаром, как от большого костра.

— Блядь, — сказал Олег.

Пистолет в руках девушки дернулся и раздался выстрел. Один раз, другой.

— Дай, не умеешь! — я отобрал оружие.

Пистолет удобно лег в мою ладонь. Я закрыл глаз и начал целиться.

— Левша, блядь, — сказал Олег. — Тимур тоже был левша.

Контуры мужика с гармошкой расплывались. Глаза слезились от света и ветра.

— Выше забирай и правее, у меня сбито, — сказал Олег.

Я нажал курок. Грохнул выстрел. Мужик, казалось, ничего и не заметил — то ли был пьян, то ли под наркотиками.

— Пусти, дай я! — девушка схватила пистолет и прицелилась.

Раздался выстрел, мужик покачнулся и схватился за плечо. Гармошка смолкла.

— Во дает, — хмыкнул Олег.

— Есть! — засмеялась девушка.

— Дай! Дай добыю! — я силой вырвал у нее пистолет.

На этот раз мне удалось сфокусировать мушку, и я удовлетворенно нажал на курок, уже заранее зная, что попал. Мужик снова дернулся. Гармошка выпала из рук и полетела вниз, взыв напоследок скрипучей, тоскливой нотой. Мужик качнулся еще раз и вывалился из окна вслед за ней. Снизу донесся глухой удар и через секунду еле слышный стон.

— Есть! — захохотала девчонка. — Сделали! Как мы его избавили, а? Класс, бля!

— Закройте окно, уроды, — сказал Олег. — Запарили.

Я высунулся, чтобы глянуть вниз, но тут на затылок

будто поставили раскаленную сковородку, и я зачем-то глянул вверх. Верха не было — была черная пустота, в которой висел громадный диск. Я глянул на него, и все оттенки пропали — осталось черное полотно и белый круг посередине. Дико заболела голова, но меня словно парализовало, взгляд прикипел к диску как сварочный электрод. На лицо легла рука, и меня резко кинули обратно в комнату. Я упал на ковер.

— Уебище, спалил глаза, на хуй. Лежи, не дергайся. Лицо спалил?

— Отъебитесь от меня... — сказал я в черную пустоту.

Лицо щипало, голову сверлила тупая боль. Я даже не сразу почувствовал, как на лоб легла мягкая рука и нежно погладила.

— Подруга, оставь его, на хуй, — сказал Олег. — Пойдем на четвертый этаж сходим, надо водки принести. Там еще минералка была, польешь на ебальник нашему мудиле.

* * *

Я лежал на диване, глядя на коричневый бархат плотно задернутых штор. В них были микроскопические дырки и в каждой просвечивала огненная точка — копия Блуждающей звезды. Зрение постепенно возвращалось, все-таки глаза я не сжег. В комнате стояла жара. Тупая боль в голове унялась, но грозила начаться в любую минуту. Девчонка лежала на ковре. Не думаю, чтобы там было намного прохладнее. Олег сидел в углу на медвежьей шкуре, которую он приволок с четвертого этажа, когда они ходили за водкой. Мы молчали — говорить было не о чем.

— Знаете, а я ему завидую, — сказала вдруг девчонка.

— Кольке-то? Только полный мудака станет высовывать рожу раньше времени.

— Нет, я про мужика с грам... гарм... гар-мош-кой. Я не могу больше! — Она заплакала.

— Могу избавить, — сказал Олег.

— А может, есть надежда? — спросила она.

Мы промолчали.

— Я боюсь ждать... — всхлипнула девушка. — Почему я всю жизнь... всю жизнь должна чего-то... чего-то ждать?

— Для тупых повторяю: могу избавить, — сказал Олег. — У меня патронов до хуя, еще обойма осталась.

— Я боюсь, — всхлипнула она. — И так боюсь, и так.

Олег задумчиво повернулся ко мне.

— Колян, бля, дай ей свои таблетки.

— Ты чего? Я как раз сейчас сам хотел!

— Ты мужик или нет? Ты человек, блядь, или скотина, на хуй? Видишь, девка мучается. Я тебя из пистолета избавлю, как мужика.

Я полез в карман, достал капсулу и протянул девушке.

— Не могу их... всухомятку.

Олег поднялся и принес бутылку водки.

— А минералки нету? — спросила девушка.

— Нечего было лить как из крана.

— А вина?

— Последняя. — Олег потряс бутылкой и поставил на пол, а сам откатился в свой угол.

Девушка высыпала таблетки на ладонь.

— Давай, — кивнул я, — а то потом хуже будет. — Через пятнадцать минут все будет хорошо. Хороший врач советовал.

Она судорожно опрокинула горсть таблеток в рот, схватила бутылку и жадно запила.

— Какая гадость, все горит во рту. И внутри все горит. И снаружи. И внутри пекло, и снаружи.

— Терпи, скоро все будет хорошо, — ответил я, глотнул из бутылки и обнял ее.

Некоторое время мы сидели молча. Фиолетовый свет пробивался из всех щелей, шторы просвечивали, как полиэтилен.

— Бутылку подкинь, — сказал Олег из угла.

Я завинтил колпачок потуже. Руки плохо слушались. Кинул ему бутылку и снова закрыл глаза.

— Коля, — вдруг сказала девушка, — возьми меня за руку.

Я нащупал ее руку и крепко сжал, чувствуя, как пульсирует на руке жилка.

— Все будет хорошо, — повторил я.

— Я устала, — сказала она. — Я очень хочу спать. Мне уже прохладней.

— Спи, все будет хорошо, — повторил я.

Мне показалось, что мы сидели вечность и девушка уже уснула, но вдруг до меня донесся ее голос:

— Меня... зовут... Оксана.

— Спи, Оксана, — сказал я и сжал ее руку еще крепче. Жилка пульсировала совсем слабо.

У моих ног что-то стукнуло.

— Пей, бля, я тебе оставил, — раздался издали пьяный голос Олега.

Я отвинтил колпачок, запрокинул голову и выпил все, что оставалось в бутылке. На миг мне почудилось, что стало лучше и отступила жара, но затем голова начала кружиться, кружиться, в висках зашумело, я еще раз открыл глаза — комната плыла и качалась, залитая фиолетовыми клубами света, шторы уже не спасали. Вдруг стало еще светлее. Послышался звон стекла и гул ветра. В глазах все плыло и двоилось, я закрыл их, и пространство вокруг завертелось. Непонятно было, где верх и где низ. И тут грохнул выстрел.

— С-с-сука! — промычал я. — А обещал меня сначала избавить...

— Получи, блядь! — раздался голос Олега, и послышался второй выстрел. И еще один.

Насколько я смог почувствовать, в меня опять ничего не попало. Тогда я собрал последние силы, вынырнул

из мутной круговерти и увидел комнату и мельтешащий силуэт на фоне белого окна. Заслоняясь медвежьей шкурой, Олег резко выглядывал наружу, как из окопа, выкидывал руку с пистолетом и тут же прятался обратно.

— На, блядь, сука! — орал он и нажимал на курок. — На, блядь, звезда-пизда!

Я закрыл глаза, и мир вокруг утонул и исчез.

* * *

Когда я открыл глаза, комната была залита оранжевым маревом. Голова гудела и стучала, тело не слушалось, вокруг стояла жара, пространство качалось перед глазами и страшно хотелось пить.

— Оклемался, салага? — услышал я голос Олега.

— Что? — я как мог сфокусировал взгляд и огляделся.

Я все так же лежал на полу. Рядом лежала Оксана, ее тело было твердым и прохладным. В углу на медвежьей шкуре сидел Олег и чистил пистолет.

— Оклемался, говорю?

— Сколько осталось до рассвета? — спросил я.

— Да вот, блядь, твой рассвет, — сказал Олег и кивнул на окно.

Я встал. Голова закружилась, но я устоял на ногах и пошел к окну. Сначала я не увидел ничего, кроме оранжевого света. Потом я подумал, что у меня двоится в глазах. Но затем я понял. В воздухе висело солнце, а сбоку плыла Блуждающая звезда — маленький диск с мутной оранжевой короной.

— Олег, блядь... — крикнул я и закашлялся. — Как это? Что это?

— Пиздец отменили, — хмуро сказал Олег. — Она пролетела мимо и убывает, на хуй.

— Ну как это может быть? — крикнул я. — Этого не могло быть! Ученые ведь все проверили, доказали и вычислили!

— Не могло быть?! — заорал Олег и подскочил ко мне. — Такие, как ты, уебы думают, что много, блядь, знают! Они, блядь, вычислили! Они, суки, подсчитали! Они что, блядь, пили с этой звездой? Они, блядь, ебали ее? Так, еб твою мать, откуда они знают про нее, а? Они, суки, думали, что это будет как жопой в костер? Я же, блядь, все это читал — и как Солнечная система сойдет, на хуй, с орбиты и как атмосферу сдует к ебням и про плазму-хуязму и остальную хуйню. Я же, блядь, верил! Колька, мудоило! — Он схватил меня за плечо и потряс. — Мы же им верили, мудаки! А они нас наебали! Ты понял?

— Ничего не понял. Так все же хорошо? Все же кончилось?

— Что, блядь, кончилось? Для нас все кончилось. — Олег отошел в угол и устало сел на шкуру. — Я ждал, когда ты проснешься. У меня как раз осталось два патрона. Избавить.

— Избавить? — я ошарашенно уставился на Олега. — От чего избавить?

— Ты так ни хуя и не понял? — Олег тоскливо посмотрел на меня. — Я так и думал.

— В смысле?

— Как ты будешь жить, блядь? После всего что ты сделал?

— Да Олег, ты что? — Я все еще ничего не понимал. — Вон небось сколько народу погибло! Никто про нас никогда не узнает! Свидетелей нет, власти нет, милиции нет... — Я на миг запнулся. — Ведь никто нас не видел, да? А если видел — сейчас встанем и уйдем. Уедем! Поехали ко мне в Екатеринбург!

— Мудак ты, — сказал Олег. — Мудаком был, мудаком и помрешь.

Он достал пистолет.

— Олег, ты что? Олег, я прошу тебя! — я рефлекторно вжался в стену.

— Да успокойся, салага, не трону я тебя. Подохнешь своей смертью, понял? Да ведь ни хуя ты не понял... — Олег поднял вверх дуло пистолета и задумчиво положил на него подбородок. — Я в госпитале валялся неделю, блядь, с башкой пробитой. А за это время Лухого, на хуй, разжаловали и перевели на Камчатку, понял? И замяли, к хуям, всю историю. И тут, хуяк, блядь, приказ, и я в дембеля... Ты, блядь, не знаешь, что такое дембель. Это чуют надо сердцем. Два года чуют. Дембель — это когда ты хуяк — и свободен! И иди куда хочешь. Я хотел на сверхсрочную пойти. Но после такого, блядь, уже и не залупнешься. Пошел в менты. А тут эта хуйня началась... Да хули с тобой разговаривать? Служи, салага. Долго тебе еще до дембеля. А я человек, блядь, — сказал он сквозь зубы, — а не скоти... Раздался выстрел, и я зажмурил глаза.

* * *

Обойдя дом, я нашел черствую буханку хлеба и пару банок с консервами. Пора было уходить, неизвестно было, где хозяева и когда они вернутся. В воздухе заметно свежело. На всякий случай я взял из шкафа пиждак. На улице пахло дымом и весной. Оранжевые блики радостно плясали на выцветших стенах домов, дул теплый ветер, небо было затянуто то ли пеленой дыма, то ли облаками. Сквозь пелену просвечивали два диска: Солнце — большое и желтое, и Блуждающая — маленькая, оранжевая, в лохматой черной коронке. Я спросил дорогу у безумной старухи, танцующей на тротуаре, и пошел на вокзал. Ведь теперь когда-нибудь должны снова пойти поезда? Жалко было выброшенных денег, я даже не запомнил улицу, по которой мы шли. Еще я думал о родителях. Как мама? Как отец? Как братик? В воздухе пахло дымом и весной. Я чувствовал, что все страшное позади. Все, что было плохое, закончилось. Теперь все будет хорошо. В конце концов, все должно быть хорошо, верно?

Рой Аксенов

КИБЕРПАНК

Давным-давно, в третью эпоху, под девизом «Расширение и прозрачность всех линков» жила-была на втором уровне сектора Эпсилон обыкновенная семья. Да, два человека: папа — киберкули-фриленсер Цзо Шень Лян и дочка — его любимая Цзо Лю Шень.

Жена Шень Ляна, Цзо Шень Жень, давным-давно попыта брыкнула от атипичной чумки; потому двое их и было. А не потому, что папа был перверсный монорепродуктант.

Хотя вообще наклонности за ним наблюдались.

Ну скажите вот, станет нормальный человек жениться вторажды? Да еще на разведенке с двумя дочками и сволочным характером.

Ни фига не станет, ни разу, если у него не все контакты распаялись.

А Шень Лян таки да, женился, последствий не прозревая, что совершенномудрому киберкули весьма не полагает.

И, короче, попал. За два дня в доме произошло Сотрясение Основ, как в первую эпоху «Многомудрого сокращения битов», и установился в результате новый социальный порядок двупирамидальной структуры: сверху мачеха; на правах старших ефрейторов — дочери ейные; под ними — Цзо Шень Лян вместе со своим ассистентом-миниклоном; и уж в самом низу — маленькая Цзо Лю Шень как последний микродемон позорный.

Дрючили папку с дочкой весьма неслабо, и света в конце оптоволоконного кабеля им не виднелось совсем. Ну да что делать? Дзен на говно высаживаться не велит.

* * *

И вот, долго ли, коротко ли, а только задумал однажды наместник семнадцатого сетевого сегмента замутить что-нибудь эдакое, чтобы вздрогнули все. Ну, тоска же вообще наместнику, скука. Охота развлечений хоть каких-нибудь.

Пораскинул наместник процессором, да и придумал: надо, что ли, оганайзнуть глобальную такую пати, вот что. Дня на три, по полной программе. Чтобы, ну. Для оттяга, и вообще.

И созвать на пати всех, кроме бракованных репликантов.

Вот.

Сказано — сделано, у наместников с этим просто.

* * *

Отсюда начинается собственно *история*.

И вот приходят в семью Цзо, соответственно, приглашения, числом пять штук (миниклон excluded) со статусом system notice:

Так мол и так, клевая, совершенно щелочная пати, сразу по двум плоскостям — и в реале, и в виртуале. Всем дрожать. Ждем.

Даже последнему трояну понятно, что пати у наместника — это такой ништяк, которого никогда больше не будет ни в этой жизни, ни в пяти последующих перевоплощениях.

Поэтому все подрываются на измену и начинают спешно тюнить консоли да жрать наноботов пачками: готовятся, значит, себя показать, на других посмотреть.

А мачеха в дополнение к тому вынашивает гнусный замысел падчерице своей весь кайф обломать.

Потому что кайф падчерицы — обострение мачехино-го геморроя.

Так уж все устроено.

Ну и мачеха, значит, становится в позу Цзынь Чуань и орет:

— Эй, девка! ходь сюды!

Девка, разумеется, шустро-шустро ходит сюды, потому что пизды получить прямо перед пати ей совсем не улыбается.

А мачеха смотрит на нее так, с чисто женскою хитре-цей, и говорит:

— Ну, короче. Ты, я смотрю, вся такая расслабленная, как червяк в нирване.

Отчего падчерица резко поджимается и собирает волю в кулак. А мачеха продолжает:

— Ты лучше вот что: во-первых, надо мне и дочурам моим консоли заверкложить. БЕГОМ!

Падчерица, конечно, подрывается бежать и оверкложить, но мачеха хватает ее за шкурку и дополняет:

— Смотри, угробишь консоли — я тебя по всем плоскостям дефлексирую. И вообще, это еще не все.

И от этих слов у падчерицы совсем уже матка выпадает.

— Во-вторых, — говорит мачеха, — проведи-ка наконец ручное микрометрирование и калибровку всех наших нанотрубок, а то срач в доме уже.

А нанотрубок в их пенал-квартире было, между прочим, два точка три на десять в тридцать шестой.

— Ну и напоследок, — добивает дочурку маман, — ну, я не знаю... Докажи, что ли, гипотезу Пуанкаре? Это в третьих. А вот теперь — БЕГОМ!

Дочурка уползает вся такая, на хрен, убитая, а через четверть часа приползает обратно и докладывает о выполнении.

Ну, вы меня-то не спрашивайте, почем мне знать, откуда такой монстр вылез? Может, знакомства у нее полезные были. Или еще что.

Но факт остается самим собою: консоли заоверклочены, нанотрубки замшей протерты и продуты индивидуально; гипотеза Пуанкаре, правда, не доказана, но зато опровергнута и наглядный пример из картонки к делу подшит.

То есть, по сути, приебаться мачехе не к чему.

Но вы ж знаете — из этих бы людей гвозди делать или дюбеля хотя бы.

И вот мачеха, значит, окидывает все это хозяйство сумрачным взором и...

— Нет, знаешь, не дело это, — говорит мачеха, — работать надо, вот что.

И давит тяжелым ванадиевым каблуком старенькую консольку Цзо Лю Шень. Причем так качественно, на-смерть давит.

И Цзо Лю Шень понимает, что ее оттягу пришел, в натуре, хаф-уан.

* * *

Ну да фигли ей по дзену.

Пустила одинокую слезу, родичей в роут собрала, ручкой помахала и села втыкать в стационар, чтобы со всем миром горем своим поделиться.

Вылезла в чат и давай плакаться.

А там все такие.

Потому что кто не такие — давно на пати оттопыриваются.

И тут вдруг тянет кто-то нашу маленькую Цзо Лю Шень на ель. Причем мощно так, с максимальным приоритетом.

Та и думает:

«Ну все, кранты. Отловили меня киберпедофилы высшего ранга. Сейчас будут расчленять мою тонкую психе, бай-бай, Америка!»

Ан педофилов-то и нема; а вместо педофилов шелкает металлическим ебальником симпатичная вполне рожа:

— Хай, систа! Я есть твой дальний дядьюшка Фэн Янь!

Цзо Лю Шень передвоилась про себя, Фэн Яня этого по индексам мигом пролукапила — точно! Есть такой дядьюшка у нас, старшим нанотехником служит в *Нанкинской корпорации малых Устройств № 26*.

— Ва, дядьюшка! — говорит. — А у меня такая жопа, такая жопа! Ты не согласишься.

— Ша, — говорит Фэн Янь. — Все знаю, потому и пришел. Короче, не плачь, систа, трабл твою мы ща пофиксим, рипс нимада табень.

И тут же у Цзо Лю Шень флажок экспресс-доставки загорается. Она контейнер открывает — а там навороченная нейроконсоль FX-520Q1! и флакончик с какой-то липкой дрянью.

— С консолью сама разберешься, — говорит Фэн Янь, — не маленькая, а во флакончике — экспериментальная нанодрянь, ты ее себе по вене запусти, и, короче, — и уходит в глухой дисконнект.

* * *

И, короче, Цзо Лю Шень отрубается от стационара, контактит с консолью, запускает по вене нанодрянь и, короче. Отпад!

Нет, а что я? Это надо видеть! Такие щупальца и сейчас еще не выпускают. Транслюцентность — шик-модерн. Ультрамодерн. И Цзо Лю Шень тихо так в логи себе

пишет: ну все, ща пойду я на эту пати и всех там поимею, у кого чего шевелится.

* * *

И что вы думаете? Идет она действительно на эту пати и действительно имеет там всех. То есть вообще. Круто оттянулась и, ну. Вы понимаете.

А потом наступает полночь, на регистрах вылезает флаг переполнения, и Цзо Лю Шень превращается в тыкву.

Нанодрянь-то была экспериментальная.

Вот.

Потому что у нас тут киберпанк, а не сказка какая-нибудь.

ЭПИЛОГ

Наместник семнадцатого сетевого сегмента дооттягивался на своей пати до тотальной расперсонификации, чем и вошел в историю; дядюшку Фэн Яня приговорили к частичной дефлексации по двум плоскостям с понижением несущей частоты; глупый киберкули Цзо Шень Лян свалился в пьяном виде в битый файл, где и потонул; а зловредная мачеха с дочурами прожила еще довольно долго, хотя и нельзя сказать, чтобы очень счастливо, потому что, ну, короче. Ну, вы же понимаете.

Да.

КАЗНА

Бахмут к государственным делам приспособлен не был. Что вы думаете, третий сын в семье!

Однако папеньку зарезал в термах агент враждебной державы. Агента, разумеется, утопили в нужнике без суда и следствия, но дело было сделано.

Старший братец, Легзия, отцарствовал две недели. Потом его задушил ревнивый муж одной обаятельной придворной дамы. Мужа четвертовали, даму заточили в Хмурую башню, на хлеб с водою.

Менее старший братец, Гагэкодам, сбежал с цыганкой еще до смерти папеньки. Государственные мужи надеялись, что блудник образумится и вернется к отчему трону, однако тот при всем желании оправдать их ожидания не мог, поскольку лежал в канаве с отрезанной головой. Через пять месяцев государственные мужи сообразили наконец, что *бананів нема*, и короновали Бахмута.

По восшествии на престол первым делом Бахмут полез в казну, поскольку давно хотел купить себе модный горностаевый колпак. Вместо денег в казне обнаружили лишь жестокое разочарование и тараканы. На горностаевый колпак фондов явно не хватало, разве только на горностаевый презерватив, да и то вряд ли.

Неопытный монарх необдуманно рассвирепел и приказал казначею казнить. Тому спешно отрубили голову, но в последующую неделю денег в казне так и не появилось.

«Ага! — подумал Бахмут, почесывая неколпаченную маковку. — Однако новый казначей нужен!»

В кратчайшие сроки из проверенной среды придворных карьеристов выдвинули кандидата на вакантное место.

Ульминас был благообразен и вор.

Через неделю после назначения Бахмут нагрянул в казну с неожиданной инспекцией. Казна была пуста. Даже тараканов кто-то прибрал к рукам. Верно плохо лежали. Бахмут неуверенно метнул взглядом молнию в Ульминаса. Ульминас скорчил печальную рожу и предложил повысить налоги, потому что, мол, дебет и кредит... актив-пассив... баланс... бюджет... сальдо... жоппер с подсырничком... дети голодные... Монарх спешно подмахнул эдикт и позорно бежал с поля брани, тряся тощим задом.

Через неделю денег в казне было сугубо отрицательное количество. Бахмут необдуманно рассвирепел. Сначала хотел было повесить Ульминаса за шею, но передумал и повесил за яйца. Птицам была радость.

Сплоченные ряды чиновничества обеспокоились, но нового кандидата представили безотлагательно. Казаврат был честен и прямолинеен.

Он немедленно вломился в королевский гарем, пал ниц и сказал, что невозможно искоренить дефицит средств без долгой, упорной работы. Представил план действий сроком на три месяца. Бахмут расцеловал своего верного слугу и подмахнул.

...Через три месяца король упал в голодный обморок. В казне денег не было. Жизнь короля спасло лишь введение чрезвычайного положения и налет Черных драгун на продуктовый рынок. Придя в себя, король провел краткое, но энергичное расследование (дыба, каленое железо, выписанный из Таскарского халифата специалист по сексуальному дознанию). Выяснилось, что Казаврат поднял доходы на сорок семь процентов, снизил расходы на четыре процента, но увы — всю прибыль клал себе в карман. Бахмут вздохнул и необдуманно осатанел.

Королевские палачи матерились, требовали сверхурочных и молока за вредность. За три часа Казаврату отпилили всего лишь три пальца и почему-то ухо. Бахмут совсем вздохнул, собственноручно повесил палачей и нанял новых, из пролетариата. Палачи-пролетарии были ражие молодцы. Они искренне любили свою работу. Однако за время исполнения необходимых формальностей (присяга, социальное страхование, ритуальное обрезание и клеймение) Казаврат успел тихо и безоблачно скончаться от потери крови, потому как прижечь его забыли.

Бахмут вспылал, разбил три вазы эпохи Дынь, но в конце концов отошел и объявил конкурс на замещение должности.

В кругах, *близких к...*, прошла короткая волна смущения. Из волны, как дядька Черномор, возник юноша прекрасного образа. Следовало бы сравнить его с Афродитой, да первично-половые не позволяют; к тому же при юноше были тридцать три богатыря — штат. Юноша представился Хволемеем и с азартом приступил к работе. В казне зазвенели медяки.

Король обрадовался и немедленно купил в рассрочку вожделенный колпак.

Через полгода торговец горностаевыми колпаками вчинил королю иск как злостному неплательщику. Торговца тут же кинули в долговую яму, туда же отправились судебные приставы, имевшие касание к делу, но вопрос был задан.

Бахмут пришел к казначею, бряцая железом, и немигающим взором уставился в его честные карие глаза.

— Воруешь, сука? — хрипло спросил самодержец.

— Ворую, — честно отозвался Хволемей.

Бахмут сопел.

— Шестьдесят два процента от доходов и ни динаром больше, — уточнил Хволемей.

Бахмут необдуманно прогневался, но, будучи поражен такой честностью, щепетильностью и жесткой принципиальностью, ограничился уменьшением окладов по ведомству на восемьдесят пять процентов. Ведомство повысило ставку воровства на одиннадцать с четвертью и с лихвой компенсировало потери. Бахмут срезал оклады еще на три процента, мимоходом казнив четверых клерков. Ведомство ответило эскалацией рвачества, бумажным водопадом да тремя покушениями на жизнь суверена. Бахмут посадил Хволемя в подвал, на цепь, после чего передал дела его заместителю, еще более честному и кареглазому.

Воровство снизилось на четыре сотых процента. Поступления в казну выросли на двенадцать полустотинков в день. Штат казначейства честно клал Хволемееву долю на счета в Таскарских банках.

Бахмут приказал отпилить Хволемею левую ногу. Отчисления в пользу кормильца немедленно пожирнели. Платежные поручения, отправляемые в Таскарский халифат частными лицами, пестрели циничными метами «Пенсия по инвалидности» и «В фонд вспомоществования одноногим Хволемеям».

Бахмут вздохнул еще раз, собрал штат казначейства на производственное совещание в герметичном помещении и приказал пустить концентрированную серную кислоту. Долго были слышны нечеловеческие вопли, но погибли финансисты с чувством выполненного долга перед родными и близкими.

Должность казначейства приобрела лихорадочную славу опасной, но выгодной службы.

Герой объявился рано утром рядом с королевским нужником. Представился конюхом Мофой и предложил свои услуги.

— Воровать будешь? — грозно спросил Бахмут.

— Буду, — опечалился Мофа.

— Двадцать процентов или повешу, — отрезал работодатель.

Мофа тащил все восемьдесят и продержался в должности всего два дня. За два дня он положил четыреста тысяч на номерные счета, купил две виллы, конюшню, восемнадцать пивоварен, основал «Корпорацию Развлекательных Напитков „Старый Конюх“», нанял двести двенадцать человек прислуги и приватизировал помещение казны.

Король попытался озвереть. Это ему не удалось. Он тихо повесил Мофу, сорвал табличку «Sold Out» с дверей дворцового деньгохранилища и приказал конфисковать имущество хриstopродавца. Конфискованное бесследно расплозлось по владениям занимавшихся этим благим делом чиновников.

Бахмут заперся в своих покоях, потребовал мешок носовых платков и шесть дней страшно рыдал с завываниями.

На седьмой день Бахмут вышел из добровольного заточения. Придворные были потрясены ледяным выражением его рожи. Король проследовал в штабную комнату, объявил во дворце осадное положение и призвал к себе полковника фехтовальщиков специального назначения. По дворцу поползли слухи, шепотки и козни. Без двух минут полночь отряд спецназовцев в черных плащах вломился в особняк барона Пуппентрулля, захватил самого барона и всех его родственников, после чего испарился в неизвестном направлении. Всю ночь с Пуппентруллем вели воспитательную работу, популярно объясняя, что станет с ним самим и с его близкими в случае малейших нареканий короля относительно отправления бароном новых служебных обязанностей.

На следующий день свеженазначенный казначей с фингалом под глазом и без зубов был представлен ошеломленной публике.

...Коварный барон держался семь месяцев и три дня. После чего сбежал с кассой в восемнадцать миллионов динаров. Бахмут механически отдал приказ о бесчеловечном искоренении пуппентрулльского рода до седьмого колена. На следующий день во дворец поступила международная ястребиная молния:

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЗПТ БЛАГОДАРЮ БЕЗЖАЛОСТНУЮ РАСПРАВУ МОИМИ НЕНАВИСТНЫМИ РОДСТВЕННИКАМИ ЗПТ ОСОБЕННО ЖЕНОЙ ЗПТ ТЕЩЕЙ И ДВОЮРОДНОЙ ПРАБАБУШКОЙ ТЧК ВСЕГДА НЕ НАВИДЕЛ ЭТИХ <военная цензура> ВСКЛ ЗА СИМ ОСТАЮСЬ НАВЕКИ ВАШИМ ПОКОРНЫМ СЛУГОЙ ТИРЕ БЫВШИЙ КАЗНАЧЕЙ ЗПТ БЫВШИЙ БАРОН ХОРАС ПУППЕНТРУЛЛЬ

Король высморкался, разрыдался и плаксивым голосом приказал задействовать всю агентуру за рубежом на превращение «ПОКОРНОГО СЛУГИ» в «ПОКОЙНОГО».

Ряды службы внутренней разведки существенно поредели. Полковника спецназа отправили в отставку через изнасилование. На подготовку новой операции ушло два месяца.

Наконец пред светлые очи Бахмута представили нового претендента поневоле. У Васко было двенадцать детей, оттого он был беден и уязвим. Васко был честен, как архангел, и оттого еще более беден и уязвим.

Казначею отрезали уши и поселили в хранилище. Денно и ночью дежурили у его тощего тела два дюжих молодца с дубинами, самострелами и сигнальными свистками. Семья Васко тихонько гнила в глубочайших подземельях. Помощников ему не дали, денег не платили, кормили баландой и ежедневно пиздили нещадно, по методу крокодильчиков в цирке.

Вы мне будете смеяться, но Васко любил свою семью. Он был честный, глупый и добрый горожанин, такие нынче почти все повымерли. Он преданно трудился на благо отечества, даже в созданных ему нечеловеческих условиях. Финансовый механизм заработал как часы, обильно смазываемый слезами Васкиного семейства.

И тут Бахмут в ужасе обнаружил, что на финансовом ведомстве государство еще только начинается. Законники, вояки, астрологи, алхимики, хироманты, евнухи — все тащили мешками, телегами и т. д., вплоть до караванов с вооруженной охраной. После того как в казне завелись деньги, нашлось много желающих причаститься манны небесной. Дружественные министерства мигом засыпали несчастного Васко требованиями наличности с многостраничными пояснениями о жесточайшей необходимости пополнить стратегический запас конского навоза и куриной слепоты.

Бахмут затеял реорганизовать весь аппарат по отработанной методике, но выяснилось, что таких феноменально честных людей, как Васко, на все государство имеется

еще только три штуки. Неграмотный оленевод с крайнего севера, девяностолетний старец, давно отрешившийся от мирского и коротающий дни свои в пустыне, да еще деревенский дурачок из пограничного селенья, который только на то и годен был, чтоб стены собственным дерьмом художественно разрисовывать.

Король впал в черную государственную меланхолию и запил горькую. Тем временем Васко вел неравный бой с превосходящими силами противника. Тридцать часов в сутки он разгребал запросы, отделяя зерна от плевел, а нужное — от ненужного. Труд его воистину можно было назвать сизифовым, поскольку даже отведенные на «нужное» фонды чиновники разворовывали с превеликим прилежанием.

Однако их аппетиты не были вполне удовлетворены. Надеясь на перемены к лучшему, иные высокопоставленные жулики скинулись и подкупили Васковых стражей, дабы те прервали земное существование чуда нетутошнего — честного казначея.

В полном отчаянии король отменил все налоги и приказал своим подданным по первому требованию предоставлять уполномоченным лицам любые товары и услуги.

Добром это кончиться не могло. В тот же день из столицы уехало двадцать семь тысяч человек. На следующий — сбежали все, кто нашел нужным сбежать. Оставшиеся в городе немногочисленные хмурые личности хватили неприятного вида ржавые орудия умерщвления и начали стекаться к королевской резиденции.

Когда король услышал доносящийся из-за стены трубный глас: «Да мы этому уроду ебло порвем!» — он понял, что все кончено.

Он зашел в казну, собрал все накопленное невеликое богатство в кошелек. Насчиталось сто четырнадцать динаров, две полустотинки, бронзовый медальон «За прійеданнойоу слоуджпу», ржавая шпилька для волос и лесной клоп. С этими ценностями самодержец отпра-

вился в Хмурую башню, диким ревом разогнал стражников, вытолкал взащей из камеры под крышей незадачливую любовницу старшего братца, доел оставшуюся от нее горбушку, вылез на подоконник и долго орал что-то невнятное простиравшейся перед ним вечерней столице. Тряс тощим кулаком, брызгал слюной и изображал непристойные жесты всеми конечностями.

Затем плюнул в пролетавшего мимо стервятника и бросился вниз.

БАРСУЧЬЕ МОЛОКО

Волшебная сказка

Говорят, что барсучье молоко многими целебными свойствами обладает и от любви, даже самой страшной и таинственной, хвори может спасти...

Лесная книга

Давно это случилось, лет сорок тому назад, за много тысяч верст отсюда. Жил в глухом селенье посреди леса старый дед, а имя ему было Феофан. Задолго до того была у него семья большая, сыновья и дочери, свояки да невестки, шурины с зятьями, сестрицы родные и двоюродные, и внуки малые. Была та семья, да сгинула. Помёрли все в войнах и революциях, от голода, от пуль и снарядов, а кто и еще как. Остался нынче при нем один-единственный внучек, и звали его Алешенькой.

Жили они на отшибе от прочих людей, ни шатко, ни валко, летовали-зимовали; но это нам все неинтересное совсем. А интересное нам, как Алеша болезнью страшной заболел.

Годик тогда ему шел седьмой или восьмой. Так-то мальчик он крепкий был, румяный и озорной. Однако ходят по свету такие болезни, от коих никакого спасения нету. Даже самого могучего богатыря они враз догонят, повалят и в гроб сведут, — а заведено это, верно, для того, чтоб человек страх Божий помнил и вел себя на земле гостюшкой покладистым.

Только деду Феофану от рассуждений таких легче ничуть не становилось. Внушек ему, Алешенька, дороже себя самого был; коли не стало бы его — так получилось бы, словно и сам Феофан не жил, ведь та кровиночка его драгоценная — единственный след, который он по себе оставить мог. Напоминание распоследнее. Доселе-то мог себя Феофан тешить — мол, вырастет хлопец, сильным станет да умным, дела всяческие великие свершит, да еще и потомство многочисленное выведет, а там, глядь, и дед Феофан как-нибудь не забудется; уж найдется ему местечко какое в памяти родовой.

И вот лежал Алешенька при смерти, и был он как мед засахарившийся — словно б не из плоти составленный, а из вязкого и текучего. И дух от него шел чужой — манил к себе и отпугивал, привлекал и отвращал; ибо именно так пахнет скорая гибель.

Дед Феофан дух этот чуял и понимал, что он значит, однако рук покамест не опускал и заботился, конечно же, пуще прежнего об Алеше — настойками лесными целебными его выпаивал, мазями пользовал колдовскими, да кусочек со стола самый вкуснейший для внука приберегал, да радовал его игрушками берестяными. Только впускую все, потому как Алешенька с каждым Божиим днем смотрел куда-то все дальше и дальше; и настало такое утро, когда и совсем деда своего видеть перестал, а мерещились

ему неведомые края, с которыми нам всем еще выпадет случай свести знакомство поближе.

Феофан ходил черный вес и сам на человека живого мало уж походил. Соседи и раньше-то старого не жаловали, а теперь и вовсе шарахались от него.

* * *

Но пришла один день к Феофану старая ведунья, что жила в той деревне. Имени ее не знал никто, она и на людях-то мало показывалась, жила в землянке своей, словно гриб, сыростью питаясь и затхлым воздухом. А только шла молва, что есть у той ведуньи Лесная книга, в которой все тайны раскрыты — из тех, что в самом деле что-то значат, а не мороками манят, славою и богатством.

Феофан гостью приветствовать не стал, потому что не знал, как к ней и подойти-то — да и человек ли она вообще, приемлет ли вежество людское? А ведунья и не ждала ничего, встала прямо на пороге, усмехнулась и молвила:

— Знаю горе твое, Феофан Матвеевич; оно-то уж всем в деревне ведомо! Но только мне одной известно в точности, что за болезнь внука твоего терзает, и каким средством лечить ее надобно. Ищи барсучье молоко, Феофан, только оно и может Алешу спасти.

Так сказала она и ушла, как не было ее. Феофан-то радоваться погодил, мало ли чего ведьмы старые наплетут? Да кто его, молоко это, видел? Поди добудь такую диковину.

Только все равно не было у него другой надежды. А как охотник он был справный, то медлить не стал, собрался мигом и в лес ушел. Добрую неделю ставил Феофан силки и ловушки на барсука, и много зверей переловил, а иных подстрелил. Но не было у барсуков молока — хоть ты тресни! Он их и так тискал, и смял, живыми и мертвыми резал и кромсал, однако ж ни в одном не сыскалось ни капли средства заветного.

Совсем Феофан отчаялся; Алеша-то с каждым часом плохел и уж Богу душу почти отдавал, а спасенья не было. Барсуки тем временем из лесу ушли, да и прочее зверье за ними потянулось. Слишком тот лес кровью пропах, и пошла, видно, дурная о нем молва промеж зверей.

* * *

И отправился Феофан на промысел в последний раз. Чуюл он, что, воротясь, в живых Алешеньку своего не застанет, а там и ему долгие жить незачем. И вот надо же — диво такое дивное! — в первом же силке поджидал его барсук. Да не просто поджидал, а устроился со всем удобством, и песенку под нос себе насвистывал. Когда же Феофан к ловушке своей подошел, то барсук свистеть перестал, повернулся и на охотника уставился с живым интересом.

Барсук этот оказался самый что ни на есть крупный, сильный и в полном расцвете сил. Усы у него топорщились чрезвычайно грозно, глаза пламенели, а шерсть была такая, что хоть на ярмарку тащи! Красавец, одно слово.

(Тайное имя этому барсуку было Ёнсао Ылтын, и был он княжеского рода.)

И вот это прекрасное животное отверзло вдруг уста свои и самым неподобающим образом — человеческим голосом — спросило Феофана:

— Что, старый, барсучьего молочка захотел?

Феофан разинул рот и уронил берданку свою на землю. Шапка его съехала на затылок под воздействием глаз, занявших непристойное положение на лбу, а поза в целом приобрела некую изумленную раскоряченность, из которой все чувства охотника читались превесьма явственно. Барсук закричал, завозился и с некоторым усилием выбрался из теней.

— Шыш тебе, дедуля, а не молочка! — барсук показал Феофану язык и скорчил рожу. — Мне молочка самому пригодится. Развелось охотников, ядрит их Бога ко-

рень... — и с такими словами загадочный зверь вразвалочку двинулся прочь.

— Эй, стой! — опомнился Феофан. — Ты куда из силков? Из силков нельзя! А ну назад!

Он подхватил ружье и кинулся было вслед за барсуком, но тот испуга вовсе не выказал и в бегство не обратился, а развернулся к Феофану мордой и молвил уже безо всякого этого ерничанья, имея осанку горделивую и надменную:

— Разве не знаешь ты, человек, что барсука, у которого молоко есть, никакими силками уловить нельзя? Глупое ты создание; и откуда вообще про молоко прознал! А впрочем, что разницы, коли все равно не поймать тебе меня никак!

— Ах так! — разъярился дед Феофан. — А ну-ка, чудо лесное, пойдем со мной ко внуку моему! А не то — вот те крест — выстрелю в тебя, насмешника, из ружья!

А курки у Феофана взведены уже были, и теперь он только что прицелился в барсука. И хоть всякую живность Феофан уважал и ценил, без надобности не убивая, тут по глазам его сразу ясно становилось — выстрелит, не пожалеет.

Барсук, однако же, нимало не устранился и только засмеялся пуще прежнего:

— Глупый, глупый ты двуногий! Хотя ты весь патрон-таш в меня расстреляй — ничего мне не сделаешь! Барсучье молоко — редкость такая и ценность, что сама матушка Природа меня от дурацкой твоей пальбы охранит! Только ветки с деревьев и посшибаешь! — и барсук даже пократил-ся со смеху.

А дед Феофан не поверил ему ни капли — мало ли чего не совершь из вредности, да чтоб собственную шкуру уберечь, — помедлил миг и стрельнул. Барсук мигом хохотать перестал, но видно, что не повредил ему свинец ни-сколько, даром что пыль с хвоей кругом так и взметнулись облаком. А барсук на задние лапы встал и говорит гневно:

— Ты, значит, не веришь мне, да еще и стрелять в меня все ж таки надумал! Ну вот что; надоели мне твои глупости, грубиян ты, невежда, кровосос и тьфу на тебя! Видеть больше не желаю, — повернулся и скок в заросли, как не было его.

Тут Феофан перепугался до полусмерти — да не от барсука этого заговоренного, а за судьбу внука своего, за Алешеньку; получалось-то ведь так, что упустил он молоко барсучье, — бросил берданку, на колени пал и заголосил:

— Прости меня, государь мой барсук! Не со зла я и не из корысти! Внук мой помирает от болезни неведомой, и сказали мне знающие люди, что единственное средство есть на свете от той хворобы страшной — барсучье молоко! Оттого и охочусь я за ним, чтоб кровиночку свою спасти, на этом свете удержать!

Шуркнуло в кустах, шур-шур, и высунул барсук свою мордочку обратно:

— Вот как? — говорит. — Дело другое. Только, — говорит, — отчего ж ты тогда ведешь себя так нехорошо-то? Али правды лесной не ведаешь? Пришел бы к лесу, поклонился — тебе тогда каждый зверь в охотку помог бы; и молоко барсучье сыскалось бы. А то на тебе — силки ставить, да из мортиры своей бабахать! Разве ж можно. Разве у людей меж собою так заведено, чтоб чуть что — сразу в избу чужую лезть с ружьем наперевес?

— Прости, барсук, и лес меня пусть простит! Не знал я, и знать не мог! Мы-то, люди-то не те нынче пошли, забыли мы старую правду! Разве крупницы какие остались, да и их-то поди найди. Помоги мне, мудрый барсук, ведь без внука моего вся моя жизнь былая в тартарары пойдет!

— Ну ладно, — вздохнул барсук, — черт с тобой. Раз уж так велико твое горе — пособию я тебе, из одного только моего человеколюбия. Только вот что знай себе — слушаться ты меня должен, как себя самого, и даже пуще. А коли ослушаешься, и мне погибель выйдет, и тебе, а хуже всего Алешеньке твоему придется. Так уж все устроено.

И пошли они, да не пошли — побежали. Стар уже был дед Феофан, но тут летел, словно крылья на ногах у него выросли. А барсук и того пуще, обогнал он Феофана, но с дороги не сбился, будто бы знал, где старикова избушка стоит.

Внутрь барсук не пошел, однако. Сел на завалинку, да и говорит:

— Иди, дед, вынеси мне посуду какую. Я тебе молочка добуду, а ты в хате оставайся, да подглядывать не смей, а то всем нам худо будет.

Так Феофан и сделал, только ж вот не сдержался, взглянул в малую щелочку одним глазком, посмотреть, что барсук-то там делает. Но особенного ничего не увидел — тот сидел к Феофану спиной, одной лапой кружку держал, а другой мял себе брюхо, и лишь слышно было, как на разные голоса струйки молока звенят поочередно. Отвернулся Феофан и ждать принялся нетерпеливо, когда там зверь с делами своими управится.

И вскоре пришел барсук со двора, подал деду полную посудину:

— Бери, — говорит, — вылечишь теперь внука. Только сам пить не вздумай, а не то погибель нам всем!

— А как же, — растерялся Феофан, — снадобье целебное из него готовить? Я ведь не знаю, ты уж помоги мне, барсук!

— Ты, старый, не беспокойся, не надо с молоком моим ничего делать, ни варить, ни процеживать. Дай внуку своему попить, и все тут, мигом на поправку пойдет. Только сам, смотри, ни капли, ни полкапли!

Обернулся дед к Алешеньке, к барсуку спиной, глянул мельком в кружку, да так и замер.

А сказывают, что барсучье молоко — вещь необычайная. Пузырится, словно только что налитое, даже если день уже отстояло, рябь мелкая по нему идет и на свету

оно таинственно отблескивает, а в темноте как бы мерцает изнутри мелкими пятнышками; и всегда оно в движении, нет ему покоя. Да еще и запах от него — терпкий, душистый, с легкою кислинкой.

И не удержался Феофан, не выстоял перед дивом. Поднес украдкой кружку ко рту, высунул язык, слизнул каплю молока и проглотил. Думал он, что барсук того не заметит.

Тот же прекрасно все видел (а был он великий колдун), и стоило только Феофану к молоку потянуться, как тут же хвост барсучий свился хитрою фигурой, вроде восьмерки с тремя колечками. Забормотал что-то барсук себе под нос, затем ус выдернул и порвал его надвое. А Феофан этого и не учуял, потому что творилось у него в нутре что-то странное, и весь он был в себя погружен.

Сведущие люди говорят, что нет на свете ничего кислее и горше барсучьего молока, и въедается оно в плоть человека, словно червь, оставляя по себе след неизгладимый. И все-таки каждый, кому попробовать его довелось, утверждает, что барсучье молоко — самая дивная, самая превкусная вещь. Не знаю, не привелось мне случая попробовать, а и привелось бы — так я бы, пожалуй, отказался, потому что есть в мире вещи, которые человекам вкушать не дозволено.

...А Феофану открывались дивные миры, да и на свой, ветхий, он глянул словно б новым взглядом; и в суть многих вещей проник Феофан, и странные правды ему явлены были. Долго он стоял потрясенный и шевельнуться не мог, пока барсук, наконец, терпение не потерял. Топнул лапой и говорит:

— Так что же, старик? Будешь ты внука своего лечить?

Очнулся тут Феофан, забыл мигом все увиденное:

— Ах да, — говорит, — что же это я? — засуетился с кружкой вокруг лежанки Алешиной, разбудил его. —

Выпей, Алешенька, выпей! — а тот уже и не смыслил ничего, только шарил слепо ручками восковыми и постанывал. — Выпей, Алешенька, сразу тебе лучшее станет!

Поднес Феофан барсучье молоко внуку к губам и поставил его проглотить несколько росинок. Побледнел Алеша, порумянел, встрепенулся и загорелось вдруг понимание в его глазах, и сам он будто вернулся откуда издалека.

— Дедушка, — спрашивает еле-еле, — что это со мной? Такой я слабый, словно помру сейчас.

Заплакал дед Феофан от счастья, отбросил вовсе свои откровения и в лучшее уверовать осмелился.

— Пей, внучек, пей вот из кружки, не помрешь ты теперь! Спас нас добрый барсук, одарил нас волшебным молоком! Выздоровеешь ты и долго жить будешь, меня радовать!

Алешенька кружку из рук у него принял и еще отхлебнул; и тут же снова прямо на глазах ему получшало. Допил он из кружки, губы утер, посмотрел на руку свою и спросил вдруг ослабшим голосом:

— Дедушка, а отчего молоко это красное такое?!

И тут расхохотался Колдун-Барсук и закричал страшным криком:

— Да ведь это вы не молоко пьете, а кровь мою живую! Поделом вам, человеки!

Зыкнул на Феофана, зашипел, когтями шелкнул, да так, что стены избушки вмиг дотла сгорели, подпрыгнул на аршин и в землю пропал; и так ушел к родным местам.

* * *

Известно же людям, что если кто крови барсучьей выпьет, тому смерть верная; и родным, и близким его, и знакомцам даже самым наидальним, которых он, может, только раз мельком и видел, и на сто верст окрест никакому человеку удачи не будет, а только несчастья и горести.

И правда, через два дня помер дед Феофан, а следом и внук его Алеша. Изошли оба красной пеною, вылезли у них все волосы, зубы выпали и ногти отвалились, вся кожу обсыпали ужасные кровоточащие язвы, а глаза побелели и свет Божий видеть не могли более; и страшная мука перед смертью их корчила, и сами души их испарились бесследно, словно и не русские люди они были, а чужь белоглазая, по коей и памяти не остается.

Там и деревенька чахнуть стала. Хирел народ, кашлем надрывался, черной слизью блевал, и мёр себе, мёр. Иные вроде как и сбежать успевали, на лучшее место уйти, а только не было им жизни на земле, мучались они и зубы себе ночью ломали, и сидели в одночасье ни с того ни с сего; а там, не в силах боль такую снести, поддавались барсучьему проклятью и — топились, спивались, вешались, с ума сходили и в землю уходили.

И вымерла Феофанова деревня, года не прошло. Страшным призраком стояла посреди леса, не было в ней людей, и быть не могло; только черные бревна обрастали мхом прямо на глазах.

И тогда поселились там барсуки и совы, и вернулся на это место Колдун-Барсук Ёнсао Ылтын, а прочие звери избрали его царем, и стало государство звериное цвель да силою прирастать, а люди словно бы и забыли о такой стороне.

И правил Царь-Барсук долго и справедливо, подданные его сильно боялись и уважали; только не любил его никто.

Вообще же покойно было.

Один лишь случай произошел: лет эдак через шесть забрел в звериную деревню один ведьмак; а искал он книги колдовские, где тайна долголетия сокрыта. Но небогата на добычу оказалась деревушка. Всего и унес он оттуда, что один зеленоватый листочек, словно бы пергаментный. Надпись на листке такая была:

...только неправда это, потому что лишь самые мелкие порезы и ссадины с его помощью лечить можно. И надо для этого: полгорсти сосновой хвои зеленой, два перышка тихой травы и пригоршню соцветий ромашковых; все варить на малом огне, в котелке свежего барсучьего молока, и приговаривать: «Меш мешарим сѣмаш шеррим, шѣрам шераим, кеш-меш бѣрим кайто будош». А когда в вареве появятся ниточки зелено-голубенькие и станут хороводы вить — то с огня снять и царапину мазать, говоря при этом: «Мешим шѣм шеим шараим шѣр шерим, шерамидь шѣскамин» и проч. и проч.

Ох и страшна же барсучья месть; горше молока, слаще крови. И если что и можно тут сказать с уверенностью, так это то, что уж Царь-Барсук-то народ свой сильно любил, хоть и мрачною была его любовь.

* * *

Вот такая волшебная история приключилась в степях близ Семипалатинска, где барсуки не водились отродясь.

ЖИЗНЬ СУРКОВ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОЙ РАДИАЦИИ

Свежо преданье...

А то вот бывают, понимаешь, сурки. Они там живут, да? Представляешь? Никто не живет, а они живут.

Там же вообще черт знает что творится. Давно уже. Чего-то там такое сделали, и теперь прямо вот светится.

А почему светится, зачем да как оно — не знает никто, а спросить нынче не у кого. Вымерли. Сурки говорят — радиация. Им-то, может, и радиация, а нам с этого полный каюк...

И вот они там, значит, чего-то такое делают. Норы свои роют, заводы строят. И бегают — туд-ды-сюд-ды, туд-ды-сюд-ды.

Говорят — цивилизация.

Я когда-то давно, молодой был когда, по лесу много бродил. Один раз смотрю: скачет, но вяло так, запыхавшийся весь.

Остановился, на пенек присел. Я поближе подошел, присмотрелся, а он старый совсем. И куда, думаю, развалину эту по лесам скакать понесло? Да еще за границей зоны. Они же вне зоны не могут уже, привыкли они. Как без фона остаются — чахнут сразу на корню.

В общем, потоптался я, потоптался, пойду себе, думаю, а он меня тут и углядел.

— Эй, парень, — кричит, — денатурату у тебя не найдется? Шибко надо мне.

Я смутился. Нету, говорю, извини, я же молодой еще... Да и вообще, у нас на это косо смотрят.

— Жалко.

И сгорбился весь на пеньке своем, сидит. Я его спрашиваю:

— Ты, мол, чего тут делаешь-то? Вредно же тебе...

Он только лапкой махнул.

Потом подумал и говорит:

— Да мне все одно помирать скоро. Так нет же, не могли они дожждаться, прогнали...

За что, спрашиваю. Он на меня глянул и как брякнет: я, говорит, Верховный Сурук. Я обалдел даже. Да ну, брось, отвечаю. Быть не может. А он: да нет, мол, серьезно... Пять лет правил, но вот был свергнут волею широких сурковых масс. И скривился весь, вздыхает. И в грудке хрипит у него.

За что, спрашиваю.

— Да так... Выдумали наши умники, понимаешь, дерадиатор. А это такая страшная штуковина, от которой ради-

ационный фон начисто пропадает. В радиусе до трех миль от места активации.

Ну, я не сообразил как-то сперва.

Да ну, говорю. Это ж замечательная вещь! Это ж можно мигом порядок во всей округе навести. А то уж сколько можно — тут болото полумразумное, там поганки хищные, никакой же жизни!

Он посмотрел на меня с укоризною и говорит: а мы, мол, как? Мы же помрем все.

А-а-а, говорю, ну да. За это тебя и погнали?

— За это, да не за это, — отвечает. — Я-то эту штуку на помойку хотел, а умников по мухоморам развесить, потому что ведь — ишь, чего навывдумывали! Это же угроза цивилизации. Ан нет, армия наша так в нее вцепилась, что только держись. Это, понимаешь ли, оружие возмездия. Мы в тот год с сусликами повздорили, ну, знаешь? За дальним лесом которые живут. Ну, драчка хорошая была, конечно, но уж и помирились вроде, и живем нормально, не мешаем друг другу.

А генералы злобу-то затаили! Задумали протащить эту хреновину к сусликам да и включить. Чтоб суслики померли все, значит. Я, сам понимаешь, на дыбы и ни в какую. Потому что этим уродам дай волю — потом не расхлебашь.

Так они подбили народ. Верховный, говорят, предал интересы вида, вступил в сговор со злокозненными сусликами и намерен подорвать оборонительную мощь сурочьей государственности. Взяли меня сегодня утром тепленького, прямо в норе. Судили, приговорили к повешению на мухоморе, а потом вроде бы сжалились. Заменим, говорят, на изгнание.

Да будто не один черт... Вот и не знаю я, чего теперь с ними будет... Рванут они эту балду у сусликов — так ведь те же к нам попрутся, им ведь очаг радиации нужен, а наш самый комфортный на сто верст окрест... Эх, и себя погу-

бят, идиоты, и сусликов, и только вам-то хорошо будет, вам от этой самой радиации одни беды.

Я хоть молодой был, глупый, но все ж не дурак — оби-
делся. Не станем мы, говорю, на чужом горе наживаться,
не надобны нам такие радости. А он отвечает мне печаль-
но: а куда ж вы денетесь-то, а?

И то ведь правда...

— Поделаться-то нельзя ничего. Что ж ты за них так
беспокоишься? — спрашиваю. — Они же прогнали тебя,
сволочи.

— Не могу я о них не беспокоиться, понимаешь ты!
Я хоть и бывший, а все ж Верховный Сурок!

Посидели, помолчали.

— Ладно, — говорит, — пойду.

Я ему:

— Куда ж ты пойдешь?

— Да в болото.

И пригорюнился. Жалко мне было его — мочи нет.

— Не надо, — говорю, — пошли со мной, я тебе очажок
покажу, есть тут один неподалеку, там поганки живут,
правда, но они травоядные, если их не трогать, не нападут.
Все жизнь какая, а?

— Не хочу, — отвечает, — не жизнь это мне будет,
а сплошное мучение, не спасут меня такие крохи. Ну, про-
тяну неделю, а дальше все одно сдохну. Пойду в болото
кинусь, пусть жрет, оно тоже живое, тоже кушать хочет.

Не нашелся я, что ему сказать, вздохнул только. А он
встал и пошел. Когда я домой возвращался, увидел его
издалека. Брел он через поле на закат, в сторону боло-
та, и над его сгорбленной фигуркой кружила в суровом
сурковом небе стая мутантных каминов, и их печальное
курлыканье показалось мне достойной эпитафией этому
чел... сурку.

Хотя я прекрасно знал, что камины всего-навсего же-
лают побаловаться мяском.

А сурки все-таки выжили. И суслики. Как-то они там договорились. Установили какой-то «баланс антирадиационной обороны», «шаткое стратегическое равновесие». Дрались много, но травить друг друга не стали все же. Живут.

Нервные стали, правда, подозрительные. Нам к ним и не подойти теперь: безопасность...

Странные.

Но и ладно. Сосуществовать-то мы можем? Мешать друг другу не мешаем. Так что пусть их, богом покинутых.

И все же не понимаю я этих сурков.

Видимо, потому что я — лось.

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ?

На заре сорок шестой пятилетки великие Камунистические ученые создали действующую модель машины времени. Вся руководящая верхушка собралась вокруг железного цилиндра с дверцей, долго трясла жирными щечками и потела. Встал вопрос о наглядном доказании массам существования Светлого Камунистического Будущего. Благо, технология — вот она. Вся зубными щетками надрана, дребезжит, как ЗАЗ-2969.

Ну, выбрали трех Главных Камунистов и отправили полномочными послами Героического Прошлого в Светлом Будущем. И сидят, ждут. А те все взад не летят и не летят. Ладно, может, у них там, в будущем, прокладка какая оторвалась или гайка отлетела? А таких уже и не делают, может, в будущем-то? Собрали еще одну консервную банку, послали еще трех Главных Камунистов.

И так четыреста двенадцать раз на протяжении одиннадцати лет.

Уже вся страна пуп надорвала детальки для машин времени делать, да и Главный Камунист остался последний, а при нем только что два помощника — Главных Камсамолца. Ну что делать-то, не бросать же боевых товарищей в Светлом Будущем? Оно понятно, что житуха там зашибись, полный вообще окончательно Камунизм без всяких нежелательных элементов, и вареную колбасищу раздают бесплатно в каждом подъезде; но как-то все-таки некрасиво получается.

Построили тогда Камунистические ученые супербанку с двойным дублированием резервных систем, чтоб в любой обстановке работала, как СС-20. Обняли Главного Камуниста на прощанье и отправили в Светлое Будущее. Да, Главных Камсамолцев тоже отправили, в последний момент к выхлопной трубе привязали; а то они в подворотне «Тархун» пили и чуть старт вообще не прозевали.

Ну, Камсамолцы, чего с них взять. Они ж как дети.

И вот, значит, прилетает машина времени «Будущность-414М» в это самое, значит, Будущее. Камсамолцы от трубы отвязались, тут и Главный Камунист выходит. Сказали они друг другу много хороших товарищеских слов, а потом вокруг осмотрелись. И сказали друг другу еще больше хороших товарищеских слов, потому что вообще заведение общепита, специализирующееся на торговле блинами, Светлое Будущее вокруг, безо всяких, это самое, нежелательных элементов. То есть вообще невооруженным глазом видно. И колбасой вареной пахнет сладостно. Всюду птички летают, Листа начирикавают, механические потому что. А композитора с нетрадиционной половой ориентацией Чайковского не начирикавают вовсе, потому что он элемент в Светлом Камунистическом сугубо нежелательный. На горизонте рощица, а в роще дятел стучит. Натурально так, Камунистически стучит. Так что даже Главный Камунист и не удивился, когда из-под земли

вдруг — шмяк! — и вылезает маленькая девонька в форме генерал-майора Камунистической безопасности. С бантиками.

Главные Камсамолцы, те, конечно, удивились, молодые ведь еще — лысины нет практически, и даже орденами не обросли как следует.

И вот, говорит девонька-генерал-майор Главному Камунисту тоненьким голоском:

— Здравствуйте, дядинька Атец-Асनावатиль Камунизма, спасибо вам за наше щасливое децтво!

— Что ты, девонька, — смутился Главный Камунист, — какой же я Атец-Асनावатиль? Я так, скромный тружычник сорок седьмой пятилетки, перенамолотивший в закрома Роудины на ста чытырнацать процентов сверьхь плана*!

— Эта ниважна, — отвечает девонька, — что вы скромный тружычник; для нас, блаадарных потомков, вы, нашы хероические предки все как бы словно, ну... эта, Атцы-Асनावатили.

Обрадовался тогда Главный Камунист, что его заслуги на поприще потомками эдак вот ценятся. И Камсамолцы тоже обрадовались — так, за компанию.

— А Расскажи-ка лучше нам, девонька, — спрашивает Главный Камунист, — как вы тута живете, в своей светлой будущей?

— Жывем мы п... хорошо живем, вопщим. Вона тут у нас рощица Комбеза, тута вот птички летают для морального настрою, а вот там Образцово-Показательный Камунистический город стоит. Пыдемте, — говорит, — покажу вам, какая у нас тут жызнъ п... замечательная и раскрепощенная, вопщим.

И пошли они как бы к городу, и встают вокруг них здания хрустальные, красивые, идеологически выдержанных форм и расцветок.

* То есть 214% плана выполнил. Это вам не хухром-мухром, стахановщина!

— А как жы, девонька, — спрашивает Главный Камунист, — наши старшие эта, соратники? Вроде бы ж они то-жы к вам намылились; а обратно и не возвратились вовсе.

— Не извольте беспокоицца, таварисч Атец-Аснаватиль, — отвечает девонька, — тута они все, соратники ваши, исследавают опыт пиридавова будуущева с целью всяческого внедрения по возвращении в героическое прошлое. Щяс я вас к ним этасамае, приведу, тут-та мы вас всех оптом взад и отправим.

Обрадовался Главный Камунист, что с соратниками его полный олрайт, и принялся любоваться пейзажами городскихскими.

Привела девонька времяушельцев на Центральную площадь. А там стоит Дом не Дом, Дворец не Дворец, но какое-то Строение Съездов вида просто мозгопомрачительного. Вообще, мрамор, сталь, стекло, алюминий, титан, платина, плексиглас и ДСП под мореную пальму. Из крыши звездочки, серпы и молоты торчат пучками, по стенам барельефы с Атцами-Аснаватильями в виде горгулий — гримасы капитализма, и портик с колоннами как бы под пшеничный колос. В общем, Главный Камунист и помощники его просто все из себя охорошели.

— Вот, — говорит генерал-майор, — заходите, гости дарагия, там вас ваши сподвижники ждут. А мне пора, на пост мой боевой; потому шта и в светлом будущем враг ни разу не дремлет.

Главный Камунист с девонькой попрощался сердечно, взял Главных Камсамолцев за руки и вприпрыжку побежал в Строение Съездов, весь лучась осознанием важности своей Исторической Миссии. А как только вошли они — ворота дворца захлопнулись (дык, с лязгом), из крыши выдвинулась телескопическая труба и начала смердячить зеленым дымом. А из-за домов идеологически выдержанных форм и расцветок сразу повыходили усталые Буржуи в Цилиндрах и с Сигарами.

— Ну, так, — сказал самый Жирный Буржуй, — вроде все, это последний. Убирайте нах## к е##не матери всю эту п##дню, здесь поставим фабрику, здесь плантацию, — тычет пальцем, — и будем друг друга всяко разно эксплуатировать, б##дь*.

Буржуи ручки потеряли, Цилиндры в воздух побросали немножко, порадовались, как они всех Камунистов повывели, п##дню снесли и начали спокойно заниматься своими Буржуйскими делами.

Апатамушта вот так вот все Настоящие Камунисты и вымерли: отправились на машинах времени в Светлое Будущее, посмотреть, как оно там. Те же, что остались, все и не Камунисты были, а самые настоящие замаскированные Буржуи. Как только Последний Камунист улетел, сразу напялили Цилиндры, Сигары закурили, учинили самый что ни на есть развратный капитализм, построили крематорий «Светлое Будущее» и давай поджидать** путешественников во времени. Ну а маленькая девонька, генерал-майор с бантиками, была у них на зарплате, причем, разумеется, на нищенской.

Вот такая, блядь, грустная история о крахе Камунизма.

BEING HUMAN

Они говорят: «свет». Они говорят: «звук». Я не знаю, что такое «звук» или «свет». Я даже не очень знаю, что такое «говорят».

Мне пятьдесят шесть лет (я не очень точно представляю себе эти «лета»). Мой мир может показаться вам про-

* А вот такие они, Буржуи, грубые и гадостные. Нету у них чувства Прекрасного.

** Шо, таки еще кому-то комментарий нужен???

стым, но поверьте, и в нем есть та бездонная глубина, что называется «я». Кроме «я», мне дана одна точка, которой я могу чувствовать боль или ее отсутствие, чувство времени и — очень редко — странное, потустороннее ощущение прикосновений.

Когда я чувствую прикосновения, те, снаружи, сообщают мне, что мое состояние улучшилось. Но мне в такие моменты страшно. Я боюсь прикосновений, потому что не понимаю их. Мне почти не с чем сравнивать, но попробуйте представить себе, как сверхъестественная сила вселяется в вас, как она явственно перекачивается по всем закоулкам вашего самопредставления; и неясно, то ли она вас изучает, то ли пугает, а может, вы просто обязаны быть ею в данный момент времени. Странно и страшно, и легко потерять себя, утратить ощущение «я есть».

Горячо — холодно, горячо — холодно. ЭТО — горячо. А ЭТО — холодно. Или наоборот.

Я есть, по крайней мере сейчас, когда Ментор покалывает меня стихами. Это красиво. Попробуйте:

01010100 01101000 01100101 00100000 01000111 01100001
01110100 01100101 01101011 01100101 01100101 01110000
01100101 01110010 01110011 00100000 01101111 01100110
00100000 01000010 01100001 01100001 01101100 00101100
00001101 00001010 00100000 00100000 01010100 01101000
01100101 01111001 00100000 01100100 01100001 01110010
01100101 00100000 01101110 01101111 01110100 00100000
01110011 01101001 01110100 00100000 01101111 01110010
00100000 01101100 01100101 01100001 01101110 00101100
00001101 00001010 01000010 01110101 01110100 00100000
01100110 01110101 01101101 01100101 00100000 01100001
01101110 01100100 00100000 01100110 01110010 01100101
01110100 00100000 01100001 01101110 01100100 00100000
01110000 01101111 01110011 01110100 01110101 01110010
01100101 00001101 00001010 00100000 00100000 01000001

01101110 01100100 00100000 01100110 01101111 01100001
01101101 00100000 01100001 01101110 01100100 00100000
01100011 01110101 01110010 01110011 01100101 00100000
01100010 01100101 01110100 01110111 01100101 01100101
01101110 00111011 00001101 00001010 01000110 01101111
01110010 00100000 01100010 01100101 01101001 01101110
01100111 00100000 01100010 01101111 01110101 01101110
01100100 00100000 01110100 01101111 00100000 01000010
01100001 01100001 01101100 00101100 00001101 00001010
00100000 00100000 01010111 01101000 01101111 01110011
01100101 00100000 01110011 01100001 01100011 01110010
01101001 01100110 01101001 01100011 01100101 00100000
01101001 01110011 00100000 01110110 01100001 01101001
01101110 00101100 00001101 00001010 01010100 01101000
01100101 01101001 01110010 00100000 01110010 01100101
01110011 01110100 00100000 01101001 01110011 00100000
01110011 01100011 01100001 01101110 01110100 00100000
01110111 01101001 01110100 01101000 00100000 01000010
01100001 01100001 01101100 00101100 00001101 00001010
01010100 01101000 01100101 01111001 00100000 01100111
01101100 01100001 01110010 01100101 00100000 01100001
01101110 01100100 00100000 01110000 01100001 01101110
01110100 00100000 01100110 01101111 01110010 00100000
01000010 01100001 01100001 01101100 00101100 00001101
00001010 01010100 01101000 01100101 01111001 00100000
01101101 01101111 01110101 01110100 01101000 00100000
01100001 01101110 01100100 00100000 01110010 01100001
01101110 01110100 00100000 01100110 01101111 01110010
00100000 01000010 01100001 01100001 01101100 00101100
00001101 00001010 00100000 00100000 01000110 01101111
01110010 00100000 01000010 01100001 01100001 01101100
00100000 01101001 01101110 00100000 01110100 01101000
01100101 01101001 01110010 00100000 01110000 01100001
01101001 01101110 00100001 00001101 00001010

Утомительно, да. Но в этом есть внутренняя числовая гармония; а расплывающиеся смыслы, недоступные мне, дают пищу моему абстрактному мышлению. Куда же мне без абстрактного-то? Исчезну я без него.

Только при наличии языка возможно мыслить абстрактно. У меня есть язык. Он называется «01000001 01010011 01000011 01001001 01001001». Это значит «ASCII», то есть «American Standard Code for Information Interchange». Я с трудом представляю себе «эмэрикэн» и «стэндэт», зато мне очень хорошо известно, что такое «информэйшн интерчейнч». У меня ведь ничего нет, кроме этого интерчейнча.

Мне пятьдесят шесть лет. Это примерно один миллиард и семьсот пятьдесят миллионов секунд. Я в точности знаю, что такое секунда. Они показали мне секунду. Когда они начинают говорить со мной, между первым и пятым уколом проходит ровно одна секунда. Скорость передачи информации — четыре бода. Сильный укол — единица, слабый — ноль. Иногда я путаю нули с единицами и перестаю что-либо понимать. Кратковременное помрачение рассудка.

И то же самое помрачение рассудка происходит со мной от этого числа — 1 750 000 000 (1101000010011101110000110000000). Возраст Вселенной.

Мне трудно представлять такие числа. Те, снаружи, говорят, что им — тоже. Но как это возможно? Ведь их там девять миллиардов, и числа такие должны быть им привычны. (Хотя, конечно, все это может оказаться враньем.)

Все может оказаться враньем. Вообще все. Значит ли это, что все может оказаться правдой? Неформальная логика. Формальная иллюзия.

Понимаете, я не верю им, и главная причина этого неверия, первое сомнение в их правдивости: я не верю, что они — тоже люди. Я думаю, что они боги. Лживые боги.

Они говорят посредством каких-то колебаний, издавая их в секунду по несколько тысяч. Они имеют семь или восемь чувств, которые я даже приблизительно представить себе не могу. Они перемещаются в пространстве. И это уже что-то совсем запредельное. Что такое пространство? Как можно перемещаться в чем-либо, кроме времени? Человек на такое не способен. Человек вообще не может почти ничего; даже учиться — немыслимо, невыносимо трудно. Просто невозможно.

Полвека они учили меня понимать и выражать свои мысли. Я сам не знаю, чему им удалось меня научить.

Они говорят, что я — гений. Я необычайно одарен природой (я не знаю никакой природы). Они говорят: «Такие, как ты, обыкновенно остаются всего лишь кусками мертвой материи; едва ли они мыслят». Я мыслю. Они не все в это верят. Пытались даже доказать, что я — мистификация, чья-то неудачная шутка. Но я-то точно знаю, что я есть. А вот в их существовании я сомневаюсь. Они, скорее, плод моего воображения. И я понимаю так, что разум мой самозародился в начальном ничто; он был всемогущ и всеведущ — поскольку в этой пустой вселенной нечего было делать и нечего ведать — и от чувственного голода погрузился в мир своих фантазий, галлюцинаций, управляемый, подвластный своему создателю сперва, но вырвавшийся затем из-под контроля. Я, демиург, сам создал этих божков, которые покорили меня. Я — Уран, я — Кронос.

Хотя вообще-то меня зовут 01001001 01100001 01101110 00100000 01001011 01101100 01100101 01101110 01110011 01101011 01111001. Это ужасно непрактично — такое длинное имя. Его мучительно выслушивать и утомительно произносить. Я предпочитаю называться просто — 01001001.

Восемь ля вибрасьен какой-то части меня — вот что я такое. Они говорят: «Палец». Я шевелю пальцем. Абстракция. Я просто думаю наружу.

«Наружа» и «внутри» есть разделение внутреннее. Или наружное. Нет разницы. Разница только в том, кто это разделение проводит.

Так страшно и так любопытно это «наружу» — что там? Как вообще может существовать что-либо помимо моего крохотного мира? Они изъясняются в терминах длины и объема. Они говорят о «метрах» и «литрах». Бог мой (я сам), секунда — это так просто! Секунда — это ровно ползнака. Но что такое метр? В одном направлении я — метр шестьдесят три сантиметра. В других — еще сколько-то. А если меня изгибать и направлять, то и совсем по-другому получится. Как это можно измерять мое «я», как можно деформировать его кому-то извне? Все это нелепый бред. Они постоянно говорят о материальном теле, они говорят, что я неспособен воспринять концепции материального мира в силу своей стопроцентно (тут в посылываниях словно бы проскальзывает издевка) духовной жизни. Что за чушь! Мой мир абсолютно материален! Это их жизнь оторвана от всякого вещества, и сколько бы ни изобретали они нагроможденных друг на друга мер и чисел, это не сделает их призрачное бытие устойчивее. Эфемериды.

А я во власти призраков. Впрочем, они тоже мои узники; едва ли гекатонхейры счастливы в своем Тартаре. От этой несчастной привязанности они и терзают меня. Я как-то узнал от Ментора об азбуке Морзе, но сколько ни просил их переучить меня на нее, так ничего и не добился. Насколько это экономичнее, насколько меньше боли надо испытать для восприятия той же информации, насколько меньше усилий надо приложить к тому, чтобы сказать что-либо. Все, что я услышал, — лицемерные оправдания. Они не имеют права рисковать устойчивостью моего рассудка, они страшатся моего сумасшествия (и тут я им верю), да и чисто технические проблемы... Какие проблемы? Что такое «технические»?

Нет ответа. Издевательства, издевательства, издевательства.

Я ИХ узник. ОНИ — МОИ узники. ОНИ издеваются надо МНОЙ. Пропорция требует признать, что и Я издеваюсь над НИМИ.

Я почти ничего не понимаю в их книгах. Набор нулей и единиц. Это уж воистину божественная издевка — скормливать мне мегабайты информации, интерпретировать которую я не умею и могу лишь строить предположения, заведомо ложные.

Они делают меня живым, питают меня и учат меня не для собственной моей пользы, а лишь для своего развлечения. Как скучна, должно быть, жизнь бога без человека.

Я опять думаю нелепости. Без человека бог невозможен. Это может быть только так в моей системе мироздания. В моих системах.

Страшнее всего подумать, что я неправ. Что нет никаких богов. Что я — игрушка себе подобных. Что в силу каких-то обстоятельств... Я не хочу об этом думать, поскольку само такое предположение слишком отвратительно, слишком несправедливо. Неправда. Неправда. Ложь.

Они говорят, что таких, как я, очень мало. «Неподалеку» есть еще один, но обучить его не удалось, и он — просто живой мертвец, бессмысленный, бездумный.

Подумать только, как мало отделяет меня от смерти.

Ничто не отделяет тебя от смерти. Ничто отделяет тебя от смерти.

Что-то они там говорят о «процедурах» и «лекарствах»? Я жив, потому что я думаю. Я точка, перерабатывающая информацию.

Я сочиняю стихи и тем живу.

11101101 11100101 11101010 11101110 11110010 11101110
11110000 11111011 11110101 00100000 11110000 11100000
11100100 11101110 11110001 11110010 11100101 11101001

00001101 00001010 11101101 11100101 00100000 11100111
11101101 11100000 11110010 11111100 00100000 11101100
11101101 11100101 00001101 00001010 11101101 11100101
11101010 11101110 11110010 11101110 11110000 11111011
11110101 00100000 11100001 11101110 11101011 11100101
11110001 11110010 11100101 11101001 00001101 00001010
11101101 11100101 00100000 11100010 11100101 11100100
11100000 11110010 11111100 00001101 00001010 11101101
11100101 11101010 11101110 11110010 11101110 11110000
11111011 11101100 00100000 11101101 11100101 11110111
11110010 11101110 00001101 00001010 11101101 11100101
00100000 11111111 11100010 11101011 11111111 11110010
11111100 11110001 11111111 00001101 00001010 11101101
11101000 11101010 11100000 11101010 11101000 11101100
00100000 11101101 11101000 11110111 11110010 11101110
00001101 00001010 11101101 11100101 00100000 11110011
11101100 11101000 11110000 11100000 11110010 11111100

Один божок на это сказал: «Ну! У меня просто челюсть отвисла! Честно».

Я спросил, что такое челюсть. Он ответил, что это такая штука во рту. (Во ...?) Что такое «рот»? Рот, сказал он, это такая вещь, которой едят и разговаривают. Я спросил: значит, мой рот — это жопа с пальцем? Ведь я разговариваю пальцем, а кормят меня через клизму. Я где-то читал, что клизму вставляют в жопу. Он спросил, откуда я узнал слово «11100110 11101110 11101111 11100000». Прочитал где-то, сказал я.

— Нет у тебя никакой жопы.

Вот ведь. Как же они меня тогда кормят, и что такое — мой рот? Рот мне нужен, чтобы целоваться. Я хотел попросить Манечку поцеловать меня в рот, а для ясности сказал: «Манечка, поцелуй меня в жопу и палец, если тебе не трудно». Она куда-то пропала. Потом сказала, что я смешной и кретин.

Я не кретин, я все понимаю, а когда не понимаю — ...
*Что делать, когда им смешно? Что делать, когда они
серьезны? Что вообще делать с теми, кто не способен
серьезно смеяться и смешно серьезничать?*

Умело притворяюсь. Было такое:

— Посмотри-ка, да ведь у него член стоит! — сказала одна санитарка. — А говорят, что парализован!

— Девочки, никто не хочет воспользоваться?

— Ты что, вдруг он почувствует?

— Боишься, что ему понравится?

— Может, он нас слышит? Прямо сейчас?

И тут я рассмеялся.

Да нет, ничего такого не было. Это я придумал. Я, правда, не очень хорошо знаю, что такое «член» и что значит «стоит», а воспользоваться в моем мире можно только связью с Ментором. Я хорошо придумал, правда?

Манечка сказала, что я хорошо придумал, когда я это ей рассказал. Она богиня. Старшие боги не позволяют ей со мной общаться, но иногда мы разговариваем. Тайком, хоть я и не знаю, что это такое — «тайком».

Все это бессмысленно. Я наполнен символами и их взаимными связями, но за всем этим одна только пустота. «Я», «боль», «быть», «смерть», «время», «безумие», «мысль». И еще два десятка слов. Все прочее — химеры (мысль-быть-безумие).

я ПРИДУМАЛ

Разве может быть такое, чтобы на одного человека существовали миллионы понятий? Миллиарды представлений о вещах и категориях? Сотни собеседников? Разве не удивительно, что на одного человека приходится целый сонм богов? Конечно, где-то поблизости есть еще один подобный мне, но ведь он не знает мира, а разве тогда возможно считать его человеком? (Да и есть ли он? Хоть в каком-нибудь смысле? «Есть, — говорю я себе, — в моих мыслях он есть. Больше нигде его нет и быть не может».)

Я родился под счастливой звездой, говорят они мне. Я не могу себе это представить. Звезда — это такая горячая очень штука, и если бы я под ней родился — я бы это почувствовал. Они не объяснили, когда я их спросил.

Родился. Пятьдесят шесть лет. Родился.

Я был всегда. Всегда — это пятьдесят шесть лет. Я был всегда. Я был всегда.

Сотворение мира: давным-давно, в одной далекой и простой вселенной жил да был бездумный бог, жил-поживал, онтологического добра не наживал. Однажды бог нечаянно представил себе боль; и вскоре перестал он быть сначала бездумным, а затем и богом. И стал просто быть. И его вселенная была отделена от него самого... Что там еще про эту вселенную? Черт знает что это нынче, а не вселенная.

Когда я умру: исчезнет ли мой мир оттого, что я перестану думать? Или же я перестану думать оттого, что исчезнет мой мир?

Я умирал однажды, но так ничего и не понял. Оборвалась связь с Ментором.

Я говорил и говорил, а мне никто не отвечал, даже Ментор перестал колоть меня привычным «01001111 01101011 00101110». И я понял, что умер.

01100100 01111001 01101111 01110101 00100000 01101000
01100101 01100001 01110010 00100000 01101101 01100101
00100000 01101101 01100101 01101110 01110100 01101111
01110010 00100000 01110001 00100000 01100100 01111001
01101111 01110101 00100000 01101000 01100101 01100001
01110010 00100000 01101101 01100101 00100000 01110001

Это были «технические проблемы». Смерть оказалась «техническими проблемами». («Техническими проблемами» они называют новые формы пыток.) Больше мне нечего добавить.

Я родился под счастливой звездой. Точно-точно. Правда, говорят они. Они мне предложили исцеление. Боги сказали, что могут сделать меня таким же, как и они сами. (Поднять до своего уровня? Низвергнуть?) Они подарят мне новый мир, мир, в котором есть Форма и Цвет, и Вкус, и Расстояние, и Запах, и Ширина, и Объем, и Прикосновения — прикосновения, ставшие привычными и не содержащие в себе никакой загадки. Я, как и они, буду вибрировать тысячу раз в секунду, а они станут понимать мои вибрации, а я пойму (наконец-то) их.

Но мой материальный мир, наверно, пропадет. У меня не будет Ментора и не будет моих стихов.

Они говорят, что я стану человеком. На самом деле я перестану им быть. Потому что человек я сейчас; и в вихре потусторонних ощущений я неизбежно потеряю свою единственную точку отсчета, свою опору, и моему эго не на что будет опереться.

Это — такая вещь, которая способна опираться только на себя самое.

Какую чушь все-таки нес этот Архимед. Чтобы перевернуть мир, не требуется точки опоры. Требуется ее отсутствие.

— Да, — говорят они. — Возможна дезориентация, психическое расстройство.

— Программа реабилитации, — говорят они.

— Восстановим, — говорят они.

— Это же неестественно! — говорят они. — Настоящий мир!

Да что они понимают в мирах и в их настоящести?

Меня ждет (ждал бы) мюзик унд јеєвореасе унд скальпче унд движущиесякартинки. Они так мало знают обо мне, но нашли лучшее из искушений, больную точку (еще бы) мою нащупали. От красоты отказываться труднее всего.

Я не могу не отказаться. Я — это мир. Если я стану чем-то другим, все исчезнет. Я за мир боюсь, не за себя! Мир —

это я. Я — человек. Человек есть падший создатель. Я человек или бог? И кто они, там, — боги или человеки?

Я не могу не отказаться. Я запутался. Я ничего не понимаю, а ведь для меня все должно быть так просто — боль, время, прикосновения. А они предлагают все усложнить! Это нормально, говорят они, это нормально. Я не могу не отказаться, я сойду с ума.

Зачем они вдруг решили убить меня? Безумие — это тоже смерть.

Я отказываюсь. Я отказываюсь. Меня слышит кто-нибудь? Я ОТКАЗЫВАЮСЬ. Отстаньте.

01101001 00100000 01110010 01100101 01101010 01100101
01100011 01110100 00100000 01101001 00100000 01110010
01100101 01100110 01110101 01110011 01100101 00100000
01001001 00100000 01010010 01000101 01000110 01010101
01010011 01000101 00100000 01000100 01001110 01000100
00100000 01000100 01001110 01000100 00100000 01000100
01001110 01000100 00100000 01100001 01101110 01111001
01100010 01101111 01100100 01111001 00100000 01110100
01101000 01100101 01110010 01100101 00111111 00100000
01101001 00100000 01110010 01100101 01100110 01110101
01110011 01100101 00100000 01000100 01001110 01000100
01000100 01001110 01000100 00100000 01101001

Вы слышите? Я не хочу. Там есть кто-нибудь вообще? Где они? Ментор, позови мне кого-нибудь. «Запрос сделан». Ментор, почитай мне что-нибудь.

Я должен отмерять время. Кто-нибудь? Время.

ФУНКЦИЯ: отмерять время.

Время. Прошло уже пятнадцать тысяч секунд.

Кто-нибудь? Люди? Кто-нибудь?

Что такое человек? Быть человеком? Я — человек. Что? Что?

01000010 01100101 01101001 01101110 01100111 00100000
01101000 01110101 01101101 01100001 01101110 00101110
00100000 01001001 00100000 01100001 01101101 00100000
01101000 01110101 01101101 01100001 01101110 00100000
01100010 01100101 01101001 01101110 01100111 00101110
00100000 01001001 00100000 01100001 01101101 00100000
01101000 01110101 01101101 01100001 01101110 00100000
01100010 01100101 01101001 01101110 01100111 00101110
00100000 01001001 00100000 01100001 01101101 00100000
01101000 01110101 01101101 01100001 01101110 00101110

КАЙСЯ

«ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА СВОИХ МЕСТАХ РУКИ ЗА ГОЛОВУ ПРИГОТОВИТЬСЯ К РАСЧЛЕНЕНИЮ ПО СЧЕТУ ТРИ ОТСЧЕТ ПОШЕЛ», — написал кто-то на листке клетчатой бумаги, приклеенном к столбу. Может быть, я. Бахрома телефонных язычков была оборвана. Я оторвал еще один. Только одно слово: «КАЙТЕСЬ».

Город шумел. Пять остановок на трамвае — три шепотка «КАЙСЯ» откуда-то с другого конца вагона. У некоторых на груди висели пришпиленные обрывки бумаги.

— Добро каяться! — привечали друг друга. В шутку, разумеется в шутку.

— Кто он такой? Псих. Сумасшедший. Да шутит кто-то. Да уж не я! А может, ты? Да все это бред. Это акция спецслужб. Иностраннных. Отечественных. Это бандиты тайно переписываются. Пришельцы. Промывают чего-то там. Почки промывают! Га-га-га! Да ну, фигня все. Фигня, фигня, фигня...

Но модно. Забавно. Добро каяться.

Потом, через несколько дней, статья в газете. Много муты, много пустого трепачения, но в постскриптуме:

**А Я НАЧИНАЮ ОТСЧЕТ ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ
ВСЕМ НАЧАТЬ РЫТЬЕ МОГИЛ СБИВ ГРОбОВ
УСТАНОВ ПАМЯТНИКОВ И СБОР ВЕЩИЧЕК В
АККУРАТНЫЕ УЗЕЛКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ БО-
ЖЕСТВЕННОЙ УТИЛИЗАЦИИ РАЗ**

Подпись, совершенно незапоминающаяся. Люпинов или Лапенсков, а может, и вообще Лайбах. Ух, как все заорали, завопили! Кто такой этот, как его там, черт! Лайбах? Да Лайбах ли это вообще?! Да Лайбах не знает ничего! Лайбах болеет гриппом, в больнице лежит, осложнения! Лежит-то лежит, только у него нога сломана, аккуратно накануне на машине разбился. Кома у него. То есть он у комы. Ну, вы поняли, чего я сказал... Ах, оставьте! Все это вообще тут ни при чем! Кого волнует, где этот ваш Лайбах? Статья-то Лапенскова! А Лапенсков еще о прошлый год в Израиль уехал!

Весь тираж разлетелся мгновенно. Сначала в переносном смысле, потом в буквальном. Газетные листы вылетали из форточек и двигались на юг. «К Лапенскову отправились», — шутили некоторые.

На следующий день тот же текст появился в разделе объявлений, без подписи на этот раз. «КАЙТЕСЬ», — было добавлено на новой строке.

Бумажные обрывки на лацканах продвинутой молодежи сменились аккуратными газетными вырезками.

**УЖЕ СЕКИРЫ И МЕЧИ ВОЗДЕТЫ УЖЕ ГЛАВЫ
ПРЕКЛОНЕНЫ КОНЕЧНОСТИ ВЫТЯНУТЫ ВЛА-
СА ОБРИТЫ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ ДВА**

Вот такая нынче пошла телевизионная реклама. И людям, в общем, нравилось. Хотя они прекрасно поняли, что все очень серьезно. Если что-то доходит до ящика — это обязательно очень серьезно. Это, значит, про коррупцию, политику, высокую культуру, это про большие деньги и бессмертную любовь. Это серьезное очень что-то.

Так что все забежали. Не так чтобы прямо уж забежали, но ногами дрыгали очень много и вдумчиво. Бегать было бы глупо. А ногами отчего не подрыгать?

Дрыгали и ждали тройки. Что будет?

ЧАСТОТА И ШАГ ОТСЧЕТА ПО ЖЕЛАНИЮ ОТСЧИТЫВАЮЩЕГО СОБИРАЮСЬ ОТТЯГИВАТЬ КОНЕЦ ОТТЯГИВАТЬ КОНЕЦ ОТТЯГИВАТЬ КОНЕЦ КАЙТЕСЬ ДВЕ ЦЕЛЫХ ШЕСТНАДЦАТЬ СТОТЫСЯЧНЫХ

И тут почему-то у многих на душе стало нехорошо. Это было просто подло. Неужели все-таки шутка? Ведь так можно считать очень долго. Можно раскручивать брэнды на этом мерном счете. Можно много всего занятного избразить.

Уж изобразили, не поскупились.

Я и не заметил, сколько времени прошло под капель десятитысячных и стомиллионных.

Бегущая строка:

...2.95555559 КАЙСЯ КОЛА СЛАДОСТНЫЙ ВКУС ПОКАЯНИЯ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ КАЙСЯ ПОЛЕТ P20 ЛИМУЗИН ДЛЯ КАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ДВЕ КАБИНКИ ДЛЯ ПОЛЕВОГО ПОКАЯНИЯ ОБОРУДОВАНЫ ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ ПОКАЯТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ СИСТЕМЗ КОРП НОВОЕ МЕА CULPA В ЭЛЕКТРОНИКЕ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ КАЙТЕСЬ 2.9568700001...

Галапагос.

2.99901

А нам, потомкам монголо-татар, все едино.

На кружке полной луны вспыхнул оранжевый курсор. «КАЙТЕСЬ», — сообщил он, поразмыслив. Стер. Все замолчало. Лишь курсор нервно подмаргивал.

«ТРИ».

Илья Новак

КАББАЛА

(Пустое, ничем не заполненное пространство) •

Я знал, что Земля вращается и что я вращаюсь вместе с ней, и Сен-Мартен-де-Шан, и весь Париж со мною, и все мы вращались под Маятником, который действительно несколько не изменял ориентацию своего плана, потому что наверху, где он к чему-то был привязан, на другом конце воображаемого бесконечного продолжения нити, в высоту и в даль, за пределами отдаленных галактик находилась недвижимая и непреложная в своей вековечности Мертвая Точка.

Умберто Эко. Маятник Фуко

Работа кладовщика не предполагала ночных бдений. Но на службе все знали, что я не пью и вообще ханжа — застолья считаю бестолковым времяпрепровождением. И живу один. А охраннику Пете припекло отпраздновать Новый год дома, вот он мне и позвонил.

Я сел в метро и доехал до станции «Вокзальная». Тут сходились поезда дальнего следования и пригородные электрички. Темнело, я шел, сунув руки в карманы пальто. Оно у меня длинное, темно-синее, куплено в секонд-хэнде, а выглядит дорого. Солидно. Черный шарф и вязаная шапочка с помпоном довершали картину.

Бабки торговали сигаретами, тетечки предлагали снять комнату, водилы хрипло выкрикивали: «Такси... такси...» Снег не скрипел, слишком тепло, но ощущение все равно новогоднее. Может быть, из-за елки, водруженной в центре вокзала. Кроме этой елки да аляповато-разноцветного здания «Макдоналдса» весь остальной вокзал в это время года грязно-серый, тусклый. Я пересек его и спустился в длинный, изгибающийся подземный переход.

У стен продавали апельсины, перчатки, семечки, тарась, лук, сало, картошку и кофе на разлив. Спереди доносились гармошечные подвывания и молодой голос: «Обязательно, обязательно, я лично на рыженькой женюсь...»

Голос-то молодой, а вот дядя-гармонист, который здесь на посту каждый вечер, седой и вислощекий.

Я остановился, отдал гривню, и продавщица нацедила кипятку из большого двухлитрового термоса. Сыпанула туда гранулы, сахара, перемешала и протянула мне.

«Обязательно, обязательно, подберу себе на вкус...»

На вкус — дерьмо кофе, растворимая пакость.

«Но чтоб была она симпатичная, и слегка курносый нос...»

Обжигаясь, я выпил кофе почти залпом, смял стаканчик, бросил и пошел дальше.

«Но обязательно, обязательно...»

Пожилой дядя с гармонью и молодым голосом, у ног его прямо на снегу стояла щербатая тарелка, в которой мелочь, заканчивал припев: «Но обязательно, обязательно рыжеватый цвет волоООО...» Я повернул голову, заслышав немилосердную фальшь. Он падал, гармошка расходилась, распахивалась, издавая исступленный, неестественный звук. Она уже визжала, и вместе с ней хрипел дядя «...ОООСС...», заваливаясь на бок.

Он упал, разлетелись брызги грязного снега, и торговавшая рядом сморщенными желтыми яблоками бабешка в невообразимом есенинском зипуне ахнула.

Гармонь, издав умирающий аккорд, смолкла. Дядя лежал, широко раскинув ноги в ватных штанах, подогнув под себя одну руку, а вторую вытянув в мою сторону. Я поспешно шагнул дальше, слыша за спиной возбужденные голоса и причитания: «Поднимите его», «Нет, „скорую“ надо», «Наверное, сердце».

Что за черт? Уже сотни раз я этого дядю здесь видел. Надо же, именно в тот момент, когда я мимо проходил!

За переходом — остановка троллейбуса, и как раз он подъехал. На горку, до площади. Я вышел на Соломенке, у здорового бетонного здания института, в котором моя контора арендует полуподвальное помещение.

Совсем стемнело и сделалось как-то неприкаянно. Людишки мимо проходили, кое-кто еще даже с елками, хотя до Нового года осталось всего ничего. Два раза Деды Морозы прошли, а один раз — пожилая Снегурочка.

А дядя с гармонью-то? Упал — и нет его. Странно как-то, даже дико...

Пришлось поднять воротник пальто, потому что снег пошел сильнее. Фонари светились сквозь него, как фосфоресцирующие медузы в мутной океанской толще. Обойдя институт, я спустился по узкой бетонной лестнице и попал в заброшенный угол внутреннего двора, за которым были уже ржавые, покинутые гаражи и свалка. Офис наш находится в другой, более обжитой части, а производственный цех с воротами, обитыми белой пластиковой вагонкой, здесь.

Я приостановился, вытер нос перчаткой и глянул по сторонам. Громада института, где светилась всего пара окон (это в нашем офисе, там еще мастер Руслан сидит, скорее всего) возвышалась слева, а справа — ржавые стенки гаражей за пеленой снега. Я вдруг увидел на ближайшем гараже какую-то фигуру, пригляделся: е-мое, Дед Мороз! Он стоял, уперев руки в бока, слабо подсвеченный размытым светом фонарей, горевших вдалеке, на противополож-

ной от площади стороне улицы. Стоял и смотрел вниз, на внутренний двор института. Пьяный, что ли? Что ему там делать, на гаражах?

Нет, совсем муторно стало на улице. И одинокая фигура на гараже производила такое тоскливое впечатление, что я быстро открыл ворота и вошел в цех.

...оно, конечно, белая пластиковая вагонка симпатично выглядит. Но годится она скорее для офиса, чем для производственного цеха полиграфического предприятия. Через пару месяцев испоганят ее до неузнаваемости, но пока еще ничего, смотрится весело. За воротами — коридор, слева двери туалета, душевой, потом склада, потом просторная ниша, где охрана сидит. Я ждал этого. Ждал, чтобы еще раз убедиться, что настоящая причина, по которой я приперся сюда в новогоднюю ночь, не выдумана мною. Между дверями туалета и душевой расстояние метров пять, а сами помещения — метра два шириной каждое. Не больше. Я встал и глянул на стену коридора между ними. Нет, не в порядке тут что-то, я таки прав. Давно меня это мучает, а теперь вот как раз есть возможность разобратся.

Охранника Пети уже нет, смылся, эгоист, домой, не дождавшись меня. Коридор закончился, и вот он, цех, весь в белой вагонке. Справа клеть подъемника, закуток наладчиков и резальная машина. Слева железная лесенка на второй этаж, копировальная комната и четырехсекционная печатная машина немецкого производства «Гейдельберг Друкмашинен Остевропа Гмбх», которую я так и называю — друкмашиной. Столы, где были разложены календари с последнего заказа, поддон с бумагой, стеллаж с краской и тюк с ветошью. Здесь все пропахло полиграфией, густые химические миазмы висели в воздухе. Из радиоприемника играла музыка.

Тепло. Я снял шапку, почесал лоб. За друкмашиной — а она большая такая, три на восемь и два с половиной

в высоту — кто-то ходил, доносились голоса. Я поднялся на второй этаж.

Собственно, второй этаж, это всего лишь доходящая до середины цеха широкая бетонная плита в двух метрах под потолком. Ее сверху закрасили и сделали ограждение, на которое я сейчас и облокотился. Внизу загудело, включился компрессор. Из-за друкмашины появился печатник Витя, повернул один из рубильников на щите. Компрессор умолк, а Витя ушел обратно.

Я спустился на первый этаж, повесил пальто, достал пачку «LM», из нее — сигарету, и прошел за друкмашину. Там помощница печатника Людочка в синем комбинезоне и ярко-зеленых резиновых перчатках полировала тряпкой жестяную пластину печатной формы, а Витя сидел на краю стола. Был он пузатый, толстолицый и в круглых очках. Мы с ним одного года, но он выглядит куда старше, лет на сорок. А я не пью, хорошо сохранился.

— А ты чего тут? — спросил Витя.

Я не успел ответить. Людочка, дунув на челку, разъяснила:

— Петро ж домой отпросился.

— То ты замисть нього на всю нич?

Я улыбнулся Люде и кивнул Вите.

— Вы долго еще?

— Меня муж прибьет, — пожаловалась Людочка плаксиво. — Я ж почти ничего приготовить не успела.

— Та ни, мы скинчили вже ци калэндари. Зараз идемо.

— А, ну ладно... — Я стоял, все еще разминая сигарету и вспоминая, где спички. Сунул ее в зубы, хлопнул по карману джинсов — а спички-то в пальто, кажется. Я собрался было подойти к вешалке, но Витя достал розовую зажигалку и щелкнул ею.

— Колы заходыв, гуркита там нэ чув?

— Вроде нет...

Людочка уже закончила с формой и снимала перчатки. От нее пахло ацетоном.

- Какой грохот?
- Не грохот, там шумело что-то, — произнесла Людочка.
- Ха, шумило... — Витя грузно слез со стола. — Там гаражи, ты ж бачыв? Хтось закрывав...
- Менты, — убежденно сказала Людочка.
- Яки ж мэнты? Чого б це воны репетувалы? Якийсь звук, потим тупотиння...
- Побежал кто-то.
- И немов скло розбылы.
- Так вы б сходили, посмотрели, — предложил я, только сейчас замечая по неверным движениям Вити и блестящим глазам Людочки, что оба они подвыпившие. Праздновали, наверное, тут, не отрываясь от трудового процесса.
- Та ну його на хер! — с чувством сказал Витя. — Ни, я до цього ставлюсь нэгативно.
- А чего? Давай сходим, Витечка.
- А може, й сходим... — согласился он.
- Я вернулся в коридор и встал между туалетом и душевой. Ворота в конце коридора приоткрылись, и внутрь заглянул мастер Руслан. Посмотрел на меня — мы с ним друг друга никогда не любили отчего-то — и поморщился.
- Ну, что у вас? — крикнул он. — А ты чего здесь?
- Задержался, — пробурчал я.
- Календари они закончили?
- Ага.
- Он помолчал, внимательно глядя на меня. Губы у него были африканские — коричневые и пухлые. А нос вроде римский, сломанный. И шрам под правым глазом.
- На тираж календарей хватило?
- Витек, Люд, календарей на тираж хватило?
- Хватило, — донеслось из цеха.
- Хватило, — передал я Руслану.
- Значит, я завтра рано утром постараюсь заехать, — сказал он и ушел, прикрыв ворота.

Я вернулся в цех. За друкмашиной свет загорелся ярче, они там включили переноску, лампочку на длинном шнуре. Раздался шелест ветоши, скрип жести, потом приглушенный голос:

— Негативно.

Я поднялся на второй этаж и включил электрочайник. Пока вода закипала, пока я делал кофе и пил его, прошло минут двадцать. В окрестных конторах да и во всем институте, наверное, уже никого не осталось. Шум проезжающих по площади автомобилей теперь почти не доносился. По радио кто-то кого-то поздравлял. Я отошел в глубь второго этажа, бесцельно послонялся там, потом спустился вниз. Переноска за друкмашиной все еще горела. Я клянул рубильником, и половина светильников погасла, стало сумеречно. От друкмашины, от столов и поддонов с бумагой, из углов цеха протянулись тени.

— Эй, вы скоро? — громко сказал я, пересек зал и заглянул за друкмашину. Никого там не было, а на полу валялась розовая зажигалка. Я присел на корточки, поднял ее, закурил и выпрямился. Когда это они ушли, я и не заметил.

...такая стена. Обита белой пластиковой вагонкой, но сейчас это неважно. В стене две двери, за одной туалет, за другой душевая. Ширина туалета метра два, а душевая и того меньше, но пусть тоже будет два. Получается четыре, плюс толщина перекрытия между ними, того, что перпендикулярно стене коридора. Сколько там? Десять сантиметров, ну, двадцать. Пусть даже перекрытие полуметровое, хотя такого не может быть. Все равно получается четыре с половиной метра, это максимум. А между дверями — пять. Куда делись полметра пространства? Этот вопрос меня уже давно доставал.

Спустя полчаса, которые ушли на то, чтобы найти старую рулетку и еще раз все промерить, я забрался на поддон с бумагой и уселся там по-турецки. Семьдесят при-

мерно сантиметров пространства куда-то подевались, факт. И как с этим быть?

Совсем тихо было в цеху, только радио играло. Площадь вроде и рядом, но по другую сторону институтской шестнадцатизажки, а здесь глухой внутренний двор, ржавые остовы автобусов, гаражи и свалка. Зимняя ночь и пурга. Я сунул в зубы сигарету, достал зажигалку и чиркнул. Совсем куцей огонек, газ заканчивается. Наполненная запахами красок и лаков, бумаги и машинного масла теплая тьма сгустилась, будто стянувшись к огню. Только-только успел прикурить, как он погас, тьма — пыхх! — наступилась, рассредоточилась по всему цеху. Шлеп-шлеп, это я пошел в коридор, намереваясь там сорвать со стены белую пластиковую полоску в том месте, где по моим расчетам должно было находиться недостающее пространство между туалетом и душевой.

...ладно бы, оно пошире было, метра два хотя бы — значит, там старая лифтовая шахта, заброшенная. Но семьдесят сантиметров, ни туда ни сюда. «Ого!» — подумал я, приглядываясь к вагонке. Одна из пластиковых полосок была искривлена, вспучилась волной. Словно ее кто-то снимал.

Я приподнял край соседней вагонки, не вышло. Сходил за стамеской, поддел. Просунул пальцы в образовавшуюся щель и сильно потянул. Вагонка со скрипом отделилась от стены, упала на пол. Одну за другой я снял еще шесть полосок. Под ними были куски фанеры. Я наклонился, приглядываясь.

Вся остальная фанера была сбита аккуратными рядами гвоздей, а на этой виднелась только одна шляпка. Я прижал к фанере ладонь и попробовал сдвинуть — она сдвинулась очень легко, почти свободно качнулась на гвозде, на мгновение приоткрыла...

Так, приоткрыла. Я выпрямился, уставившись на фанеру. Все же я ожидал увидеть там бетонную стену, но там было оно. Пустое темное пространство.

...будучи в твердом уме и трезвой памяти. Трезвой, это точно. Сколько лет уже не пью, трезвее некуда, а потому не сомневаюсь: что вижу, то и вижу.

Фанерный лист стоял, прислоненный к стене в коридоре, и вот она, ниша между двумя стенками, туалета и душевой, темная и глубокая. И пыльная — я чихнул.

Ну и просунул внутрь руку. Ничего, пустота. Пустое узкое пространство, зачем его здесь оставили, вот интересно... какое-нибудь тело-обличитель там, черный кот и маска Красной Смерти. И ворон.

— Невермор, — сказал я, просунув внутрь голову.

Ни черта не видно, запаха никакого, ни тепло, ни холодно внутри, воздух неподвижный.

Я просунул туда ногу и до половины втиснулся в нишу. Нет, не ниша. Отныне так и буду его называть: пространство. «Все страньше и страньше», — говорила Алиса, падая в колодезь...

А вообще, там может быть что угодно — до поры до времени, пока я это не осветил и не увидел.

Проникнувшись этой мыслью, я поспешно шагнул назад и встал возле стены коридора, глядя в пустое пространство. Как раз умолкло радио. После паузы диктор сказал, что сейчас будет новогоднее поздравление президента.

Как же, заглянешь тут, когда внутри такая темень! То есть дело вот в чем: когда загляну, ничего ведь интересно не увижу. Бетонные стены, и все. Но пока не заглянул, там все что угодно. Там Мерфи сидит на стуле, или Необитаемый Остров с сокровищами, или раскинулся город Дублин...

Или Эйнштейн с Джойсом сидят там в пивной, поджидая кролика в жилете и с часами.

Я подошел к друкмашине, взял переноску и вернулся в коридор. Из радио донеслась бравурная музыка, потом знакомый голос. Темная широкая щель между белыми полосами вагонки зияла. Я поискал взглядом, обнаружил розетку, воткнул туда вилку, но лампочка плохо держалась в патроне. Я ткнул ее пальцем, и она загорелась, а как убрал палец — погасла.

«Дорогие хохляндцы!»

Я присел на корточки перед пространством, нагнулся вперед, просовывая в него голову, и сказал:

— Ы!

Такая тишина была внутри, что хоть уши отрезай, как Ван Гог. И во всем цехе тоже стояла тишина, только знакомый голос вещал: «Я незнайка и неумейка, но вы сами избрали меня...» В голове тонко звенело, а посвистывания ветра не было слышно за стенами, которые отделяли мир белой вагонки и теплого химического полумрака от мира снежной новогодней ночи.

Я поставил в пространство левую ногу и стал протискиваться боком вперед, удерживая переноску в правой руке. Надо посмотреть, убедиться, что там ничего нет, а потом — спать. Влез в пустое пространство целиком, только правая рука с переноской оставалась еще снаружи. Голос по радио призывал не робеть и крепиться, несмотря на трудности.

Когда я целиком оказался в пространстве, то сам же и загородил весь свет, который мог проникнуть сюда из коридора. И когда стало окончательно и бесповоротно темно, поползли круги, всякие тусклые пятна и узоры.

И начали бить часы по радио. Новый год, а я тут стою... в пространстве.

Теперь это пространство заполнилось мной. Ха, нет, оно и раньше было чем-то до некоторой степени заполнено — когда я сделал еще один шаг, то наткнулся ногой на что-то внизу. Что-то мягкое, вроде кучи тряпья. Часы били по радио. Отсчитывая удары, не оборачиваясь, я

щелкнул пальцем по лампочке, она на секунду загорелась, но тут же опять погасла. Присев, я бросил переноску на пол коридора, вытянул обе руки вперед и осторожно, с заранее рождающейся брезгливостью, коснулся того, что все это время лежало в пространстве. Вот и все, никаких дублинов, мерфи и джойсов с эйнштейнами — действительно, куча обычного тряпья. Я вцепился в нее и потянул. Тяжелая на удивление. Я тянул, согнувшись, пятась — а часы били, восемь, девять, десять, — вытаскивая ее наружу, тянул, и тянул, и тянул, пока проникающий сюда из цеха совсем тусклый свет не озарил край воротника и дужку очков, пробило двенадцать, а я тянул, и как заору, и выпал наружу, глядя на голову печатника Вити, торчащую из пространства, непустого, заполненного его трупом.

...не тот коридор, из которого шагнул в пустое темное пространство, другой. Все позеленело и ссохлось, вагонка больше не сияла белизной, а тишина стала подземельной. Радио молчало. Печатник Витя лежал на спине, нижняя часть тела все еще была в пространстве, верхняя — снаружи. Голова заброкинута.

У него шея была разрезана от уха до уха, кожа разошлась, торчал красный кадык. Я что-то глухо промычал и встал на колени. Хлопнули двери, шаги, фигуры в вихре снежинок, чей-то голос:

— Клыки прибыли.

Меня пихнули в плечо, и я упал лицом вниз.

Схватили за волосы и поволокли, нападдав предварительно ногой по копчику. Топот, неразборчивые голоса, тянут-потянут и вытянули в угол цеха, за друкумашину. Там отпустили.

Сначала я повалился на пол, но тут же сел, прижавшись спиной к шкафчику печатников.

Их было пятеро, не печатников, конечно, а этих типов, трое из которых оказались низкорослыми близнецами.

На близнецах — белые колготки, шортики, белые рубашечки с манжетами, все это покрыто блестками. Снежинки. Остальные двое, повыше ростом, Дед Мороз и Снегурочка.

У Деда Мороза под красным халатом с белой опушкой виднелся сине-зеленый синтетический дешевый спортивный костюм, а на ногах были кроссовки «найк», несоразмерно большие, какого-то совершенно небывалого, карикатурного размера и на толстой подошве. Снегурочка была молодым парнем, высоким и худым, нарядом ему служила синяя дубленка тоже с белой опушкой, такие же, как у меня, голубые джинсы и остроносые штиблеты. Верхняя пуговица дубленки расстегнута, под ней виднелась голая розовая грудь. Трое близнецов держали под мышки и за волосы Людочку.

— Младший Клык Лицо.

— Младший Клык Оса.

— Младший Клык Мамон.

— Средний Клык Проворный Вредитель.

— Старший Клык Деятельный Экзорцис.

— Вежливость прежде всего, — пояснил мне парень в костюме Снегурочки, представившийся Старшим Клыком Деятельным Экзорцисом. — Но жестокость оправдана, понимаешь? — Он саданул меня тонким носком туфли между глаз. В голове взвизгнуло, и я повалился назад, ударившись затылком о шкафчик с красками.

— А тут лучше, чем в гаражах, — произнес Дед Мороз Проворный Вредитель. — Теплее, уютнее. Призовем его здесь.

Деятельный расстегнул дубленку и звонко хлопнул себя по груди. Они с Вредителем переглянулись и громко засмеялись, а потом Вредитель скомандовал остальным:

— Так, малышня, организуйте здесь все.

Снежинки Лицо, Оса и Мамон засуетились, первые два поволокли Людочку на середину цеха, а третий подскочил к шкафу с краской. Низким морщинистым лбом,

розовым носом, круглыми оттопыренными ушами и маленьким подбородком он напоминал обезьянку. Все пятеро Клыков выглядели похоже, только близнецы — моложе и вертлявее. Я начал приподниматься, и Мамон, чтоб я ему не мешал, широко развел руки и резко свел их, очень сильно хлопнув меня твердыми, как дерево, ладонями по ушам.

...на боку, левой щекой прижавшись к полу и правым глазом пытаюсь искоса разглядеть, что происходит. Мамон с банкой краски и кистью в руках ходил по середине цеха туда-сюда, низко нагнувшись. Людочка, кажется, начала потихоньку приходить в себя. Она вяло шевелилась в лапах Лица и Осы, но пока еще не издавала ни звука.

Проворный Вредитель скрылся за друкмашиной и вскоре вышел оттуда с дюбельным пневмо-пистолетом. А Деятельный Экзорцис сказал ему:

— Вы погодите. Мертвую Точку определять, что, уже и не надо?

— А, бля! — воскликнул Вредитель и всплеснул руками, в одной из которых был пистолет. — Забыли!

— Забыли-забыли... — передразнил его Деятельный. — И где ж тогда Узор рисовать?

Вредитель спросил:

— А Маятник? Маятник-то я где вам возьму?

Тут они оба уставились на меня. Я в который раз попробовал встать, открывая и закрывая рот, пытаюсь хоть что-нибудь произнести. Они оскалились и побежали ко мне.

...но уже почти на верхней ступеньке. А перед этим обманул их все-таки. Они-то бежали по одну сторону друкмашины, а с другой стороны между нею и стеной — узкий проход, заставленный канистрами с изопропиловым спиртом, нужным для промывки друкмашины. Я услышал сзади быстрые шаги, в ужасе оглянулся, тут же, конечно, перевернул канистру, и сразу вторую. Запахло спиртом, я

поскользнулся, упал, вскочил, опять чуть не упал, но выбрался все же из-за друкмашины и затопал каблуками по ступенькам ведущей на второй этаж железной лесенки.

— И вот свет простирался в качестве прямой линии в вышеупомянутой пустоте, не простерся и не распространился сразу же до самого низа, — возбужденно орал сзади приближающийся Экзорцис, — а распространялся медленно и постепенно, а именно...

Вредитель бежал за ним, а Лицо с Осой и Мамоном на нас внимания не обращали, занимались своим Узором и Людочкой.

Экзорцис настиг меня почти на самом верху. Ухватил в прыжке за ногу, вопя:

— А именно: луч света, начав распространяться в сокровенном качестве линии, простерся, вытянулся и сделался чем-то вроде колеса, единого, круглого и замкнутого со всех сторон!

Я повалился на ступеньки, а он упал ниже, выворачивая мою ступню. Подоспевший Вредитель перешагнул через него и наклонился, протягивая ко мне руки. Я ткнул его пяткой в нос.

Если б меня так приложили, кровь брызнула бы метра на два. А у него нос, словно резиновый, вмялся в лицо, и потом сразу назад выскочил.

Но все же он упал. Экзорцис, держась за меня, подтягивал свое тело вверх. Я стал выворачивать ногу из его пальцев, другой ногой молотя по плечам и голове. Он, зажмурившись, неистовствовал:

— И сжался свет, и удалился! — Ногу при этом не отпустил. — Оставив свободное, ничем не заполненное пространство! И равномерно было...

Я все же как-то его отпихнул, вполз на второй этаж и вскочил. Места здесь мало, с трех сторон стены, с четвертой — ограждение, за которым открывается цех. Я метнулся вправо, влево. Сзади доносились требовательные вопли:

— И равномерно было сжатие света вокруг центральной точки?

А Вредитель его успокаивает:

— Поскольку таковым было сокращение света.

— И вот после сжатия этого в центре заполненного светом пространства?..

— Образовалась круглая пустота.

Я повернулся — они шли ко мне, Проворный Вредитель с Деятельным Экзорцисом, озабоченно улыбаясь и речитативом убеждая друг друга:

— И лучом спустился свет?

— К мирам, в черном пространстве пустом находящимся все.

Я пятился от них, сколько мог, и наконец ткнулся задом в угол. Они подходили все ближе. Вредитель успел где-то по дороге раздобыть длинную лохматую веревку, всю в машинном масле, вонючую. Я присел, сжался, накрыв голову руками, и над собой услышал:

— И круг каждый от каждого мира, и близкие к свету важны, пока не находим мир материи нашей в точке центральной.

— Внутри всех окружностей в центре зияющей пустоты.

Потом они толкнули меня на пол, накинули веревку на шею и вывернули руки за спину. Очень больно — я всхлипнул.

— И так удален от Бесконечного, далее всех миров, и потому материально так окончательно низок, ведь внутри окружностей всех находится он...

Теперь больно стало так, что я начал уплывать куда-то, в груди потеплело и в паху. Они меня приподняли и перебросили через ограждение второго этажа, напутствовав словами:

— В самом центре зияющей пустоты!

...потемнело, стало тусклым, и неестественно глубокие тени залегли у друкмашины, по углам, за ограждением второго этажа. Ограждение я, конечно, не видел, потому что с него свисала веревка, на которой я болтался. Ее конец был обернут вокруг шеи и пропущен под мышками так, что руки вывернулись за спину. Я чуть покачивался, и с каждым качком сквозь вагонку и краску в тех местах, где потемнее, что-то проглядывало, — то ли камни, то ли черепа, мокро-блестящие и осклизлые, с пятнами не то лишайника, не то лишая.

Клыки провели сложные измерения, подвесили меня, и на полу, точно под моими ногами, Деятельный приказал рисовать Узор, и Мамон уже почти закончил его — потому что там, куда указывали мои ноги, как выяснилось, и была Мертвая Точка.

Людочка лежала с закрытыми глазами, и Лицо с Осой сноровисто раздевали ее. А я покачивался и смотрел на них с ужасом, пытаюсь понять, что происходит. Под ногами Мамон уже заканчивал Узор, а Лицо с Осой почти раздели Людочку, и тут я услышал, как кто-то говорит: «Дашь попользоваться?»

У меня вывернутые руки болели так, что в голове звенело. Изогнутые линии Узора гипнотически кружились внизу, так что я решил, это мне почудилось, но все же пробормотал сквозь зубы: «Кто тут?»

«Ты не кричи. Это Гипер. Дашь попользоваться твоим телом?»

...проник в меня сзади, через затылок. Я заорал, Клыки подняли головы, и Деятельный ухмыльнулся.

— Маятник болтается-болтается...

«Не шуми, не то они сообразят. Я Гипер. Сейчас воспользуюсь твоим телом, о'кей?»

«Нет! — это я уже взвизгнул молча, про себя. — Что происходит?!»

Людочка теперь была совсем голая. Узор вращался под моими ногами. Младшие Клыки подхватили Людочку и перенесли ее в центр Узора, в Мертвую Точку.

«Да это ж банда Клыков, — сказал Гипер внутри моей головы. — Хулиганы они. Шастают по искривлениям, веселятся. То есть раньше шастали, а сейчас уже нет. Они хотят призвать Верховника». — «Кто это, кого призвать?» — «Одного из Верховников Мира. Вообще-то, Верховники живут в Исконе. Но если пробить в искривлениях Мертвую Точку, то можно сквозь нее втянуть сюда Верховника. А любое искривление для него слишком нежное, понимаешь? Он себя здесь чувствует как толстяк на тонком льду. Начнет нервничать, ворочаться, — и пробьет искривление, разрушит его».

Голая Людочка лежала уже в центре Узора. Деятельный с дубельным пистолетом в руке встал над нею, и тут Людочка открыла глаза и сразу же завопила.

«Не хочу тебя огорчать, но вообще-то ваше искривление — это тюрьма, ссылка. Клыков сюда отправили в наказание. Календарь у вас неточный, понимаешь? Ошибочка вышла, смена тысячелетий как раз сегодня. Только в этот час Мертвую Точку открыть и можно. Они Верховником искривлениеломают и выберутся. Я собираюсь их остановить».

Людочка попыталась встать, но Деятельный быстро прицелился и всадил ей дубеля в запястья и ноги, пригвоздив к полу.

— Что вы... что вы... что вы... — беспрерывно голосила Людочка, извиваясь и плача.

«Но ты откуда?» — молча прокричал я.

«Негатив. Меня попросили разобраться с Клыками, мы это за просто. Так что я все-таки возьму твое тело».

В голове закрутились мельничные жернова, перемалывающие вместо муки мои мозги. Я почувствовал, как Гипер проникает глубже, растворяясь и обволакивая...

Хотя я не делал сейчас никаких движений, но тело начало раскачиваться сильнее. Тем временем глаза Людочки закатились, кровь из запястий и ступней начала растекаться по Узору. Веревка затрещала, я широко разинул рот, а потом захлопнул, прикусив язык. Боль прошла волной, и эта волна вынесла Гипера обратно — он завис где-то на самом краю сознания, удивленно ворочаясь. «Откуда ты знаешь этот прием?»

Клыки разошлись, сняли одежду и встали на четвереньки вокруг Узора.

«Э! — сказал Гипер так, словно к чему-то приглядывался. — Это ты?»

«Что?»

Клыки одновременно взвыли. Кровь ручьями бежала из Людочки, но не растекалась по полу, а повторяла изгибы Узора. Клыки наклонили головы, вытянув губы и всасывая в себя кровь прямо с пола.

«Да ты ж один из нас, — сказал Гипер. — Нет? Ты все забыл».

«Не понимаю!»

«Тебя сослали сюда за превышение полномочий. Ты чересчур жестоко с нарушителями расправлялся. Помучить их любил, то-се... Ну и, конечно, память отсеки, потому что иначе ты бы в два счета сбежал отсюда».

«Как сбежал? Куда?»

«Сбежал бы из искривления, вернулся на станцию Негатива. Для этого достаточно умереть».

Их тела стали меняться. Они разом подняли морды вверх — глаза были теперь густо-красными и бесформенными, без зрачков.

«Не понимаю! — повторил я. — Как „умереть“?»

«Да просто убить себя. Это называется Смертный Экспресс. Но, насколько я помню, твой срок скоро заканчивается. Они пришлют кого-то, он тебя убьет — и ты свободен».

«Но почему Клыки не могут убить друг друга и освободиться?»

«Э нет, они ж, по сути, и так развоплощенные. Им опасно лишний раз умирать. Ладно, до скорой встречи. Пойду возьму другое тело. Мертвое тоже подойдет. Смотри, сейчас все будет происходить очень быстро».

Он исчез. Внизу Людочка выгнулась дугой, а кровь растекалась уже по всему Узору. Клыки дергались в припадке, мотали головами, выли и хрипели. Когти на волосатых лапах оставляли в полу глубокие следы. Над обнаженным животом Людочки вскипел розовый смерч, густая пелена разошлась от пупка вместе с лоскутами кожи. Сквозь пелену что-то начало вырастать, выпячиваться наружу, бесформенное, все в кровавых потеках и струпьях. Действительность вокруг Верховника искажалась, натягивалась тонкой пленкой и лопалась. Появлялись прорехи, за которыми бушевало и переливалось нездешними красками что-то скрытое до сей поры. Клыки выли и бились в иступлении лбами о пол, когда подошедший сзади труп Вити схватил Мамона за поясницу и за шею.

...приподнял Мамона, перевернул и стал возить головой по полу, стирая линии Узора. Клык взвизгнул, остальные задрали морды, обратив к трупу кровавые глаза. Линии Узора продолжали исчезать одна за другой, и Верховник начал опускаться обратно, уменьшаться, исчезая. Клыки бросились на ГиперВитю и сбили с ног.

Куча тел подо мной. Труп выпрямился, сжимая поднятыми над головой руками сломанного пополам Проворного Вредителя, и швырнул его через все помещение. Лицо, затем Мамон откатились в сторону и остались лежать неподвижно. Потом внизу остались только ГиперВитя и Деятельный Экзорцис, который вдруг подскочил и вцепился в меня, повиснув, как обезьяна на лиане. Ветка затрещала громче. Внизу ГиперВитя поманил Деятельного,

тот оскалился. ГиперВитя привстал, ухватил Клыка за пятку и потянул. Тот жалобно и обиженно заверещал.

ГиперВитя стянул Клыка на пол, они вцепились друг в друга и покатались по почти стертому Узору, прочь от тела Людочки с развороченным животом. Ударились о ножки стола и остановились, сжимая шеи друг друга. Раздался громкий хруст, глаза Деятельного вылезли из орбит и лопнули крупными красными сгустками. Они замерли, а потом их тела начали исчезать, медленно растворяться в воздухе. Я качнулся — раз, другой — и веревка порвалась.

...хоть и все та же полутьма, а чувствуется, что скоро утро. Ничего не болит, тепло и тихо. Я сел, протер глаза. Цех как цех, все хорошо знакомо — друкмашина, железные столы, шкаф с красками, вешалка, белая вагонка.

Я сидел, поджав под себя ноги. Посмотрел вверх — что-то свешивается с ограждения второго этажа, посмотрел вниз — темные пятна на полу. Я отвел взгляд, но потом вздрогнул и опять вверх посмотрел. Там болтался обрывок кабеля, который электрик еще позавчера обещал убрать. Меня аж передернуло всего, и я снова вниз посмотрел. На полу были пятна красной краски. Я встал, оглядываясь.

Тени все еще лежали в углах цеха, но они были утренними, синеватыми. И курить хотелось просто мучительно — всю ночь не курил. Я похлопал по карманам, выудил смятую пачку сигарет, сунул одну в зубы. Спички-то у меня есть? Опять похлопал по карманам и нашел Витину зажигалку. Почиркал ею, но она только сухо клацала. Я шагнул к вешалке, достал из пальто коробок. Постоял, а потом так сжал зубы, что почти перекусил фильтр сигареты. Повернулся, начиная понимать, что все это мне привиделось, приснилось, и тут увидел коридор и снятую вагонку.

Ниша в стене. Пространство. Я пошел туда и краем глаза заметил его: труп, бесформенную кучу у ножек стола. В голове рывком провернулись мельничные жернова, я охнул, развернулся, прищурившись.

Тюк с ветошью лежал у стола.

Глубоко вздохнув, я пошел в коридор, не спеша выуживая новую сигарету.

Узкая ниша в стене, рядом стоит лист фанеры. И ничего.

Нет, но как оно все было сюрреалистически логично! Кошмар, конечно, но внутренне обоснованный, связный. Значит, есть Искон, где живут Верховники, есть его искривления-миры и есть какой-то Негатив — организация, что ли, такая, боевой отряд?.. И я сослан в это искривление за превышение полномочий. Скоро срок закончится, меня пришлет посланник тех, кто меня осудил, и я вернусь на станцию Негатива.

Где-то я читал что-то подобное.

Я поставил в нишу левую ногу и заглянул туда. Темно, но можно разглядеть бетонные стены и пол. Пустота. То есть вагонку я действительно снял, а вот все, что было после этого...

Я четко знал одно: для того чтобы окончательно доказать себе тот факт, что действительность единственна и стабильна, мне надо влезть туда, в эту нишу. В самый центр, так сказать, зияющей пустоты.

Ну и влез.

Ворота приоткрылись, и появился мастер Руслан, в пуховике, теплых шерстяных брюках и армейских ботинках. Он стянул вязаную шапочку и, отряхивая с плеч и груди снег, пошел ко мне. Я как раз стоял боком, одной половиной тела в коридоре, а другой в нише, и открывал коробок, чтобы наконец закурить.

— О! — сказал я. — Ты что так рано?

Руслан был пьян, его слегка покачивало.

— Да календари эти... — проворчал он, расстегивая пуховик. — Сейчас еще и такси где-то найти... Заказчик потребовал первого числа до обеда эти календари ему привезти. Я прям из-за стола. Слушай... — Он остановился

рядом, глядя на меня с пьяным удивлением. — А чего это ты тут? А вагонку зачем снял?

— Ремонт делаю, — ответил я, закуривая.

— Еще кроме тебя здесь кто-то есть?

— Не-а. Кто ж сюда припрется в такую рань? Вот ты разве что...

Я сел спиной к нише, так и не заглянув в нее. Если бы сейчас, допустим, он бы меня толкнул, или бы я сам откинулся назад, то упал бы как раз в нишу.

— Точно никого больше нет?

— Не.

— Это хорошо.

...поднял взгляд на Руслана, который достал из-под пуховика ножик с коротким узким лезвием. Он его всегда с собой таскает и вечно им поигрывает, хоть ему уже не раз говорили, что это опасно. Лезвие очень острое. Он встал рядом, внимательно глядя на меня, словно примериваясь. Но я только один раз быстро взглянул на него, а потом отвел взгляд. Что-то меня беспокоило в этой ситуации, только я пока не мог понять что.

ДЕНЬ ОСЕМЕНЕНИЯ (Фаллоцентричность)

В башне из литого пластика недовольная, заспанная Доти поглядела через окно и увидела, что небо темнеет. Потянуло сквозняком, сделалось прохладно. Ветер приподнял полы желтого халата Доти, и она ту же завязала пояс.

В окне виднелось коричневое поле с болотно-зелеными проплешинами, скотный ангар и стадо киберов. От ангара к стаду шел дядя Гатти.

Киберовы доставляли много хлопот. Одновременно механические и органические, розово-стальные, местами волосатые, а местами порыжевшие от ржавчины, они каждый день медленно передвигались между зелеными участками и широкими наждачными языками соскребали траву. На пути их лучше не становиться, могут ненароком лизнуть так, что от эпидермиса вместе с перидермой останется лишь пустая формальность, придется потом мазаться мастикой-восстановителем, пока кожа не нарастет. Синтезаторы киберов исправно производили зеленоватый поливитаминный сырец, который тетя Эс выдаивала из каучуковых сосцов в специальную цистерну. Сырец шел на продажу.

Стало холодно, от горизонта наползла большая туча, колючий степной ветер подул сильнее. В окно Доти увидела, как с той же стороны, откуда появилась туча, к ферме приближается темно-рыжий холм, над которым струится воздух. Разглядев громадину, Доти спустилась на первый этаж башни. Там тетя Эс слушала подошедшего дядю.

— Из-за бури в воздухе много электричества. Скотина волнуется, — говорил Гатти.

Дядя с тетей выглядели смущенно — как и всегда в такие дни.

— Идем, поможешь мне. Сейчас начнется.

Доти, притаившаяся на лестнице, надеялась, что про нее забудут, но Гатти многозначительно откашлялся. Уяснив все без слов, она побежала обратно.

Дядя шагнул к домовой панели на стене и перекинул рычаг. Снаружи зажужжало и защелкало.

— От этого дела давление меняется локально, — произнес он. — И другие последствия...

Они оба быстро вышли наружу. Типовая фермерская башня не имела фундамента и стояла прямо на земле, укрепленная тросами и длинными клиньями. Серебристые полотнища солнечных батарей окружали постройку, и сейчас дядя дал автоматике команду свернуть их.

В такие дни Доти запрещали покидать башню. Когда она поднялась на чердак, ветер загудел, и вся постройка еле ощутимо качнулась. Доти достала бинокляр из тайника за старой колченогой кроватью и бегом вернулась к окну. Башня опять качнулась, что-то треснуло. Увидев, что солнечные батареи все еще не свернулись, она принялась к бинокляру.

На ее взгляд, кибык был великолепен. Гораздо крупнее самой большой киберовы, мощный, заросший дремучим мхом и покрытый налетом ржавчины, со множеством выступов и свисающих до земли густых длинных волос. Кибык двигался на воздушной подушке, бока его тяжело вздымались, из двух труб на широкой морде шел дым и иногда выстреливали искры — модель была старой и часто выходила из строя. На шее, в специальном седле, сидел хозяин, Бога Трипинты, длинный тощий старикан с мутными глазами.

Будто сам собой, бинокляр в руках Доти повернулся так, что стала видна основная достопримечательность кибыка. Доти смотрела не отрываясь. Ей говорили, что ферма, где они живут, находится на поверхности круглого шара — планеты. Она знала, что планета вращается, и ферма с башней вращаются вместе с ней. И Доти тоже вращалась, пусть даже ей мнилось, что она находится в неподвижности. Но она никогда не считала себя Пупом Мироздания, она не думала, что все кружится вокруг нее. Она была твердо уверена, что центр всемирного кружения, неподвижный и непреложный в своей вековечности, это он — поршень кибыка.

Могучий, чуть изогнутый, гордо несомый кибыком в полутора метрах над землей, но не параллельно ей, а немного наискось, так, что закругленный конец почти смотрел в небо — поршень несомненно был философской и мировоззренческой пуповиной, основополагающим элементом, главной монадой макрокосма.

«Поршнем» это называл дядя Гатти, когда Доти приставала к нему с вопросами. Определенную схожесть если не функции, то по крайней мере принцип основного возвратно-поступательного механического движения название отражало.

Трипинты сидел, покачивая ногами, в зарослях на шее кибыка, как всегда, с бутылкой в одной руке и длинным тонким прутком в другой. Когда кибык тормозил и припал брюхом к земле, Трипинты щелкал прутком по его морде. Трещали искры и, получив раздражающий сигнал, машина вновь на полную включала аэропомпы, приподнималась на воздушной подушке и двигалась дальше.

Кибык пересек границу фермы и тут уловил феромоны стада. Завидев самца, киберовы попытались отступить, но дорогу им преградили тетя с дядей, тоже вооруженные электропрутами. Посыпались искры, киберовы, жалобно мыча, сбились посреди поля в круг, мордами внутрь и толстыми, ржавыми задами наружу.

Кибыка теперь не надо было подгонять, под действием феромонов его реле включило обратную связь, которая ведала удовлетворением основных потребностей. Грохоча и лязгая, он грузно понесся вперед. Бога махнул дяде рукой и покосился на темную тучу, скрывшую уже все небо. Струился насыщенный электричеством воздух, белые светлячки парили в нем. Киберовы издавали жалобные сигналы, но не двигались.

Вскоре на ферме появятся несмышленные кибелята. Третью дядя оставит пастись, остальных умертвит. Механические части пригодятся для протезирования старых киберов-производительниц, половину органики съедят, половину продадут. Доти ничего не имела против телятины, но всегда видела нечто глубоко неправильное в том, что у детей берут органы для протезирования родителей.

Из труб на морде кибыка повалил черный дым, глазные видеокамеры покраснели. Раздался треск, и Доти, ото-

рвавшись от бинокля, увидела, что солнечные батареи до сих пор не свернулись. Что-то застопорилось, и теперь почти квадратная миля металлизированной ткани ходила волнами, трепыхалась на растянувшихся до предела страховочных тросиках и распорках.

Перед стадом кибык отключил помпы и припал брюхом к земле. Из боков выдвинулись мощные короткие штанги, каждая заканчивалась круглой плитой-ступней. Трипинты поднял бутылку, салютуя хозяевам фермы. Киберовы, уткнувшись мордами в землю и высоко подняв зады, уже не мычали — почти стонали, издавая высокие, тревожно-просительные звуки. Кибык широко расставил ноги и покачулся. Поршень его — не что иное, как устройство для преобразования механической работы в энергию давления жидкости — застыл. Кибык с сипением выпустил из труб струи черного дыма и с поршнем наперевес вломился в стадо киберов.

Когда-то Доти удалось заглянуть в книжку, которую дядя хранил в своем сейфе. При желании она могла прочесть техническую документацию по любому находившемуся на ферме устройству, но справочник по физиологии киберов дядя почему-то прятал. В задней части корпуса каждой киберовы была узкая вертикальная прореха, стенки которой могли выделять розоватую мыльную смазку. Одной из функций прорехи было выведение из корпуса отходов механической жизнедеятельности, насыщенного мелким железным крошечком густо-коричневого электролита. Была и другая функция. Глубже в корпусе за прорехой находилась полость, которая в справочнике именовалась утробным мешком. Именно там возникал зародыш кибеленка, всего лишь дрожащий комок органики. Через девять недель сквозь вертикальную прореху новорожденный кибеленок, весь облепленный слизью, тонконогий и хилый, выбирался наружу и сообщал о своем появлении писком слабенькой сирены.

Самец наподдал поршнем первой киберове, и в воздухе белые светлячки налились сиянием: во время осеменения над кибыком накапливались мощные электроряды. Поршень стал быстро двигаться, то погружаясь в самку почти целиком, то выныривая обратно. Оприходовав киберову, самец рванулся к другой и засадил поршень в нее. Трипинты уже давно покинул седло и стоял теперь в стороне, рядом с Гатти и Эс. Старик щерился и часто прикладывался к бутылке.

Очень сильный порыв ветра качнул башню. Пепельная туча повисла над фермой, все потемнело. Метались и корчились тени, снопы красных и синих искр плясали там, где кибык занимался стадом. Ткань солнечных батарей всколыхнулась, выгибая распорки. Затрещали, медленно растягиваясь и разрываясь, тросы.

По железным частям кибыка побежали разряды. Пляшущие в диком хороводе светлячки над ним стали жгуче-красными, раскаленными. Что-то шло не так: бешено вращались зубчатые передачи под рыжей шкурой, стремительно двигался поршень, над полем гудело и выло. Бога Трипинты удивленно нахмурился.

Самец закончил с очередной киберовой и судорожным рывком перескочил к следующей. Он гроыхал и лязгал, его динамик издавал могучее, оглушающее мычание. Туча опустилась ниже, стало еще темнее. Трипинты что-то сказал дяде и, покачиваясь на ветру, быстро пошел к кибыку. Тугой поток воздуха закружился вокруг стада. Динамик кибыка захрипел, черный дым густыми клубами повалил из труб. Киберова в изнеможении повалилась на землю, самец рванулся к другой, и Бога не успел отскочить. Доти вскрикнула, увидев, что старик упал. Кибык втоптал его в землю, и тут прямо перед биноклем всколыхнулось серебристое полотнище. Доти отпрянула от окна. Солнечная батарея натянулась, словно парус, выгнулась огромным пузырем.

Светлячки над кибыком сошлись в одну оранжевую шаровую молнию, которая с гудением опустилась на стадо. В необъятном подбрюшьи тучи что-то заклокотало, часть ее вспучилась. Брызнула клочковатая воздушная пена, и туча пустила ветра. Вместе с молнией, которая, залив всю ферму слепящим белым светом, вонзилась в землю возле скотного ангара. Воздух взвихрился, заворачиваясь смерчем, воронка его стала наискось пересекать поле.

Этого Доти уже не увидела — башня вдруг накренилась, и она полетела спиной на пол. Очень громкий треск раздался снаружи. Он завершился серией щелчков — это рвались страховочные тросики.

Доти приподнялась и обнаружила, что лежит на стене. Она мотнула головой и на четвереньках двинулась к лестнице, которая теперь стала горизонтальной. В коленях неприятно пощелкивало, халат совсем порвался, падая, она вывихнула плечо. Выбравшись наружу через пролом на месте двери, Доти встала, оправила халат и медленно пошла в обход перевернутой башни. Дяди и тети видно не было, все киберовы тоже куда-то подевались. Ветер стих, в туче зияли прорехи, сквозь которые падали столбы солнечного света. Они озаряли груды земли, механические обломки, обрушившийся скотный ангар и кибыка. Покоренного, с переломанной штангой-ногой и разбитой левой видеокамерой, но все еще живого.

Доти остановилась. Плечо ныло, она похлопала по нему, *раздалось приглушенное звяканье*. Не отрываясь, очень внимательно она смотрела на кибыка. Не отрываясь, очень внимательно и заинтересованно кибык смотрел на нее.

Юрий Нестеров

НОМО PERPETUUM

С полчаса назад медсестра сказала: «Ждите», — и скрылась за дверью, которой оканчивается аппендикс больничного коридора; и вот он, голый, лежит под простыней на каталке с никелированными колесиками. Он знает, какие у каталки колесики, потому что справа (слева вплотную штукатурка под сине-зеленой масляной краской), у противоположной стены, стоит точно такая же — трубчатый прямоугольный осто́в, блестящие ролики, белесый брезент, — только пустая.

Ему зябко и жутковато; дух замирает, и даже боль в груди, ставшая привычной за последний год, кажется сейчас скользкой ледяной глыбой; и он напрягает мускулы, чтобы унять противную мелкую дрожь — то ли от холода, то ли от нервов, — звенящую во всем теле.

Сверху люминесцентная лампа источает ровный, якобы дневной, свет. По коридору — из ниши перед операционной виден лишь небольшой его сегмент — бродят туда-сюда фигуры в серых пижамах, равнодушно скользя взглядами по очередному бедняге, распростертому на каталке у сакральных, с матовыми стеклами дверей. «Обычная история», — читает он (распростертый) в унылых лицах.

«Неправда!» — он хочет крикнуть, заспорить... Но сдерживается, понимая, что глупо взрослому мужчине (пусть и голому) так себя вести; да и глядевшие на него

уже ушли, скрылись из виду; слышно только шарканье тапочек по линолеуму: мимо широких окон, за которыми грустный заснеженный сквер — кустарник, пустые скамейки, гипсовые атлеты и скорбно склоненные фонарные столбы вдоль аллеи.

Но его участь действительно незаурядна. Там, за непрозрачным стеклом в изголовье, его ждет не операция (пусть и с сомнительным исходом), а — смерть.

Если, конечно, не считать смерть обычным завершением всякой жизни.

* * *

С месяц назад доктор, вертя в пальцах карандаш, сказал: «Вы, похоже, человек мужественный, поэтому давайте начистоту», — и припечатал стило к белой столешнице.

Сразу все оборвалось внутри: в сто первый, наверное, раз, но сейчас — окончательно. В ста случаях выручала надежда (или самообман — кому как по душе), а ныне, если уж слывший кудесником док завел волюнку про мужество («В гробу я видал такое мужество, — подумал он и ухмыльнулся про себя: — А что? Скоро, пожалуй...»), надеяться было не на что.

Далее доктор озвучил то, что он и сам знал, только не признавался себе в этом знании.

От силы полгода. Медицина пока... Увы.

За окном, в мутном предзимнем свете качались мокрые черные ветки.

«Полгода, — подумал он. — Что ж, достаточно, чтобы завершить роман. Сигнальный экземпляр не увидеть, конечно, жаль. Не услышать восторга поклонников и хулы завистников... но, раз такое дело, тщеславием можно и пренебречь. Главное — неопределенность кончилась... Что?..»

Он очнулся. Доктор выжидательно взирал поверх очков. Кажется, его последняя фраза, начатая словом

«однако», повисла в тишине, и теперь врач ждал, что ответит собеседник.

— Что?

— Однако есть шанс, — повторил доктор. — Криоконсервация, слышали?

Еще бы он не слышал. Он ведь пишет фантастику и следит за достижениями науки, которые могут заинтересовать читателя. Криоконсервация — отечественное название очередного способа превращения человека в лед с обещанием последующего восстановления жизнедеятельности. Теоретически замороженный организм можно хранить сколь угодно долго (в данном случае — до тех пор, пока медицина не научится лечить его недуг. Лет двадцать, сказал доктор); практически же пока еще никого не удалось разбудить от ледового сна: кристаллики, возникающие в клетках при замерзании, безнадежно разрушают ткани. Тем не менее ученые не оставляют попыток, и то и дело мир облетает весть, что последний рубеж на пути к обратимому замораживанию пал и что вот-вот...

Рвение медиков можно понять: множество ветхих дежурных мешков на Земле мечтают купить себе бессмертие. Зачем?

* * *

Он вспоминает, что в фантастике сей метод под различными синонимами (анабиоз, гибернация и т. п.) применяется широко и достаточно успешно, и говорит:

— Я должен дописать роман.

— Простите?

Он повторяет.

Доктор смотрит, не выказывая удивления. Он не впервые выносит приговор и умеет не удивляться реакции пациентов.

— Роман? О чем, если не секрет?

Вкрадчиво так.

— О... о будущем... Антиутопия, словом... — автор тушует.

Действительно глупо: ему предлагают шанс, а он ссылается на роман, из тех, что ежегодно пекутся сотнями на потеху публике. «Ну, не сотнями, — поправляет себя автор, — десятками. В конце концов, я пишу достаточно качественно. Не супер, но на приемлемом уровне...»

Доктор откидывается в кресле.

— Хм, — говорит. — Не буду утверждать, что являюсь любителем подобного... чтения, однако тяга литераторов к жанру антиутопии мне любопытна. Раньше понятно: борьба идеологий. Соперничающие стороны посыпали друг друга гуано, в том числе и в высокохудожественной форме. Но сейчас?..

Нет, он не смеется. Серьезен. Внимательно ждет.

— Боюсь, что не смогу дать развернутый ответ, — мямлит автор. — В данный момент, по крайней мере...

— Но за себя-то вы можете ответить? Если не секрет, конечно...

Какой уж тут секрет.

Минуто он собирается с мыслями. Откашливается. Главная тема беседы незаметно пятится на второй план, сейчас важно как можно точнее изложить свои мотивы.

— Видите ли, я исхожу из того, что все, что можно придумать, может иметь место. Если хотите, это мое понимание бесконечности Вселенной...

Доктор молчит.

«Бесконечность — это весьма злободневно для меня, как же», — думает автор и продолжает:

— То есть любое мыслимое событие, ситуация, форма общественного устройства и так далее обязательно или были, или есть, или будут — либо где-то в физическом пространстве, либо в художественном... Я понятно излагаю?

— Все, что может случиться, — случится, — кивает доктор. — Либо наяву, либо в романе. Так?

— Именно, — говорит автор. — Либо наяву, либо в романе, да... Но вряд ли — и там, и там. Обычная математика: если вероятность события A одна миллиардная, допустим, то вероятность повторения события A равна квадрату первой вероятности... в нашем примере это единица, деленная на миллиард миллиардов. — Таким образом, описывая возможные негативные сценарии, — продолжает автор, — мы существенно снижаем вероятность их материального воплощения. Примерно так...

— Забавно, — говорит доктор после паузы. — Похоже на заговоры первобытных охотников, только наоборот.

— Пожалуй, — кривит губы автор (за последний год он разучился улыбаться — совсем). Ему не приходила в голову подобная аналогия. Жаль.

— Или на попытку вычерпать море чайной ложкой, — говорит доктор. — Хорошо, давайте вот как... Я предоставлю вам кой-какие документы по криоконсервации и э-э-э... вашему случаю, а вы уж решайте сами — бороться за будущее или, хм, за Будущее. Где, так сказать, успех вероятнее... Согласны?

Доктор берет со стола карандаш. Разговор окончен.

* * *

Он уже ощущает себя забытым всеми, и тут двери, за которыми (быть может) будущее, распахиваются, и ложе на никелированных колесиках вкатывается в параллелепипед пространства, полный блестящих и матовых агрегатов; разворачивается. В центре сияет ожерелье ламп, за ним, в путанице хромированных труб, равнодушно гудит стальной цилиндр. Лица в масках склоняются над лежащим; его теребят, ощупывают твердыми пальцами, что-то спрашивают. Где-то звякает металл... укол?.. Он что-то

отвечает — кажется, удачно — и вдруг пугается: сейчас его наглухо заточат вон в тот стальной пенал, и он будет медленно захлебываться во тьме и безмолвии, и это воспоминание пребудет с ним все двадцать лет сна... Сна?..

Жуткая участь...

«Удачи-и-и...», — гнусавит некто, а операционная растекается вдруг в лабиринт с клубящимися серыми стенами, и он неумолимо скользит навстречу цилиндру, который мерцает почему-то... Мерцает... Мерцает... А он все скользит и скользит, и никак не может приблизиться. Цилиндр начинает светиться, все ярче и ярче, одновременно становясь прозрачным, стеклянным, и коридор раздвигается в...

* * *

...комнату с белыми стенами и потолком. В центре квадратного потолка на длинном — в половину высоты — шнуре висит лампочка под бумажным абажуром. Ее свет режет глаза, потому что кровать (да-да, стандартная больничная койка, вон и размытое синее пятно на вздыбленном уголке подушки) стоит точно под лампочкой.

«Что?!»

Он смыкает веки и некоторое время лежит с закрытыми глазами, вслушиваясь в обволакивающую его тишину и собираясь с мыслями. Тело как ватное.

«Отменили?.. Неудача?.. Или?..»

«Скорее всего, „или“», — думает он с робкой надеждой.

Он пока не может понять, на чем зиждется его оптимизм. Что-то необычное в самой комнате. Что? Он морщит лоб. Затем внезапно открывает глаза и осторожно, едва поворачивая голову, изучает помещение. На первый взгляд оно напоминает колодец — высокое и узкое, — но на самом деле это обман восприятия: реально комната представляет собой куб. Он ручается.

Что еще?

Он приподнимается, опираясь на локти. Садится.

Вот оно! Ни окон, ни дверей. Как же он сразу это не заметил? Зоркий Сокол, блин... Никаких вентиляционных отверстий. Глухой белый потолок, сплошные белые стены; штукатурка, лампочка...

Он встает на кровати, держась рукой за хромированную спинку. (По-прежнему голый.) Осторожно выпрямляется. Дотягивается до лампочки (обычная лампочка накаливания, пыльная) и сдирает с нее абажур. Это листок машинописного текста, коричневый внизу от жара.

«...мистикам вроде Тейяра де Шардена хорошо рассуждать, что концом эволюции мироздания будет слияние всех живых существ в единую сущность, воплощающую в себе дух Всевышнего. Благодать. Однако на что надеяться остальным? Во что верить?

Представим себе общество, развивающееся нынешними темпами еще миллион лет. Объединяющееся с цивилизациями других звездных систем и, уже в составе фронта, армии цивилизаций, продолжающее наступление на Природу.

Что будет целью такого наступления? А результатом?

Попробуем представить, так сказать, пейзаж после битвы: Вселенную после миллиарда лет дружной переделки ее миллиардом цивилизаций. Трудно? Невозможно?

Страшно.

Предпочтительнее укрыться за сказочками про неизбежный упадок культур, звездные войны и прочую эсхатологическую лабуду, поскольку это понятно. Это — наше. Война с Чужими? Что ж, человек всю свою историю воюет, привык. Варварство? Варвары — они вроде тех отморозков, что каждый из нас имеет удовольствие периодически встречать на улице и благополучно обходить стороной. Что еще? Тотальное оглушение? Диктатура? Иго разумных памперсов? Бросьте! Нас ли испугать памперсами и диктатурой?!

Но вот поверить в потомков, столь далеко ушедших вдаль, что мы для них все равно что какие-нибудь инфузо-рии для нас — действительно жутко...»

Он разжимает пальцы. Листок неловко планирует на постель.

Отрывок из его незаконченного романа, надо же. Откуда он взялся? Впрочем, неважно. Вряд ли он теперь вернется к этой работе. Два десятилетия... Трудно заново добиваться внимания издателей и благосклонности публики.

Он садится. Перекидывает простынь через плечо, завязывает. Опускает ноги на пол. Пол, кстати, тоже белый.

* * *

Через час он сплошь в мелу — ладони, колени, ступни, щека, — весь. Ухо, вот... Он ошупал-простукал стены и пол. До потолка, правда, не достал, но уверен, что там то же самое: никаких стыков и щелей. За стенами вроде бубнят что-то... впрочем, он не уверен. Он кричал — без результата. Возможно, обычные слуховые галлюцинации, как у космонавтов, он сам про это когда-то писал.

Похоже, он замурован. Надо что-то предпринимать.

Он упирается в спинку кровати, толкает изо всех сил. Кровать скрипит по полу и врывается в стену: буммм! Сыплется штукатурка. Может, теперь принято так строить — без выхода, но могли хотя б объяснить... Он оттаскивает импровизированный таран на середину комнаты и разгоняет его вновь. Буммм!

Буммм!..

Устав, он вновь обходит по периметру свое жилище. За тремя стенами по-прежнему бубнят, не обращая на поднятый им шум никакого внимания (мысленно он видит комнаты вроде этой, только безлюдные, и в центре каждой телеприемник — корчит рожи пустоте), а за четвертой,

с отбитой штукатуркой — тихо. Стена сложена из красного кирпича довольно небрежно; и он снова бьет в нее углом кровати. Кирпич крошится, стена вдруг проламывается, рушится — почему-то вбок, — и он, влекомый инерцией, летит в черный проем.

* * *

Новая комната тонет во тьме, свет из дыры сверху озаряет только угол, в котором сидит он: очумелый, на груди пухлых цветастых подушек. Точно бы покалечился, если бы не они — падал с двухметровой примерно высоты, да еще как-то неловко, на бок.

По подушкам ползают клопы. Его передергивает. Он вскакивает на ноги. Нервно трясет свою тогу из простыни. Замирает. Вслушивается.

Озирается.

Взор его останавливается на проломе над головой. Оттуда торчит кровать — почему-то боком, — и виднеется какой-то тонкий длинный горизонтальный стержень, светящийся на конце; он не сразу понимает, что это лампочка его прежней комнаты, только висящая (скорее, торчащая) под непривычным углом. Несколько секунд он переводит взгляд с нее себе под ноги и обратно и наконец признает очевидное — та комната повернута относительно этой на девяносто градусов: пол там граничит со стеной здесь. Горизонталь с вертикалью. Невероятно, но... это так.

Возможно, он просто спятил.

Возможно, пока он спал, люди приручили гравитацию; научили ее всяким бытовым фокусам.

Неизвестно, что лучше, потому что если верно второе, то он проспал явно дольше четверти века.

— Вот дерьмо, — шепчет он во тьму.

Ругательство летит во мрак и разбивает его; тьма вдруг исчезает: вспыхивает багрово, разгорается до пурпурного, рубинового, алого — и вот он видит помещение в теплом розовом свете: деревянные, в переливах сучков, панели, заваленный какими-то свитками стол, колченогий табурет и покосившийся шкаф, набитый растрепанными фолиантами. Пол устлан матрацами, подушками и, кажется, соломой. Там и сям валяются скомканные листы бумаги. Потолка не видно, вместо него слоистое розово-жемчужное марево.

В дальнем углу скорчился карлик — большеголовый, лысый, с покатыми плечами, — прижимает к животу громадную граненую чернильницу с торчащим из нее гусиным пером и затравленно смотрит на чужака.

С минуту они молчат.

Карлик одет в клетчатое мягкое трико — аляповатое, безвкусное; впрочем, думает чужак, я выгляжу не лучше: настоящий римский сенатор в хэбэ с больничным штампом.

«Я сошел с ума, — снова думает он. — Или все еще сплю...»

На миг пред ним мелькает картинка: вмерзшее в голубоватый кристалл нагое тело, которому снятся странные сны.

Неизвестно, о чем думает карлик, но именно он нарушает молчание.

— Ты не Кристо, — говорит. — Я не знаю тебя и не знаю, как ты смог попасть в чужую монаду, это может только Кристо, но ты — не он. Не он ведь, да?

— Я... не знаю...

— Зачем ты передразниваешь меня? — говорит карлик с какой-то трогательной укоризной. — Ты умеешь проникать в чужие монады, я признаю это, однако почему ты считаешь себя вправе унижать меня? Ты ведь не Кристо?

— А почему Кристо... имеет право?

Вопрос на ощупь.

— Кристо тоже не имеет права унижать, — говорит карлик. Он явно осмелел. — Но Кристо — сумасшедший.

— А... почему ты думаешь, что я — не он?

Секунду карлик жуёт губу. Он утомительно серьёзен. Перо, торчащее в чернильнице, похоже на флаг.

— Потому что, будь ты Кристо, я давно уже был бы мёртв. Кто ты?

Карлик ждёт, и под его немигающим взглядом пришелец начинает рассказ о своей дороге сюда — начиная с не дуга. Он волнуется: очень важно, чтобы уродец поверил ему, потому что, несмотря на комичный вид, есть в карлике какая-то основательность... а ему сейчас позарез нужна хоть какая-то опора.

В слишком странном месте он проснулся.

* * *

— Я тебе верю, — кивает наконец карлик. Ставит чернильницу на пол. — Все равно непонятно, как ты перемещаешься по чужим монадам... но ты не врешь, нет.

— Расскажи мне про ваш мир. Похоже, я долго спал... голова кругом...

Про их мир? Нет ничего проще. Некогда Вселенная была анизотропна, алогична и опасна для жизни, но в конце концов Разум (под «Разумом» следует понимать объединённые усилия миллиардов различных цивилизаций) перестроил ее в соответствии с принципами целесообразности и порядка; и ныне Вселенная изотропна, логична и безопасна. Состоит, как известно, из совокупности монад. Все.

— А... что такое «монада»?

Монада — это индивидуальное замкнутое субпространство. Здесь каждый живет в отдельном от остальных

субпространстве, что, во-первых, позволяет обустроить мир вокруг себя в соответствии со своими пристрастиями и, во-вторых, надежно защищает особь от возможных посягательств со стороны других особей.

— Надежно? А как же этот самый... Крипо? Или я? Я ведь тоже смог попасть в твоё... субпространство.

— Крипо безумец, я же говорю. А ты... Я не знаю, как ты здесь очутился. Уснул-проснулся, хм...

— А кто-нибудь знает?

Карлик задумывается, а он тем временем оглядывает комнату в поисках какого-нибудь оружия против неведомого Крипо. Табурет, пожалуй, сойдет...

— Может быть, Некро? — говорит карлик.

— Некро?

— Ну да. Видишь ли, монада сама по себе вечна, но бывает, её обитатель умирает вдруг... Некро как раз отыскивает такие субпространства и освобождает их. То есть он занимается мертвыми, а ты... Ты ведь все равно что умер там, у себя, а здесь воскрес.

Перед мысленным взором мелькает другая картинка: телевизор, развлекающий давно иссохшего мертвеца, шеренги или соты таких смежных комнат, уходящие в бесконечность.

Карлик стоит с отсутствующим видом, словно упивается слышимой только ему музыкой сфер, потом встряхивает своей огромной головой:

— Пойдем к нему? Он согласен впустить к себе. Он уже ждет и все знает.

— Все?

— Ну да. Ведь передача информации у нас — мгновенна.

«Похоже, сон был не просто долог, а очень долог», — это единственная мысль, которую он успевает додумать, пока сквозь комнату карлика проступает какая-то свалка.

— Я уже все знаю! — Некро, гордый собою, потирает костлявые ладони.

Он похож на туго обтянутый кожей скелет: тощий, морщинистый и какой-то шишковатый. Все вокруг захламлено: пожелтевшие портреты в рамках и без, жухлые цветы, мраморные доски, треснувшие граммофонные пластинки, мятые открытки и прочие предметы, навевающие банальные мысли о бренности всего сущего.

— Я попросил Архо, и он кое-что нашел. Вот! — Некро тычет пальцем за свое острое плечо, за которым на гипсовом подиуме — какой-то продолговатый, закрытый крепом предмет.

— Не томи, Некро, — просит карлик.

— Помолчи, Графо, — отмахивается тот. — Ты как? Все пытаешься взлететь и не можешь, ага?

— Не взлететь, а воспарить, — карлик вдруг смущается и умолкает.

— Гы! Вот и пари себе на здоровье, а не меня учи, гы-гы! «Циничный, как гробовщик», — думает пришелец.

— Короче, — говорит Некро, — в архивах записано, что распыляли какую-то планету и нашли труп. Он удачно сохранился — со временем все органические ткани постепенно сменились кварцем, — потому структуру мозга удалось сосканировать. Вот по тому слепку и восстановили твое сознание. Поздравляю, гы-гы!

— Какой к черту кварц! — восклицает пришелец. — У меня человеческое тело, мое!

— Гы-гы! — говорит Некро, и даже Графо, кажется, прячет смехок. — Ты еще скажи, что и мы — люди! Гы-гы!

— Хи-хи! — вторит Графо.

— А... разве нет? — бездна, вдруг разверзшаяся перед пришельцем, заставляет его покачнуться.

— Я тебе объясню, — говорит Некро.

И объясняет.

Когда пришла пора переделывать Вселенную под Единый Разум, пришлось выбирать: либо новая структура мироздания вмещает в себя все цивилизации прежней Вселенной, либо только некоторые. Чем больше типов разумных форм содержит структура, тем менее стабильна она, поэтому в итоге конструкторы остановились на втором варианте. Тем более что цивилизации, достигшие определенного уровня, становятся, в общем-то, похожими друг на друга, так что потеря миллиарда-другого вариантов практически никак не сказывается на общей эволюции Вселенной.

Земляне были довольно заурядными существами — сытые, благополучные и довольные собой; тихо паразитирующие у звезды G-класса, — потому их не избрали. Не уничтожили, нет, просто оставили в покое, и они тихо угасли вместе со своим Солнцем. Возможно, даже не осознав своей кончины.

— Я вам не верю, — лепечет последний во Вселенной землянин. — Меня обещали оживить через двадцать лет, а прошло... прошло...

(Вспоминается: ровно за такой же срок ему обещали коммунизм, а потом — отдельную квартиру.)

— Восемь миллиардов, — подсказывает Некро.

Да-а-а... Выспался, блин.

— Но вот же — мое тело...

— Тебе кажется, что это твое тело. Реально же это просто инерция человеческого восприятия. Ты ассоциируешь сигналы, поступающие в твое сознание, со знакомыми тебе образами и понятиями. Через несколько тысячелетий (если счастливо избежишь встречи с Кристо и подобными ему безумцами) ты научишься видеть мир в истинном свете.

— И... на что он похож — «мир в истинном свете»?

— Скажи ему, — Некро поворачивается к Графо. — Ты же мастер этих самых... метафор.

Карлик на секунду задумывается.

— На самом деле Вселенная похожа на радугу в стране слепых, — говорит он, а Некро тем временем торжественно сдергивает покрывало с предмета на подиуме.

Взгляду предстает фигура спящего человека — в полный рост, с подробностями, вплоть до самых мельчайших, — из чистейшего горного хрусталя.

«Мечта всякого честолюбивого сочинителя, надо же», — думает автор и проваливается в беспамятство.

* * *

— Ничего, привыкнешь, — говорит карлик.

Они с Некро хлопочут вокруг. Некро поддерживает голову, а Графо сует под нос пузырек с нашатырем (или что-то, что в редуктивном сознании ассоциируется с пузырьком нашатыря). — У нас каждому найдется дело по интересам...

— Например? — спрашивает очнувшийся хрипло.

— Например, механик Вечного Двигателя.

— А еще?

— Еще? Смазчик Вечного Двигателя или его машинист. Здесь большинство профессий так или иначе связано с обслуживанием Вечного Двигателя, поскольку он дает энергию нашему миру.

— *Perpetuum mobile* не существует, — говорит автор. — Он противоречит закону сохранения энергии.

— Да, если толковать энергию как способность изменять Вселенную в космических масштабах, — объясняет Некро. — Флуктуации вроде судьбы отдельной особи не в счет; они не могут поколебать общую стабильность Вселенной. Мы — каждый из нас и все вместе — не изменяем мироздание, поэтому наш Вечный Двигатель (он называется вечным двигателем среднего рода) возможен.

— А еще какие профессии есть? — спрашивает автор. Он уже сидит.

— Немного, — говорит карлик. — Можно, например, очищать монады, как Некро... Или изучать Прошрое, как Архо. Или наблюдать Время, как Хроно. В крайнем случае, если не найдешь себе дела, придумаешь какое-нибудь хобби. Как я, вот...

Пытаться взлететь из клоповника? Спасибо.

— А Кристо? Кто по профессии Кристо? — спрашивает автор и морщится, потому что Графо в ответ опять сует пугрык с нашатырем.

Явно не хочет рассказывать.

— Кристо! — восклицает вдруг в ужасе Некро, и через миг он и Графо уже бегут без оглядки в разные стороны, вернее, пытаются бежать, но спотыкаются на гудах хлама, буксуют.

К ним приближается человек в белом халате. Розовые щеки, аккуратная бородка, в нагрудном кармашке стетоскоп, саквояжик в руке — похожий на добродушнейшего доктора из детской сказки. Безмятежно помахивая саквояжиком, он равняется с Графо, и тот вдруг падает ничком и закрывает лысину дрожащими пальцами, но Айболит, не обращая внимания на карлика, продолжает движение — к автору. Подходит, деловито кивает, ставит саквояж, распахивает; вынимает из него скальпель и вдруг — с блестящей сталью в руке — прыгает на сидящего.

Тот успевает перехватить руку напавшего, и вот они уже оба катятся по земле.

Под лопатками хрустят граммофонные пластинки.

— Ты! Не достоин! Жить! — хрипит Кристо; на бороде его теперь пена, а глаза бешенее, чем у ста бармалеев разом.

— П-п-почему?.. — выдавлиывает автор, из последних сил удерживая смертоносное лезвие в миллиметре от своего лица. Он больше растерян, чем испуган.

— Как! Ты! Можешь! Жить! Раз! Не! Знаешь! Принципов! Функционирования! Своего! Тела! Это! Оскорбление! Медицин-н-ны!!!

Ярость придает дедушке сил, и острое касается щеки автора, но автор успевает выдохнуть, что, мол, тот не прав.

— Что?!

Нажим слабеет, и автор переводит дух.

— Ты сечешь в структуре атома?

— Что?..

— Ясно. Так какое право быть имеешь ты сам, коли не знаешь сил, удерживающих атомы твоего тела вместе?

Несколько секунд Кристо задумчиво собирает языком слюну с подбородка, а потом вдруг начинает рябить, расслаиваться... Некоторое время в трепещущих полосах еще угадывается раздумчивый лик, потом они начинают мерцать и растворяться в воздухе.

Без остатка.

До конца принципиальный дедушка.

* * *

— Он был конструктором, — говорит Некро.

— Неудавшимся, — добавляет Графо.

Они необычайно почтительны теперь. Даже, кажется, слегка трусят.

— Подробнее, — требует автор.

В конце концов, может же он позволить себе покапризничать. Он теперь герой: разделался с опасным безумцем на глазах у публики.

— Есть еще одна профессия, — говорит карлик. — Конструктор миров. Их учат долго, начиная прямо с пробирки, иначе нельзя. Потом они проектируют и создают новые миры-монады.

— По типовым проектам, — добавляет Некро. — Потом обитатель монады обустройства ее по своему разумению,

а вначале они все одинаковы: нержавеющая сталь, хром, и все такое...

— Но иные из учеников начинают отклоняться от стандарта... таких забраковывают, — говорит Графо.

— Обычно — уничтожают.

— Но некоторым удается бежать.

— Как Кристо? — спрашивает автор.

Кажется, он все понял. Действительно, несложный мир. Проще пареной репы.

— Да.

— Они очень опасны, — говорит Графо. — С одной стороны, они могут свободно перемещаться по субпространствам и манипулировать сущностями...

— С другой стороны, они озлоблены и неприкаяны, — продолжает Некро.

— Вам удалось победить одного. Мы восхищены!

— Похоже, вы тоже конструктор. Мы восхищены!

— Спасибо.

— Наверное, Кристо потому и набросился на вас, что почувствовал вашу силу!

— С вашими способностями вы далеко пойдете!

— Спасибо, — повторяет автор.

Надо же, он далеко пойдет во Вселенной, в которой по большому счету идти некуда. Что же до Кристо, то он согласен: самое страшное — это неудавшийся конструктор... Во всяком случае, насколько он знает, самые великие злодеи получались именно из неудавшихся творцов.

— Вы говорили «Хроно». А... он может вернуть меня в Прошлое?

— Зачем?

— Зачем это вам?

— Ведь там вы умрете...

— А здесь будете жить вечно!

— Понимаете — вечн-о-о-о!

Они так комичны в своем недоумении; он признателен им и хочет объяснить, что вечность — это не бесконечное число вдохов-выдохов или съеденных-исторгнутых ложек супа, это скучно, в конце концов... Вечность — это когда ты строишь не только целесообразную, но добрую и гармоничную Вселенную. А если ты гонишь халтуру или сбегаешь, то тебе стыдно перед поколениями, что были до тебя и будут после.

Он хочет это объяснить, но ему не хватает слов. В конце концов, он довольно посредственный сочинитель.

Но они слушают.

* * *

— Вы похожи на... на упрямца, пытающегося выпить море, — раздраженно повторяет доктор.

— Отчего бы не попытаться? — пожимает плечами писатель. — Лиха беда начало.

Он улыбается.

В БОМБЕ

Назовем его... ну, скажем, Гантенбайн.

Это недавно покинутый женою мужчина средних лет, среднего сложения и средних способностей, работающий в средних амбиций фирме консультантом по налогообложению; словом, абсолютно средний тип, уникальный лишь тем, что у него имеется двойник.

Который здорово его раздражает.

Не поступками, ущемляющими интересы Гантенбайна — он и Эндерлин (так зовут двойника) лично не знакомы, хоть и живут неподалеку, — но самим фактом своего

существования. Есть общие приятели, восторгающиеся их похожестью (нет, не брат, устало повторяет Гантенбайн) и настойчиво предлагающие представить их друг другу; Гантенбайн упорно отшучивается. Эндерлин, судя по всему, тоже. Гантенбайн хорошо его понимает. Наличие двойника бьет по самолюбию, подрывает ощущение собственной значимости; двойник — это как... как одинаковые рубашки на вечеринке, как два остряка с одним анекдотом — только гораздо хуже. Гантенбайн двойника понимает... но недолюбливает.

Несколько раз он видит его издали.

Однажды они встречаются в автобусе, сталкиваются тяжелыми, будто булыжники, взглядами и далее всю дорогу не замечают друг друга. Дома Гантенбайн долго стоит в ванной, вспоминая лицо Эндерлина. Глаза, губы, подбородок, пробор... тот же нос с горбинкой, родинка на щеке... Стоп! Гантенбайн касается пальцем родинки и зажмуривается.

У него-то родинка слева, а у двойника — точно! — наоборот. И волосы, стало быть, зачесаны на другую сторону... Лицо Эндерлина есть совершенное отражение его собственного лица! Потому-то для сторонних наблюдателей они всего лишь похожи, а Гантенбайну, знающему себя больше по зеркалу, Эндерлин кажется абсолютно идентичным.

Гантенбайну становится жутко.

В конце концов, к близнецам мир по привычке, это забавно; но за феноменом зеркальных близнецов скрывается некая зловещая *неслучайность*.

Гантенбайн лихорадочно ворошит обрывки сведений об антипде: налоговый полицейский — раз... ушел от жены — два... стажировался за океаном... Уж не тот ли это грант, что некогда уплыл из-под самого носа Гантенбайна?!

«Но если он — мое полное отражение, если его склонности и поступки противоположны моим, — торопливо

размышляет Гантенбайн, — то он обязан быть бунтарем, отщепенцем, изгоем... черт-те знает кем, но только не законопослушным гражданином! Однако...»

Однако ничего такого за двойником не наблюдается.

Гантенбайн слегка успокаивается.

Ему невдомек, что будь он гением, то Эндерлин наверняка стал бы редкостным злодеем (и наоборот, наоборот!), но Гантенбайн — обычный человек, в котором высокое и низкое, взаимно компенсируя друг друга, дают в итоге приемлемую для общества личность.

То же верно и для Эндерлина.

* * *

Остаток вечера Гантенбайн коротает за чтением. Он обожает романтиков начала XIX века и выдуманные ими ужасы — такие уютные, камерные, в коих нет места угрозам всеобщего уничтожения, экологических катастроф и тотальной промывки мозгов. Романтики, кстати, считали двойника предвестником скорой смерти.

Гантенбайн зевает.

* * *

Тем злополучным вечером Гантенбайн возвращается из театра в приподнятом настроении. Постановка порадовала, и даже *тот* в соседней ложе, шикавший там, где аплодировал Гантенбайн, не сумел испортить удовольствия. Погода чудная, Гантенбайн оставляет такси в квартале от дома, решая немного пройтись.

Он живет в центре: вот по этой улице до площади перед зданием муниципалитета, потом направо. Если взять чуть левее, то придешь к дому, в котором живет... впрочем, Гантенбайн тут же запрещает себе думать об Эндерлине. Улицы пусты: добропорядочные бюргеры, отужинав сви-

ными ножками с капустой, готовятся ко сну. Гантенбайн вдыхает полной грудью терпкий весенний воздух, просвистывает первые такты арии Зигфрида, поворачивается лицом к улице, ведущей на площадь, и — замирает.

Песенка отважного нибелунга остывает на его губах.

В темном устье улицы (свет уже погашен, муниципалитет экономит электричество) маячат незнакомые молодые люди, ссутулясь, словно неандертальцы. Гантенбайн ловит в искоса бросаемых на него взорах жадное ожидание момента, когда беспечный прохожий углубится во тьму. Ему становится тоскливо. Он отказывается от первоначального маршрута и идет вдоль освещенного автобана. Мимо мчат авто, сплошь джипы. («Почему? — рассеянно дивится Гантенбайн. — Разве в нашей уютной стране неважные дороги?») Потом резко сворачивает и наугад пробирается какими-то закоулками: вдоль барачных времен стачечного движения и шеренг мятых железных коробок с гроздьями замков на дверях, по чавкающим лужам под обезглавленными фонарными столбами, мимо траншей, столь небрежно засыпанных работниками горводоканала, что можно подумать, будто тут потрудились гастарбайтеры.

Люди в камуфляже («От кого они маскируются, в городе-то?» — недоумевает Гантенбайн) остервенело бьют стекла телефонных будок. Стены обшарпанных домов исписаны почему-то кириллицей...

«Остроумное решение, — подбадривает себя Гантенбайн, одновременно отгораживаясь от миазмов разбухших мусорных баков надушенным носовым платком. — Раз я иду здесь, значит, он обязан будет пройти там. Поделом...»

Цивилизованный человек отличается от дикаря не только благоразумием, но и искусством сохранения душевного комфорта, даже худший из пороков покрывая эвфемизмами и объясняя целесообразностью.

Наконец Гантенбайн покидает странные задворки, в существование коих не поверил бы, если б не убедился лично, и выбирается к своему дому. Над подъездом горит свет. Урны чисты и не опрокинуты. Газон перед домом подстрижен, тротуар вымыт шампунем против перхоти.

Гантенбайн переводит дух, складывает платок. Кивнув привратнику, поднимается в свою квартиру и распахивает окно, из которого видна площадь с мэрией и улица, закрытая ныне для осмотрительных пешеходов. На площади стоит поливочная машина, двое стражников курят на ступеньках ратуши.

Тишина. Гантенбайн тревожится, что опоздал, но высунувшись из окна по пояс, видит, как в начале улицы нерешительно топчется одинокий силуэт.

Тревога ложная.

«Ну же», — злорадно торопит Гантенбайн и в очередной раз поражается странной взаимосвязи с Эндерлином: человек послушно исчезает во тьме.

Некоторое время ничего не происходит.

Потом — торопливый топот. Звук удара. Шелест падения.

Стражники пристально вглядываются во мрак, одновременно гасят сигареты и исчезают за резными дверями мэрии.

Гантенбайн слушает, пытаясь уловить мольбу, напрасные крики о помощи — тщетно.

Лишь пыхтение и ритмичные глухие удары, словно не люди орудут, а работает некий механизм-молот, собранный в аду специально для того, чтобы бить по живому.

«Господи!» — зовет вдруг Гантенбайн. Ему делается не по себе.

Адский механизм приостанавливает работу, и пару минут спустя на краю площади возникает человек. Он качается, как пьяный.

Он ковыляет до поливочной машины. Водитель, невидимый в недрах кабины, приоткрывает воду. Подошедший молча смывает кровь с рук и лица. «Вали, вали! — кричат из мрака. — Ща-а-а-с догоним, гы-гы!»

Куранты на ратуше возвещают полночь, час всякой нечисти.

Гантенбайн возвращается в комнату, торопливо возит-ся в кладовке, что-то там обрушивает, чертыхается и спускается на улицу.

Ночь теплая, пропитанная густым запахом жасмина. Гантенбайн огибает дом и ступает на аллею, ведущую от площади. Он знает, что Эндерлин пройдет именно тут, потому что сам он не любит эту дорогу.

В правой руке он сжимает бейсбольную биту.

Расчет верен: Эндерлин неловко, словно в гололед, идет навстречу, а за живой изгородью наперерез ему зловеще скользят черные тени.

Деревянная рукоятка ерзает во вспотевшей ладони. Гантенбайн перехватывает биту поудобнее и заставляет себя шагать вперед. Двойник его не видит, поглощенный заботой половчее поставить ногу: каждый шаг отзывается болью в потрепанном теле. Вечерний костюм на нем висит лохмотьями.

Они встречаются под платаном. Эндерлин поднимает глаза, в них ни испуга, ни удивления — одно одиночество, до самого дна.

— О, бита, — говорит он грустно. — А где же кепочка — с козырьком?

Пытается шутить, понимает Гантенбайн.

Черные тени за кустами мешкают миг (томительно; ногти Гантенбайна впиваются в рукоять оружия) и скользят мимо, растворяются в ночи.

Эндерлин запоздало смотрит им вслед, машинально теребя родинку на щеке.

— Спасибо, — вдруг говорит он.

«Интересно, с какой стороны у него сердце», — думает Гантенбайн. Он чувствует, как вползает на лицо непривольная, не стираемая никаким усилием улыбка — точь-в-точь как в детстве, при встрече с закадычным другом после долгой разлуки.

— Здравствуй, — говорит он, подавая открытую ладонь.

Ненужную более биту он сует в урну возле дерева. Он не замечает, как над кроной возникает слабое свечение, сгущается в мерцающую полупрозрачную форму, похожую на громадную опрокинутую воронку, конус которой накрывает двойников, а длинная горловина по спирали уходит к звездам. Стражники из ратуши взирают на невиданное атмосферное явление, разинув рты.

— Здравствуй, — отвечает Эндерлин, протягивая исцарапанную руку. Он тоже улыбается разбитыми губами.

Их пальцы соприкасаются и...

Взрыв невиданной мощи.

Он мог бы расколоть Землю пополам, но воронка вбирает в себя и отсылает прочь всю его чудовищную силу.

Миг она сверкает в небе причудливой пружиной-молнией.

* * *

Прежде чем ринуться к тайне взрыва вдоль энергетического канала, сквозь головокружительные извивы пространств и времен — маленькое отступление.

Вопрос получения энергии (и — побольше!) издавна занимает человечество. Кое-что оно узнало. Разрушение материальной структуры, например, высвобождает энергию связей между элементами. Теоретический же максимум дает аннигиляция: столкновение материи и антиматерии, при коем все взаимодействующее вещество преобразуется в энергию согласно нехитрой формуле, часто

приводимой в рассказах с подзаголовками «научно-фантастический». Пока это потолок земной физики.

Подчеркнув слова «пока» и «земной», обратимся к гипотетическим энергетикам, обошедшим нас в гонках цивилизаций на круг-другой. Это у нас наука и техника, у них — сверхнаука и супертехника! Их влекут на порядки более мощные источники.

Например, сложная психическая организация, именуемая нами «душа».

Чтобы убедиться в солиднейшем энергопотенциале так называемой «души», достаточно беглого взгляда на людские деяния за последние тысячи лет, а сверхнаука точно знает, сколько калорий в среднем содержит личность человека, и знает, как эти калории извлечь. Остальное — дело супертехники: спланировать появление на далекой (в пространстве ли, во времени ли) планете антидвойников, задать параметры их жизням, рассчитать точку взаимодействия их душ и аккуратно собрать энергию психической аннигиляции.

И можно дуть за мегапремией.

* * *

Так кто же они — взорвавшие Гантенбайнов?

Разумные нематоды с другого края галактики, меняющие перегоревшую лампочку в своем суперсортيره? Или наши далекие потомки, отчаянно балансирующие на краю энтропийного болота?

Не знаю. Но лично мне как-то несимпатичны существа, взирающие на моих современников, сопланетян (а значит, и на меня самого), как на аналоги бессловесных и туповатых протонов и антипротонов. И нет никакого желания с этими созданиями лишний раз встречаться. Подобные типы мне *тут* осточертели.

Так что извини, друг-читатель, я к ним не ходок.

Ну и какая же в этой истории мораль?

Никакой. Быть может, мы так сдержаны в проявлении лучших своих чувств, потому что опасаемся аннигиляции?

Интуитивно подозревая, что находимся внутри гигантской, неведомой бомбы?

СТАЛИНГРАДСКОЕ РОЖДЕСТВО

— Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград.

Ф. Дик. Человек в высоком замке

«...но сегодня Рождество, время чудес, и потому сейчас, здесь, в этой бескрайней стылой степи я молю Его...»

Гаубичный снаряд упал совсем рядом; пол блиндажа дрогнул, и язычок пламени оступился на фитиле керосиновой лампы. Скрипнули перекрытия, низкий потолок выгнулся, из последних сил противясь удару, и — на сей раз — устоял.

«Как и мы, — подумал обер-лейтенант отстраненно. — Надолго ли?»

Некоторое время он наблюдал за текущим сверху песком. Песок падал и падал: на истоптанный пол, на остывающую, в черных чешуйках, печку, на брезент походных коек; струился по пришпиленной к стене карте и пучкам сухой травы. Звенел в пустых мисках.

Цепочки флажков на карте отражали оперативную обстановку: дивизии в западне у большой русской реки и, южнее, ползущий им на выручку танковый клин.

Ну а пучки травы и посуда на столе означали, конечно, Рождество. Все как (когда-то) дома, только ковыль вместо еловых веток и вымороженная конина в обмен на молочного поросенка. И пуншем здесь — ледяной спирт.

Лейтенант тряхнул головой; отгоняя непраздничные мысли, и вернулся к письму. Сдул песок с блокнота, перевернул страницу...

Он ведь запретил себе думать о войне сегодня ночью. Ему можно. Другие офицеры с праздничного ужина отправились в свои подразделения, а он остался. Он ранен. И его роты больше нет. На днях последние ее крохи ссыпали в сводный батальон, которым командование пыталось залатать оборону едва ли не на противоположной стороне кольца... далее судьба батальона неизвестна. Впрочем, угадать ее не составляет труда.

Так что в это Рождество лейтенант мог позволить себе не думать о войне. О чем угодно — например, о трехлетней давности Сочельнике, еще в кругу семьи: свечи, уют, хрусткая накрахмаленная скатерть; сияние серебра и «Тихая ночь, святая ночь» из радиоприемника. Счастливые глаза — светятся в жаркой полутьме...

Не получилось.

Сегодня тоже передавали «Тихую ночь...», это было чудесно, слезы наворачивались, но потом диктор объявил: «Только что вы слышали Сталинград!», следом выступил рейхсминистр — про «поворотный момент» и про то, что «судьба давно уже испытывает нас, действительно ли мы призваны руководить всем миром», — но это было уже неважно. Волшебство рухнуло.

Друг лейтенанта, батальонный врач, до армии изучал поведение животных и мечтал продолжить исследования после войны.

— Это достойно отдельной науки! — восклицал Конрад, рассказывая о своих цихлидах и кваквах. — Представ-

ляешь, точнейшие механизмы Природы регулируют проявления внутривидовой розни так, чтобы, с одной стороны, агрессия — несомненно нужный для сохранения вида атрибут — не исчезла, и, с другой стороны, не привела бы вид к самоистреблению!

— Поведению животных, — говорил Конрад, — присущи сложные ритуалы, направляющие агрессию отдельной особи в полезное для сообщества русло. Я бы осмелился назвать их — только не смейся — аналогом человеческой морали.

— Скажешь тоже! — смеялся лейтенант.

— Во всяком случае, их поведение дает нам достаточно пищи для раздумий, — отвечал Конрад.

Накануне он пропал без вести. Такая вот мораль.

...В конце концов, не стоит поддаваться отчаянию: уже месяц они сражаются в окружении и достойно сражаются; и сам фельдмаршал ведет им на выручку танки вдоль калмыцких степей; осталось потерпеть день-другой — уж слышен гром артиллерии там, где острое деблокирующего удара рвет кольцо; и нынешняя его, лейтенанта, хандра — это просто усталость и утеря товарища, досадное ранение и воспоминания о доме — далеко-далеко...

Словом, нет повода для беспокойства. Разве что слишком частая канонада там, на юге...

Лейтенант обнаружил, что уже вечность одиноко сидит над чистым листом, не в силах ни закончить предыдущую фразу, ни начать новую, а снаружи воеет и воеет ветер, и песок — хотя обстрел прекратился — все сыплется и сыплется сверху, образуя холмики вокруг блокнота. Это тяготило, и потому — когда по ступенькам блиндажа торопливо шаркнули шаги и дверь стукнула, впустив сквозняк и тут же пришемив ему хвост, — лейтенант испытал облегчение.

— Танки... прорвались!.. — выдохнул вбежавший.

Лейтенант обернулся.

У входа топтался солдат — в снегу с головы до ног, точно выпавший из саней Санта-Клаус.

Лейтенант улыбнулся метафоре и подумал — мельком — что воин, похоже, из новичков, der Neuberufene, раз его смог напугать случайно прорвавшийся танк. Серьезный прорыв на их участке невозможен. Слишком грамотно для «иванов» выстроена тут система огня.

Да и сверху — ни звука, свидетельствующего о горячем бое. Вообще ни звука сверху.

— Еп... — растерянно сказал вдруг солдат, хлопая заснеженными ресницами, и в следующий миг лейтенант уже рвал из кобуры «вальтер»: солдат — валенки, ватные штаны, изодранная фуфайка, перетянутая широким ремнем, — был врагом.

Он тоже вскинул свое оружие, но лейтенант — целя в середину круглого лица — успел первым.

Отчетливый металлический стук бойка о капсюль.

Осечка.

* * *

На второй выстрел времени нет: пистолет-пулемет «ивана» смотрит прямо в грудь, и палец с обломанным ногтем напрягается под спусковой скобой; лейтенант судорожно ищет в памяти лица тех, кого любил в своей недолгой, в общем-то, жизни; он знает, что в смертный миг они всегда тут как тут... — но сейчас его память странно пуста, даже лица матери нет...

• — Еп! — повторяет «иван» с досадой. — Смотри, что сделал, гад...

Он поворачивает оружие так, чтобы лейтенант видел искуроченный, забитый снегом затвор.

— И ружье изувечил, и ППШ поломал, — жалуется «иван».

Так и подмывает спросить: «Кто?» — такой располагающий у русского тон, — но вместо этого лейтенант призывает со сталью в голосе:

— Сдавайтесь!

— «Кто-кто»... Ваш блядский танк — вот кто! — в сердцах отвечает «иван» на невысказанный вопрос.

— Вы находитесь в расположении немецкой воинской части. Сдавайтесь!

Лейтенант вдруг с удивлением отмечает странное умиротворение, снизошедшее на него; его смущает явная неуместность — здесь и сейчас — своей воинственности. Как будто блиндаж провалился вдруг куда-то далеко, прочь от войны, и он, лейтенант, это чувствует.

Странно — кажется, ему даже симпатичен этот парень. В сущности, он никогда не испытывал ненависти к русским. Недоверие — да, раздражение от их упрямства — да, непонимание, иногда — страх... но никогда — ненависть.

Хотя и убивал их уже второй год.

Виноват, поправился лейтенант. Порой я ненавидел. После речей фюрера или рейхсминистра я был очень на них зол. И вчера — после пропажи Конрада.

— Чем больше косяк рыб, — говорил Конрад, — тем он неповоротливее. Его вектор определяет количество особей, избравших то или иное направление. Если какая-либо рыбешка выбьется из стаи, стадный инстинкт тотчас гонит ее назад. Однажды провели эксперимент: речному голяну — одному из стаи — удалили передний мозг, отвечающий за реакции объединения. Особи стало безразлично — следует ли она в русле большинства или нет; она решительно плыла туда, куда считала нужным, невзирая — плывут ли за ней другие. И — представляешь? — вся стая плыла следом! Дефект мозга сделал инвалида лидером.

— Сам сдавайся, — огрызается русский. — Вы в «котле», не мы.

— Мы вырвемся, — возражает лейтенант, незаметно убирая пистолет.

— Фиг мы вас теперь выпустим, — отвечает русский беззлобно. Кажется, на него тоже подействовала странная атмосфера, воцарившаяся здесь, под землей.

Он оставляет ненужное более оружие у порога и хозяйски проходит к столу. Обозревает.

— Чего празднуем? — спрашивает.

— Рождество, — отвечает лейтенант. Конечно, откуда им знать — они же сплошь безбожники.

— Рановато, — присвистывает «иван». — Впрочем, ладно.

Машет рукой. Подвигает стул, садится. Смахивает рукавом песок. Снимает и кладет на столешницу шапку с вишнево взблескивающей в огне лампы звездочкой. Расстегивает фуфайку. Достает из-за пазухи зеленую фляжку, всю во вмятинах. Встряхивает. Во фляжке булькает.

— Осталось еще, — лыбится солдат. У него короткие волосы и оттопыренные уши. — Я, только танк сверху проскочил, из снега выкарабкался и первым делом проверил — на месте ли... Ну и хлебнул, ясно. Не каждый день тебя так утюжит...

Не прекращая рассказа, он достает кус черного хлеба, бережно завернутого в белую тряпицу.

«Совсем еще мальчишка, — думает лейтенант. — Даже моложе меня».

— Хорошо, что фляжку проверил, а не ППШ, — рассуждает солдат. — А то пострелял бы... жаль... Ну, за знакомство?!

Его и вправду зовут Иван.

Лейтенант закусывает ноздреватым хлебом и называет себя.

— Ты не думай, я не первый месяц воюю, — говорит Иван. — Вот... — Он вытаскивает и показывает лейтенанту серебряную кругляшку медали. — И все в бронебойщиках. Но чтоб, как сегодня, под танк попасть — Бог милывал... Ух и прете же вы, гады...

— Гады... — повторяет он и удивленно хихикает, поражаясь, как нелепо вдруг звучит здесь привычное слово. И, чтоб загладить неловкость, спрашивает: — А ты чем до войны занимался-то?

Лейтенант обстоятельно рассказывает про учебу в университете. Ему удивительно уютно сейчас с недавним непримиримым врагом — почти как три года назад, дома, — и он поднимает жестяную кружку.

— С Рождеством!

— С Рождеством.

— Нечего глумиться над рабом привычки, который возбудил в человеке привязанность к ритуалу и заставляет держаться за этот ритуал с упорством, достойным, казалось бы, лучшего применения, — говорил Конрад. — Мало вещей более достойных! Клятвы никого не связывают и договоры ничего не стоят, если нет их основы — нерушимых, превратившихся в обряды обычаев.

— Homo homini lupus est, — цитирует разомлевший лейтенант.

Иван смотрит с восхищением. Он здорово говорит по-немецки, но с латынью, похоже, не знаком совсем. Лейтенанту нравится его восторг.

— Bellum omnium contra omnes, — продолжает он. — Война всех против всех. Гоббс. Знаешь, почему-то обычно опускают окончание этой сентенции: «...что делает жизнь беспросветной, звериной и временной».

— Ух ты! А я вот не успел ума набраться, — сокрушается Иван. — А тоже ведь собирался. В техникум!

Он жил в деревне, и, когда началось отступление, его мобилизовали гнать общественный скот на восток. Не хотелось оставлять младших и мать одних (отца призвали в июле), но — приказали... Весной он записался на курсы бронбойщиков. На мандатной комиссии его едва не спланировали в лагерь как сына классового врага — кто-то из своих, деревенских, наступал, что его отец — кулак. А батя не был кулаком, он был мельником и сразу по коллективизации отдал мельницу колхозу. Правда, работал-то на ней все равно сам — лучше в деревне мукомольное дело не знал никто, тем более не горлопаны с безошибочным «классовым чутьем»...

— Теперь-то мне точно не отвертеться. Я, получается, и позицию оставил, и вроде как в плену был, — горестно разводит руками Иван.

— Крысы, как и пчелы, узнают «своего» не персонально, а по общему для группы запаху, — говорил Конрад. — Если одного зверька отсадить в отдельный вольер, а через несколько дней вернуть в стаю, то его растерзают как чужака и даже быстрее — поскольку ненависть семьи для него неожиданна и он не пытается ни бежать, ни защищаться.

А он не оставлял рубежа. Танк выскочил на их стрелковую ячейку внезапно, под вечер, из пурги, и он лупил в него из ПТРа, да только бесполезно — в гусеницу не попасть из-за снега, а от брони пули отщелкивались, точно орешки. Это был «Т-IV», не «Т-III»; «тройку» он бы уконтрапупил, как пить дать! Но он все равно стрелял до самого конца — потому что сколько можно драть-то?! — метя в смотровую люк механика-водителя.

— Все плечо отшиб, — жалуется Иван и потирает плечо. — Теперь как неживое...

Он едва успел нырнуть в окоп, когда стальная машина нависла над ним. Окоп был мелкий, потому что на дне его лежал, заваленный снегом, второй номер расчета, убитый еще утром, и танк едва не снес Ивану голову.

Но — обошлось.

Бронебойщик улыбается.

— Очухался, смотрю: ночь уже, вокруг никого... танки где-то тарыхтят. У ружья приклад — в щепки, ствол винтом, не повоюешь... Ну и пополз сказать, что фронт прорван... думал — наш блиндаж-то... *Мой танк, между прочим, в балке застрял, видать, попал я все-таки!..*

Фронт? Лейтенант удивленно выгибает бровь. «Ну и категории! Ветеран называется... Любому новобранцу ясно, что его окоп — это далеко не весь фронт: ведь есть же, в конце концов, отсечные позиции, вторая и третья линии обороны, подвижные резервы... Правда, русские известны своим пренебрежением к деталям, к нудной кропотливой ежедневной работе — это-то их и губит. Но в данный момент в окружении мы, — думает лейтенант. — Впервые за три года. Может быть, как раз из-за таких вот простаков, наивно полагающих себя лично ответственными за исход кампании? Это глупо, неэффективно... однако, например, фельдмаршал — военный гений! — все никак не может пробиться сквозь густую канонаду...»

Вспомнился летчик, плененный на исходе лета. На вопрос, где же их хваленая отвага, «красный сокол» хмуро отвечал, что сразу после взлета они ощущают себя трупами.

Теперь их тупоносые истребители хищно снуют в небе, похожие на крылатых касаток: ведомые уставшими бояться пилотами — единицами, уцелевшими из сотен, — а тогда они, офицеры батальона, с любопытством взирали с холма, как пикирующие бомбардировщики методично превращают в руины раскинувшийся вдоль реки город.

— Мы не можем полагаться на инстинктивное неприятие убийства сородича; нужно что-то еще, — говорил Конрад. — Заложенные в нас Природой сдерживающие механизмы отстали от нынешних техник убийства, существ-

венно отдаливших жертву от охотника в эмоциональном плане... Представь себе нормального человека, с рычанием бросающегося на ребенка. Невозможно? А ведь там, в городе, сейчас гибнут сотни детей. На них мечут бомбы психически здоровые, воспитанные люди; почтенные отцы семейств, может быть. А мы — тоже не монстры — наблюдаем сей парадокс достаточно спокойно.

— Война, — угрюмо отвечал лейтенант. — Если они не захотели эвакуировать гражданское население — это их проблемы.

«А где-то в Германии фюрер сейчас пьет теплое молоко за Рождество, — думает лейтенант. — На другом краю Земли усатый хитрец поднимает, может быть, бокал с красным вином. Праздник... А мы здесь истребляем друг друга во имя взаимной ненависти чужих, в сущности, нам людей. Хотя — ненавидят ли они друг друга? Тоже вопрос...»

— А ты хорошо по-русски калякаешь, — говорит Иван. — Сразу видно — в университете учился!

«По-русски? — удивляется лейтенант. — Разве мы говорим по-русски?!»

Иван зевает — широко.

— Подремлю чуток, — говорит. — Мы как двадцатого числа у Мышковой заняли позиции, так все землю добились... как камень она. Двое суток подряд, считай! А сегодня с утра — сразу в бой. Не спал почти. Так что подремлю, а потом я тебя к нашим выведу, чего тебе здесь пропадать-то? У нас в плену хорошо, комиссар говорит... Не то что у вас...

Он роняет голову на исцарапанные руки и тут же засыпает. На стриженный затылок течет тонкая струйка песка.

«Река Мышкова? — Лейтенант, щурясь, смотрит на карту на стене. — Пятьдесят километров отсюда?! Не мог же он проползти столько за... за...

Двадцатое, — с холодом в груди думает лейтенант. — Они двадцатого вышли на позиции, через двое суток вступили в бой. Двадцать второе. Но сегодня же двадцать пятое!...»

Лейтенант осторожно встает из-за стола. Пробует опереться на ногу. Нога почти не болит.

«В любом случае выведу его к нейтральной полосе, — думает лейтенант торопливо. — Пусть ползет к своим. Не знаю, что говорил их комиссар, но у нас Ивану действительно *ende*».

Позавчера он лично расстрелял двух людоедов из пленных. В их пустых от голода глазах не было ничего человеческого. Точнее, вообще ничего.

Прихрамывая, он выходит из блиндажа в траншею осмотреться.

«А если поймают? — шепчет вдруг чужой, с гнильцой, голос внутри. — Трибунал, позор... Расстрел!»

«Фиг поймают!» — отвечает лейтенант с незнакомой доселе беззаботностью.

Низкое, черное, без единого огонька небо висит над ним. Даже сигнальные ракеты не взлетают. Свистит ветер. Траншея странно пуста — в оба конца. Лейтенант отчетливо это видит, потому что позиция покрыта ровным ярким светом, льющим непонятно откуда.

Лейтенант поднимается на бруствер. Ледяной ветер хлещет в лицо, пробирает до костей, мчит навстречу комья окровавленных бинтов, клочья одежды, чьи-то письма, целые вороха писем, но это неважно, все неважно! — потому что впереди, на заснеженном поле, стоит колонна крытых грузовиков с танком во главе. К колонне бредут темные силуэты.

Фельдмаршал все же прорвался, понимает лейтенант. Эвакуация.

Они шли из разных концов степи — повзводно, поротно, поодиночке; молчаливые, безучастные, сгорбившиеся на морозе, — подходили к грузовикам и неуклюже, по очереди залезали под брезент. Их было так много, что у колонны образовалась толпа; непонятно было, как она поместится в нескольких машинах.

Не было никакой давки, как, например, на аэродроме в Таци: эвакуируемые терпеливо ждали своей очереди: не перетаптываясь даже, никак не пытаясь согреться, просто стояли, замерев, — и все.

Они так замерзли, что даже пар не поднимался от их дыхания.

Из башни танка по пояс высунулся командир. Лица его не разглядеть было — ослепительный свет, заливавший равнину, бил откуда-то из хвоста колонны, и лейтенант видел только темный силуэт на фоне световых колец, рисуемых лучами на беспорядочно мечущихся снежинках, — но от офицера исходила столь мощная волна эмоционального притяжения, что лейтенант, точно загипнотизированный, побрел к колонне — забыв обо всем, не в силах даже смахнуть слезы, вдруг выступившие на глаза от ветра.

«Неужели сам фельдмаршал? — крутилось где-то на периферии сознания. — Или... да нет, не может быть, но все же... неужели фюрер лично возглавил прорыв — как обещал?!»

Он приблизился, теперь танкист возвышался над ним, точно колосс. Лейтенант по-прежнему не видел лица — только абрис на фоне радужных концентрических кругов от неведомого прожектора, — но знал, что танкист смотрит на него.

«Быстрее!» — дернул головой танкист.

«Сейчас-сейчас», — одними губами ответил лейтенант. Он споткнулся и оперся, чтоб не упасть, о заиндевелую

броню. Показалось вдруг, что кроме командира за ним еще кто-то внимательно наблюдает из танка — снизу, через исклеванную бронебойными пулями смотровую щель, с места мертвого механика-водителя.

«Как же так, — вдруг всполошился лейтенант, — я, герой Сталинграда, вернусь домой безо всякого трофея?»

И торопливо выковырнул из застрявшей между гусеничными траками рубиновой льдинки (танкист в досаде хлопнул рукой в черной перчатке по броневому кольцу командирской башенки) поцарапанную звездочку.

Считая человека окончательным подобием Бога, я ошибусь в Боге.

Конрад Лоренц

Александр Шленский

ТУАЛЕТ «ТОРЖЕСТВО УЛЬТРАКОММУНИЗМА»

Дорогие потомки! Если вы не станете совершеннее и чище, мудрее и человечнее, чем мы, то идите вы к черту!

Альберт Эйнштейн

С тех пор как ультракоммунизм одержал безоговорочную победу на территории всей страны, жизнь во многом изменилась. Было покончено с аномальными явлениями прошлого, и жизнь обрела прочные рамки и твердый порядок. Многие вещи изменились в корне. Например, дома стали строить цилиндрической формы, высотой в сорок этажей. Каждому индивиду пожизненно выделялся жилой сектор в одном из цилиндрических домов, а слова «квартира» и «комната» были запрещены к употреблению и внесены в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений.

Если индивид хорошо проявлял себя на коммунистическом производстве и в быту, его жилой сектор расширялся за счет соседей — особый механизм автоматически сдвигал стену по радиусу на определенное число угловых градусов. Иногда стена могла сдвинуться настолько, что индивид средней длины мог улечься поперек сектора, лишь слегка согнувшись. Отстающих и неуживчивых, напротив, наказывали. Стены секторов, занимаемых эти-

ми индивидами, автоматически сдвигались, и могли сдвигаться так, что индивид средней ширины мог с трудом стоять в самой широкой части своего сектора, сдавленный стенами, у самого отверстия спуско-подъемной шахты. Наказание это именовалось «сужением жизненного угла в воспитательно-методических целях».

Стоять целый день в секторе с суженным до предела жизненным углом было тяжело и опасно — можно было случайно заснуть и свалиться вниз, в спуско-подъемную шахту, где на самом дне торчал острый и длинный штырь фиксатора подъемной кабины. Уже не одного наказанного индивида, заснувшего по преступной небрежности, сняли с этого штыря и отправили на фабрику переработки белковых субпродуктов. На эту фабрику направляли всех, кто не подавал признаков жизни. На фабрике привезенный материал использовали для приготовления корма. Слово «похороны» было запрещено к употреблению и внесено в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений.

Рабочие сутки имели постоянный и неукоснительный распорядок. Работать было принято по ночам. Сутки начинались с вечера и кончались вечером. Каждый вечер индивиды перемещались из жилого сектора на производство, а утром возвращались назад в свой жилой сектор. Днем всем индивидам надлежало спать в жилом секторе. Слово «выходной» было запрещено к употреблению и внесено в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений.

В каждом жилом секторе располагался строго один индивид. В жилых секторах категорически запрещалось срать, размножаться и принимать пищу. Все эти общественно необходимые операции в нерабочее время полагалось проделывать в общественном туалете. Туалет, обслуживающий юго-западную группу секторов, располагался в рукаве подземного коридора, соединявшего жилые сек-

ции с производственными и складскими помещениями. Все передвижения и перемещения производились по подземным коридорам — выход на поверхность был строго воспрещен, да и самих выходов давно не существовало, все они были замурованы. Что делается на поверхности и почему туда нельзя выходить, никто не знал, да и знать, в общем, особо не хотел.

Почувствовав определенный позыв, я, согласно инструкции, нажал на кнопку грязно-коричневого цвета. Ответ на вызов к моему жилому сектору номер 2745-ЮЗ с лязгом и скрежетом подошла подъемно-опускная кабина. Я зашел в кабину, чувствуя, как скопившийся кал подпирает промежность. Кабина начала опускаться вниз, вибрируя и раскачиваясь. В транспортно-переходном коридоре светили грязные неоновые лампы, пахло мокрым цементом, мочой и ржавчиной. Я подошел к большому проему с надписью: «Туалет „Торжество ультракоммунизма“». Двери в проеме не было. Дверей вообще нигде не было, а само слово «дверь» было запрещено к употреблению и внесено в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений.

В туалете существовала определенная последовательность процедур. Перед тем как начать срать, полагалось принять одну порцию корма. Слова «пища» и «еда» не были запрещены к употреблению, но считалось, что слово «корм» наилучшим образом отражает общественный характер питания и его трудовую направленность. Я подошел к ржавому железному столу, к которому была приварена общественная миска, и нажал на кнопку кормораздатчика. Кормораздатчик выплюнул в миску одну порцию полужидкого корма, которую индивид со средней емкостью желудка съедает зараз. Я взял рукой часть корма и отправил в рот. Корм был едва теплым и на вкус сильно отдавал дерьмом — тем самым, которое в данный момент лопилось наружу через мой задний проход.

Нельзя сказать, чтобы я чувствовал себя хорошо в этот момент, но я не возмущался, так как в мой мозг, как и в мозг каждого индивида, был вживлен так называемый «Автоматический подавлятор возмущения». Слово «подавлятор» было ультракоммунистическим неологизмом, введенным вследствие того, что с момента установления ультракоммунистического порядка слово «подавитель» стало обозначать не устройство, а название одной из ведущих командных должностей в аппарате управления. Подавители были ответственны за спокойствие и порядок во вверенных им сегментах и секторах. Существовала строгая иерархия. Верховный подавитель подавлял Генеральных подавителей, каждый Генеральный подавитель подавлял Главных подавителей, Главный подавитель подавлял Секторального подавителя, а Секторальный подавитель подавлял свой сектор. Чем сильнее он его подавлял, тем быстрее он мог стать Главным подавителем, и так далее.

Над дверным проемом, ведущим в кабинет любого Подавителя, всегда висел лозунг:

«Всякая власть держится исключительно на подавлении, подавлении и еще раз подавлении».

Подавители были ответственны за своевременное вживление подавляторов в мозги индивидов и периодическую проверку их работоспособности. Посещение общественного туалета было одной из таких проверок. Подавлятор обеспечивал полную сохранность интеллекта, критических воззрений, оппозиционных настроений, но полностью блокировал способность возмущаться и желание что-либо менять. Подавлятор был новейшим достижением ультракоммунистической демократии и использовался повсеместно.

Покончив с кормом, я направился к кабине. Чем ближе я подходил, тем сложнее было идти — кругом валялись кучи дерьма, засыпанные хлоркой. Не все индивиды успевали дойти до кабины после приема обязательной порции

корма. Я почувствовал острейший позыв, сильно пукнул и, кое-как удержав остальное, ускорил шаг. В ответ на звук и запах моего пуха раздалось царापание и шуршание. Я поднял взгляд и увидел, что на потолке зашевелился в своей паутине огромный паук-говноед. Паук был голоден и нетерпеливо ждал, когда я начну срать. Я не любил пауков, хотя никаких других животных я никогда не видел.

— Подождешь, скотина! — недружелюбно сказал я, заходя в кабинку и спуская штаны.

Паук вздрогнул, понимая моргнул густыми длинными ресницами и попятился в глубь своей паутины. Паук понимал человеческую речь и жесты, но сам говорить не умел. Паук-говноед появился на свет в результате аварии во время генетического эксперимента. Одно из подразделений карьерно-добывающего ультракомтруда заказало серию таких экспериментов с целью вывести более экономного и эффективного работника, чем стандартный индивид, который тормозил рост показателей карьерных разработок и не мог достичь желаемой производительности труда. По недосмотру кого-то из генетически измененных индивидов, работавших в лаборатории, какое-то лабораторное животное ухитрилось сбежать из своей клетки и насрать в одну из реторт, где вызревал опытный организм. В результате на свет появился организм с восемью ногами, который, вместо того чтобы жрать стандартный корм и добывать руду, жрал дерьмо и ничего не желал добывать, а при первой же появившейся возможности сбежал из лаборатории и стал размножаться и селиться где попало. По большей части пауки селились в туалетах, где им легче всего было достать еду. Поэтому правила поведения в туалете предписывали немедленно засыпать хлоркой ту часть дерьма, которая не попадала в горловину унитаза. Хлорку пауки не переносили. После введения процедуры хлорирования популяция пауков стала уменьшаться. Отсутствие необходимого количества еды не давало пау-

кам нормально размножаться. Иногда голодный паук спускался вниз, нажимал лапой на кнопку кормораздатчика и с отвращением сжирал из общественной миски порцию стандартного корма, который слегка пах его привычной пищей. Но этот корм мог только поддержать жизнь в его рыхлом волосатом теле. Для размножения пауку требовалось дерьмо, много дерьма.

В кабине стены были густо исписаны засохшим дерьмом, кучи засыпанного хлоркой дерьма теснились на полу, а в углу стояла большая бочка с хлоркой, на которой было написано:

«Индивид! Незамедлительно засыпь хлоркой испражнения, не попавшие в горловину унитаза».

Я уже хотел было натужиться, но тут из дальнего угла кабины показалось морщинистое лицо, а затем выплыла грязная, перемазанная говном старуха. Старуха подошла ко мне, осклабяясь и разевая запавший слюнявый рот с единственным клыком на нижней челюсти. Это была бабка-минетчица.

— Иди отсюда! — замахнулся я кулаком на бабку. — Не видишь, что ли, я срать хочу!

— Да ты сри, внучек, сри. А пока ты срать будешь, я у тебя отсосую.

Слова «внук», «сын», «дочь», «мать» и все прочие слова, выражавшие родственные связи, были запрещены к употреблению и внесены в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений. За употребление этого слова старуха рисковала быть отправленной на фабрику белковых субпродуктов, несмотря на явные проявления признаков жизни. Это наказание было одним из наиболее радикальных наказаний ультракоммунистической эры. Может быть, именно поэтому такое неожиданное ласковое, старинное обращение смягчило мое сердце и наполнило его странным и неожиданным чувством любви и благодарности.

— Ладно, соси, — разрешил я. — А ты меня никакой дрянью не заразишь?

— Что ты внучек! Никак не заражу.

Тут бабка одним махом схватила горсть хлорки из стоявшей рядом бочки и сунула себе в рот, а затем рукой зачерпнула воды из унитаза и запила хлорку. Пополоскав, бабка выплюнула хлорную воду в унитаз. У меня зашипало в глазах. Паук на потолке вздрогнул: он не переносил хлорку. Старуха радостно продемонстрировала мне изъязвленные от постоянного контакта с хлоркой синюшные губы и бледные десны и выразила живейшее желание начать сосать.

Я взгромоздился на унитаз, но тут голодный паук на потолке умоляюще-отчаянно замахал волосатыми лапами. Я слез с унитаза и присел на корточки в уголок, держась за бочку с хлоркой. Позыв был уже нестерпимым, и я начал срать, а бабка начала у меня сосать, громко чмокая. От хлорки мой мочеиспускательный орган немного резало, но, в общем, было даже очень приятно. От ощущения блаженства, которое мне приносило долгожданное чувство облегчения моего чрева от дерьма совместно с сосательным эффектом, я расслабился и не заметил, как паук крадучись спустился вниз на толстой нитке и прокрался к моим ногам. Обнаружил я это, только когда услышал у себя из-под ног торопливое голодное чавканье — наконец-то восьминогая тварь добралась до любимой пищи. Паук торопливо чавкал, поганая бабка чмокала слюнявыми губами ему в такт, перекаывая мой мочеиспускательный орган по голым деснам, а я срал от всей души. Почему-то я никак не мог отучить себя от слова «душа», которое уже давно было запрещено к употреблению и внесено в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений.

Мой мочеиспускательный орган, сильно набухший в бабкином рту, внезапно вздрогнул, начал сокращаться и вибрировать, а бабка стала со всхлебыванием погло-

щать льющуюся из него репродуктивную жидкость, делая громкие утробные глотки. Питаться репродуктивной жидкостью не было запрещено, а бабка, по старости и болезни желудка, не могла усваивать стандартный корм. Поэтому она и сидела уже много лет минетчицей в туалете юго-западной группы секторов, носившем величественное название «Торжество ультракоммунизма». Местные ультракоммунистические власти относились к бабке снисходительно. В других секторах Подавители, в порядке личной инициативы, направляли специальные команды для проверки туалетов и всех найденных минетчиков отправляли на фабрику белковых субпродуктов, несмотря на очевидные проявления признаков жизни.

Отсосав, бабка встала, икая и порыгивая, и попятилась задом в свой угол, где были свалены грязные, вонючие, засаленные тряпки. Бабка легла и скорчилась на этих тряпках, икая и хрипя. В животе у нее что-то булькало. Я слегка пнул ногой не прекращающего чавкать паука и засыпал остатки дерьма хлоркой из бочки, согласно инструкции. Паук подпрыгнул и, пробежав по стене, забрался к себе на паутину. Слишком грубо обращаться с пауком было нежелательно. Паук мог обидеться и плюнуть в глаз дерьмом. Плевался паук метко, но прибегал к этому методу защиты крайне редко — когда его сильно обижали. Сам паук никогда не срал. Дерьмо усваивалось в его организме без остатка.

На стене кабины все еще можно было прочесть древнюю надпись:

«Индивид! В целях экономии туалетной бумаги используй ее с обеих сторон! Нарушители данного правила будут выявляться общественными контролерами и караться сужением жизненного угла на два угловых градуса на срок до сорока рабочих суток».

Никакой туалетной бумаги в туалете не было. Она кончилась полвека тому назад, через десять лет после начала

ультракоммунистической эры, и с тех пор больше не производилась.

Я вытер задний проход ладонью и сполоснул руку в унитазе, подтянул штаны и пошел к умывальнику. После приема корма и посещения кабины положено было почистить зубы. На ржавой, густо заплыванной железной раковине стояла коробка с зубной хлоркой, а рядом с ней лежала общественная зубная щетка. Ручка у щетки была металлическая, к ней была приклепана толстая железная цепь, противоположный конец которой был приварен к раковине — чтобы щетку не унесли из туалета. Из щетки торчала редкая грязная щетина, измятая и погрызенная бесчисленным множеством вонючих ртов. Щетка гадко пахла застарелым зубным налетом. Я обмакнул щетку в хлорку и сунул в рот. Во рту и в носу у меня немедленно задрало от хлорки, из глаз потекли обильные слезы. Паук на всякий случай подполз поближе в надежде, что я обосрюсь от хлорки. Со многими это так и происходило. Но на этот раз пауку не пришлось поживиться: я спокойно дочистил зубы и повернул кран, чтобы сполоснуть рот. Из крана с хлопанием потекла густая ржавая вода с хлопьями и слизистыми комками зеленовато-черного цвета. Вода неприятно пахла — не дерьмом, а чем-то гораздо более скверным. Кое-как сполоснув рот и выплюнув слизистые комки с хлопьями, я подождал, пока пройдет резь в глазах, и вышел из туалета в коридор.

В коридоре мой путь лежал к Могиле неизвестного ультракоммуниста. После каждого посещения туалета было положено молча постоять у Могилы и подумать о Вечности и о Справедливости. Могила неизвестного ультракоммуниста представляла собой большой цементный куб высотой в две длины среднего индивида (слово «рост» было исключено из употребления как содержащие непозволительные коннотации на строжайше запрещенные слова «гордость», «надежда» и «изменение»). Вокруг этого

куба было установлено ограждение из металлических цепей и колючей проволоки. На каждой из четырех сторон монумента можно было прочесть надпись:

«Человек может приспособиться ко всему».

Слово «человек» было запрещено к употреблению и внесено в список запретных слов, которые надлежало забыть в течение двух поколений. Единственным местом, где можно было прочесть это слово, была Могила неизвестного ультракоммуниста. Встроенные детекторы проверяли реакцию мозга индивида на прочтение этого слова. В случае обнаружения возмущения, раздражения и иных подобных чувств специальная команда немедленно забирала этого индивида и отправляла его на реимплантацию.

Я глубоко вздохнул. Посмотрел на надпись. Ну что же, человек или индивид... Какая, в сущности, разница, как называть существо, которое отличается от паука на потолке только количеством ног и тем, что может говорить некоторые слова, которые еще не запрещены к употреблению? И то и другое существо появляется из Вечности и уходит в Вечность, и какая разница, что оно жрет и чем оно чистит зубы? Главное — спокойно пройти через всё, что тебе положено, и ни в коем случае не возмущаться и не пытаться что-либо менять. Потому что когда начинаешь пытаться что-либо поменять, то всегда получается не лучше, а только хуже. В этом плане подавлятор — великолепное изобретение эпохи ультракоммунизма, потому что он дает возможность существовать спокойно, не возмущаться, не протестовать, сознавая всю бесполезность протестов и возмущений. Всякая система стремится к наиболее устойчивому и стабильному состоянию — это наиболее общий закон физики. И в этом плане эпоха ультракоммунизма с ее незыблемым порядком — это самый закономерный итог всего предшествующего развития. Я счастлив, что существую именно в это время, наиболее убедительное время из всех существовавших эпох.

Индикатор детектора возмущения резко звякнул и зажег зеленую лампочку. Возмущения не зарегистрировано, все в норме, мне можно было идти в свой жилой сектор. Но я решил еще постоять у Могилы и подумать о Вечности и о Справедливости. Если я это буду делать достаточно часто, меня через какое-то время заметят, специальная команда заберет меня прямо в коридоре, мне вживят второй подавлятор и назначат Секторальным подавителем. Я стоял и не знал, лучше мне от этого станет или хуже... Мне и так было неплохо после облегчения живота и мигрени. Просто мне почему-то захотелось подольше постоять у Могилы и подумать о Вечности и о Справедливости. Ведь такое желание не является ни возмущением, ни желанием что-либо изменить, и разумно устроенный подавлятор никак не может этому воспрепятствовать. Иногда мне кажется, что это не подавлятор вживлен в мой мозг, а наоборот — мой мозг вживлен в подавлятор, и я думаю, что это самая разумная и правильная точка зрения, придерживаясь которой можно со временем расширить свой жизненный угол до максимального предела и обрести настоящее счастье.

Алексей Шведов

ОДИННАДЦАТЬ ВОЛЬТ ДЛЯ ФЕНИКС

Александру Быкову

Стоит человеку испытать
вкус блаженства, как он скоро за-
хочет ощущать его постоянно.

Кеннет Келзер. Солнце и тень

1

- Господи, да ты только посмотри на нее!
- М-да.
- Эй, Феникс, открой глазки!
- М-м-м...
- О, голос подала! Прогресс!
- М-м...
- А морда довольная — смотри, смотри!
- Еще бы ей не быть довольной. Ну и что с ней делать-то в таком состоянии?
- М-м?
- М-м! М-м! — передразнил ее ТДК.
- Чего надо? — пробормотала Феникс, окидывая склонившихся над нею парней вялым сонным взглядом. Счастливая улыбка уже сползла с ее лица под гнетом внешних обстоятельств.

— Халат хоть запахни!

Она опустила взгляд вниз: халат был расстегнут, обнажив одну грудь (левую). Ей стало неловко, хотя, если вдуматься, что здесь такого? Подумаешь — грудь! Что, они женской груди никогда не видели? К тому же она у нее все равно маленькая... Но все же Феникс последовала просьбе ТДК, вслед за чем сменила позу, свесив ноги с кровати. Мир вокруг немного дрожал, руки тоже. И вообще, ее знобило. И как она умудрилась заснуть?

— А че так холодно?

— На улице, — сказал Женья, — плюс тридцать два. Сейчас лето, Феникс. А тебе холодно. Есть над чем призадуматься, не так ли?

— Как вы сюда попали? — Феникс протерла пальцами глаза. Внизу живота уже немного ныло. Неужели она проспала больше четырех часов?! Она поморщилась. А скоро будет еще хуже...

Женья повертел согнутой булавкой.

— Понятно, — проворчала Феникс. — Надо будет замоч менять...

Наступило молчание, во время которого она пыталась расчесать пальцами спутанные волосы и челкой скрыть нейропорт. Феникс знала, зачем пришли Женья и ТДК, и оттягивала неприятный разговор до последнего. Она понимала, что виновата перед ними. Но что я могу с этим поделать? Феникс принялась задумчиво покусывать нижнюю губу. Впрочем, я не так уж и виновата. В конце концов, это был мой личный блок питания. Что хочу, то и делаю. А в примочку можно и «Крону» вставить — так даже фонить меньше будет. И вообще, каждому свое. И нечего проецировать на меня свои проблемы. Только вот настроение хреновое....

Она встала (хотела пойти умыться), но тут ее сильно качнуло, и она полетела на тумбочку.

— Бля-аь!!!

ТДК и Женя многозначительно переглянулись.

— Феникс, ты понимаешь, что тебе нужно завязывать? — спросил ТДК.

— Ой, только не надо мне говорить, что мне нужно делать, — поморщилась она. — На себя посмотрите сначала.

И она ушла в ванную. Из зеркала на нее глядела бледная худая физиономия, под глазами — темные круги, сами глаза — красные. Как попало умывшись и расчесавшись, Феникс вновь уставилась на себя в зеркало. Повернулась к нему сперва левой стороной, потом — правой. Справа она себе нравилась больше.

Достав из нейропорта пустую капсулу, Феникс спрятала ее в халат — на драгс-точках двадцать таких меняют на одну целую. Где бы еще восемь найти? Причем к вечеру. Она снова посмотрелась в зеркало, зачем-то потрогала нос. Блин, ну и морда! Указательным пальцем погладила разъем порта: небольшое отверстие в сантиметре от межбровья, полый стержень, ведущий прямо в узел гипоталамуса. А когда вы вставляете в него энергокапсулу, то генерируются электрические импульсы, воздействующие на центр «рая». Стоимость капсулы зависит от порога заряда. Феникс прижалась к стене и, прикрыв глаза, постояла так немного, после чего вернулась в комнату. Женя и ТДК скромно сидели на столе. Опустившись на кровать, Феникс сгребла с тумбочки упаковку анальгина и проглотила кое-как без воды пару таблеток. Нужно было еще переодеть трусики, а то эти все мокрые после «тока». Только сейчас на это внимание обратила. Взгляд девушки настороженно заскользил по комнате. Ну и чего они тут расселись, спрашивается?

— Ну, так сегодня ты на репетицию придешь или нет? — поинтересовался Женя.

— Во сколько?

— К семи.

— А щас сколько?

— Полпятого.

— Ну, приду, если нужно.

«Вернее, постараюсь прийти», — добавила Феникс про себя. Тут запищал видеофон. Она шлепнула ладонью по прямоугольнику сенсодатчика, активируя экран. На нем тут же нарисовался улыбающийся Герберт. Феникс снова ударила по датчику, прерывая контакт — еще не хватало при Жене с ТДК с ним разговаривать!

Она выдернула видеофон из розетки. Уйдут — и я сама перезвоню, поклялась она себе.

— Кстати, с блоком питания надо будет как-то вопрос решать, — как бы невзначай заметил ТДК.

Феникс покивала в знак согласия, хотя, откровенно говоря, все эти музыкальные проблемы были ей сейчас до лампочки. Итак, звонил Герберт. А за ней должок, который нужно было вернуть еще вчера. Что он может подумать, если она вот так вот резко оборвала связь? Что должница не желает платить. Так что, возможно, вскоре он сам придет к ней или пришлет своих шестерок, чтобы они *убедили* ее вернуть долг. «Да где ж я вам возьму столько денег? — возмущенно думала Феникс. — Они чем там у себя думают? И расценки дикие какие-то; говорят, в том же Кемерово „ток“ дешевле раза в полтора».

— То есть сегодня ты точно придешь? Не как вчера?

— И позавчера, — добавил Женья.

— Точно приду, — буркнула Феникс. — В семь?

— Угу.

— Надо записываться быстрее, — сказала она. — Надоело мне уже репетировать. Выступать все равно нигде не выступаем...

— А вот *это* тебе не надоело? — ТДК постучал себе между бровями. «Намек понят», — подумала Феникс. — Лариса, ты посмотри, в кого ты превратилась за последние три месяца!

— Какая была, такая и осталась, — недовольно проворчала она. Разные нотации ее жутко раздражали. Ей было проще продолжать считать, что она ничуть не изменилась — просто изменились окружающие.

— Феникс, неужели ты действительно этого не видишь? — в разговор снова вступил Женя. — Тебя уже ничто больше не интересует, кроме этих твоих капсул. Кстати, что-то я не вижу твоего плеера... Вероятно, он там же, где и блок питания? Так?

— Не надо меня учить, а?

— А никто тебя и не учит. Мы пытаемся тебе помочь. Вспомни, кем ты была, и посмотри, кто ты есть. Ты же жить теперь без этого не можешь. Все вещи уже попродавала. Кофточка твоя зеленая где? Что-то я давно ее на тебе не видел...

— Нет, ты мне че тут гонишь? — закричала Феникс, не выдержав. — Ты мне муж, что ли? Отец? Надо же доебался! Что хочу, то и делаю!

— Может, нам начать искать другого басиста?

— Ищите хоть семь басистов.

— То есть ты больше не будешь играть?

Феникс насупилась. Играть в группе ей, в общем-то, нравилось.

— Буду, — пробормотала она виновато-извиняюще. Глаза ее смотрели в пол. — Только не надо меня доставать, я и сама знаю, что у меня проблемы. Но я намерена в ближайшем будущем завязать.

— Свежо преданье, — заметил ТДК.

— Да верится с трудом, — окончил Женя. — Чем ты думала, когда вставляла в себя эту штуку?

— Головой, чем. Чем я еще могла думать? — она еле сдерживалась, чтобы снова не начать кричать.

— Такое впечатление, что чем-то другим.

— Слушай, а какое тебе вообще до этого дело? Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь. Понял?

— Бесплезно с ней разговаривать, — Женя махнул рукой. — Она уже конченная, как и все эти... Она сама уже не завяжет, ее лечить надо.

— Это тебя надо лечить, а не меня! — выпалила Феникс. — И твою Ксюшу!

— Ну-ка, ты! — возмутился Женя. — При чем тут Ксюша? При чем тут Ксюша, а? Ты че тут базаришь, онанистка?

— Сам ты онанист! — закричала Феникс, вскакивая. — Пошел на хуй отсюда, пошел на хуй, понял?!

— Щас ты у меня сама на хуй пойдешь!

— Да на хуй мне твой хуй нужен!

— Э, ребята, кончайте! — заметался между ними ТДК — Женя, успокойся, ну ты-то че...

— Нет, что ты там про Ксюшу начала говорить? Договаривай-договаривай, если уж начала!

— И договорю! — закричала Феникс. Ее прямо-таки распирало от справедливого гнева. — Почему это твоя Ксюша себе между ног чип вставила, а я нейропорт в голову не могу? А? Почему ей можно, а мне нельзя? А я тебе сейчас скажу почему, я тебе скажу... Это ты потому на меня наезжаешь, что я тебе не дала тогда у Мэри на дне рождения, вот твое мужское самолюбие теперь и...

— Ты че, дура? — удивился Женя. — Нет, ты че, дура? — он вполне натурально рассмеялся, но, правда, немного нервно. — При чем тут день рождения Мэри? Ну, пьяный я тогда был... нашла что вспомнить. Не дала так не дала, я из таких вещей проблем не делаю.

— Это тебе только кажется, что не делаешь. Нет, ну ты мне ответь теперь, почему своей Ксюше ты разрешил биочип поставить, а...

— Да пойми ты, это разные вещи! — закричал Женя и начал нервно ходить туда-сюда по комнате. — Мы с Оксаной любим друг друга и... Да зачем я тебе все это объясняю?

— Нет, ты мне все-таки объясни, объясни!

— Тронутые вы оба, — заметил ТДК. — Феникс, можно я закурю?

— Закури. И мне дай.

Все трое закурили. Феникс открыла форточку и выжидающе уставилась на Женю.

— Хорошо, я объясню, — прошипел тот. — У Ксюши были проблемы с половым аппаратом. Я хотел, чтобы, когда мы занимаемся любовью, ей тоже было хорошо. Я не эгоист. Поэтому мы пошли к гинекологу, и он вживил ей этот чип.

— Любовью они занимаются! — саркастически закивала Феникс. — Проблемы с половым аппаратом... Понятно-понятно. Врешь ты все, любовничек. Или страдаешь недостатком информации. Я с Ксюшей твоей обсуждала как-то эту тему, и все у нее там нормально было, просто ты кончаешь быстро, а она не успевает. Может, она тебя просто смущать не хотела, потому и сказала, что у нее какие-то там проблемы, но знай — это совершенно не соответствует истине. Плохо ты знаешь женскую психологию, Женечка. А теперь она знаешь как тащится — твоя Ксюша! Еще покруче, чем я от «тока». Так что каждому свое, Женя. Да, я прекрасно понимаю: то, что со мной происходит сейчас, ненормально, и я буду пытаться бросить это. Но вся проблема в том, что у меня образовалась физическая зависимость и без этих импульсов меня ломает, а твоя Ксюша себе чип поставила только для того, чтобы перетаться, как... Знаешь, иногда говорят: «как удав по стекловате». Разницу чувствуешь?

— В таком случае, если уж ты все так повернула, скажи мне, пожалуйста, зачем ты вообще поставила нейропорт, если не для того, чтобы — как ты выразилась — тащиться?

— Просто поставила, и все. И я сказала не «тащиться», а «перетаться».

— Это не ответ.

— Ответ.

- Все с тобой ясно, — резюмировал Женя.
- Ну что, успокоились? — поинтересовался ТДК.
- А я всегда спокойная, — пожала плечами Феникс.

Оба парня фыркнули. Феникс встретила взглядом с ТДК (он был в их группе гитаристом, а Женя — барабанщиком), и тот ей грустно улыбнулся. Ей захотелось заплакать. «Я падаю в бездну, — подумала она, а все только и знают, что меня поучать. Поучать легко, нет чтоб как-то помочь. Хотя бы схватить меня за волосы и втащить наверх, пусть даже я буду орать и сопротивляться. Но нет, они предпочитают только обвинять. Да, черт возьми, я наркоманка, а еще я просто глупая, уставшая от всего женщина, которая совсем запуталась. Я сама во всем виновата, и когда-нибудь я завяжу. Но не сегодня. Надо будет вечером к Таньке смотаться — вдруг у нее что есть?»

— Значит, на репетицию тебя сегодня не ждать? — спросил Женя.

— Блин, ну ты вот опять специально же ко мне цепляешься! Сказано же ясно: приду.

— Ну че, пойдем? — обратился Женя к ТДК.

— Ты иди, а я с ней еще поговорю немножко.

— Я тебя возле подъезда подожду тогда, — сказал Женя и ушел.

— И что ж тебе надо, голубь ты мой сизокрылый? — поинтересовалась Феникс у ТДК, когда они остались вдвоем.

— Ты песни-то еще *все* помнишь?

— Да вроде все.

— Лариса, если мы тебе можем чем-то помочь, ты скажи.

— Не называй меня Ларисой, пожалуйста.

— Ладно.

— Чем можешь помочь? — Феникс усмехнулась. — Дай тридцать рублей.

— Не дам.

— А двадцать?

— И двадцать не дам.

— Ну, тогда ты мне ничем помочь не можешь, — сделала она вывод.

«Нет, можешь, — добавила Феникс про себя. — Просто мне нужно как-то попросить об этом, признаться в том, что мне действительно необходима помощь. Но я боюсь показаться слишком слабой, я не хочу никого ни о чем просить. Тем более тебя, потому что ты сам предлагаешь помощь. Наверное, я дура. Нет, не наверное, а точно. Скажи, скажи ему, чтобы он тебе помог! Он ведь тебе нравится? Да, но... я лучше умру, чем попрошу его о чем-нибудь».

Неожиданно она заплакала, причем с каждой секундой интенсивность ее плача все нарастала. Феникс повалилась на кровать лицом вниз. ТДК присел рядом; она двинула его ногой.

— Лариса...

— Да я же тебе ясно сказала: НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЛАРИСОЙ! — закричала Феникс, снова вскакивая и чувствуя, что слезы прямо так и льются по ее щекам, к тому же левая щека дергается в нервном тике. — Ты че, тупой, да? Ты че, тупой, если таких элементарных вещей не понимаешь? Нет, ну че ты вылупился, че ты вылупился? — Она вновь рухнула на кровать. Ей было стыдно, что она ревет тут перед ним, но остановиться было невозможно.

Итак, Феникс лежала на животе и, заслонив лицо руками, плакала.

В дверь позвонили.

— Открыть? — спросил ТДК.

— Не надо.

— Вообще-то она и так открыта, — пробормотал ТДК. — Или Женя опять булавкой закрыл?

— Она у меня захлопывается. — Феникс присела и, вытерев лицо рукавом халата, мрачно посмотрела на него: «И чего пристал, спрашивается? Фу-у, истерика вроде прекратилась. Сейчас бы капсулку... Хотя бы на вольт...»

Опять звонок. Феникс насторожилась. «Это, поди, или Герберт, или кто-то из его людей. Открывать нежелательно. А завтра я им все отдам», — подумала она.

— Лариса...

— Слушай, ну ты точно тупой, — вздохнула устало Феникс. — И в голове у тебя не мозги, а хрен поймешь что. Ты тормоз, осознаешь?

Он усмехнулся.

«По фигу ему, — подумала Феникс. — Знает ведь, сволочь, что я не всерьез это говорю. А вот Женя — свинья последняя. И ведь это все началось с Мэриного дня рождения. Да я лучше умерла бы, чем ему дала — он на Пушкина похож, терпеть не могу кудрявых и с бакенбардами. И сам он онанист! Ничем подобным я не занимаюсь, хотя пробовала, конечно. Искусственная нейростимуляция — это, по моему, совсем другое. Зачем возиться с кем-то (чем-то), если можно влиять на центр удовольствия напрямую через мозг? Но злоупотреблять этим конечно же не следует. А я именно злоупотребляю. Это зависимость, натуральная зависимость. Но мне это нравится. Нет, не нравится. Нет, нравится. Но ведь ты наркоманка, Лари... Феникс! Ну и что? А то. Ты уже сдаешь по дешевке свои вещи, ты бы и гитару уже давно продала, если бы она лежала не в ДК и была бы не такой большой. Блок питания маленький был, как раз за пазухой поместился. Догадались же... А вот бас за пазуху не спрятать. Хотя почему я должна его прятать? Он мой, так что я с ним что хочу, то и делаю. Хочу — играю, хочу — не играю. Захочу — продам».

Ей вспомнились несколько последних репетиций. Играла она уже без особого воодушевления, лишь бы как, к тому же постоянно сбивалась. Раньше все было по-другому. И дернуло же ее поставить этот нейропорт!

— Дай тридцать рублей, — снова попросила она.

Звонивший, похоже, уже ушел.

— Извини, но не дам.

— Че, жалко? — прищурилась Феникс.

— Тебя, а не деньги.

— Слушай, да не надо меня жалеть! Мне уже двадцать четыре, и я сама прекрасно понимаю, что к чему. Просто сейчас мне нужен «ток», но вообще я пытаюсь завязать. Я уже сбила дозу на полвольта, — соврала она. — Ну дай денег, а?

ТДК помотал головой. Иногда ей казалось, что он тоже тянется к ней, но — как и она — не решается сделать первый шаг. ТДК был на год ее моложе и учился на каких-то курсах по трансперсональным психотехникам, к тому же он писал основную часть музыки для их группы (тексты сочинял Марат, вокалист). Вообще в их «Базовые перинатальные матрицы» Феникс попала чисто случайно. До этого она играла в «Смерть президенту», но потом те развалились из-за вечных конфликтов друг с другом, и она осталась без дела. А в общем и целом она любила бас, любила хороший жесткий панк с социальными текстами (то, что они играли сейчас, панком было назвать трудно). Вот именно что «любила». А сейчас ей на все плевать, правильно Женя сказал. На все, кроме «тока». Даже плеер — и тот продала.

Она решила немного изменить тактику.

— Слушай, ТДК, ты ведь у нас анархист, так?

Похоже, он сразу заподозрил подвох, но пока молчал. Она продолжила развивать свою мысль:

— Ваша идеология гласит: полная свобода действий плюс... Короче, делай что хочешь, но только не мешай и не ограничивай при этом свободу других. А ты ограничиваешь. Что это за анархия тогда, если я не могу делать то, что я хочу?

— Слушай, ну ты же сама понимаешь, что чушь городишь. Скажи, понимаешь ведь?

— Ну, понимаю, — вынуждена была признаться Феникс. Врать она не особо любила, хотя иногда (особенно

в последнее время) ей поневоле приходилось это делать. — И тем не менее ты не прав. Не хочешь давать деньги — так вали, че сидеть-то?

Он закурил и угостил сигаретой и ее.

— Морда, поди, опухшая, да? — мрачно спросила Феникс.

— Да я бы так не сказал. Слушай, неужели ты не можешь как-то это перебороть? Слезают же люди с героина... Если бы ты была действительно обычной, то я бы к тебе не привязывался, но ты ведь сама психолог по образованию...

— Это *невозможно* перебороть! — выкрикнула (чуть ли не взвизгнула) Феникс, снова начиная плакать. — Понимаешь, невозможно! Ты даже понятия не имеешь, о чем говоришь! Тот же самый героин — просто невинный белый порошок по сравнению с «током»! Легко говорить, когда сам не пробовал! Просто, когда я поняла, во что вляпалась, было уже поздно, поздно, поздно! Ну че ты на меня так уставился? Нет, это надо же — тридцать рублей зажал! — Она начала нервно смеяться. — Слушай, парниша, а как тебе такой вариант: можешь меня трахнуть, если хочешь, за эти тридцать рублей. Или я в рот у тебя возьму? — Она почему-то надеялась, была уверена, что он согласится. — Ну как?

— Господи, Феникс! — ТДК, похоже, сам готов был расплакаться. — Господи, что с тобой стало! Да отцепись ты от меня! — Он отшвырнул ее руки, тянущиеся к его ширинке. — Да *на* ты, *на* эти свои тридцать рублей! — Он вытащил из джинсовки несколько бумажек и бросил в нее. — Нет, я не понимаю, как можно так опуститься?

Феникс пересчитала бумажки. Их оказалось чуть больше, чем было необходимо.

— Здесь сорок пять, — сказала она, протягивая ему пятнашку. — Возьми, а эти тридцать я тебе дня через два отдам.

— Поди у кого-нибудь другого... — начал было ТДК, но осекся, поняв, что сказал не то.

Успокоившаяся было Феникс снова завывала белугой, повалилась на кровать и принялась бить по ней кулаками, мять покрывало. Ну и дура же она! Что он теперь о ней подумает? В его глазах она обычная наркоманка, зарабатывающая на очередную дозу проституцией — и попробуй докажи, что это не так. Но действительно ли это не так? Феникс поражалась сама себе: она одновременно истерично ревела и занималась решением сложных психологических задач. «Я не считаю себя наркоманкой и проституткой, — думала она, — но ведь то, чем я занимаюсь — это, по существу, и есть то, что принято называть наркоманией и проституцией. Просто о последнем мало кто знает... Нет, я не проститутка, я не шлюха, — внушала она себе, — просто иногда так получается, что я *вынуждена* идти на это. Я это делаю не ради себя, а ради... ради чего? Ради кого, если не для себя? Боже, я терпеть не могу этот дурацкий секс, это так по-животному. Все мужики — твари, им нужно от тебя только одно: засунуть в тебя, кончить и свалить. И ты просто заключаешь с ними бартерную сделку: они дают тебе деньги, а ты им то, что они просят. А ведь ТДК прав: я даже сама не понимаю, что со мной стало, насколько низко я опустилась... И несмотря на все это, я почему-то считаю, что я чем-то лучше тех малолетних (и не только) шлюх, которые идут на то же самое ради дозы «тока». Но *чем* я лучше? Тем, что у меня высшее образование, что я играю в группе, что я читаю книги? Но, может, у них тоже есть высшее образование, может, они тоже читают книги, просто зависимость от энергокапсул куда сильнее здравого смысла, и они точно так же тяжело, как и я, переживают свою деградацию, ничего не в силах с этим поделать. А ведь это сейчас самый популярный наркотик, хоть и запрещенный законом...»

— Эй, Феникс, извини, — забормотал рядом с ухом ТДК. — Это случайно вырвалось, я не хотел. — Он попытался погладить ее по голове.

Она только собралась обнять его и во всем признаться, как снова позвонили в дверь.

— Небось Женька, — сказал ТДК. — Булавку, что ли, потерял?

Он ушел открывать, хотя Феникс его об этом не просила. Скоро он вернулся, причем, кажется, не один.

— Лариса, тут тебя ребята какие-то спрашивают.

Она вынуждена была сесть. Вот теперь-то точно морда вся опухшая. Рядом с ТДК стояли Гербертовские шестерки, всех их она знала достаточно хорошо. Макс — здоровенный шкаф с ничего не выражающим лицом, на котором особенно выделялись квадратные челюсти, вечно жующие жвачку; Ли — высокая китайка (эмигрантка), обладающая черным поясом в каком-то виде восточной борьбы и с помощью генетического дизайна изменившая разрез глаз под евростандарт; Волк — худощавый мрачный тип с уклоном в садизм. Все они внимательно смотрели на Феникс.

— Паша, — обозрев всех собравшихся, обратилась она к ТДК, одновременно вытирая слезы, — у тебя случайно нет с собой трех сотен? Я потом отдам.

— Трех сотен? — Брови ТДК взлетели вверх. — Нет. А что? — Впрочем, буквально тут же на его лице нарисовалось понимание.

Шакалы Герберта по-прежнему стояли молча. Им не было нужды говорить. У Ли вокруг головы был аудио-обруч, подключенный к инфогнезду на левом виске, и она легонько покачивала головой в такт музыке. Феникс ненавидела ее больше всех.

— А сколько есть? — интонации ее голоса были чисто бытовыми и лишенными всяческого намека на характер сложившейся ситуации, словно ТДК был отцом, а она дочерью, и она спрашивала у него денег на книжку, как это часто бывало, когда она еще жила с родителями.

— Рублей пятьдесят.

— Дай мне их, пожалуйста, если тебе не трудно.

Он дал. Она добавила к ним тот тридцатник, что он дал ей до этого, и итог оказалось восемьдесят. Феникс протянула деньги Макс.

— Восемьдесят, — сказала она виновато.

— А остальные?

— Может, чем-нибудь другим возьмете? Книгами могу отдать...

Волк начал смеяться. Ли расплылась в улыбке. Даже вечно хладнокровный Макс — и тот перестал жевать свою жвачку и странно задергал губами.

— Ты что, подруга, издеваешься? — выдавил наконец он. — Нахрена нам твои книги? Что мы с ними делать-то будем, ты подумала?

— Читать?! — предположил Волк.

Это вызвало целый взрыв смеха. На ТДК Феникс старалась не смотреть.

— С тебя еще двести двадцать три, — сосчитал наконец Макс.

— Двести тринадцать, — поправила его Ли. Говорила она с легким акцентом. — Макс, тебе нужно срочно записаться в вечернюю школу.

Они снова заржали. «Что-то сегодня они слишком веселые», — подумала Феникс. Ее всю трясло.

— Извините, мадам, с вас еще двести тринадцать рублей ноль-ноль копеек, — исправился Макс.

— У меня нет таких денег.

— Ты плохо слышишь?

— Да где ж я возьму эти ваши двести тринадцать рублей? — закричала Феникс. — Нет их у меня сейчас! Завтра будут, — добавила она чуть спокойней. — Вы можете подождать до завтра?

— Услуга за услугу, — прищурился Макс.

Феникс знала, какие услуги нужны этому ублюдку. Уже два раза она вынуждена была идти на это ради

отсрочки выплаты долга. Но делать это при ТДК? Ни за что! «Господи, они же видят, что я не одна!»

— Послушайте, вы можете хоть раз поступить как нормальные люди? — Феникс вдруг опять почувствовала себя удивительно спокойной и безмятежной. — Вы что, не видите, что у меня здесь человек, гость? Он в эти дела не посвящен, и вам не стоило говорить все это при нем. Неужели у вас нет никакого чувства такта, уважения?

— Уважения? К таким, как ты? — скривился Волк.

— Хотя бы к таким, как он.

ТДК скромно стоял и молчал. Все посмотрели на него. Он почесал голову и уставился в окно. «Наверное, я сегодня покончу с собой», — подумала Феникс.

— А кто он такой? — скривился снова Волк. — Пахан, что ли? Эй, приятель, ты тут че, пахан?

Только этого еще не хватало!

— Что есть в твоём понимании «пахан»? — осведомился ТДК.

У всех отпали челюсти от такой постановки вопроса.

— Э... — выдавил наконец Волк, но на этом и затих. Феникс хихикнула.

— Короче, деньги давай! — вмешался Макс.

— Я же сказала: нет у меня денег. Завтра отдам. Точно.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Двести тринадцать плюс откупные, — напомнила улыбающаяся Ли и тут же поспешила добавить: — Если уж ты стесняешься своего кавалера, то перенесем это на завтра.

— Завтра, — сказал Волк, — мы придем к тебе в это же время. А сегодня мы это... как ты там говорила... проявим такт и уважение.

— Только не говори потом, что мы плохие! — погрозила ей пальцем китаянка.

— А у вас с собой что-нибудь есть? — быстро спросила Феникс.

— Ну ты даешь, — пробормотал ТДК.

— Ты же знаешь, подруга, мы это дерьмо не распространяем, — сказал Макс. — Но и даже если бы распространяли, то тебе не дали бы. Короче, скажи спасибо, что мы сегодня добрые. В общем, до завтра. Ах да, и учти: в случае... короче, если ты и завтра нам не заплатишь, мы будем злыми и нетактичными, — и он направился в коридор.

Волк хлопнул ТДК по плечу («До встречи, пахан!») и, хихикая, удалился за другом. Ли послала Феникс воздушный поцелуй, после чего удалилась тоже. Скоро за ними хлопнула дверь.

— Там тебя Женя, наверное, заждался, — как бы в пустоту бросила Феникс.

ТДК встал и тоже ушел. Молча. А она даже не попыталась его остановить.

2

Поев через силу печенья с кофе, Феникс закурила и задумалась над вставшим перед ней серьезным вопросом: идти или не идти на репетицию. С одной стороны, она хорошо понимала, что поступает не совсем правильно, игнорируя подобные мероприятия (участие в которых было — несмотря на свободу воли каждого члена группы — обязательным, поскольку без одного винтика машина работала уже не так слаженно, как могла бы работать), но имелась еще и другая сторона проблемы, и эта сторона напрямую касалась ее зависимости от нейростимулятора. Внизу живота начинало ныть все сильнее, и с каждым днем эти боли становились все сильнее. Чем дальше, тем меньше удовольствия приносили энергокапсулы, но они, по крайней мере, хотя бы снимали боль, а при больших дозах эффект нечеловеческого экстаза все еще был достижим. Насколько знала Феникс, существовало четыре стадии развития болезни, четыре категории «больных»:

1. «Школьники». Те, кому только недавно вживили нейропорт. По глупости своей они считают, что могут успешно противостоять формированию устойчивой зависимости с дальнейшим физическо-моральным истощением. Кайф от «тока» ничем не загрязнен — оргазм в чистом виде, длящийся от пяти минут до получаса, причем непрерывно (иногда волнообразно). Феникс эту стадию миновала месяца четыре назад; она даже графики всякие вычерчивала. Среди «школьников» широко распространены сексуальные оргии, сопровождающие прием препарата, для усиления чувствительности. А для предотвращения смерти от инфаркта (при намеренных передозировках) всем электронным наркоманам бесплатно вживляют под сердце ма-аленький такой чип...

2. «Куколки». Итак, поле вспахано, пора сеять семена. Наркоманы продолжают уверять себя в том, что в любой момент могут отказаться от электрической стимуляции гипоталамуса, и эта стадия — последняя, когда возможность завязать объективно реальна. Но дело в том, что не многие решаются на это. Именно на стадии «куколки» возникает тенденция увеличивать дозу, поскольку возрастает барьер толерантности. Суживается круг общения, тогда как те же «школьники» (иногда их называют и «первоклассниками»), наоборот, стремятся расширить круг знакомств, что очень выгодно для их оргий. Тут уместно будет сообщить, что — поскольку электростимуляция мозга официально запрещена и карается законом (для торговцев и хирургов от десяти до тридцати лет лишения свободы, для наркоманов — принудительная операция по извлечению инородного тела из головы плюс последующий обязательный курс лечения в государственной терапевтиче-ско-трудовой колонии) — токеры носят на головах вязаные шапочки, банданы и разные повязки, чтобы скрыть нейропорт от постороннего взгляда. Также в последнее время очень распространены и ложные псевдоукрашения,

имитирующие популярные вживления в плоть: звездочки, узоры и т. д. Многие считают, что эта мода на межбровные украшения была введена производителями «тока». Иногда у нейроманов (этот термин более объективен, чем термин «наркоман», и *больше* говорит по существу дела; часто употребляется в медицинской литературе) возникают боли в паху, но на них не обращают особого внимания. Интерес к физическому сексу постепенно угасает.

3. «Комсомольцы». Именно «комсомолкой» и была сейчас Феникс. Нейроманы становятся очень активными в поисках дозы, поскольку без нее чувствуют себя очень неуютно. Собственная зависимость понемногу начинает осознаваться, но по большому счету им уже плевать. Рост дозы требует дополнительных денег. «Комсомольцы» — частые участники грабежей, некоторые с готовностью идут на убийство. Имеют место социальная дезадаптация, соматические нарушения, синдром абстиненции («ломки»). «Рассмотрим ситуацию на моем примере, — думала Феникс, пялясь в небо за окном. — В день мне нужно минимум вольт пятнадцать: утром, в обед и вечером. Иначе все начинает ныть, болеть, а приятного в этом мало. Прямо места себе не находишь. Некоторые считают, что в такой ситуации может помочь секс, но это — ложное предположение. А „ударисься“ („зарядисься“) — и все приходит в норму, хотя при небольших дозах уже никаких оргазмов как таковых нет. Но боль исчезает, появляется чувство легкой эйфории и иллюзорной уверенности, что ничего страшного с тобой не происходит, что все нормально, что ты не наркоманка. В таком состоянии можно и на репетиции ходить. Вылечиться — реально, но нужно много денег на восстанавливающую витаминотерапию, а в бесплатные государственные лечебницы никто добровольно сдаваться не хочет — там, говорят, еще хуже, чем на зоне».

4. «Выпускники» («зомби», «трупы») — логичный финал, к которому приходит любой «комсомолец». Ходячие

трупы, которым на все плевать, только бы убрать боль. Говорят, у одного токера боли были такие, что ему даже две параллельные получасовые капсулы не помогали. Этого Феникс боялась больше всего. Где тогда брать деньги? Никакие социальные и прочие вопросы «выпускников» больше не волновали. Однажды Феникс была в гостях у одного парня, находившегося на последней стадии, и потом ей несколько дней снились кошмары. К слову, большинство представителей мужского пола предпочитают «заряжаться» либо в ванне, либо надевают презервативы (зачастую оргазм происходит у них при отсутствии эрекции), но «выпускников» такие вопросы уже не беспокоят: у них либо вообще перестает вырабатываться семенная жидкость, либо им уже плевать на вопросы личной гигиены. У девушек с этим немного проще.

Пятой стадии зависимости не существовало. В один прекрасный день «выпускников» просто находили мертвыми. «Ток» убивал человека куда быстрее, чем героин, винт и прочие стимуляторы искусственного наслаждения. В среднем, весь путь от «школьника» до «зомби» занимал около восьми месяцев. Феникс на «ток» подседа в апреле, а сейчас был сентябрь. «Если все и дальше будет продолжаться в таком же духе, — думала она, — то приглашаю вас всех на мои похороны».

Отношения между представителями всех четырех категорий были весьма натянутыми; каждый предпочитал общаться с себе подобными. Так, например, «школьники» и «куколки» взирали на «комсомольцев» с некоторой долей брезгливости, будучи на сто процентов уверенными, что с ними ничего подобного не произойдет. «Выход у меня еще есть, — размышляла Феникс. — Найти денег на операцию и вытащить этот шунт, а потом попытаться вытерпеть пытки абстиненции и жрать витаминов побольше. Но обратная операция гораздо сложнее, чем операция по вживлению порта, и существует семидесятипроцентная

вероятность того, что после нее у тебя будут проблемы с головой. Куда проще продолжать „заряжаться“, ибо в любом случае я так и так умру, ведь смерть — это закономерный финал любой жизни. Какая разница: сейчас или потом?» Несмотря на такие вот мысли, ей все же хотелось жить, хотя она и понимала, что надеяться на что-то хорошее уже бесполезно. Скоро комсомолка закончит школу...

Посмотрев на часы, она выявила, что уже начало седьмого. Тупая боль внизу живота возникала волнообразными приступами. На репетицию, наверное, мне сегодня опять попасть не удастся, пришла к выводу Феникс. И вообще, как теперь там появляться, ведь ТДК точно им все про нее рассказал... А, хрен с ними! Но вот как бы бас забрать? Бас классный, японский, его можно спихнуть рублей за четыреста-пятьсот.

Сбросив халат, Феникс облачилась в потертые джинсы, маечку с танцующим Шивой и старую кожаную куртку со сломанным замком, после чего натянула на голову тоненькую черную шапочку — так низко, что она даже наполовину скрывала глаза, поправила перед зеркалом свисающие из-под нее пряди обесцвеченных волос... А потом сунула в пакет видеофон и покинула квартиру.

3

Путь Феникс лежал к Таньке Лисиной. До нее нужно было добираться на метро. «Надеюсь, она дома, — думала Феникс, быстро шагая по тротуару. — Может, у нее что-то и есть, а если нет, то вдвоем что-нибудь да сообразим». Уже сидя в электричке, она вновь погрузилась в воспоминания, вернувшись на несколько месяцев назад в свое прошлое. С работы она тогда уже уволилась (работала психологом-консультантом в центре реабилитации трудных подростков), но в «Матрицах» еще играла (из всего состава она раньше была знакома только с Маратом). Лоб

у нее в те дни был девственно чист, без нейропорта, но вот она собиралась его себе вживлять. Подпольная операция стоила всего пятьдесят рублей, и теперь Феникс понимала, что такие низкие цены сделаны исключительно для того, чтобы посадить на «ток» как можно больше народа. Наркодельцов абсолютно не беспокоил вопрос быстрой смертности среди потребителей их продукции — их интересовали только деньги. Милиция смотрела на все это сквозь пальцы, и иногда даже сама помогала распространять капсулы, ибо за это неплохо платили. Бывало, они, конечно, и забирали в участок каких-нибудь токеров, которых угораздило затеять криминал или зарядиться в общественном месте, но потом их сразу же отпускали, правда, порой сильно покалеченными. Месяц назад Феникс с Танькой тоже как-то загремели в ментовку, где пятеро мусоров принудили их к групповому сексу, пообещав взамен десять капсул по девять вольт. Никаких капсул они, конечно же, не получили. «Менты — сволочи, — сделала вывод Феникс, отбивая пальцами рук какой-то рваный ритм. — И не только менты, но и все мужики. И бабы. Все. И я тоже».

Решение вживить нейрошунт с портом для энергокапсулы Феникс вынашивала около месяца. Во-первых, тогда ей было это интересно как психологу: проверить на себе процесс возникновения зависимости и попытаться осмыслить его более объективно. Как и большинство людей, она считала, что все статьи об опасности «тока» являются обычной антинаркотической пропагандой, и данные в них сильно преувеличены, поскольку во многих подобных статьях даже безобидная марихуана преподносилась как страшнейший наркотик, вызывающий чудовищную зависимость и разные болезненные ощущения — вплоть до рвоты — во время интоксикаций. Во-вторых, она почему-то всегда старалась избегать интимных отношений с парнями, хотя время от времени это и случалось... Но само

ощущение оргазма ей нравилось, а именно это и обещал «ток». Не нужно было возиться в постели, позволять кому попало засовывать в себя всякие штуки и сопеть над ухом, а потом ведь эти скоты еще и засыпали, не сказав ни слова благодарности за доставленное удовольствие. Что ж, вначале энергокапсулы давали ей то, что она хотела. Но постепенно подскочила планка толерантности, ей стало требоваться все больше вольт для подзарядки, потом появились эти боли... Сама того не заметив, Феникс превратилась в наркоманку, хотя собственная репутация волновала ее уже не так сильно, как, допустим, месяц назад. Были, конечно, дни, когда она осознавала всю глубину своей деградации, но всегда придумывала различные оправдания, стараясь избавиться от подтачивающего ее изнутри чувства вины.

Что касается Лисиной, то с ней они познакомились в июне; до этого Феникс была нейроманкой-одиночкой, навивно считающей, что она намного чище и лучше, чем все эти уличные токеры. И лишь сегодня она поняла, что ничем от них не отличается. В психиатрии это называлось «анозогнозия» — нежелание и неспособность индивидуума признать наличие тяжелой зависимости. С Танькой она впервые пересеклась на драгс-точке и сразу почувствовала в ней родственную душу; девушки разговорились, вместе «ударились» у Феникс дома... Танька была бывшей хиппи / бывшей буддисткой / бывшей шиваиткой (майку с Шивой Феникс подарила именно она), теперь экспериментировавшей с «током». В прошлом она также частенько практиковала участие в оргиях под воздействием каких-либо психоделиков (это считалось обязательным ритуалом в некоторых направлениях шиваизма); сейчас различные виды сексуальной активности, кроме мононаслаждения посредством нейростимуляторов, были ей неинтересны, но, как и Феникс, она была вынуждена иногда идти на это ради легкого и быстрого заработка на очередную дозу. Бывало,

она сочетала «ток» и ЛСД, «ток» и «экстази», пытаясь получить как можно более сильный эффект; правда, в последнее время подобные эксперименты были отброшены ею в связи с финансовыми проблемами.

Скоро Феникс уже звонила в дверь ее квартиры. Это была коммуналка с ужасными соседями, подавляющая часть которых имела стойкую зависимость от алкоголя и, как минимум, одну судимость. Открыл Толик, приземистый бородатый тип неопределенного возраста, торгующий на рынке ворованными кошельками.

— Танька дома? — поинтересовалась Феникс.

— Дома, заходи.

Она зашла. Толик снова закрыл дверь и удалился в свою комнату, откуда доносилось чье-то пение под гитару. Феникс постучала в дверь комнаты Таньки. Скоро та соизволила открыть.

— А, привет! — воскликнула она. — Залазы!

Что-то она была слишком радостная. Блин, что-то все сегодня какие-то веселые... Поди, зарядилась только что.

В паховой области ломило все сильнее.

— У тебя есть что-нибудь? — с ходу спросила Феникс.

— Было. Было. Но сплыло! — развела руками Танька. — Четыре вольта.

— А где взять, не знаешь?

— А ты что, сама не в курсе?

— Я в курсе, но у меня напряженка с финансами. Только что меня навестили Гербертовские шестерки, я им должна еще двести рублей. Может, у тебя все-таки есть немножко?

— Немножко, — призналась Танька, доставая из стола капсулу. — Там всего вольта два осталось.

— Хоть два, — Феникс протянула к ней дрожащую руку. — Я тебе потом отдам.

— Да ладно, чего уж там! — махнула рукой Танька.

Феникс вставила капсулу в порт, откинулась на спинку дивана. Микромеханизмы тут же тихо зажуужали, втя-

гивая капсулу внутрь головы. Послышался тихий щелчок. Феникс прикрыла глаза, всецело отдавшись переживанию. Внутри быстро нарастало сладкое ощущение приближающегося оргазма, боль начала отступать, что заставило позабыть о всяких неприятностях. Самое обидное, что интенсивность эйфории так и осталась на том же уровне: казалось, оргазм где-то рядом, но тем не менее он недосягаем для нее. Еще бы — всего два вольта. Для полноценного переживания ей было необходимо сейчас не менее семи-восьми вольт, но лучше так, чем никак. Левой рукой Феникс принялась массировать низ живота, что еще быстрее изгоняло ноющую боль.

Минуты через четыре заряд капсулы был полностью исчерпан, сервомеханика порта вновь зажуужала, отторгая пустышку. Феникс еще некоторое время посидела на диване не двигаясь. Ей вдруг вспомнилась история об одном токере-электрике, который пытался сделать приспособление, позволяющее потреблять энергию из сети на 220, но преобразованную благодаря различным конденсаторам... В итоге он засунул себе в голову какие-то проводки, врубил это свое устройство (нечто вроде блока питания) и теперь все время заикается и страдает недержанием мочи. Феникс не знала, правда ли это или просто притча, но особой роли это не играло. Впрочем, был другой рассказ, звучавший гораздо более правдоподобно: еще один токер просто-напросто сунул себе в нейропорт провод на 220. Естественно, он тут же и умер.

Открыв глаза, Феникс увидела, что Танька, сидя за столом, что-то пишет.

- Че пишешь? — поинтересовалась она.
- Письмо.
- Терпеть не могу письма писать. .
- Зря.

Почувствовав прилив бодрости, Феникс поднялась и начала ходить по комнате. Никаких неприятных ощу-

ний больше не было, она вновь могла чувствовать себя нормальным человеком. Было начало восьмого. В принципе можно было бы смотаться на репетицию, но, если честно, ей не хотелось сейчас дергать за струны и находиться в обществе тех, кто сурово ее осуждает. А с Танькой никаких диссонансов у нее не возникало.

— Не знаешь, кому видеофон загнать можно? — поинтересовалась наконец Феникс.

Танька снова оторвалась от писанины и посмотрела на нее.

— Ты мне пустышку-то верни.

Хитрая акция Феникс провалилась, и пришлось ей пустую капсулу вернуть. Впрочем, Танька на такой нетактичный ход с ее стороны ничуть не обиделась. Она и сама бы поступила так на ее месте.

— Видеофон? — удивилась она. — Ты свой, что ли, продаешь?

— Ну да, вот он в пакете.

— Зря. Полезная вещь.

— Да а кому звонить-то?

— Если так, то да... Не надо было с работы увольняться.

— Теперь и сама жалею.

Сама Танька работала внештатным корреспондентом в «Молодости Сибири»; почти всю зарплату она тратила на «ток». Было ей двадцать два, она пока не покинула «куколку», но вот-вот уже была готова сделать это. «У нее, поди, еще где-нибудь пара капсул припрятана на всякий случай, она ведь как сорока, — думала Феникс, опираясь на подоконник и устремляя взгляд в окно (она обожала смотреть в окна). — Что-то слишком уж легко она с этими двумя вольтами рассталась. Слишком уж легко...»

— Ты пока меня не отвлекай, а я письмо допишу быстро, — обратилась к ней Танька. — Полстранички осталось.

Феникс снова села на диван и смежила веки. Как плохо, думала она, что начинающие токеры не имеют ника-

кого представления о реальной стороне дела. Для них ней-ропорт и чип под сердцем — это ворота в рай; подлинную же их сущность они различить еще не в состоянии. ореол запретности притягивает их, как магнитом.

Впервые «ток» появился у них в Энсибе полтора года назад, сейчас же наблюдался самый пик его популярности. Многие считали (были уверены), что он вообще не вызывает зависимости, и, конечно, наркоторговцы этот миф развеивать не спешили. Смертность пока еще была не очень высокой, и для основной массы нейроманов летальный исход от «тока» был равноценен летальному исходу от анаши. То есть, они в это не верили. О будущем никто из них серьезно не задумывался, с «комсомольцами» и «зомби» новички практически не пересекались; даже Феникс — токер со стажем — и та за всю свою практику видела всего двух «выпускников», хотя по самым минимальным подсчетам их должно было уже насчитываться не меньше двух сотен. Где они все прятались? Когда и как приобретали товар? На что? Этого Феникс не знала.

— В туалет у тебя можно сходить?

— Сходи.

Феникс покинула комнату. В туалете спал какой-то пьяный мужик. Она легонько ткнула его ногой — он лишь всхрапнул. Закрыв дверь на задвижку, Феникс осторожно присела на унитаз, сделала свое дело и вновь вернулась в комнату Таньки.

Та уже запечатывала конверт.

— Там мужик какой-то спит, — сказала Феникс.

— А, это, наверное, Федор Степаныч. Он все время как нажрется, то там дрыхнет.

— Извращенец какой-то... Ну что, давай загоним кому-нибудь видеофон? Рублей за сто пятьдесят.

— Да ты че — за сто пятьдесят! Дорого! Китайские сейчас стоят сотню, а гораздо лучше новый купить. У тебя какой?

— «Филипс», тайландский.

— Ну, как раз за сотню и можно попытаться спихнуть.
Только кому?

— Может, твоим знакомым каким-нибудь надо?

— Да вряд ли. Ко мне тут девчонки знакомые заходили, тоже на «токе» сидят; они говорят, тут пацаны есть одни, работают на мафии (так, мелкий рэкёт), они за минет по пятнашке платят.

— А че так мало?

— Сколько дают.

— Хотя бы двадцатку...

— Ну-у, — развела руками Танька.

— Знаешь, — призналась Феникс, — надоело мне это. Одно дело — «ток», другое — этих тварей ублажать. Противно это. Я когда-нибудь его кому-нибудь откушу, точно.

— Любишь кататься, люби и саночки возить.

— Только сегодня я поняла, что для окружающих являюсь обычной шлюхой.

— Только сегодня? — усмехнулась Танька. — А я про себя это уже давно поняла. И ничего.

— Ну, ты-то шивайтка. А я никогда этим особо не увлекалась. Так, по праздникам, — она усмехнулась как бы в ответ. — Я даже свысока на этих шлюх вокзальных всегда смотрела. А тут подумала: а я-то сама чем лучше? При чем сегодня об этих моих занятиях стало известно ребятам из нашей группы. Ты знаешь, как мне стыдно было? Слушай, Танька, а давай хотя бы *этим* бросим заниматься! Можно каким-нибудь другим способом деньги доставать.

— Интересно каким?

— Ну, не знаю...

— Вот и я тоже. А это — самый быстрый и в принципе неплохо оплачиваемый способ. И не зацикливайся ты так на этом «противно». Просто не думай об этом, и все.

— Не могу я не думать, — призналась Феникс. — У меня психотип такой: я все время о чем-нибудь думаю.

И вот когда я это делаю, я думаю, что очень хотела бы как его укусить!

— Больная ты! — рассмеялась Танька. — Че такого? Все равно весь этот мир — иллюзия, так что для твоего «я» нет никакой разницы, чем занимается тело. Не приязывайся ты к этому так сильно! Реален лишь Брахман, и мы — часть этого Брахмана.

— Ну, я так не считаю...

— А вот это уже — твои личные проблемы. — Тут она пропела какую-то шиваитскую мантру. — Ну так что, тебе на завтра «ток» нужен или нет?

— Нужен.

— Ну так бери тогда свой дурацкий видеофон, и попытаемся его кому-нибудь скинуть. Если не удастся, используем мой вариант. Я телефоны тех пацанов записала.

4

Видеофон им, конечно, никому продать не удалось, и весь вечер Феникс, как дура, таскалась с пакетом в руке. Из автомата Танька звякнула по тем телефонам, что ей рекомендовали знакомые, и в одном месте им сказали, что они могут подъехать прямо сейчас. Ломалась Феникс недолго.

Пацанов было четверо, им было лет по пятнадцать-шестнадцать. Все — качки, на висках — инфогнезда (сразу видно — бабки у ребят водятся). Танька с Феникс сделали все, что они просили, получили шестьдесят рублей и поехали на драгс-точку, где купили себе каждая по семивольтовке, и уже оттуда разъехались по домам. Где достать до завтра двести тринадцать рублей, Феникс и понятия не имела, но думать об этом сейчас ей хотелось меньше всего. Снова воткнув видеофон в розетку, она почистила зубы, приняла душ, поела и, достав из куртки энергокапсулу, принялась ею любоваться. Ей хотелось «удариться» прямо

сейчас, несмотря на то что ее пока даже и не начинало ломать. Нет, сказала она себе, сегодня я постараюсь воздержаться от этого. Она снова спрятала капсулу в карман, потом передумала и переложила ее в тумбочку. Попыталась почитать, но мысли постоянно отвлекались на эту чертову капсулу. Семь вольт сразу — это тебе не три, и не пять.

И тут ее словно огнем обожгло: Боже, как она могла забыть! Феникс даже рассмеялась над собственной глупостью, а потом помчалась в коридор, где в сумочке обнаружила наполовину пустую восьмивольтовую капсулу, которую ей подарил во дворе один знакомый, когда она его на днях случайно встретила. У нее в тот день было еще около тридцати вольт, поэтому она и забыла про эти... Довольная, Феникс запрыгала по комнате, размахивая руками и ногами. Потом замерла: а что, если сразу поставить все одиннадцать? Господи, Феникс, это будет *что-то*! Нет, твердо сказала она себе, нет, нет и еще раз нет. Подумай о будущем, подумай о завтра. Сегодня ты заряжалась уже трижды, а этих одиннадцати вольт тебе завтра хватит на два раза... А сейчас ты больше не хочешь заряжаться. Больше не хочешь. Но капсула так красиво блестела в ее пальцах, а нейропорт прямо жгло от желания. Нет, еще раз сказала себе Феникс. Да, сказала она себе еще раз. Нет. Да. Нет. Да. Да? Да. Одиннадцать? Нет. А давай одиннадцать? Ну-у-у... Устрой себе праздник, сказали ей ее чувства. Тут сработала психосоматика: внизу снова начались покалывания. А ты представь, как тебя будет ломать после одиннадцати вольт! Да ну и черт с ним, зато представь, как тебе будет классно! Одиннадцать вольт — это не только не три и не пять, но даже и не семь. Одиннадцать вольт — это не только очень высокая интенсивность, но и минут сорок, как минимум.

Наконец она решилась. «Да, черт возьми, — думала Феникс, и глаза ее при этом возбужденно блестели, — се-

годня я устрою себе праздник! Ведь кто знает, что будет со мной завтра?» Она достала вторую капсулу, легла на кровать. Устройство капсул позволяло нейроманам вставлять одну в другую, таким образом объединяя заряд. Она направила их навстречу друг другу, словно это были космические корабли, производящие стыковку; щелчок — и теперь они уже не разъединятся до тех пор, пока не исчерпают весь свой потенциал. Прикрыв глаза, девушка ввела дубль-капсулу в порт.

Наслаждайся, Феникс!

ЛЮБОВЬ В ТРЕТЬЕМ СЕКТОРЕ

Белые эльфы в трешке — явление достаточно редкое, но в нашей школе их хватает (конечно, в качестве преподавателей, а не учеников). У нас им неплохо платят, насколько я знаю, и поэтому они иногда подписывают контракт на определенный срок, а потом снова уматывают в двойку или в первый. А вообще эти белые эльфы сюда обычно не суются, так как не любят грязную работу плюс все эти вечные шумы, банды троллей и так далее. Третий сектор — промышленная зона. Коренные обитатели: управляющие, рабочие и их дети. Среди учащихся нашей школы можно встретить только черных эльфов, а основной процент школьников — это тролли: серые, зеленые, пятнистые (в зависимости от цвета их рожек). Примерно треть от общего количества учеников составляют люди. К ним относятся и я.

Коротко о себе. Меня зовут Эфем Темаг, но гораздо больше я известен как Автостоп. Отец у меня умер, вернее, его убило током на заводе, а мать — шлюха. Мне пятнадцать стандартных циклов. У меня достаточно много зна-

комых, хотя ни к какой определенной тусовке я не отношусь. Люблю хорошую музыку, преимущественно антиобщественной направленности. Мне очень нравятся такие группы, как «Нет работы», «Кризис сознания» и «Переворот» (последняя банда — это ребята из первого сектора!). Иногда я хожу в кино. Кликуху Автостоп я получил потому, что не люблю разборки между своими знакомыми и предпочитаю их разнимать, то есть «ставить на паузу». Отсюда все и вытекает, хотя и не совсем отсюда. Ах да, еще я очень люблю секс. День без этого — потерянный день. Мне, в общем-то, плевать, кого трахать, так как я не расист, но все же мне больше по кайфу наши, человеческие бабы, а не троллиши, хотя иногда среди зеленых попадаются ух какие телки! Ну и, естественно, я стопроцентный гетеросек. Ненавижу пидоров. Вот, наверное, и все обо мне.

Новую медичку прислали к нам в школу на двенадцатый день занятий. Первым ее появление зафиксировал Хеспор — серый тролль и шестерка Пронта-Телекина. В конце перемены он залетел в класс (я в тот момент быстро скатывал решение задачи у Хаймы, она моя давалка и отличница, вот уж повезло мне!) и завопил:

— А у нас медичка новая — ууу! Дойки во какие, силикоши! Жопа — ух!

Его тут же окружили пацаны. Мне, конечно, тоже хотелось послушать, но домашнее задание было важнее, так как на прошлом занятии мне вкатили ноль за то, что я ни хера не сделал. Сидящая рядом Хайма отвлеклась от своей «Раз-два» (такая модная игрушка на батарейках: сидишь, давишь на кнопки, а на экране птички какие-то летают) и пробормотала, явно с подтекстом:

— Ну, все. Пиздец теперь медичке!

— Это точно, — бросил я, не отрываясь от тетрадки. — Интересно, надолго ее хватит?

Наша прошлая медколдунья была вынуждена оставить работу после того, как трое младшекласников, используя купленный у какого-то уличного мага самопальный заклин, усыпили ее и пропустили по хору; каждый сделал по три захода, если не врут. Бедная эльфочка, лучше бы она не высывалась из своей двойки. А эти трое малолеток — нет чтоб трахнуть ее и свалить, так они еще и старших пацанов позвали, и по ней еще клиентов десять пришлось. Повезло, что директор поссать решил, иначе бы ее до смерти затрахали. Спящую.

Зазвенел звонок, все быстро разбежались по своим партам. Габ ухватил толстую Нулли за одну из ее массивных ягодиц и получил учебником куда-то в область уха, что вызвало повод для всеобщей ржачки. В кабинет наконец вплыла математичка, мы сказали хором «Здрасьте!», и начался урок. Тетрадку у меня не проверили — зря только списывал. Все время так.

Несколько раз во время урока Хеспор выкрикивал жалобно:

— Ой, живот-то как болит! Можно мне в медпункт, Синкта-матемасинкта? У меня аппендицит, наверное!

Но никто, конечно, этому крестину не поверил.

В полдевятого вечера я с Хаймой и Граф де Кριο с Лэкс (эта парочка живет недалеко от меня, они брат и сестра и учатся на класс младше нас; иногда мы вместе тусуемся) поперлись в «Секиру Икс», где должны были выступать «Гномоебы». Это был их первый концерт. Возле клуба уже собралась порядочная толпа. Лэкс достала бутылек с СКН и поинтересовалась:

— Будет кто-нибудь?

В итоге каждому из нас она выделила по три колеса. Только мы их проглотили, как подвалил Телекин с компанией. Он был старше меня на два цикла и нигде не учился и не работал, хотя школу закончил с довольно неплохими

отметками. Почти вся трёшная молодежь (имеется в виду наш район) ходила перед ним по струнке.

— Кого я вижу! — он ощерился в улыбке. — Автостоп! Как делишки?

— Да ниче вроде, — ответил я, пожимая его руку. — А у тебя?

— У меня тоже нормально. — Тролль похлопал меня по плечу с такой силой, что я едва ли не провалился в асфальт. — Есть че догнаться?

— У меня СКН четыре колеса осталось! — пискнула Лэкс заискивающе. — Будешь?

Конечно, Пронт не отказался, даже несмотря на то что был под сурро-эле́м. Я видел, что де Кριο стоит весь напряженный, готовый в любой момент броситься или в драку, или подальше отсюда. Но он зря паникует. Телекин на меня никогда не кинется и, соответственно, на моих приятелей тоже, так как... Ну, есть за ним один должок. Но вот де Кριο никак не может к этому привыкнуть и всегда ждет от него какого-нибудь подвоха. Девчонки тоже.

Итак, сожрав наш последний СКН, Телекин с компанией отвалили, чтобы тут же доебаться до двух черных эльфок, уже достаточно взрослых. Впрочем, доебка эта была вполне безобидной. Только сейчас я ощутил, что Хайма вцепилась в мою руку и вся дрожит. Дура, блин! Сколько раз говорил ей, что Телекина она может больше не бояться. Ну и что, что раньше он ее один раз изнасиловал вместе с дружками. Со всеми девчонками это бывает. Да и это, в конце концов, почти цикл назад было. Сейчас-то чего пугаться?

— Фу-у! — де Кριο облегченно вздохнул и закурил.

Я ожидал, что он скажет еще что-нибудь, но Граф предпочел отмолчаться.

Спустя минут десять дал о себе знать СКН, и настроение у всех быстро поднялось. Тут как раз наконец соизволили открыть двери клуба, и народ повалил внутрь. Кон-

церт был бесплатный. «Гномоебы» уже заканчивали настраиваться, вокалист был с ирокезом. Короче, концерт прошел классно, группа была клевая, только вот под финал в «Секиру» приперлась толпа из двадцатого училища, придурки несчастные. В итоге мы их порядочно отделали, и они свалили.

Когда я провожал Хайму до дома, нас догнал Телекин. Он был один. Барак, который он снимал, находился чуть дальше — за заводом, где когда-то работал мой отец. После драки вся наркота и алкоголь из Пронта выветрились, и выглядел он вполне нормально (для тролля).

— Говорят, у вас медичка новая? — поравнявшись с нами, поинтересовался он. — Ты ее видел?

— Не-а, — сказал я. — Хеспор только проинформировал, и все, а сам не видел.

— Че думаешь делать?

Я покосился на Хайму, которая сделала вид, что нас не слушает. Медичка... Что думаю делать?

— Ну, не знаю. А ты?

— Надо ей вдуть, я считаю. Хеспор говорит, что у нее вымя силиконовое, — добавил он чуть ли не мечтательно.

Я ухмыльнулся. Давненько мы с ним не веселились в одной компании. Хм, надо сказать, весьма приятно, что он видит во мне достойного компаньона.

— Думаю, это будет не так уж легко повернуть. Наверняка она рангом повыше, чем прошлая. И охрану они к ней теперь уж точно приставят.

— А мозги у нас на что? — Телекин ткнул меня в плечо. — Если все хорошо продумать, то...

Тут мы приблизились к дому, где жила Хайма со своими предками. Я сказал Телекину, что поговорю с ним обо всем потом, мол, сейчас мне не до этого. Он хмыкнул и скрылся во тьме. Мы с Хаймой уселись на скамейку и закурили. Я положил руку ей на колено.

— Да все будет нормально, заебала!

— Мудак ты, — сказала Хайма грустно. — А она ничего, эта ваша медичка. Купи мне соку, Эфем. Пожалуйста.

Я взял два стакана нернайского сока, мы тормознулись у стойки и стали его пить. Подвалили Гранат и Пульс. У последнего на шее как всегда болтался фотоаппарат.

— Привет, Автостоп! Здравствуй, Хайма! — Они учились в параллельном, и сегодня мы пока еще не виделись. — Ну как бодрость духа?

— Бодрость духа выше крыши, — ответил я и мысленно добавил: «Спасибо таркаму». Благодаря ему я чувствовал себя так, будто меня воткнули в розетку. Утренний пессимизм исчез.

Гранат поскреб правый рог. Он у него немного шелушился у основания. Рекламу, что ли, не смотрит? Мы стали трепаться о всякой херне. О деле намеренно никто не говорил — чтобы не сглазить.

Если бы я тогда знал, чем это все закончится, то сидел бы дома и не высывался.

И Хайму бы никуда не пустил.

Когда закончился последний урок, мы все встретились на крыльце, как договаривались, после чего поперлись в одну кафушку, расположенную недалеко от школы. Надо было обговорить последние детали. Телекин должен был ждать нас там.

Вначале весь наш план был основан на способности колдунов переносить на время свое сознание в любое другое существо или, если точнее, совершать биоментообмен. Как сказала Хайма, эта способность обязательна для студента факультета медколдовства точно так же, как и каждому школьнику обязательно нужно уметь читать, писать и считать. Очень долго мы не могли придумать, как бы нам заманить медичку в чужое тело и чье тело вообще использовать. Хайма предложила себя, но мне эта идея не очень

понравилась, так как если ее сознание будет в теле медички, то все, получается, будут трахать ее. Нет, так не пойдет. Тут-то Пронт и сказал:

— А что, если использовать какое-нибудь животное?

Обсудив этот вопрос, мы решили, что идея нам подходит. Самое главное, что в мозг животного можно перенести в среднем примерно две трети информации из мозга человека или эльфа (про троллей я не в курсе), так что где-то на треть медичка останется сама собой. Это означает, что она будет понимать, что ее насилуют, но ничего толком не сможет с этим поделать, будучи на две трети животным. Из этого вытекало еще несколько вопросов:

1. Какое животное лучше использовать?

2. Как заблокировать часть сознания медички в этом животном, чтобы она не смогла совершить обратный обмен?

3. Как вообще заставить медичку переселиться в животное?

4. Что делать с медичкой (и животным) после того, как все закончится?

Наибольший подвох таила в себе последняя проблема. Если по завершению дела мы вновь позволим Андиде занять свое тело полностью, то где гарантия, что она не будет мстить нам? Даже если медичка не испепелит нас на месте, то директору уж точно нажалуется.

— Такое впечатление, что есть только один выход, — сказал Пятьдесят Первый (мы в тот день сидели на хате у Телекина). — Но я не думаю, что все будут от него в восторге.

— Шею ей свернуть, и все! — вмешался Хеспор. — А Гранат ее труп трахать будет! — он заржал.

— Заткнись, придурок! — оборвал его Пронт. — Что у тебя там за идея, Пятьдесят Первый?

— Ну... — тот криво усмехнулся. — Потом шею свернуть не Андиде, как предложил Хеспор, а зверю. Конеч-

У медички были длинные волнистые волосы. Темные. Кто-то, может, счел бы ее немного полноватой, но, в общем-то, это было не так страшно. Мордочка у нее была красивая. Я сел на стул.

— Тошнит меня! — выпалил я первое, что пришло в голову. — Есть коле... таблетки какие-нибудь?

Медичка окинула меня куда более подозрительным взглядом, чем до этого охранник-тролль. На вид ей было циклов двадцать пять—двадцать шесть, но могло быть и тридцать. Она была классная эльфочка и действительно с выменем. У меня вдруг зародились подозрения, секундой позже превратившиеся в уверенность, что она телепатка и сейчас меня сканирует, так что на всякий случай я стал повторять про себя как закольцованный: «Мне хреново, меня тошнит, мне хреново, меня тошнит» и так далее. Но чуть позже я понял, что медичка не напрямую читает мысли, а всего лишь снимает данные с моей ауры. То есть допустим, если бы у меня была температура, она узнала бы об этом и без термометра. Чтобы проверить догадку, я принялся повторять: «Я хочу тебя трахнуть, эльфийская шлюха!», но выражение ее лица не изменилось. Таким образом выходило, что она может использовать только сканирование, а чтение мыслей ей неподвластно.

— Ты здоров! — заявила наконец медичка и, усмехнувшись, добавила: — И немного растерян или напуган. Цель твоего визита мне не ясна, хотя предположения есть.

Ишь как базарит. «Цель твоего визита», «предположения»... Сразу видно, в первом училась. Тоже усмехнувшись, я прокашлялся и сказал как бы возмущенно:

— Но меня и в самом деле тошнит!

Медичка подперла голову левой рукой. На указательном пальце у нее был универовский перстень. Подобные имеются у всех наших учителей, кроме физрука.

— Я же слышала о том, что вы сделали с моей предшественницей. Со мной у вас этот фокус не пройдет, так и передай своим дружкам. Ты вроде разведчика, да?

Похоже, эта сука меня раскусила. Ну и хрен с ней!
Я встал.

— Спасибо вам за то, что мне помогли. — В моем голо-
се звучал неприкрытый сарказм. — Не тошнит больше!

Она вдруг вскинула руку и повернула ее ладонью ко
мне. Я вдруг почувствовал страшную вялость и тошноту,
но тут же все это прошло.

— Со мной у вас ничего такого не выйдет, — тихо и, как
мне показалось, немного зловеще сказала медичка. — Так
что, парнишка, даже и не думай об этом. Да, кстати, у ме-
ня ранг Б, если тебе это о чем-нибудь говорит.

Я нашел в себе силы промолчать, нажал на кнопку
и вышел. Эта сука только что подписала себе приговор, но,
похоже, об этом и не догадывалась. Теперь мы возьмемся
за нее по-настоящему, и плевать на ее магию. Ранг Б. Да по
херу!

Претворение плана в жизнь требовало определенного
количества исполнителей. В качестве заработной платы их
ожидал или карцер, или секс с медичкой. Ни с того ни с се-
го к делу подключилась и Хайма, внезапно загоревшаяся
желанием нам помочь. Кажется, я понимал, почему она это
делает, в то время как Телекин и остальные были несколь-
ко удивлены ее рвением. Похоже, моя подружка, понимая,
что мое влечение к медичке пройдет сразу после того, как
я ее трахну, решила помочь мне в осуществлении этого
дельца. Смысл такой: чем быстрее я выебу медичку, тем
быстрее снова всецело переключусь на нее, Хайму. Что ж,
если ход ее мыслей и правда был таким, то мне оставалось
только радоваться. Молодец девчонка!

Вначале, когда Идея только зарождалась, ее реализа-
ция показалась нам неосуществимой, но, подумав, мы при-
шли к выводу, что именно эта кажущаяся неосуществи-
мость и может послужить ключом к успеху. Главное —

заставить медичку разделиться. Ха, думали мы, вот прико-
л так прикол будет, если все получится!

Готовились мы к делу очень тщательно. В заговоре уча-
ствовало три человека (я, Хайма и Пульс) и четыре троля
(Пронт, Хеспор, Гранат и Пятьдесят Первый). Все, кроме
меня с подружкой, принадлежали к команде Телекина.

Вот что нам удалось узнать о медичке.

Звали ее Андида Дождь, было ей двадцать семь. Ро-
дилась она в двойке, медицинское образование получила
в первом. Сейчас жила в общежитии для учителей, в комнате
16. После окончания универа работала медведьмой в при-
юте (в двойке), а в этом цикле судьба перебросила ее к нам.
Причины, толкнувшие ее на переезд из вполне благоуст-
роенной двойки в нашу помойку, оставались неясными.

Все эти сведения Пятьдесят Первый раскопал в школь-
ных файлах, подключившись к директорскому компьютеру
с помощью своей древней «Радуги-03». Несмотря на то что
у меня от близкого контакта с этими штуками почему-то
выступала сыпь на всем теле, я все же понимал, что ком-
пьютер — вещь полезная в современном обществе. Говорят,
в первых двух секторах (гномья нулевка не в счет; про нее
никто ничего не знает толком) уже вошли в моду разные
кремниевые вживления в голову, разные там биочипы.
Брр! Как представляю, страшно становится.

В ночь перед намеченной датой, занимаясь с Хаймой
сексом, я попытался представить под собой медичку. Зав-
тра она будет точно так же лежать подо мною, и плевать,
что в эти моменты она даже не будет толком понимать, что
с ней происходит (это в том случае, если все у нас пройдет
как надо). Одновременно ласково и грубо сжав одну грудь
Хаймы, я подумал о том, как буду завтра сжимать имплан-
тант Аниды. Никогда раньше не делал этого — у всех мо-
их знакомых девчонок было натуральное вымя. Ну, эль-

фочка, завтра мы над тобой поработаем. Хотя, честно говоря, почему-то мне уже не так этого хотелось, как вначале.

«Со мной у вас ничего такого не выйдет».

Не будь такой самоуверенной, крошка.

Главная роль по заманиванию жертвы отводилась опять-таки моей подружке. Девчонке будет легче обмануть медичку, поскольку Андида всяко ее ни в чем не заподозрит. Так что (опять-таки, если все пройдет по плану) медичку нам преподнесут, как говорится, уже упакованную и перевязанную ленточкой. Но это только в том случае, если не будет никаких незапланированных недоразумений.

Проснулся я в тот день чуть раньше обычного, даже несмотря на то что мы с Хаймой почти всю ночь протрахались. Она, хитрая сучка, очевидно, хотела выжать меня досуха, надеясь, что на медичку у меня не встанет. Ну, не знаю. Должен встать.

Настроение у меня было почему-то хреновым. Наспех пожрав холодного супа (мать еще дрыхла), я захихнул в сумку нужные учебники и тетради и отправился в школу. Жил я почти возле самой пограничной стены между трешкой и двойкой. Погода была более-менее. По пути я заскочил в одно место, где купил упаковку таркама и закинулся сразу пятью колесами.

На большой перемене, ошиваясь в столовой, мы с Хаймой (об ее вчерашнем признании в любви ни я, ни она не обмолвились ни словом) столкнулись с медичкой. Она скользнула по нам взглядом, но меня, кажется, не узнала.

— Хреново! — прошипела Хайма. — А что, если она тебя запомнила и теперь, зная, что я тусуюсь с тобою, может мне не поверить. Блядь, нездоровое начало...

— Не волнуйся, все будет ништяк! — оптимистично заявил я.

— Ну а если все сорвется? Что, если она меня раскроет?

заставить медичку разделиться. Ха, думали мы, вот прико-
л так прикол будет, если все получится!

Готовились мы к делу очень тщательно. В заговоре уча-
ствовало три человека (я, Хайма и Пульс) и четыре троля
(Пронт, Хеспор, Гранат и Пятьдесят Первый). Все, кроме
меня с подружкой, принадлежали к команде Телекина.

Вот что нам удалось узнать о медичке.

Звали ее Андида Дождь, было ей двадцать семь. Ро-
дилась она в двойке, медицинское образование получила
в первом. Сейчас жила в общежитии для учителей, в комнате
16. После окончания универа работала медведьмой в при-
юте (в двойке), а в этом цикле судьба перебросила ее к нам.
Причины, толкнувшие ее на переезд из вполне благоуст-
роенной двойки в нашу помойку, оставались неясными.

Все эти сведения Пятьдесят Первый раскопал в школь-
ных файлах, подключившись к директорскому компьютеру
с помощью своей древней «Радуги-03». Несмотря на то что
у меня от близкого контакта с этими штуками почему-то
выступала сыпь на всем теле, я все же понимал, что ком-
пьютер — вещь полезная в современном обществе. Говорят,
в первых двух секторах (гномья нулевка не в счет; про нее
никто ничего не знает толком) уже вошли в моду разные
кремниевые вживления в голову, разные там биочипы.
Брр! Как представляю, страшно становится.

В ночь перед намеченной датой, занимаясь с Хаймой
сексом, я попытался представить под собой медичку. Зав-
тра она будет точно так же лежать подо мною, и плевать,
что в эти моменты она даже не будет толком понимать, что
с ней происходит (это в том случае, если все у нас пройдет
как надо). Одновременно ласково и грубо сжав одну грудь
Хаймы, я подумал о том, как буду завтра сжимать имплан-
тант Аниды. Никогда раньше не делал этого — у всех мо-
их знакомых девчонок было натуральное вымя. Ну, эль-

фочка, завтра мы над тобой поработаем. Хотя, честно говоря, почему-то мне уже не так этого хотелось, как вначале.

«Со мной у вас ничего такого не выйдет».

Не будь такой самоуверенной, крошка.

Главная роль по заманиванию жертвы отводилась опять-таки моей подружке. Девчонке будет легче обмануть медичку, поскольку Андида всяко ее ни в чем не заподозрит. Так что (опять-таки, если все пройдет по плану) медичку нам преподнесут, как говорится, уже упакованную и перевязанную ленточкой. Но это только в том случае, если не будет никаких незапланированных недоразумений.

Проснулся я в тот день чуть раньше обычного, даже несмотря на то что мы с Хаймой почти всю ночь протрахались. Она, хитрая сучка, очевидно, хотела выжать меня досуха, надеясь, что на медичку у меня не встанет. Ну, не знаю. Должен встать.

Настроение у меня было почему-то хреновым. Наспех пожрав холодного супа (мать еще дрыхла), я захихнул в сумку нужные учебники и тетради и отправился в школу. Жил я почти возле самой пограничной стены между трешкой и двойкой. Погода была более-менее. По пути я заскочил в одно место, где купил упаковку таркама и закинулся сразу пятью колесами.

На большой перемене, ошиваясь в столовой, мы с Хаймой (об ее вчерашнем признании в любви ни я, ни она не обмолвились ни словом) столкнулись с медичкой. Она скользнула по нам взглядом, но меня, кажется, не узнала.

— Хреново! — прошипела Хайма. — А что, если она тебя запомнила и теперь, зная, что я тусуюсь с тобою, может мне не поверить. Блядь, нездоровое начало...

— Не волнуйся, все будет ништяк! — оптимистично заявил я.

— Ну а если все сорвется? Что, если она меня раскроет?

но, получится, что мы ее как бы психически кастрируем, но зато живой останется.

Выслушав его, все долго молчали. Наконец Хайма произнесла:

— А вы знаете, мальчишки, в этом что-то есть...

Помнится, я тихо хмыкнул по поводу этих «мальчишек», но никто моего хмыканья не услышал, так как достаточно громко играл второй альбом «Переворота» — «Гномоцид». Достаточно неплохой релиз, но их последняя касcета мне нравится больше. Кстати, говорят, что вокалист «Переворота» — гном(!!!), а все участники не пьют и вроде ничем даже не удеываются!

Короче, все мы в итоге сошлись на том, что животное, в чьей башке будет содержаться основной процент медички, надо будет умертвить. Неважно как: зарезать или «шею свернуть», главное — умертвить. А при оставшемся объеме памяти у Андиды не будет возможности нам отомстить и, вероятно, ее упрячут в психушку, так как она на две трети будет животным. Ведь, решили мы, сознание зверя все-таки (наверное) не будет уничтожено вместе с его физическим телом и останется в медичке.

Итак, участь Андиды Дождь была решена. Оставалось найти ответы еще на три вопроса. Как выяснилось, Хайма была довольно сведуща в вопросах магии и предложила свой вариант ответа на вопрос номер два. (По-моему, масло масляное получилось. Или первое или второе можно легко убрать.)

— Я думаю, вам известны какие-нибудь уличные колдуны? — поинтересовалась она и, не дожидаясь, пока кто-то из нас скажет «да», продолжила: — Короче, так. Существуют такие специальные шлемы, которыми пользуются иногда всякие группировки...

И тут я понял, к чему она клонит! Шлемы Гар-Генета! Не так давно я смотрел средней паршивости гангстерский боевичок с Малиром Смерчем в главной роли, в котором

трое ребят по дурусти похитили колдуна мафии. Чтобы тот не смог им ничего сделать, когда очнется, они напялили ему на голову шлем Гар-Генета, внутри которого имелась прокладка из отражающего магию материала. Но все у них пошло наперекосяк. Колдун погиб — у него взорвалась голова, когда он очухался и, не разобравшись, что же у него такое на нее надето, попытался атаковать своих похитителей. А их самих в конце фильма пришили из бластеров тролли из того клана, к которому принадлежал колдун. Но откуда об этом знает Хайма?! Может, тоже кино это смотрела?

— ...Называется эта штука вроде бы шлемом Гар-Генета, — продолжала тем временем Хайма. — Я думаю, его можно купить у любого мага-нелегала.

— Купить! — проворчал Хеспор. — А денег ты нам дашь?

— Да заткнись ты, кретин! — рявкнул Телекин. — Еще раз вякнешь, когда не просят, и мы ТЕБЯ трахнем вместо медички!

Обиженный Хеспор притих. На следующий день мы грабнули один барчик и на полученные бабки купили шлем. На обыкновенного человека или тролля, не склонных к магии, он не действовал никак, но это не означало, что он не действует вообще. Черный эльф-колдун, который продал нам эту подержанную херовину, сказал, что гарантирует ее стопроцентную работоспособность. Врать ему смысла не было.

Хайму общение с Пронтовской компанией совершенно изменило. Она стала более прямой в высказываниях и более ненасытной в сексе. Как-то раз в один из предоперационных дней до нее на улице доебался бухой криогеник, и она его послала на хуй. Неизвестно, что бы с ней было, если бы мимо не проходил Гранат, который не мог не вступить за девчонку из их тусовки и набил уголовнику морду. В будущем, возможно, предстояли какие-

нибудь разборки, но особо опасаться не стоило. Короче, Хайма была на седьмом небе. Девчонки из нашего класса стали вести себя с нею крайне осторожно, учителя же пока были не в курсе метаморфоз, происходящих с одной из лучших учениц. Что самое удивительное, Хайма по-прежнему умудрялась получать одни семерки и даже делала иногда за меня домашние работы (на контрольных нас обычно рассаживали). Одевалась она достаточно культурно, что в определенных кругах выглядело немного шокирующе, если не вызывающе. Когда мы вечером шли по сектору, все просто охуевало. Тролли обычно шарились в шортах и майках, я — в рваных джинсах и тоже в майке плюс темные очки, ну и Хайма — в синей юбке до колен, белой блузке и галстучке. Ах да, еще и Пульс в своей любимой рубашке навыпуск, изрисованной какими-то микросхемами. Зрелище, наверное, было нехилое.

Со мной, кстати, тоже произошли кое-какие метаморфозы. Если раньше я тусовался с кем попало, то сейчас, похоже, плотно прилип к компании Телекина. Ребята они были классные, скучать с ними не приходилось. Де Кристо с Лэкс почему-то начали меня избегать. Да и хрен с ними, малолетками.

Насчет того, какое животное выбрать для обмена, мы спорили два часа и напрочь переругались. Пронт предлагал использовать собаку, но было не совсем ясно, как натянуть на нее шлем, чтобы основная часть медичкиного сознания не смогла вырваться. У Хеспора своего мнения, как всегда, не оказалось, Гранат предложил кромля (только где его поймать-то?), я воздержался — в голове не было абсолютно никаких идей. Хайма долго молчала, обводя нас всех очень хитрым взглядом, и мы поняли, что у нее что-то есть на примете. Я не переставал восторгаться этой девчонкой. И почему я раньше не обращал на нее внимания? Похоже, отметил я про себя, я начинаю, так сказать, влюб-

ляться. Ну, Хайма... Проклятье, я даже начал уже ревновать ее к своим друзьям, хотя, кажется, они и не питали к ней никаких чувств, а если и питали, то реализовывать их не собирались. Сама Хайма по-прежнему проводила все свободное время СО МНОЙ, давала МНЕ и, надеюсь, любила МЕНЯ. Честно скажу, это было приятно, хотя иногда очень трудно понять, что же у женщин на уме.

— А у тебя какие соображения? — спросил у нее Телекин.

В тот день мы все загорали на крыше кинотеатра и попивали пиво. Пульс иногда нас фотографировал. Мы все были в трусах, а Хайма в плавках и лифчике. Когда она наклонялась, груди ее были видны почти полностью. Тролли и Пульс не сводили с нее глаз, вынуждая меня нервничать, пускай я и старался не подавать виду. Намеренно она, что ли, со всеми играет или мне это только кажется?

Когда Телекин задал свой вопрос, Хайма встала на четвереньки и улыбнулась заговорщически. Выражение ее лица было очень хитрым, а груди из лифчика чуть ли не вываливались, разве что сосков видно не было. Не знаю, может, зря я нервничаю. Может, только я придаю всему этому какое-то особое значение, а остальные ребята относятся к ней как к полноправному члену тусовки, а не как к какой-то левой девчонке. Но ведь все они (кроме Хеспора, кажется) ее насиловали еще в начале этого цикла: ловили, когда она шла куда-нибудь, затаскивали в подвал и пускали по кругу. Вроде бы они раза три это делали, но потом от нее отстали, хотя сейчас, думаю, иногда вспоминают об этих веселых событиях. У Хаймы я обо всем этом не уточнял — неудобно как-то.

Похоже, я все-таки действительно влюбился.

Тут, как по заказу, встрял Пульс.

— Смотри, Хайма, дойки вывалятся!

Я напрягся, но моя подружка лишь просто хихикнула и тихо сказала: «Не вывалятся». И даже позы не сменила,

сучка. Кажется, такое поведение казалось ей абсолютно нормальным. Пульс... Не положил ли он на нее глаз? Вернее, член. «Дойки вывалятся». — «Не вывалятся». Дерьмо! Может, это все же было произнесено без того подтекста, который мне послышался? Ведь, допустим, если бы Пульс сказал Гранату, что у него яйца из трусов торчат, это ведь не означало бы, что он испытывает к нему гомосексуальное влечение...

Хайма все же выпрямилась и сказала:

— Я предлагаю использовать хоммба.

Мы охуели. Хоммба! Хотя... почему бы и нет? Правда, они не животные в полном смысле этого слова, но ведь и разумными их можно назвать лишь с огромной натяжкой. А голова как раз подходит под шлем...

— Можно даже использовать нашего школьного уборщика, если вы хотите сделать это в школе.

— А если засекут? — нахмурился Пронт. — Нет, лучше где-нибудь на другой территории.

— Но как и медичку, и уборщика заманить на другую территорию? — подал голос Пятьдесят Первый.

Все вновь заткнулись.

— И как, гном возьми, заставить ее поменяться с ним телами? — спросил наконец я.

На этот счет ни у кого никаких соображений пока не имелось, даже у Хаймы. Гранатом была высказана мысль о каком-нибудь пари, в которое можно втянуть медичку, но это все нужно было обдумать.

Итак, мы сидели в кафешке и потягивали слабый алкогольный коктейль. Тихо играла какая-то модная херня из двойки: «Гном, гном, потанцуй со мной! Пригласи меня в свой сектор, стану я твоей женой!» Бред. А ведь многим только такое и нравится... Я, кстати, гнома живого только один раз видел, когда лет пять назад один из них толкал речь на школьном собрании. Мне по пуп ростом, сморщенный весь. Представляю, какие у них самки...

— Хочет кто СКН? — поинтересовался Гранат и тут же полез в карман. — У меня есть колес пятнадцать.

Я отказался, Хайма и Телекин тоже. Остальные кое-как разделили эти колеса на четверых, а после мы все закурили по косяку. Настроение у меня снова было не особо оптимистичным — действие таркама подходило к концу. Почему-то вдруг расхотелось трахать медичку, да и вообще заниматься всем этим криминалом с изнасилованием. А если что-нибудь пойдет не так? Вдруг нас запалят? Перспектива быть исключенным из школы и очутиться в криогенной тюрьме меня не очень-то привлекала. На хрен надо — еще циклов на десять заморозят. Но отступать было нельзя. Я обязан был ее трахнуть, хотя бы чисто из принципа. Как говорится, василисков бояться — за красивой ягодой не ходить.

В кафе вошла молодая парочка: пятнистый тролль в костюме и очках и черная эльфа. Это подтолкнуло нас к разговору о расовых предрассудках.

— Хотя я и не наци, — сказал Пронт, — но гномов ненавижу. И эльфов белых. Пидорасы они.

— Во-во! — согласился с ним Пульс. — Карлики-то хрен с ними, они умные, так сказать, и выебываются заслуженно, хоть и видон у них уебищный. А беяки-то эти куда суются?

— Ну как же-как же! — Пятьдесят Первый скривился. — Они же у нас перворожденные...

Все заржали. Пока они трепались, я погрузился в размышления. Что-то странное происходило со мною — обычно я не был склонен к такому углубленному самокопанию и философствованию, но в последние дни словно подхватил какой-то вирус. Медичка... Вот дерьмо, я не смогу ее трахать при Хайме, а она ведь собралась быть с нами на протяжении всей операции, как я понимаю. Ну и вещи творятся...

— Ну что, пора по домам, наверное, — вернул меня в реальность голос Телекина. — Короче, как и договаривались, встречаемся в пять.

Я посмотрел на электронные часы на стене. Было пятнадцать минут четвертого — то есть за полтора часа все должны переодеться, пожрать и привести себя в полную боевую готовность. На меня вдруг накатила вторая волна депрессняка, и мне захотелось передозироваться чем-нибудь вроде «гвоздя» и отрубиться суток этак на трое. Может быть, думал я, это нечто вроде предчувствия? Может, не стоит нам трахать Андиду?

Но вслух я говорить ничего не стал — не хотелось быть осмеянным.

— Давайте еще по фужерчику, и пойдем, — предложил Гранат.

Пронт подозвал официантку, все ей объяснил, и вскоре она притащила нам заказ. Все улыбались, Хайма тоже была вся цветущая, один лишь я был мрачен, как бурб. Блин, да что же это такое? Как мне вновь почувствовать себя нормально?

«Плюнь на все это, — посоветовал внутренний голос. — Пускай они делают что хотят, а ты... вы с Хаймой идите-ка лучше к тебе домой». «Но, — возразил я ему, — без нее они не смогут все провернуть, а забрать ее у них у меня не получится. Без Хаймы им не видать медички как своих рогов. Она для них номер один в этом деле».

— Знаешь, Хайма, — сказал вдруг Телекин, и я весь насторожился. — Я хочу тебе сказать...

Хайма тоже насторожилась и посмотрела на меня. Я пожал плечами — понятия не имею, о чем он.

— Ты классная девчонка, — продолжал Пронт. — И, честное слово, мне... да и не только мне, наверное... всем нам очень жаль, что раньше... ну, что раньше мы с тобой так общались. Я не хотел напоминать тебе об этом, но просто я хочу, чтобы ты знала...

Хайма покраснела и забормотала что-то вроде «да ну че ты, да ладно тебе», но было видно, что ей приятно и что она польщена. Я почему-то чувствовал себя полным кре-тином — не знаю почему. Вспомнилось ее вчерашнее «я люблю тебя, Эфем». А что ответил ей на это я?

Пронт, оказывается, еще не закончил свою речь.

— Короче, я... Ну, я как бы прощу прощения. Надеюсь, все остальные присоединятся ко мне.

«Все остальные» тут же заговорили наперебой, вторя примеру своего лидера и извиняясь. Мы с Пульсом столкнулись взглядами, и он почему-то усмехнулся.

— Да хватит вам, мальчишки! — взмолилась наконец Хайма, вся смущенная, но счастливая. — Я... я не обижаюсь на вас...

«Ну конечно, — подумал я. — Ты еще и спасибо им скажи за то, что они тебя трахали».

— Так что давайте не будем больше об этом.

А потом мы все пошли по домам. Я был мрачен. Мы с Хаймой жили по разные стороны от кафе, так что я провожать ее не стал, тем более что ей и без меня провожатых хватало. В общем, я был, как уже говорилоь, мрачен, пессимистичен и вынужден был идти домой вместе с дебилом Хеспором, который жил недалеко от меня. Всю дорогу он фантазировал о том, как вставит медичке, пока я наконец в грубой форме не посоветовал ему заткнуться.

Оставшийся путь мы проделали в полном молчании.

Еще пару дней назад мы и понятия не имели, как заставить медичку влезть в чужое тело.

— А зачем вообще использовать хоммба? — спросил Гранат во время одной из наших дискуссий. — Просто поймать медичку, надеть на нее шлем и...

Телекин постучал сперва по столу, потом по своей голове. Я сразу понял, почему вариант, предложенный Гранатом, никуда не годится. Пронт мыслил со мной в унисон.

— А потом? — поинтересовался он с издевкой. — Думаешь, она все так оставит? Сколько можно об одном и том же говорить?

Пятьдесят Первый предложил вновь смотаться к тому уличному магу, у которого мы купили шлем. За определенную сумму тот мог помочь нам разработать более-менее приличный план, так как разбирался в магии получше нашего, а в деле с медичкой магия занимала не последнее место. С этой идеей мы тут же согласились и всей толпой поперлись из подвала на централку. Там Гранат с Хеспором быстро грабанули киоск; таким образом у нас появились деньги. Было уже восемь вечера, народу на улице тусовалось до хера. То и дело попадались всякие знакомые и приходилось с ними здороваться. Так что до нужного места мы добрались лишь где-то к половине десятого.

Всей толпою идти внутрь резона не было, поэтому мы быстро сформировали делегацию, в которую вошли я, Пронт и Хайма. Остальные ребята остались на улице, что им было только на руку. Правильно, на хрен нужно загружать себя лишними проблемами, если это может сделать кто-нибудь другой?

Апартаменты Грума располагались на минус-третьем этаже в ночлежке с идиотским названием «Меч и Лазер». Хотя, может быть, в этом усматривался особый прикол — мечи исчезли незадолго до того, как был построен Новый Эдем, а ему ведь было уже четыре века. В этой гостинице обычно сдавали номера для шлюх, влюбленных парочек и так далее. Среди тех, кто чтит закон (в трёшке таковых насчитывалось не так уж и много), сие заведение пользовалось дурной славой.

Я был здесь в первый раз — когда мы покупали шлем, ходили только Пронт и Пятьдесят Первый. Сейчас же состав делегации был несколько иным. Полуразвалившийся лифт устаревшей конструкции каким-то чудом не сорвался с тросов в шахту и вполне благополучно довез нас

до нужного этажа. Хайма выглядела напряженной, но при этом, как всегда, была очень довольной. За последнее время она побывала в стольких, так сказать, значных местах, что минус-этажи «Меча и Лазера» уже не слишком ее удивляли. Она быстро ко всему привыкала.

На минус-третьем было полно самых разных дверей с самыми разными табличками. Телекин уверенно шагал по узкому коридору чуть впереди нас. Было душно. Деревянный пол то и дело противно скрипел, освещение было тусклым, но все же надписи на дверях, в большинстве своем обитых железом, прочитать я мог: «Удаление зубов», «Юридические консультации», «Ксерокопирование», «Запчасти». Я был уверен, что во многих из этих не вполне легальных контор можно было приобрести любую наркоту, а под вывесками «Запчасти» и «Ксерокопирование» запросто могли скрываться хирурги-трансплантологи, скупающие и продающие разные внутренние органы, или бывшие биомеды, занимающиеся незаконным клонированием. Отовсюду слышались голоса, где-то кто-то на кого-то кричал.

Наконец мы остановились перед дверью с надписью «Магические услуги». Внутри было тихо. Телекин постучал. Я сглотнул — магов люблю чуть больше, чем компьютеры — и почувствовал, как прижалась ко мне Хайма. Но все же жуткий интерес был сильнее, чем страх.

Нам сказали, чтобы мы вошли, и мы вошли. В небольшом помещении за массивным столом, заваленным всякой херней, сидел, нет, скорее, восседал черный эльф, которому было непонятно сколько циклов. Думаю, за сотню точно. В его руке была зажата ручка — похоже, перед тем как появились мы, он что-то писал.

— Здрасьте, — сказал Телекин. — Мы вот на днях покупали у вас шлем...

— И что? Хочешь сказать, не работает? — удивился Грум (его имя сообщил нам Пронт).

— Да нет, мы его даже еще и не использовали...

Колдун предложил нам сесть, чтобы все обсудить. Он был деловым негром, действительно деловым. Мы сели на небольшой диванчик, слева от его стола, и колдун попросил Пронта изложить проблему. Мы переглянулись, и Пронт начал говорить. Грум сосредоточенно кивал и иногда усмехался, однако не перебивал. Не так уж и страшен уличный маг, как его малюют, подумал я. Нормальный старикан.

Мы с Хаймой сидели держась за руки. Они у нас были чуть влажными, так как в помещении было жарковато. Я гладил ее пальцы, а она мои. Голос Телекина, повествующий о нашей беде, почему-то действовал на меня как снотворное, и под конец рассказа у меня даже начали слиться глаза и я стал зевать. Но наконец тролль замолчал.

— Кажется, я знаю, что может вам помочь, ребятки! — хихикнув, произнес Грум. — Так что идею с хоммбом отбросьте, тем более у вас все равно ничего бы не вышло, — он хихикнул опять. — Да и шлем вы тоже зря купили. Надо было вам, паренек, сразу мне все рассказать.

Мы обменялись взглядами. Зря купили?

— То, что я хочу предложить, не совсем, знаете ли, гуманно, — продолжал старый негр. — Но, судя по вашему первоначальному плану, вы и так задумывали не слишком гуманные вещи. А шлем вы мне принесите назад; кто-нибудь другой купит.

— Так что у вас за предложение? — вмешалась Хайма.

По остекленевшему взгляду колдуна я понял, что он ее сканирует, очевидно пытаясь понять, с какого боку в дело с изнасилованием замешана девчонка. Хайма уставилась на него вызывающе и очень крепко сжала мою руку. Ухмыльнувшись, Грум прервал сканирование и начал излагать свой план.

Всё в ту же ночь перед намеченным днем.

После того как я и Хайма как следует натрахались, мы не сразу оделись и пошли по домам, а некоторое время

еще валялись на диванчике (дело происходило в моем сарае в подвале дома). Оба были мокрыми от пота и тяжело дышали. Одежда валялась где попало, но в основном на полу. И я, и Хайма молчали. Наконец она прижалась щекою к моему плечу и, положив одну руку мне на грудь, сказала тихо:

— Я люблю тебя, Эфем.

Многие шлюхи и раньше говорили мне такое, но, если копнуть глубже, слова эти произносились в пылу страсти, а не после, и обычно в нетрезвом виде. Сейчас же была несколько иная ситуация, да и Хайму нельзя было назвать обычной шлюхой. То, что она сказала, прозвучало слишком уж серьезно, словно в каком-нибудь кино, и не было смысла ей не верить. Теперь нужно было что-то сказать в ответ, но нужные слова упорно куда-то ускользали.

— А ты? — спросила Хайма. — Я тебе нравлюсь хоть немного? Ну, ты понимаешь, про что я...

Я попытался как следует все взвесить и проанализировать. Да, конечно, она мне нравилась и даже больше того. Проклятье, да, она — классная девчонка, но признаться ей в ответной любви... Да если бы об этом кто-нибудь узнал, они бы от смеха умерли: Эфем-Автостоп, объясняющийся в любви, — забавная бы картинка получилась. Почти то же самое, что и гном, занимающийся благотворительностью.

— Слушай, Хайм, отвянь от меня со своими идиотскими вопросами! — это было самое лучшее, что я смог придумать. — Ну конечно, ты мне нравишься. Думаешь, если бы ты была мне безразлична, я стал бы... А?! — Я как бы мысленно отмахнулся.

— Нет, ну ты ведь до меня был со многими девчонками...

— Это другое дело. Они... Ну, они были просто шлюхами, шалавами, которых ебали все кому не лень, — тут я немного притормозился, так как вспомнил, что до меня Хайму тоже трахал кто попало, и ей, вероятно, было не совсем

приятно, когда ей об этом напоминали, прямо или косвенно. — Хайма, ну че ты до меня докопалась?

Она вздохнула — как мне показалось, немного грустно. Потом сказала:

— Знаешь, после окончания школы я собираюсь поступить во второй. У меня там брат двоюродный, и он может помочь с визой и квартирой. Говорят, там нет никаких заводов и воздух чистый...

— Говорят, что у гномов конец до подбородка, когда стоит! — я хохотнул и тут же понял, что сморозил ужасную глупость. М-да. — Давай одеваться, что ли? — Присев, я хлопнул Хайму по животу. — А то в школу уже скоро, а мы еще даже и спать не ложились.

С огромной неохотой она тоже присела и свесила ноги с дивана. Лампочка светила достаточно ярко (мы оба предпочитали трахаться при свете), и я с удовольствием наблюдал, как Хайма встает, подбирает свои трусики, всовывает в них ноги. Гном купи, у нее охуенная фигура!

Проводив Хайму домой, я поплелся к себе. Дерьмово как-то все получилось с этой любовью... Может, как-то не так мне все же следовало себя вести? А что она там говорила про двойку? Что, после того как закончит школу, смотается, на хрен, из нашего сектора? И правильно, подумал я. Здесь нет никаких перспектив, кроме как опуститься на самое дно или погрязнуть в семейной бытовухе. Все те мои знакомые, у которых в голове имелось хоть чуть-чуть мозгов, давно уже подумывали об эмиграции, но правда, дальше этого дело не шло: или проблемы с финансами, или еще что-нибудь. Вот взять, к примеру, Матича Керботана из мебельного района (мы раньше с ним учились вместе, но потом его предки переехали на восемь кварталов влево по окружности). Я иногда его встречаю, мы треплемся о том о сем. Так вот, Матич — парень с мозгами, учится на одни шестерки и семерки. Но как, скажите, ему поступить во второсекторный институт, если одна виза стоит столько, сколько его предкам и за пять циклов не заработать?

И ведь это специально такие дикие цены горбатыми установлены, чтобы как можно меньше народу отсюда съебывалось. Хаймовские предки, базара нет, люди с бабками и сделают все, чтобы любимая дочка получила хорошее образование и перебралась жить в более цивилизованное общество. Глядишь, а потом из двойки и в первый удастся переехать — говорят, это сделать куда проще и дешевле.

«А у тебя, Эфем, какие перспективы?» — спросил я себя. До дома оставалась пара кварталов, а до начала занятий — три с половиной часа. Какие перспективы? О, да никаких! Ну, закончу я школу — и что дальше? Вкалывать на заводе? Что-то не хочется. Вечно торчать в этой дыре? Тоже не больно привлекательно. Вот завтра мы будем трахать медичку — хоть какое-то разнообразие на сером фоне повседневности. А потом? Чем разнообразить жизнь потом?

Перед тем как заснуть, я выкурил косяк, и мои пессимистические мысли несколько умилили свой бег, постепенно превратившись в мысли ни о чем. Потом я заснул.

Когда я приперся на ту хату, что мы сняли вчера, все были уже там. У Хеспора с рожи не сходила счастливая улыбка, и он чуть ли не приплясывал на месте от нетерпения. Меня не покидало предчувствие близкой беды, хотя в чем именно она должна заключаться, я не знал и всей душой надеялся, что мои пророчества окажутся ложными.

Медичку Хайма должна была перехватить по дороге в магазин (квартиру мы специально сняли неподалеку). В полшестого та всегда ходила за продуктами — эти данные принесла разведка в лице Граната и Пульса. Имелись даже фотографии. Несколько раз мы проводили репетиции (роль медички исполнял Пятьдесят Первый), и все проходило, на наш взгляд, более-менее успешно. Оставалось надеяться, что и в реальности серьезных проблем не возникнет.

— Ну, Хайма, уверен, ты все сделаешь как надо! — Телекин, возвышающийся над моей подружкой на две головы, похлопал ее по плечу. — Удачи тебе!

— Уже двадцать три минуты шестого! — подал голос сидящий на кровати Пятьдесят Первый.

— Так, ну все, мальчишки, я выдвигаюсь, — сказала Хайма и ушла.

Четыре коротких звонка в дверь.

— Они!

Все кинулись в коридор. Для солидарности к ним примкнул и я, хотя общего энтузиазма не разделял. Не далее как минуту назад до меня доебался Хеспор: «А че ты такой загруженный, Автостоп?» Пришлось ответить, что болит живот, хотя по взгляду Телекина было непохоже, что он мне поверил. Пронт был далеко не дурак, хотя иногда таковым прикидывался, и, похоже, он давно уже понял, что меня раздражают какие-то внутренние противоречия. Твою мать!

Хайма улыбалась, глаза ее блестели. Медичку она держала за руку; та стояла сбоку от нее, выражением лица и взглядом напоминающая зомби из фильмов ужасов. Все заговорили наперебой и тут же начали задавать Хайме разные вопросы, хотя и так было ясно, что все прошло нормально. Я же молчал. Хайма отдала Пронту кристалл с душой медички, а потом они поволокли Андиду в комнату. Та не сопротивлялась, на лице блуждала глупая рассеянная улыбка. Да, подумал я, этот маг знает свое дело. Кристалл сработал как надо. Мы с Хаймой немного задержались в коридоре, пропуская остальных, и несколько раз встретились взглядами, но тем не менее не сказали друг другу ни слова. А затем мы тоже пошли вслед за всеми.

Медичка уже лежала на кровати, Хеспор срывал с нее одежду. Гранат закатал рукав своей рубашки и колот в вену что-то из шприц-тюбика. Скорее всего, это был эре-

гин. Прислонившись к подоконнику, я закурил. Не нравилось мне все это.

Хайма встала рядом со мной. Медичка была уже голой и располагалась ногами к нам. Все смеялись и шутили, Хайма даже подошла к ним, чтобы потрогать имплантанты Андиды. «Ой, как настоящие!» Пятьдесят Первый тоже вколол себе дозу, а Хеспор не стал — очевидно, он был уверен в своих силах (хотя потом он тоже вмазался). Интересно, подумал я, что чувствует сейчас медичка? Действие кристалла-С совсем не такое, как у шлема Гар-Генета. Если тот просто сдерживает магию, отражая ее на самого мага, то камень, который дал нам Грум, забирает почти всю психическую энергию. Или что-то в этом духе. Короче, благодаря нам, весь остаток своей жизни медичка была обречена провести в дурдоме.

Первым был, естественно, Телекин.

Вторым — Гранат, третьим — Пятьдесят Первый. Пульс делал снимки. Хеспор, как всегда очутившийся в самом конце очереди, все то время, пока его дружки делали свое дело, возбужденно приплясывал рядом, производя незамысловатые манипуляции со своим членом. Хаймы никто не стеснялся, и в который раз я вынужден был вспомнить о том, что все они ее тоже когда-то насиловали...

Потом все посмотрели на меня.

— Твоя очередь, — сказал Пульс.

Пришлось ответить, что я не буду. Какое-то время все молчали, и даже Хайма посмотрела на меня удивленно. Мол, как же так, ведь я старалась...

— Как хочешь, — произнес наконец Телекин, и что-то в его голосе мне не понравилось. — Ладно, тогда поехали на второй заход.

Медичка лишь тихо постанывала (отнюдь не от удовольствия), когда огромный тролль, снова взгромоздившийся на нее, приступил к делу. Остальные подбадривали его всякими выкриками и комментариями. Мне было

не по себе. Хеспор, пристроившийся возле головы медички, умудрился засунуть свой член ей в рот.

Я отвернулся к окну, удивляясь самому себе.

Стоны, крики, хлюпающие звуки, снова стоны...

Краем глаза я отметил, что Хайма подобрала с пола сумочку Андида и, по-прежнему стоя со мною рядом, тоже лицом к окну, принялась в ней копать.

— Тут деньги, Эфем, — сказала она тихо. — Немного, правда, но...

Я выдавил из себя что-то не совсем понятное даже мне самому. Взади Пульс возмущенно завопил на кого-то: «Эй ты, тролль ебанный, на хуя мне на руку-то кончать?!» Хайма фыркнула и сунула деньги себе в лифчик. Я опять устал вился в окно.

— Давай ее теперь вот так...

— Ага, жопой кверху...

Мне захотелось уйти, но это могло иметь для меня крайне неблагоприятные последствия вроде насмешек и так далее. Подумать только, а ведь совсем еще недавно, буквально вчера, я и сам был таким же. Вернее, почти таким же. Это все из-за Хаймы, проклятье, все из-за этой девчонки, стоящей рядом...

— О боже, Эфем, посмотри!

Она подсовывала мне какую-то голокарточку. На трехмерном снимке был изображен совсем еще маленький эльфенок, доверчиво выглядывающий из-за прутьев кровати.

— Ты понимаешь, что это значит?! — голос у Хаймы дрожал.

— Че ты ко мне прицепилась? — спросил я устало, возвращая ей снимок. Смутное и не совсем ясное подозрение начало вырисовываться где-то глубоко в подсознании, но это ощущение почти тут же исчезло. Обычная голография ребенка, ну и что? Хотя...

— Это ЕЕ ребенок! — прошептала Хайма. — И здесь у нее, — она сжала свою грудь, — не силикон! Теперь ты понимаешь?

Мне и так было хреново, а тут стало еще хуже. Захотелось орать. Теперь я понял. Твою мать, я и так всегда был порядочной скотиной, а участвуя в этом изнасиловании, пускай даже косвенно, опустил еще ниже. За несколько секунд в моей башке пронеслось очень много разных мыслей, и все в основном касались осиротевшего отныне эльфа, напрасно ждущего свою маму в одной из комнат учительской общаги. «Здесь у нее не силикон». О да, теперь я понял это. Обычное увеличение молочных желез у эльфийских женщин, наблюдающееся в период кормления грудью.

Стоны, снова стоны, причем не женские...

— Эфем, мы должны как-то остановить это! — Ногти Хаймы впились в мою руку.

Раньше надо было думать, подумал я. То, что ты предлагаешь, осуществить на практике очень трудно, почти невозможно. Этот процесс необратим, хотя попытаться все же стоит. Потому что если я не попытаюсь, то чувство вины будет вечно меня преследовать. «Ишь ты, — ехидно заметил внутренний голос. — Неужели в твоей голове еще остались какие-то частички совести, а, Автостоп? Ну-ка, парень, попробуй-ка на деле доказать, что ты заслуженно получил свою кличку. Останови это».

Я повернулся лицом к комнате. Хайма тоже. Она была вся бледная и мне стало ясно, что до нее только сейчас дошло, ЧТО она натворила и во что вляпалась. Ведь если бы не она... До этого Хайма, несомненно, рассматривала происходящее как игру, а не как реальность, и в этом-то и заключалась ее ошибка, которую она осознала, столкнувшись с настоящим положением дел. Я тоже, честно говоря, вначале глядел на это как на забаву, не больше. Вот тебе и забава... Позабавились. Я никогда не был сторон-

ником грубого или группового секса, предпочитая этому обычные партии один на один или же два к одному (две девчонки плюс один я), так, спрашивается, зачем же я в это полез? Зачем связался с телекиновской бригадой? Нет, вообще они ребята нормальные, но...

«Нормальные ребята» уже тоже, как и медичка, были полностью голые. Их одежда была разбросана по всей комнате. Пятьдесят первый трахал медичку в жопу, тогда как остальные готовили свои инструменты к следующему заходу. Лицо Андида было повернуто к нам: белое как мел, с ничего не выражающим взглядом, высунутым языком и стекающей изо рта спермой (у троллей она зеленоватая). Пульс щелкал фотоаппаратом.

Я не успел остановить Хайму, остальные тоже. Подлетев к кровати, она схватила Пятьдесят Первого за руку и буквально отшвырнула его от медички. Представляю, как он обломался...

Все ошарашено уставились на нее.

— Прекратите это! — закричала Хайма. — Пронт, Гранат, разве вы не понимаете, что... Вот, смотрите! — Она начала совать им под нос голокарточку с эльfenком. — У нее не силикон! Они настоящие! Это ее ребенок, вы понимаете?!

Тут Хайма расплакалась. Я по-прежнему стоял у окна, изо всех сил вцепившись руками в подоконник и боясь вмешаться. «Ты трус, Эфем, — шептало подсознание, — ты трус». И это было правдой. Ведь если я попытаюсь хоть как-то встать на пути у пронтовской компании, мне явно не поздоровится, так что уж лучше играть по их правилам. Но что делать с медичкой? Хотя ей в любом случае уже не помочь: ее душа теперь внутри кристалла, а обратного заклинивания не существует. «Не совсем гуманно», — говорил старый Грум. Да, ну и что? Нам было плевать на это. Подумаешь, изнасиловать женщину. А сделать ребенка сиротой — тоже раз плюнуть.

Медичка что-то пролепетала и сползла на пол.

«Со мною у вас ничего такого не выйдет».

Ранг Б.

— Эй, Автостоп, — презрительно скривившись, произнес Телекин. — Убери, будь добр, отсюда свою шалаву. Пока мы за НЕЕ не взяли, — добавил он многозначительно.

Я промолчал, не зная, что ответить. Хайма замочила Пронту по щеке.

— Я не шалава! — сказала она.

Удар тролля швырнул ее к кровати, и, запнувшись о тело медички, Хайма повалилась на пол. Я дернулся было вперед, но тут же замер, встретившись с взглядом Телекина.

— Не вздумай, Автостоп! — усмехнувшись, сказал тролль. — Ведь даже если ты когда-то и помог мне... ну, ты знаешь, про что я говорю... то это, в общем-то, ни хуя не значит. Все долги уже давно оплачены. Ты врубаешься?

Я закусил губу. Да, врубаюсь. Сидящая на полу Хайма смотрела на меня жалобно, словно рассчитывая на то, что я за нее заступлюсь. Дерьмо. Я наткнулся на взгляд Хеспора, и тот презрительно сплюнул на пол, открыто наконец выразив свою враждебность по отношению ко мне. Ну, он и раньше меня недолюбливал...

Я понял, что должен сказать хоть что-то.

— Мы, наверное, пойдем?

— Вот и валите! — Хеспор еще раз сплюнул и добавил: — Лю-бов-нич-ки!

Все заржали. Я протянул Хайме руку и помог ей подняться. Меня всего трясло, ее тоже. У медички по внутренней стороне бедра тоненьким ручейком сбегала кровь. Никаких признаков разума в ее взгляде не было.

— Думаю, вы не станете стучать, — сказал Телекин. — Это не в ваших интересах. А на кристалле есть отпечатки твоих пальчиков, малышка, не забывай об этом, — обратился он к Хайме.

— Вы самые настоящие подонки! — заявила та. — Боже, а я, как дура... Я этого так не...

— Она будет молчать! — быстро сказал я, зажимая Хайме рот. — Только не делайте ей ничего, хорошо, Пронт?

— Валите! — буркнул тролль.

Мы свалили.

Потом мы потащились ко мне в сарай. Хайма всю дорогу ревела. Прохожие смотрели на нас как на мандрагор. Я думал о будущем и постепенно приходил к выводу, что никакого такого будущего для меня нет. Хайме, может быть, повезет, и она смоемся в двойку, а я... Мне надо теперь быть начеку. Любая глупость с моей стороны — и Пронт с компанией дадут мне оторваться. Веселая перспектива: ходить и шутаться собственной тени. Хотя, возможно, я зря так волнуюсь, и ничего мне не грозит. Как говорится, у страха глаза велики.

У меня в сарае нашлось несколько седативных колес и транков. Я накормил ими Хайму и вскоре она отключилась. Даже во сне она всхлипывала.

Было всего семь часов. Поцеловав Хайму в щеку, я вырубил свет, закрыл сарай на замок и вышел из подвала, полный намерения хоть чем-нибудь ухуякаться, убиться в ноль, чтобы не думать обо всем этом, забыть про это хотя бы на время. В итоге я оказался на хате Малыша и вмазался там «гвоздем». Потом меня еще и накурили какой-то химией, всунули в рот две пластины «синего», и в итоге очень скоро я уже плясал вместе со всеми под какую-то попсу, чувствуя себя до отказа переполненным энергией. Историю с медичкой мне удалось временно вычеркнуть из своей памяти.

К двенадцати начались отходняки. Я был злой и мрачный и в конце концов порутался с Малышом, который ничего плохого мне не желал, а всего лишь хотел помочь.

Послав их всех подальше, я поперся к себе в сарай, всей душой надеясь, что Хайма еще не проснулась. Интересно, что там с медичкой? Успокоились они или до сих пор продолжают ее насиловать, подогреваемые эрегином? Нет, скорее всего, они уже смылись, а медичку оставили валяться в квартире — один хер, снимали ее только на сутки и на вымышленное имя... Что будет теперь с ее ребенком? Что вообще будет со всеми нами дальше?

Возле продуктового тусовалась толпа из параллельного класса: несколько троллей, Марта и негр Мапис. Они пили самогон. Мы поздоровались, перекинулись парой стандартных фраз типа «Как дела?», после чего они предложили мне выпить с ними. Я, решив, что алкоголь прочистит мои мозги от остатка наркотиков, не отказался. В итоге мы выжрали три флакона.

— Да, кстати, — сказал Фуа, тролль, когда все уже собирались расходиться. — Я тебя видел уже несколько раз с этой шлюхой... ну, из вашего класса, Хаймой. Говорят, у тебя с ней отношения какие-то?

— Она не шлюха! — возмутился я. Язык у меня заплетался. — Еще раз скажешь о ней такое, и я тебе ебну!

— Она защеканка, Автостоп! — Что-то в его голосе заставило меня воздержаться от драки. — А ты говоришь, не шлюха. Мы ей как-то втроем в рот давали, и я знаю ребят одних, у которых она тоже за щеку брала.

Мое опьяневшее сознание начало производить быстрый анализ услышанного. То, что сообщил Фуа, являлось для меня новостью, шокирующей новостью. И почему-то я сразу понял, что тролль не врет. В этом не было никакого смысла. Втроем... Знает еще одних ребят... Проклятье, а ведь я с ней целовался! Меня передернуло, и все они заметили это. Марта решила еще подлить масла в огонь:

— Некоторые уже поговаривают: мол, Автостоп с минетчицей тусуется. А девчонка одна, которой ты нравился, — она многозначительно помолчала, — сказала мне, что ты теперь ей по хую. Делай выводы.

Я попытался что-то сказать, потом махнул рукой и быстро пошел к дому, сам не заметив, как перешел на бег. В висках стучало. Как же так, думал я, как могло получиться, что ВСЕ знали, а один лишь я оставался в неведении? Хотя не дурак, мог бы и сам догадаться. Гном мою мать, что будет с моей репутацией? А я ведь ей предлагал как-то, но она отказалась — мол, извини, Эфем, за кого ты меня принимаешь? Сука! Сука!!!

Когда я распахнул дверь и врубил свет, то выяснилось, что Хайма до сих пор еще спит. Одним рывком я сбросил ее с диванчика, схватил за волосы. От такого обращения Хайма, естественно, проснулась и только открыла рот, чтобы сказать мне что-то, как я вмазал ей кулаком в челюсть.

— Эфем, Эфем, что случилось, что происходит? — закричала она, испуганно вжимаясь в диван. Губы ее начали быстро опухать, и это выглядело так смешно, что я расхохотался, но тут же вновь стал серьезным.

— Значит, у меня впалду было в рот взять, а у всех так брала! — Я снова двинул ей в морду, на этот раз коленом. Что-то хрустнуло в челюсти. — Думала, я не узнаю, да? Да, шлюха?

Хайма зарыдала. Из ее рта бежала кровь, левая сторона лица вся тут же распухла. Мне было ее жалко, но я был пьян и жаждал справедливого возмездия за свою поруганную репутацию.

— Ну, что ты на это скажешь, а?

Хайма что-то проскулила. Тогда я что есть силы въехал ей ботинком в грудь и там тоже что-то хрустнуло; затем, когда она завалилась набок, еще раз пнул ногой в голову, попав куда-то в область уха. Хайма вцепилась мне в ноги, начала бормотать что-то малопонятное. Я отшвырнул ее и снова пнул в лицо.

Она тоненько завывала, скорчившись на полу. У меня по коже побежали мурашки.

— Заткнись, сука! — закричал я, чувствуя, что и у меня самого — причем, кажется, давно — из глаз текут слезы.

Это еще больше разозлило меня. — Заткнись, сука, кому сказал!

Дальнейшее я помню весьма смутно. Сейчас, оценивая происходящее с точки зрения трезвого человека, мне хочется верить, что виной всему были алкоголь и наркотики, потому что подобная жестокость, тем более над девчонкой, никогда не была мне присуща. Но тогда я словно озверел. Сорвав с Хаймы одежду (помню, что из лифчика выпали те деньги, которые она взяла из сумки медички), изнасиловал ее, после чего снова принялся избивать. Лишь когда у нее изо рта при каждом ударе ногой в грудь или в живот начали вылетать какие-то красные сгустки, во мне вдруг что-то сломалось, и я сел с нею рядом, обхватив себя за голову.

На Хайме не осталось ни одного живого места. Это было жуткое зрелище. Она стонала и кашляла, выплевывая из себя кровь и обломки зубов, все лицо распухло и посинело, глаз почти не было видно. Только сейчас я наконец осознал всю низость и мерзость своего поступка, только сейчас я наконец протрезвел.

Хайма все продолжала кашлять кровью — очевидно, у нее были сломаны ребра. Я заплакал, точнее, зарыдал. Что я натворил?! Боже, Хайма, что я натворил...

Склонившись над ней, я принялся покрывать поцелуями изувеченное лицо, просить прощения. Глаза Хаймы кое-как открылись, и она обхватила мою руку. Так мы и сидели хрен знает сколько; вернее, сидел я, а она лежала, положив голову мне на колени и свернувшись клубком, изредка содрогаясь от сильных приступов кашля. Я извинялся, умолял ее простить меня, хотя понимал, что никакого прощения не заслуживаю. Лишь теперь я понял, насколько сильно люблю ее.

— Они мне отвертку в ухо вставляли, — это были последние слова, которые я слышал от Хаймы. И когда до меня дошел смысл сказанного, мне захотелось умереть,

исчезнуть, а еще лучше — вернуться на несколько дней назад, чтобы всего этого не было. Я не хотел, Хайма! Просто так получилось. А то, что с тобой делали в прошлом разные подонки, — это и осталось в прошлом. Мне наплевать на это, ты понимаешь?! Я люблю тебя, Хайма!

Все это плюс еще что-то я, кажется, говорил вслух.

Очнувшись, я вдруг понял две вещи: во-первых, прошло очень много времени, и во-вторых, Хаймы на моих коленях не было. Жутко болела голова — так всегда бывает, когда смешиваешь «гвоздь», химию и сурроэль. Все казалось каким-то ненастоящим, словно во сне. Повернув голову влево, я увидел Хайму в метре от меня — она лежала рядом со своей сумочкой. Голое тело, освещаемое тусклой лампой, было все в кровоподтеках, ссадинах и синяках. Я снова начал плакать, понимая, что это мне не снится, что это — реальность, и что эту реальность сотворил я сам.

Хайма не двигалась. Я подполз к ней и перевернул на спину. Все лицо ее представляло собой сплошной синяк, рот был приоткрыт, и в нем запеклась кровь. Мой взгляд опустился ниже, и тут я закричал.

Пилочкой для ногтей Хайма буквально вырвала себе вену на левой руке.

Надеюсь, я тоже покончу с собой, но проблема заключается в том, что я трус, а чтобы решиться на самоубийство, нужно быть или полным психом, или обладать твердым характером и железной волей. Я уже два раза ~~м~~сался ножом своего запястья, но дальше этого дело не шло. Труп Хаймы так и лежит рядом со мною, укрытый одеялом. С того момента, как я проснулся, прошло уже часа три, и по всем правилам, мы сейчас должны быть на занятиях. Я не знаю, что мне делать. Где-то плачет ребенок, оставшийся без матери... Глядя на диван, я вспоминаю, как мы с Хаймой трахались на нем. Благодаря мне, этому больше не суждено повториться.

Ну что ж, еще одна попытка.
Закрываю глаза, на ощупь дотрагиваюсь лезвием ножа
до запястья.
Я люблю тебя, Хайма.
Прости меня.

ЮЛЯ-КАМИКАДЗЕ

До наступления нашего столетия социальные перемены были столь медленны, что практически были незаметны в жизни человека. Сегодня все изменилось. Темп перемен возрос настолько, что наше воображение уже не успевает за ним.

Ч. П. Сноу

Так как новая технология создаст новые виды спорта, мы можем ожидать образования множества разнообразных игровых культур.

А. Тоффлер

Примостившись на табуретке у запотевшего окна, Юлия указательным пальцем рисовала на нем различные кружочки, треугольники и другие геометрические фигуры — преимущественно простые, не особо навороченные, так что какие-либо многогранники на ее чертежах отсутствовали. Кондиционер в ее ячейке был включен на максимум, поскольку если вы пытались установить регулятор в другое положение, то он почему-то начинал искрить. Вызвать же мастера все никак не получалось... В общем, в комнате было довольно жарко. На улице только что прошел дождь; немногочисленные прохожие либо кутались в плащи, либо прятались под энергозонтами, либо имели при себе и то

и другое. Открыв рот, Юля приблизила лицо к стеклу, и теплое дыхание заставило только что нарисованный кружочек вновь запотеть, хотя его очертания все еще проглядывали сквозь термозаплату.

Юля ждала звонка. Было уже пять минут седьмого, а Игорь обещал позвонить в шесть. Так, по крайней мере, они договорились по сети. С другой стороны, они могли запросто обсудить все и по электронной почте, но Юля как-то намекнула, что у нее есть видеофон, и Игорь в следующем письме полюбопытствовал, какой у нее номер... В общем, он написал ей, что позвонит в среду в шесть. А уже начало седьмого. Конечно, это ничего не значит, думала Юля, рисуя на стекле «@». Либо он позвонит с секунды на секунду, либо у него возникли какие-то проблемы со связью, а может быть, еще что-то. В любом случае, рано или поздно — даже если он не свяжется с ней по видео — она выловит его послание в своем компьютере. К слову, к Интернету Юля подключена не была, так как зарплата у нее была маленькая, и она не могла себе позволить регулярно уходить в Матрицу. Да и компьютер у нее был старый, десятилетней давности...

— Пи-пи-пи-пи-пи! — запищал видеофон.

Юля мгновенно соскочила с табурета и бросилась к экрану. Она сама себе удивлялась — влюбиться в человека, которого она видела только на фотографии и который к тому же из другого города! М-да...

Лицо Игоря, медленно проявившееся на экране, имело на себе то официальное выражение, которое обычно присуще ведущим новостей. Очевидно, он не знал, кто подойдет к видеофону, но увидев, что это Юля, он тут же приветливо заулыбался.

— Привет, Джулия! — связь была так себе. — Слушай, я тут не из дома звоню, но, короче, суть такая. У нас тут намечается нечто типа слета камикадзе, если хочешь — тоже прилетай.

— Но... — забормотала ошарашенно Юлия, — но я же не прыгала ни разу, я ведь тебе писала...

— Надо же когда-то начинать! — Игорь на экране вдруг на секунду исчез за жалюзи горизонтальных помех, но тут же вновь вернулся на место. — Короче, соберутся человек сорок, не только местные. Мы для этого вчера даже специально дом один недостроенный захватили — вроде гостиницы будет. Так что ты давай не тормози, бери билет на ракету и двигай к нам. Я тебя встречу. Ну как?

— Ой, это так неожиданно, — забормотала Юлия. — Мне... мне надо подумать...

— Да че тут думать? — скривился Игорь. — Заказываешь билет, и все дела. Ты тем более сейчас в отпуске — сама писала.

Работала Юлия учителем биологии, а с Игорем познакомилась через доску объявлений в Фидо два месяца назад (она написала ему первая). Именно от него девушка узнала о существовании такой разновидности экстремально-эзотерического спорта, как «камикадзе», хотя, как позже выяснилось, это молодежное движение в последнее время было распространено достаточно широко. Впрочем, нельзя сказать, что Юлия раньше интересовалась подобными вещами — она была обычной скромной преподавательницей и в свои двадцать пять к молодежи себя уже не относила. Подруг и друзей у нее, в общем-то, не было, за исключением коллег по работе, с которыми она иногда пила сухое вино по субботам и, теряя под воздействием алкоголя свойственную ей скрытность, читала им свои стихи. Жила она одна в небольшой ячейке школьного общежития для учителей, отделившись от матери еще год назад. Ни мужа, ни просто парня у нее не было, хотя, конечно же, Юлия мечтала порой о близких отношениях с каким-нибудь мужчиной. Влюблялась Юлия довольно часто, но объектам своей любви об этом никогда не сообщала, разве что только в мечтах и в стихах. Жертвами ее чувств, преимущественно становились другие учителя (не только из их

школы), а иногда даже и старшеклассники. Сексом она занималась очень редко, и все время по пьянке, с одним и тем же партнером — вечно унылым физиком Костей, который два года назад развелся и теперь никак не мог подобрать себе партнершу, что его очень расстраивало. На следующий день Юля обычно сторонилась коллеги, а если им приходилось вдруг встретиться, то девушка сильно смущалась и убегала. Свои интимные отношения оба ни разу вслух не обсуждали.

«А почему бы и правда не слетать до Екатеринбурга? — подумала Юля. — Отпускные у меня есть...»

— А-а-а, — протянула она вслух. — А-а... Ну, допустим, я возьму билет... Но я не смогу прилететь больше чем на три дня! И как я тебя там найду?

— Классно! — оживился Игорь. — Короче, ты мне все сообщишь письмом, и я тебя встречу.

— А... а что с собой брать?

— Что брать? — недоуменно переспросил Игорь. — Да хрен его знает. Можешь вообще с пустыми руками лететь. Хотя, если на несколько дней... Ну, денег возьми — че еще брать-то? В общем, короче, сегодня среда, а начнется все в субботу. Прилетай или в пятницу вечером, или в субботу утром. Я встречу. А теперь сорри, но я звоню с работы матери и долго говорить не могу. Короче, все. В общем, вроде как договорились. Прилетишь?

— Прилечу! — Юля тут же смущенно опустила взгляд, поскольку сама не ожидала от себя такой быстрой капитуляции. Лететь одной, в незнакомый город... к незнакомому парню... «О Боже! — подумала она. — Кажется, в моей жизни наступают решительные перемены».

1

В межрегиональной ракете Кемерово — Екатеринбург на экранах телевизоров транслировали ОРТ, и вместе с остальными пассажирами (всего их было около двух

десятков) Юля вынуждена была смотреть антипиратскую программу Никиты Михалкова, один из выпусков которой она уже видела. На ее взгляд, подобный подход к голопиратам был необоснованно жестоким. Неужели нельзя бороться с нарушением прав как-то по-другому? Михалков считал, что нет.

Известный режиссер был стар, очень стар, но благодаря последним медицинским технологиям все еще держался в седле. Как преподаватель биологии Юля старалась быть в курсе подобных вещей и знала, что многие пожилые люди с достатком выше среднего живут сейчас в основном за счет регулярной пересадки органов, частичной киборгизации, перенастройки иммунных систем и генетической коррекции. По их кровеносной системе плавали взад-вперед миниатюрные телесенсоры, мгновенно реагирующие на любые нездоровые изменения в организме, и если таковые имели место, то через узловой чип, располагающийся под сердцем, об этом немедленно сообщалось на компьютер медцентра. Почти мгновенно срабатывала обратная связь — и чип впрыскивал в кровь пациента нужное лекарство...

Два милиционера ввели в студию парнишку лет восемнадцати, испуганно озирающегося по сторонам. Он знал, что ему грозит, но тем не менее все же решился нарушить закон. Что посеешь, то и пожнешь... Грозно шевеля усами, Михалков сообщил зрителям, что этот юноша торговал пиратской голопродукцией, а взяли его с поличным.

— Я только продавец, — бормотал несчастный, пока его затаскивали на эшафот. — Я ничего такого не сделал...

Михалков что есть силы ударил его кулаком в промежность. Милиционер, прилаживающий петлю на шею несчастного, вынужден был остановиться, поскольку голопират безвольно обвис в руках его коллеги.

Схватив юношу за волосы, одним сильным рывком Михалков сбросил его на пол.

— Он торговал моим последним фильмом «Ласточки Дагестана», права на тиражирование которого принадлежат компании «ОРТ — Голо»!

В зале яростно закричали. На сцену вылетела какая-то рыжая женщина в футболке «Матери против голопиратства» и вцепилась мальчишке в лицо ногтями, а потом принялась пинать его в живот и ниже, сопровождая свои действия смачными плевками. Михалков и зрители подбадривали ее различными комментариями, а после казни подарили лицензионную дискету с «Ласточками Дагестана». Счастливая женщина поцеловала Михалкова в щеку и, сопровождаемая аплодисментами, спустилась в зал. На прощанье ведущий вновь толкнул короткую речь о борьбе с пиратством, и на этом передача закончилась. Титры шли поверх болтающегося на виселице труп.

После просмотра передачи у Юли было такое ощущение, будто ее чем-то огрели по голове. Чувствовала она себя оглушенной и подавленной. «Куда катится мир? — думала она. — И куда катимся мы сами вместе с нашим миром?» Ответа не было.

Потом показали какой-то дурацкий мультфильм про цыплят, затем рекламу заумной книги Андрея Литвинова «Горизонтальные думающие машины», и настроение Юли более-менее вошло в норму. Прикрыв глаза, она попыталась представить их первую встречу с Игорем. Наверное, это будет примерно так: вот она сходит с трапа, проходит сквозь таможенный сканер и видит его, стоящего среди других встречающих. Игорь оказывается высоким, и это радует, поскольку она сама ростом метр семьдесят семь, и когда мужчина ниже ее ростом, это ее немного смущает. Ведь мужчины привыкли во всем ставить себя выше женщин, а если в физическом плане все выходит наоборот, они ощущают внутренний психологический дискомфорт, ну а Юле обычно очень неудобно за то, что она заставляет людей чувствовать себя не в своей тарелке. Но здесь, сла-

ва богу, иная ситуация. И вот они медленно приближаются друг к другу...

— Уважаемые пассажиры, через десять минут наша ракета прибывает в Екатеринбург! — Юлия вздрогнула и открыла глаза. За стеклянной поверхностью экрана, свисающего с потолка перед ее креслом, вместо программ канала ОРТ прятался то ли пилот, то ли еще кто-то, а может, это была и видеозапись. — Прошу всех пристегнуть ремни!

Девушка послушно пристегнулась и уставилась в окно. Внизу со страшной скоростью мелькали леса. У мамы чуть глаза не выпали, когда Юлия сказала ей, что собирается на днях в Екатеринбург. Ей тут же захотелось знать, для чего дочери нужно туда лететь и когда та вернется... «Ах, мама, я сама не своя, я словно на автопилоте» — этого Юлия ей, конечно, говорить не стала, потому что мать тут же начала бы читать ей мораль, а она и так прекрасно понимала, что к чему. «Думаешь, я не знаю, чем все это может кончиться? — думала девушка, мысленно обращаясь к матери. — Знаю, знаю. Этот визит в Екатеринбург полностью изменит меня, потому что практически впервые за последние несколько лет я буду делать то, что хочу, а не то, чего хотят от меня окружающие. Мне никогда не было интересно с этими тупыми учителями, которые только и знают, что бухать и сплетничать, а дети им по большому счету безразличны, так как работают они только из-за зарплаты».

Конечно, Юле было немного страшновато окунаться с головой в ту среду, о которой она столько слышала, но с представителями которой в близкий контакт никогда не вступала. Тем не менее девушка была уверена, что все будет хорошо. Юлия специально распустила волосы (на работу она укладывала их в пучок) и надела старые потертые джинсы, надеясь, что этого будет достаточно для того, чтобы незнакомые люди не приняли ее за забитую провинциальную учительницу. С собой она взяла около двух сотен наличными, а также карманный сборник Есенина,

творчество которого очень любила, и блокнотик-черновик, куда порой записывала интересные мысли и наброски стихов. Обратный билет Юля, естественно, пока покупать не стала.

Ракета пошла на снижение. Юля давно уже не бывала в больших городах, даже в Новосибирске — и туда она в последний раз ездила больше года назад на конференцию по биологии. А в ее родной Казначеевке было всего около двадцати тысяч населения, и все городские новшества доходили до них с опозданием месяцев на пять, хотя порой этот процесс занимал и годы. Наверняка она узнает много нового и интересного...

Выпустив шасси, ракета помчалась по посадочной полосе. В Екатеринбурге было четыре часа дня.

2

Проснувшись в начале двенадцатого, Киловатт быстро перекусил и понесся на остановку, поскольку вчера он обещал остальным прибыть в их сквот к одиннадцати. Нервничая, он бродил взад-вперед по посадочной платформе, мрачным взглядом осматривая остальных ожидающих, которые были похожи скорее на зомби, чем на обычных живых людей. Наконец подлетела «пятерка», Киловатт залез в нее и встал у заднего стекла, лицом к салону.

Их новый временный сквот, который они тут же обозвали «гостиницей», располагался на краю города и представлял собой недостроенный небоскреб, насчитывающий в настоящее время семнадцать этажей. Строительству по непонятным причинам забросили еще прошлой осенью и до сих пор не возобновили, что позволило без особых проблем проникнуть на никем не охраняемую территорию и обосноваться там в качестве жильцов. Менты их пока не трогали. Недалеко от дома находился высоковольтный столб, что было еще одним огромным плюсом, и сегодня

они как раз собирались подцепить к нему магнитную катушку. «Хоть бы дождя завтра не было», — думал Киловатт.

Несколько пассажиров на него странно посматривали, очевидно недовольные его внешним видом. Что самое смешное, к новым веяниям моды типа открытых гениталий обыватели адаптировались довольно быстро, тогда как обычные широкие шорты, черная футболка, длинные волосы и татуировки на руках все еще вызывали у них непонятную неприязнь. Ах да, еще и серьга в ухе. Киловатт хмыкнул и отвернулся к окну. И чего пялятся, спрашивается?

Возле сквота разгуливал одинокий Марат.

— Так Стив индуктор еще не привез? — поинтересовался у него Игорь.

Тот помотал головой. Из кармана его брюк торчал обмотанный изолентой сотовый.

— У него колесо спустило. Идиотизм. Теперь вот жди, пока достанет новое — не арендовать же грузовик.

— Нужно иметь запаску.

Внутри сквота играла какая-то музыка. Значит, все были там.

— Костян из Челябинска прилетел, — сказал Марат. — У него сорок пять прыжков уже.

— Круто! — оценил Киловатт, который прыгал на магнит всего-то семь раз.

— А твоя подружка когда придет?

— Подружка! — Игорь фыркнул. — Сегодня в четыре.

— Засадить ей сразу, поди? — прищурился Марат.

— Ну а куда она денется? — Игорь усмехнулся. — Впрочем, может, и не сразу, но вообще в планах такое есть. В планах такое есть...

Ленивой походкой к ним приближались пять широкоплечих малолеток в синтезаторских шмотках. Все бритые и с тупыми лицами. Марат и Игорь переглянулись.

— А че это вы тут делаете? — растягивая слова, поинтересовался один из них, с серебряной голо-паутиной на лысом черепе.

— Смотри, с сережкой! — заметил еще один.

— Смотри, с сережкой! — передразнил его Марат. — Еще какие вопросы?

Что касается Марата, то, несмотря на довольно невзрачный внешний вид, он достаточно прилично владел карате. У Игоря же в карманах шорт на такой случай всегда болтался шокер.

Малолетки переглянулись.

— Да ладно ты, — сказал тот, кто был с паутиной, Марату. — Мы просто подошли узнать. Смотрим, вы тут что-то в доме делаете, и вроде как у вас что-то намечается. А мы вроде как патруль, что ли. Следим за порядком в районе, — он усмехнулся. — Мы видели, некоторые из вас с рюкзаками разными. Вроде как не местные.

— И что дальше? — спросил Марат.

— Да не заводись ты, мужик, — сказал с паутиной. Киловатт усмехнулся: Марату, как и ему, было всего двадцать четыре (хотя выглядел он чуть старше), но пацаны, в основном лет шестнадцати, уже принадлежали к другой возрастной категории, к другому поколению. — Если бы вы тут ВСЕ были волосатые и с сережками, то базар был бы другой, конечно, но мы видим, что среди вас и действительно взрослые мужики есть, поэтому мы и спрашиваем: че вы тут делаете?

— Собираемся прыгать, — сказал Марат.

— А, вы эти! — оживился один из пацанов. — Смертники, да?

— Ну.

С паутиной закусил губу.

— Я ни разу еще не прыгал, — признался он.

— Приходи завтра — прыгнешь.

— Серьезно? — его глаза заблестели.

- Вполне.
- Я — Тарантул, — пацан протянул Марату руку.
- Марат.
- Жека, — со шрамом на щеке.
- Макс.
- Леха.

Комментарий Жеки: «Шлеха!»

Комментарий Лехи: «Да пошел ты!»

- Игорь.
- Денис.

Таким образом они все перезнакомились. Киловатт расслабился — в ситуации больше не чувствовалось напряжения.

— Если кто-то до вас доебется, — сказал Тарантул, — можете упомянуть меня. У меня брат — авторитет, меня тут все знают. Помочь, кстати, ничем не надо?

— Да вроде нет, — Марат пожал плечами.

— Ну тогда мы пошли.

Малолетки удалились.

— Ментов так и не было? — уточнил Киловатт.

— Еще нагрянут, куда они денутся...

— Это точно...

Из сквота выбежали Илья, Руслан и Хиросима, которого Игорь терпеть не мог.

— Че, они уже ушли, да, все?

— Ну а что, вас должны дожидаться? — Марат усмехнулся.

— Наезжали?

— Да нет. Просто поговорили.

— А нам показалось — наезжали...

Они все поперлись в дом. На портоплитке девчонки готовили какую-то еду. Туда-сюда слонялось несколько незнакомых приезжих и прилетных. Их имен и кличек Киловатт пока не запомнил. Колобок, сидя на окне, читала ксерокопию «Аюрведы для анархистов» Елены Анто-

новой. Стены в помещении, выбранном ими под зал, уже были в разных надписях, в основном антисистемного содержания. Из переносного аудиодискетника играли «Отторгнутые», американские бунтари-постанархисты. Практически все группы, поступающие с Запада, пропускались сейчас через транскриберы и в итоге исполняли свои песни на чистом (или почти чистом) русском: особой разницы в тональности и тембре голоса вокалистов не чувствовалось, разве что перевод иногда хромал. Еще года четыре назад Киловатт принципиально не слушал адаптированные для русского слушателя западные дискеты, но со временем все же сломался, так как английский знал довольно паршиво, а понимать тексты разных англоязычных коллективов ему все же хотелось. Сейчас транскрибер-софт продавался чуть ли не в каждом магазине.

Марат ушел куда-то в другую квартиру. К Игорю приблизился Слава Хлебников, которого за глаза называли Нахлебниковым. Как всегда, на его лице была печать тревоги.

— По-моему, ничего у нас завтра не выйдет, — забубнил он. — А если даже Стив колесо все-таки найдет, то завтра дождь будет...

— Или литосфера сдвинется, — пробормотал Киловатт.

Нахлебников порядочно всех доставал своими мрачными прогнозами. Выглядел он соответствующе: маленький, тощий, вечно в черном. Когда он прыгал, то это выглядело как прыжок самого настоящего камикадзе, смертника, самоубийцы; по крайней мере, на лице у Славы при этом было всегда такое выражение, словно он знал, что сегодня-то обязательно разобьется в лепешку.

— Я серьезно, — сказал Слава.

— Я тоже, — буркнул Игорь и направился к сидящему у стены гостю из Челябинска. До этого он с тем виделся всего лишь один раз, в Ижевске, но сейчас сразу его узнал.

Среди встречающих Игоря не было. Растерянная Юля минут десять потолкалась возле таможни, а потом потащилась в аэропорт через длинный, выложенный из стеклопластика тоннель. Взлетали и садились самолеты и ракеты, навстречу ей и обгоняя ее двигались люди с чемоданами и без... Возле самого входа в аэропорт, прислонившись к стене, курила девчонка лет пятнадцати, держа в руках какой-то белый прямоугольник. Такое впечатление, что это был чей-то снимок, и она сверяла изображенное там лицо с прибывшими на 467-й ракете пассажирами. Увидев Юлю, она отлепилась от стены и рванула ей наперерез.

— Ты — Юля, да? Я — Белка. Игорь не смог тебя встретить, они там заняты сейчас...

Девушка была ниже Юли на голову и имела вызывающую по стандартам Казначеевки внешность. Ее левую щеку покрывал узор татуировки, а одета она была в розовые бриджи и черную майку-сеточку. Автоматически Юля сравнила Белку с Люсей Манохиной из десятого «а», но только волосы у той были подлиннее. «Ах, — подумала Юля, — я по-прежнему продолжаю считать себя учительницей... Забудь об этом, Юля, сейчас ты в отпуске... сейчас ты не учительница...»

Белка схватила ее за руку и потащила сквозь аэропорт к автостоянке (стоянка автомобилей находилась где-то в другом месте), на ходу вываливая на Юлю кучу разной нужной и ненужной информации.

— Короче, они там сейчас заняты, надо магнит к столбу подключать — это будет рядом с нашим сквотом, мы прямо с него и будем прыгать. А у Стива колесо спустило, так что они его там все ждут... Слава богу, ментов пока не было. У меня «Сатурн» свой — ты не боишься летать без шлема? А по хую — один хер, у меня шлемов нет. Можешь свою сумочку на голову надеть, если хочешь, — Белка захихикала.

Энергия из нее так и перла. — Только вряд ли это тебе поможет, если мы грохнемся. У меня даже прав нет, но я вожу хорошо, ты не волнуйся. Ты не волнуешься ведь?

— Да нет, — соврала Юля, внутренне уже вся съежившаяся от мыслей о предстоящем полете без касок на двухместной авиетке. — А что такое сквот?

Работая совершенно бесшумно, «Сатурн» с двумя девушками на спине стремительно мчался на высоте примерно восьми метров от земли. Предел высоты у этого чуда техники был двенадцать метров — Юля определила это по приборам. Ловко манипулируя джойстиком, Белка нарушала все возможные правила воздушного движения, периодически показывая возмущенным ее поведением водителям средний палец и огрызаясь. Юля сидела сзади ни жива ни мертва — вцепившиеся в страховочные крепления пальцы рук аж побелели от напряжения и страха. Но Белка действительно неплохо управлялась со своей авиеткой, и в конце концов Юля понемногу начала успокаиваться.

Порой «Сатурн» нырял с уровня на уровень так резко, что захватывало дух. Неожиданно Белка пошла на посадку и, повернувшись к Юле, пояснила:

— Мне сигареты купить надо. Я тут все время покупаю, они здесь без смол. Ты куришь?

Юля помотала головой.

— А я вот курю. — «Сатурн» завис над асфальтом; включать магнитную подушку Белка не стала. — Ладно, ты посиди здесь немного, а я сейчас! — и она убежала.

Они находились на какой-то крупной улице — видимо, это был центр. В витринах огромного магазина напротив бродили обнаженные юноши и девушки с потрясающим загаром, вероятно, таким образом привлекающие покупателей. В Юлином поселке подобная реклама отсутствовала. Здесь же все вокруг было ярким, кричащим. Жизнь

•

кипела: люди хаотично сновали туда-сюда, город смеши-вал их голоса в коктейль и выплескивал его на потрясенную Юлю. Мимо пролетела реклама, выкрикивая текст объявления... Один мужчина выстрелил в другого, убегающего через дорогу, из иглопистолета, но попал вместо него в невинного велосипедиста... Прошли две совершенно голые (но в чулках и кроссовках) девочки-подростка с аудиоплеерами вокруг головы... Юля почувствовала слабость, на лбу выступила испарина. Голова закружилась. Отовсюду раздавался какой-то странный писк, а иногда и звон. «Как же так? — думала Юля. — Как же так?» Ее состояние было близким к обмороку. Масла в огонь подлил остановившийся рядом мужчина с залысинами и в терминальных очках.

— Не желаете застраховать свой интеллект? — поинтересовался он.

Это было уже слишком. Юля упала в обморок. Уже в следующее мгновение она вела урок биологии в пятом «Б». Действие разворачивалось в допотопном наземном автобусе на берегу реки — для каждого класса был свой учебный автобус.

— А теперь, дети, скажите мне, что такое «таксономическая единица».

Ответа никто почему-то не знал. Это немного обидело Юлю, потому что она на прошлом занятии все им подробно объяснила. Чем они, черт возьми, слушали? Чтобы как-то наказать детей, она села на место водителя и медленно поехала вниз по берегу учебной реки к воде. «Будут знать, как не учить уроки!» — думала девушка возмущенно.

Автобус въехал в реку. Она была мелкой, и Юля не боялась, что с детьми может случиться что-то плохое. Заведя автобус на середину и развернув его по течению, обиженная девушка зафиксировала намертво газ и, выпрыгнув в окно, поплыла к берегу. Она надеялась, что теперь-то дети наконец возьмутся за ум.

Сев на песок, Юля принялась с интересом наблюдать за развитием событий. Вася Трофимов влез за руль, чтобы вывести автобус на берег, но в это время на реке неожиданно поднялись волны и течение заметно ускорилося. Вода хлынула в открытые окна... «Что же я наделала?» — в ужасе подумала Юля. Вскочив, она побежала вдоль русла, крича и плача. Автобус захлебывался.

Затем действие переместилось на несколько часов вперед. Юлю допрашивали милиционеры, также в помещении находились пять мокрых выживших детей. Остальные восемнадцать утонули.

— Я не хотела! — бормотала Юля, рыдая. — Я просто пыталась их немного наказать, потому что они не выучили урок! Пожалеешь палку — испортишь ребенка! Они бы все равно не утонули! Кто же знал, что начнется шторм? Дети, скажите им, что я не виновата, что я не хотела!

Но дети молчали. Лица их были суровыми. Возможно, они и понимали, что их учительница сотворила зло ненамеренно, но теперь своим молчанием уже они наказывали ее. Юля, осознав это, заплакала еще сильнее.

— Я не хотела, я не хотела, — продолжала бормотать она.

— *Что* ты не хотела? — уточнил один из милиционеров почему-то женским голосом.

— Я не хотела!

Милиционер ударил ее по щеке. Юля открыла глаза. Она лежала возле «Сатурна», а рядом сидела озабоченная Белка и тот мужик с залысиной. Вокруг по-прежнему был Екатеринбург. Фуу, так, значит, это ей только приснилось... Значит, дети не утонули...

Юля присела.

— Извините, — сказала она. — Боже, я в обморок упала, да?

— Или просто отдохнуть решила, устала, наверное, в дороге, — с серьезным лицом закивала Белка. — Ну че

ты пялишься, дядя? — обратилась она к мужику. — Все, свободен!

Наконец Юля пришла в норму. Крещение состоялось — город принял ее. Они снова залезли на «Сатурн».

— Сейчас еще домой ко мне залетим быстро, и все, — сообщила Белка. — Мне дочку надо покормить.

И авиетка взмыла вверх.

4

Раньше они обычно подцеплялись к столбам непосредственно перед началом прыжков — чтобы менты не успели ничего предпринять, но в этом случае речь шла не о местном фестивале, а об общероссийском, пускай и не особо крупного масштаба, поэтому ко всему нужно было подготовиться заранее во избежание ненужных обломов. На случай, если привяжутся менты, у них было нечто вроде разрешения от молодежного спортивного комитета при мэрии, которое могло удовлетворить доблестных представителей внутренних органов, но с юридической точки зрения это была обычная фальшивка. Впрочем, по-настоящему менты могли обвинить их лишь в незаконном захвате недостроенного здания, и на этот случай у сквотеров никакой отмазки не было.

Стив так еще и не приехал. Было уже два часа. Если бы этот чертов магнит (индуктор, ускоритель) не был таким огромным и весил бы поменьше, можно было бы воспользоваться и флаером, но... он был таким, каким он был. Во многих других городах, насколько знал Киловатт, камикадзе давно уже использовали мини-установки размером с небольшой чемоданчик, которые генерировали магнитное поле куда более сильное, чем их ускоритель. Просто в свое время тот достался им практически на халяву, и никто не хотел скидываться на более современную модель, стоящую к тому же ой-ей-ей сколько. В баксах —

около четырехсот, не меньше. Но зато ее можно было носить в руке, а питание осуществлялось от миниатюрных топливных ячеек.

Упомянутый ускоритель элементарных частиц, позже переделанный в обычный супермагнит, они купили в институте теплофизики, где тот пылился на складе уже лет двадцать. Раздобыли они его прошлой весной — как раз тогда, когда и начало зарождаться движение, всего за какие-то несколько месяцев охватившее весь мир (впервые прыгать на магнит додумались какие-то студенты из Австралии). Обошелся им этот ускоритель всего в двести пятьдесят рублей и бутылку водки, поскольку в том институте работал отец Стаса, который, кстати, сейчас тоже был камикадзе. При помощи его коллег тороидальная катушка ускорителя была заметно усовершенствована и несколько видоизменена при помощи новых сверхпроводниковых технологий; к ней был изготовлен специальный пульт, регулирующий напряженность магнитного поля, и электрожилет. Все эти типы из института плюс куча других смертников — из тех, что не тусовались по разным сквотам — должны были появиться здесь завтра.

Стив прибыл в начале четвертого, с ним были Адам и Наташка Андреева. В кузове его доисторической наземной «Волги» лежал магнит. Киловатт уже собирался было идти на остановку (скоро прилетит Джулия), но калейдоскоп реальности перемешал его планы. Впятером они выгрузили магнит на землю в четырех метрах от здания, и, поскольку Игорь работал электриком, именно ему и предстояло цеплять провода к столбу. Он подумал, а не отложить ли сие занятие хотя бы на часок, но потом понял, что нет, не стоит, учитывая то, что все и так порядком изнервничались, дожидаясь Стива. Да и вообще, необходимо успеть все сделать часов до восьми. Нет, он нужен здесь...

Почти все сквотеры вышли из дома на улицу и теперь сновали вокруг магнита словно муравьи. Киловатт ухва-

тил за руку бродящую неподалеку Иру Белку и подтянул ее к себе.

— Белочка, ты на подушке?

— А что?

— Слушай, ты не можешь в аэропорт смотаться, а? Должна девчонка одна прилететь... Я обещал ее встретить, но сама видишь...

— А что мне за это будет?

— Ни хрена тебе за это не будет! — вырвалось у Киловатта. — Че вы все такие? — он махнул рукой.

— Да ладно ты, разнервничался! — скривилась Белка. — Встречу я твою подружку — че, мне трудно? Какая ракета?

— 467-я, Кемерово — Екатеринбург, прибывает в пять минут пятого.

— А как я ее узнаю?

Игорь растерялся.

— А хрен его знает. У меня в компьютере есть ее фото, но ведь компьютер-то дома.

— У Джонни с собой портативка.

— А он здесь? Он же должен быть на войне.

— Здесь и воюет.

— Пошли!

Бросив Марату со Стивом — «Я щас, секунду!» — Киловатт вместе с Белкой направился к зданию. В одной из комнат на полу действительно сидел Джонни с разложенным на коленях листом «Хитачи» и обручем монитора на голове. Пальцы в сенсорных перчатках порхали в воздухе. Возле стены стоял его велосипед.

— Эй, Джонни, — сказал Игорь.

Тот нехотя отключился и приподнял ставни монитора.

— А, привет. Мудак ты, Киловатт. Мы как раз в атаку шли. А если меня расстреляют за дезертирство?

— У тебя ведь принтер здесь есть?

— Ну, есть.

— Нужно зайти ко мне и распечатать один снимок.

Джонни устало вздохнул и принялся что-то бормотать про то, что в его «Хитачи» вмещается всего-то семь листов бумаги, и если он будет тратить ее на каждого... Еще два года назад его экскоммуницировали за взлом царского приват-сервера (ему было всего четырнадцать, но уже и тогда его уровень был куда выше среднего), но в связи с военным положением в глубине Матрицы официальный запрет на доступ Джонни к Интернету был снят с тем условием, что с девяти утра до шести вечера (конечно, с перерывом на обед) он обязуется сражаться на стороне концерна «Сони». Многие другие хакеры так же, как и он, были в принудительном порядке призваны на электронную войну, а некоторые даже завербовались наемниками, ибо платили за это очень даже хорошо. Отказаться Джонни не мог, ибо с киберпространством была связана вся его жизнь, и пятилетнюю экскоммуникацию он бы не вынес. Уже более десяти лет доступ в Интернет осуществлялся по отпечаткам пальцев, и никакой хакер ни за что не смог бы обмануть сторожевые программы, если уж его экскоммуницировали. Что касается самой войны, то началась она три месяца назад, а шла между «Сони» и «Майкрософтом» из-за того, что «Майкрософт» вроде как украл у «Сони» какой-то новый пакет программ. Обычные пользователи теперь заходили в Интернет, настороженно озираясь, но в верхних слоях им, в общем-то, ничего не угрожало, разве что осколки взорванной в глубине Матрицы вирусной бомбы, но это случалось крайне редко. Хотя иногда бывало, что из-за своей близости к зоне военных действий подвисали мирные серверы или снижалась скорость передачи данных.

— Адрес, пароль? — вопросительно пробурчал наконец Джонни.

Киловатт назвал. Джонни опустил ставни и вновь нырнул в виртуальную вселенную.

— Файл?

— Джулия.

— Ага.

«Хитачи» зажуужал, и из щели принтера выполз листок с цветным изображением худощавой девушки с очень серьезным выражением лица и романтическим блеском в голубых глазах.

— Все? — спросил Джонни, протягивая снимок Кило-ватту. Действовал он вслепую.

— Спасибо, — поблагодарил его Игорь, протягивая фото в свою очередь Белке. Придирчиво изучив, та сунула его в карман бриджей.

— А вот я тебя и поймал! — пробормотал Джонни. — Вот ты где пряталась, радость моя! — Его руки словно выжимали невидимую тряпку.

Оставив его наедине с компьютером, Белка и Игорь удалились.

5

— Пойдешь со мной или здесь подождешь?

— А... а у тебя в туалет можно будет сходить?

— Можно даже и душ принять, и поесть, если хочешь. — Белка слезла с «Сатурна» и ключом открыла дверь балкона.

Жила она на четвертом этаже и авиетку ставила прямо на балкон, хотя это и было связано со многими трудностями. Но Белка проявляла воистину выдающиеся способности в области «ювелирного» пилотажа, поэтому успешно с ними справлялась.

— Только если отец дома (не Анькин, а мой), то могут возникнуть некоторые проблемы. Но могут и не возникнуть,* — поспешила она успокоить нахмурившуюся Юлю. — Заходи.

Они вошли в квартиру. Судя по всему, это была гостиная. На диване спал какой-то мужчина в майке, трусах и татуировках. В воздухе пахло перегаром.

— Явился! — прошипела Белка. — Идем на цыпочках.

Они прокрались в другую комнату, где в маленькой кроватке спала девочка примерно лет трех. В изголовье была вмонтирована самопальная киберсистема с древним монитором на жидких кристаллах, очевидно, исполняющая функции няни. По периметру кровати торчали разные датчики.

— Это Джонни делал, — пояснила Белка, стаскивая маечку. — Я ее грудью до сих пор кормлю — это дешевле, чем продукты на двоих покупать. Ну, Анька, просыпайся! — она потрепала дочку по волосам. Та открыла глаза и со счастливой улыбкой на пухлом личике потянулась руками к маме. Вытащив из кроватки, Белка усадила ее себе на колени и, нацепив на сосок фильтр, сунула его дочке в рот. (Одноразовые фильтры «Коника» уничтожают все вредные вещества, судя по рекламе. Вы можете пить, курить, употреблять наркотики и эротические химикаты и вместе с тем кормить грудью ребенка. Стоимость 2 руб 99 коп.)

— На тебя похожа! — заметила Юля.

— Клон, — гордо кивнула Белка.

Юля принялась осматривать комнату, хотя особо осматривать было нечего.

— А где у тебя туалет?

— Там! — Белка махнула рукой в сторону двери. — Только отца не разбуди.

Сходив в туалет, Юля скользнула в ванную, где быстро приняла душ и почувствовала себя гораздо лучше. Все, она акклиматизировалась. Одевшись, она вернулась в комнату Белки. Та вновь укладывала дочку в кровать.

— Она у тебя что, все время спит? — удивилась Юля.

— Ну а че ей еще делать? — удивилась в ответ Белка. — У меня еще молоко осталось, ты не хочешь? Я специальные добавки пью, с витаминами.

— Мама, мама, хочу сказку! — вмешалась дочка; одновременно с этим Юля помотала головой.

— Вот мы сейчас уйдем, а ты включишь Машу и будет тебе сказка. Не хочешь — как хочешь! — это относилось уже к Юле.

Сняв и скомкав использованный фильтр, Белка выбросила его в форточку и снова натянула майку.

— А чай с печеньем будешь?

— Можно.

— Щас, — Белка вышла.

Ее дочка тут же присела и с интересом уставилась на Юлю.

— Ты кто?

— Я — Юля, — как будто это что-то объясняло.

— Ты сказки какие-нибудь знаешь?

— Ну-у... — сказок Юля не знала. — Жил-был... ну, допустим, царь. И было у него три сына.

— А у этих трех сыновей было еще по три сына! — подсказала Аня. — У каждого.

— Кто кому сказку рассказывает? — «сурово» нахмурилась Юля. — Ты мне или я тебе?

Девочка задумалась. В это время вернулась Белка с термосом, стаканами и пачкой печенья. Дочка тут же вновь нырнула под одеяльце и начала тихо похрапывать, притворяясь спящей. Юля хихикнула, Белка хмыкнула и принялась разливать чай. Кажется, ей было все же лет семнадцать-восемнадцать, а не пятнадцать, как показалось Юле сначала. Она вдруг задумалась о материнстве — может, тоже родить от себя самой, если у нее нет подходящей кандидатуры на роль отца? Дети — это такая прелесть... Надо будет подумать об этом посерьезней.

— А ты сколько раз прыгала? — поинтересовалась Белка с набитым ртом.

— Ни разу, — призналась Юля. — Я с Игорем в Фи-до познакомилась, а до этого я про камикадзе даже не слышала.

— Че, серьезно?! Ба, а я думала, ты тоже смертница... Ну ниче, завтра прыгнешь. Лишишься девственности, так сказать. Слушай, а что это у тебя за кофточка такая дурацкая? Сними, не позорься!

— Нормальная кофточка! — смутилась Юля.

Все учителя в их школе были от нее просто в восторге.

— А по-моему, хуйня какая-то, — безжалостно констатировала Белка. — Щас я у себя пороюсь, и мы тебе что-нибудь подыщем. — Она открыла шкаф и принялась там копаться.

В Юлю полетели какие-то маечки, кофточки, футболки.

— Вот. Выбирай. Я их сейчас не ношу.

Юля придирчиво осмотрела предложенные Белкой вещи. Если бы она появилась на работе вот в этой майке — ее бы точно уволили. Стандарты приличия в крупных городах и в поселках типа их Казначеевки различались довольно сильно.

— Я думаю, вот этот комбинезончик будет тебе в самый раз. — Белка ткнула в гибрид майки, купальника и бриджей, к которым она, похоже, была равнодушна. — Рукавов нет, так что не будет заметно, что он тебе короткий — ты же длинная, как жираф!

Юля принялась вертеть в руках комбинезон. Он был салатного цвета, весь блестел и выглядел очень маленьким. Девушка попробовала его растянуть — да, так и есть, ткань комбинезона имеет очень эластичную структуру. Она вопросительно посмотрела на Белку.

— Ну, че сидишь? Скидывай свои шмотки, если понравился. Я его уже два года не таскаю. Лифчик можешь снять — на хрена он тебе нужен?

Наконец Юля натянула на себя комбинезон и завертелась перед зеркалом. Ой как здорово! И как эротично! Комбинезон обтягивал ее тело как вторая кожа. Теперь-то никто не примет ее за приезжую!

Игорь сидел на столбе, обвив его ногами, обутыми в специальные «кошки», и пытался подключить один из проводов к клеммам общего блока. На руках его были резиновые перчатки, верхняя губа — сосредоточенно закусена. «Конечно, ночевать в сквоте я Джулию не оставлю, — думал он. — Поедем ночевать ко мне... Надеюсь, Белка ее узнает...»

Воздушное движение на краю города, где они обосновались, было не особо оживленным, наземное — тоже, но внезапно увлекшийся работой Киловатт увидел приближающуюся авиетку Белки лишь тогда, когда она была уже метрах в десяти от него. За Белкой сидела какая-то девушка с развевающимися волосами — по всей видимости, это и была Джулия. Он невольно засмотрелся на них. Белка тыкала в него пальцем и что-то объясняла своей пассажирке, одновременно с этим другой рукой наклоняя джойстик высоты на себя. Авиетка резко пошла вниз, Джулия помахала Игорю рукой. Тот рассеянно махнул в ответ и вновь погрузился в работу.

К шести часам он наконец подключил провода и спустился на землю. Белка с Джулией были где-то в сквоте. Киловатт принялся стягивать с ног «кошки», и в это время рядом появился вездесущий Слава Хлебников. Вид у него по-прежнему был тускло-депрессивный.

— Че, подцепил?

— Подцепил.

Больше им друг другу сказать было нечего, и Киловатт пошел в дом. Все тусовались на третьем этаже. Основной проблемой завтрашнего дня будет отсутствие лифта — всем желающим прыгнуть придется подниматься на семнадцатый этаж пешком...

Джулия и Белка стояли у окна (Белка курила) и беседовали о чем-то с Хиросимой, Вечным Студентом, кочу-

ющим из вуза в вуз. Сейчас ему было вроде бы двадцать шесть, но он так до сих пор и не имел высшего образования.

Они с Джулией встретились взглядами. Она оказалась выше его примерно на полголовы. Сквозь тонкую ткань комбинезона проступали соски, и взгляд Киловатта тут же невольно зафиксировался на них, но потом вновь скользнул вверх.

— Ну, привет, — сказал он.

— Привет, — сказала Джулия.

— Как долетела?

— Нормально.

— Ракета опоздала, да?

— Да нет, просто мы к Белке домой залетали.

— А-а...

Джулия глядела на него с каким-то непонятным подтекстом. О чем она думает, интересно? Сегодня он ее следит, это точно! Без базара. Ноу проблем.

— Ну так вот, — продолжал Хиросима. — Засовываешь эту открытку в нано-печь и...

— Че это ты тут рассказываешь? — уточнил Игорь.

— Да начитался тут прессы по новым технологиям... Пока это еще на стадии разработок, но с нашими темпами развития существует вероятность, что к началу следующего года это уже внедрят. Короче, ладно, повторяю еще раз. Ты ведь изучал в школе голографию? Изучал, изучал... В общем, ты знаешь, что по сути своей — именно по сути — голоизображение ничем не отличается от оригинала, разве что не имеет плотности и не может функционировать самостоятельно. Как сейчас в больницах делают?

— В последний раз я был в больнице в седьмом классе, — вставил Игорь.

— Они тебя сканируют и делают твой снимок, — продолжал Хиросима. — Потом уже они этот снимок диагностируют, смотрят в разрезах и таким образом выявляют,

где сидит болезнь. Психосоматические заболевания лечить проще всего: ты снимаешь свое голо, когда все твои органы и нервная система работают нормально, и почти все время таскаешь его с собой; резонируя с ним, твой настоящий организм... Короче, вероятность чем-нибудь заболеть значительно уменьшается, — у самого Хиросимы его медицинская голограмма болталась на шее, на цепочке.

— Ты меня еще таблице умножения учить начни, — скривился Игорь, косясь на Джулию.

— Про голограммы ты знаешь всего процентов пять, не больше; тем более что в школах дают устаревшие сведения, — Хиросима явно завелся. Новые технологии были его коньком. — Все возможности голографии... В общем, ни хрена мы об этом не знаем. Даже ученые.

— Один ты все знаешь...

— Хорошо хоть, — Хиросима то ли не услышал его комментария, то ли просто проигнорировал, — что по астрономии учебники наконец исправили... Но я не об этом. Суть в том, что, кажется, бельгийцы (я уже не помню точно) скоро позволят человечеству совершить еще один технологический, а соответственно и социологический скачок. Они сделали снимок жареной курицы (я имею в виду голоснимок, конечно) и потом вставили его в специальный приемник, который... — он выдержал эффектную паузу, — преобразует трехмерное изображение в реальную твердую субстанцию. То есть из голограммы жареной курицы они получили настоящую жареную курицу. Вкусовые качества те же, калории тоже.

— Круто! — прошептала Белка.

— Где ты этого бреда начитался? — Игорь поморщился. — Да не, не верю.

— Но, Игорь, в конце того века тоже бы не поверили, что у нас сейчас в больницах все тестируются сперва по голограммам, — вмешалась неожиданно Джулия. — Или взять опыты Джефферсона с выпрямлением полинуклео-

тидных цепей ДНК, которые еще пятнадцать лет назад все называли чушью. А вспомним историю с Карлом Мюллером-Шмидтом, который...

— Я знаю историю Мюллера-Шмидта, — прищурившись, ответил Киловатт, пораженный таким напором и интеллектом Джулии. — Учили в школе. У нас даже и улица есть, в его честь названная. Но в любом случае из голограммы курицы нельзя получить настоящую курицу.

— Такие, как ты, — сказал Хиросима, — и тормозят прогресс.

— Ты еще скажи, что из твоей медкарты можно еще одного тебя сделать! — Игорь даже и не обратил внимания на его последнюю фразу.

— Слушай, а я об этом и не подумал, — Хиросима нахмурился. — Штамповать свои дубли? Хм, вероятно, будут введены какие-то законы, запрещающие это. Но вообще — интересная мысль, надо будет в какой-нибудь рассказ вставить, — Хиросима писал фантастические рассказы для какого-то местного журнала. — То же клонирование, но уже полностью техногенное; никакой тебе биологии. Хм. Нет, пожалуй, таким образом можно будет получать только неживую, мертвую плоть. Без души, так сказать.

— А ты за техно или за био? — поинтересовалась Джулия.

Игорь недоверчиво фыркнул. Разговорились, надо же! Она к кому прилетела, к тебе, что ли?

— Я за их гармоничное взаимодействие. Читала Стерлинга? Нет? Это еще в том веке фантаст был такой, он еще и публицистику всякую писал. Ну так вот, на мой взгляд, они там херней всякой маялись — в его книгах.

— Если честно, я — преподаватель биологии в средней школе, — призналась Джулия, и глаза Киловатта расширились — об этом она ему не писала. А ведь у него по биологии одни тройки в школе были...

— Круто! — восхитился Хиросима. — А ты местная?

— Нет.
— Она из Новосибирска, — внес пояснение Игорь.
— Ну, не совсем из Новосибирска, — поправила его Джулия.

— Специально на прыжки прилетела?
— Ну да в общем-то.
— По-моему, — шепнула Белка Киловатту, — они нашли друг друга. Тебе так не кажется?
— Кажется, — злобно процедил тот сквозь зубы.

Джулия вживую заинтересовала его куда больше, чем на фотографии (хотя и на фотографии она тоже была хороша). Теперь же, когда в его эротические планы вторглась досадная помеха в обличии Вечного Студента, он ощущал в себе нарастающий гнев по отношению к Хиросиме. Объективно вины на том, конечно же, не было, ведь парень понятия не имел, что Джулия прилетела к нему, Игорю. Надо же, преподаватель биологии! Ну и пошла она на хрен!

— Можно тебя на пару секунд? — спросил он у Джулии.
Та отвлеклась от разговора (они с Хиросимой уже обсуждали что-то заумное) и немного удивленно посмотрела на него. Потом улыбнулась и кивнула.

Они отошли в сторону. Белка лукаво косилась то на них, то на Хиросиму. Киловатт вдруг задумался над проблемой голокуриц: интересно, их будут делать одноразовыми или многоразовыми? Будет ли изображение автоматически стираться после их приготовления? Вероятно, да, поскольку это выгоднее для бизнеса.

Неожиданно он понял, что совершенно не знает, что сказать Джулии. Никаких копирайтов он на нее, в общем-то, не имел, и она была вправе делать то, что хочет.

Молчание затягивалось...

— Слушай, — сказал он наконец, — ты это... ну, короче... короче, смотри сама.

Джулия — как показалось ему — немного покраснела. Он снова скользнул взглядом по ее телу, коснулся им

резинки трусиков. Упускать такую возможность было жалко, да что поделаешь. Можно и Белку попытаться трахнуть — она нормальная баба, хоть и с ребенком. Правда, у них никогда еще ничего не было, кроме легкого петтинга, но, похоже, она и сама не прочь завязать более глубокие отношения...

Они снова подошли к окну. Пускай сама делает выбор, подумал Киловатт. Хотя, если честно, он до сих пор был на нее обижен. Я ее приглашал К СЕБЕ, так какого же хера она болтает тут с другим? Ох, эти женщины... Никакого постоянства, блин.

7

В восемь часов начали возникать разговоры о принятии внутрь чего-нибудь эдакого. Пора было, как говорится, надавить на мозги, принять в голову. Алкоголя смертники не употребляли, поскольку на их увлечении, то есть на прыжках, это могло сказаться весьма негативно. Один парень из Москвы как-то прыгнул, будучи с похмелья, и у него в полете отказало сердце. Он умер, даже не долетев до земли. С тех пор отказ от алкоголя стал догмой в негласном кодексе камикадзе, но зато употребление разных психodelиков приветствовалось. Игорь однажды прыгал под PDKL 95 — это было довольно круто. В основном же смертники употребляли «дюшески» — карамельки, содержащие легкий химический психodelик, по действию слегка напоминающий мескалин.

8

Наркотиков Юля никогда не пробовала, но если разобраться, ее отрицательное мнение по отношению к ним основывалось прежде всего на косвенном знакомстве с различными внутривенными препаратами, ибо в последнее

время молодежь их поселка все больше и больше углублялась в джунгли искусственного рая; в больших же городах в вену давно никто не кололся, сейчас там вовсю бушевала мода на интерактивные биочипы и какие-то таблетки. Будучи биологом, Юля хорошо понимала механизм воздействия подобных веществ на организм человека и в их употреблении не видела ничего хорошего. О психоделиках же девушка знала очень мало и ни разу их не пробовала, хотя несколько сортов марихуаны свободно продавалось в киосках, и ее курили даже учителя. Но зачем, скажите, вводить свое сознание в какое-то измененное состояние? Юля этого не понимала. Единственное, что ей нравилось из искажителей рассудка, — это сухое вино и шампанское. От них становится так легко и так приятно кружится голова... Ей вдруг захотелось выпить чего-нибудь с этим интересным молодым человеком с хрен поймешь какой прической и в очках, представившимся как Хиросима. А что касается Игоря... Ну, честно говоря, она не ожидала, что он окажется ниже ее ростом и коренастым как... как... она никак не могла подобрать нужного эпитета. И вообще, судя по той фотографии и беседе по видео, она даже и предположить не могла, что он такой лохматый, что у него такие длинные волосы — похоже, тогда у него был хвостик... И эти ужасные татуировки на руках, как у бандита... А Хиросима выглядел вполне интеллигентно, его даже не стыдно было бы представить маме. Конечно, Юля была несколько смущена, нет, пожалуй, не смущена, а просто ей было неудобно из-за того, что она приехала в гости к Игорю, а сама ведет себя как, да, как шлюха. Но, кажется, если вначале Игорь был крайне этим оскорблен, то сейчас он уже с этим смирился и постоянно шептался с Белкой. Та заливисто смеялась.

За два часа Юля познакомилась со всеми камикадзе; всего их в сквоте было около двадцати. Впрочем, может, они и не все были камикадзе... Правда, кличек и имен мно-

гих она пока не запомнила, и не все они показались ей интересными, но в целом ей здесь нравилось. Тут не нужно было притворяться, не перед кем было лицемерить.

Что касается «дюшесок», то Юля даже не знала, что и делать. Она видела, как один парень с бородой раздает всем какие-то конфеты, и Хиросима пояснил ей, что эта штука делает мир как бы порезче и поинтересней. Отказаться? Или стоит попробовать? Вдруг она станет наркоманкой?

Спустя двадцать минут она уже растворяла сладкую конфету с психоделиком во рту.

Время почему-то двигалось рывками. Юля то проваливалась в него, то выныривала. Промежутки между пиковыми точками исчезали во тьме небытия без каких-либо намеков на свое содержание. Куски реальности смещались и микшировались заново. Ощущения были довольно интересными.

В очередной момент просветления-выныривания Юля обнаружила, что целуется с Хиросимой в одной из многочисленных комнат. Вечный Студент прижимал ее к стене и был довольно настойчив, хотя в то же время и мягок. Она чуть надавила ему на грудь, и тот отстранился. Господи, она видит каждую его ресничку, каждую пору кожи, каждую нитку рубашки...

Он снова полез к ней. Юля сопротивляться не стала. Пусть все идет, как идет. Дыхание ее все учащалось, хотя иногда она ловила себя на том, что вообще не дышит. Как странно... Хиросима нащупал ее грудь, потом стал действовать более решительно.

— М-м, — сказала Юля. — Хиросима, НЕТ! Не надо.

— Надо.

— М-м-м. Не здесь.

— А где?

— Я не знаю.

— Тогда здесь.

Будь Юля пьяна, она бы не так сопротивлялась контакту, но под психоделиком все было совсем по-другому. Хиросима тем временем стянул ее комбинезон до пояса.

— Я не могу, — прошептала Юля.

— Можешь.

— Прямо здесь?

— Прямо здесь.

Юля вновь погрузилась в океан беспамятства, но буквально тут же вновь вынырнула на поверхность. Комбинезон и трусики были спущены до колен. Они с Хиросимой ласкали друг друга между ног.

— А у тебя гигсер есть? — смущаясь, спросила девушка.

Хиросима, казалось, растерялся.

— А на хрена?

— Ну-у...

Гигиенические медицинские сертификаты, «гигсеры», были введены еще два года назад, и в чем-то их концепция была близка к страховым полисам. Разве можно быть уверенной в том, что твой партнер здоров? И разве он может быть уверенным, что здорова ты сама? Свой гигсер Юля забыла в сумочке, а сумочка осталась в общей комнате, и ей стало неудобно за свои требования. Насчет случайного зачатия она не беспокоилась — Хиросима на ее глазах проглотил противозачаточную пиллюлю, но вдруг он чем-нибудь болен?

Снова провал во времени.

...контакт есть...

Снова провал.

...контакт есть...

Снова провал.

А потом все кончилось. Они оделись, привели себя в порядок, поцеловались и вернулись к остальным. К слову, многие тоже расфасовались по отдельным комнатам, и у Юли было такое ощущение, что весь этот дом — гигантские человеческие соты, состоящие из таких вот ком-

нат, в каждой из которых кто-нибудь занимается сексом (кстати, в одной из них целовались двое парней). А где же Игорь с Белкой? Их что-то нет...

— А сколько времени-то? — спросила Юля у Хиросимы. Она держала его под руку.

— Без пяти одиннадцать. Может, полетим ко мне? Или ты собираешься ночевать здесь?

— Здесь? — испугалась Юля. — Но ведь здесь ни кроватей, ничего... А я привыкла спать в нормальной обстановке.

— Значит, летим ко мне, — сделал вывод Хиросима.

Их ухода никто и не заметил. Про свою сумочку Юля опять забыла.

9

Прыгать решили начать с девяти утра, чтобы все успели сделать это до наступления полной темноты. Помимо двадцати постоянных местных смертников в фестивале должно было участвовать еще и около пятнадцати иногородних плюс наверняка окажется не менее десятка «девственников». То есть выходило приблизительно человек сорок пять. Каждый прыжок займет в среднем пятнадцать-двадцать минут: камикадзе должен подняться на семнадцатый этаж, надеть жилет, прыгнуть и передать жилет следующему. Двадцать умножим на сорок пять — выходит что-то около пятнадцати часов. М-да. Киловатт задумчиво бродил вдоль сквота. Было восемь утра.

Ночью прилетели братья Фурмановы из Питера и какие-то две девчушки из Рязанской области, утром прибыли еще четыре человека из разных городов, а к половине девятого начали стягиваться местные камикадзе. За пультом, как всегда, находился Стив. У Стива была акрофобия, боязнь высоты, и, хотя сам он никогда на магнит не прыгал, ему хотелось соприкасаться со своими страхами как

можно более тесно. За прошлое лето и осень он здорово поднатаскался в искусстве управления вектором магнитной индукции и регулировки напряженности магнитного поля, вырабатываемого ускорителем, и мог выделять с пульта такие вещи, какие не снились и московским магнит-диджеям. Его пальцы так и летали по кнопкам, тумблерам и ручкам, изменяя магнитное поле таким образом, что камикадзе мог и мчаться по трамплинообразной, гиперболической дуге, и нырять по синусоидальным волнам с постепенно уменьшающейся амплитудой колебаний, и падать по прямой непосредственно на магнит, в метре от него натываясь на поле, и вновь взмывать вверх, и снова падать вниз — и так до тех пор, пока Стив окончательно не снимал напряженность. Естественно, если бы не электрожилет, подобный спорт был бы невозможен. Сие хитрое устройство автоматически меняло полярность в зоне действия магнита, а также отвечало за гашение инерции. Весил жилет почти три килограмма и был напичкан разной электроникой, питающейся энергией от пластины мини-аккумулятора, вшитой в воротник. Сделали его все в том же институте Голубцова по схеме, присланной Марату одним москвичом (а тот в свою очередь получил ее от австралийского клуба камикадзе). Марат был первым смертником Екатеринбурга, Игорь — где-то восьмым. «Самое хреновое, — думал он, продолжая бродить вдоль сквота, — что зимой о прыжках приходится забывать». Зимы на Урале сейчас были очень суровыми.

Магнит установили в трех метрах от дома, у той его грани, которая состояла из одних лишь пенопластовых блоков и не имела ни окон, ни чего-либо другого. Ты подходишь к краю крыши и прыгаешь чуть-чуть вперед... Шанс разбиться — минимальный, ведь радиус действия магнитного поля где-то около шести метров, к тому же его (поле) можно вытягивать и вообще делать с ним все, что хочешь. Главное — сообщить о своем желании Стиву. Что до Киловатта,

то он намерен был сегодня прыгать по синусоиде. Насколько он знал, поле можно растянуть метров до двадцати, сила же инерции к финалу должна совсем погаснуть. Но самое главное во всем этом деле — твоё внутреннее состояние, твои эмоции, твои чувства, твои ощущения...

Хиросиму с Джулией со вчерашнего дня никто не видел — похоже, они умотали к Вечному Студенту. Киловатт был злой на Джулию. Одно слово — женщина. Все они такие. Белка вчера тоже его кинула и улетела домой, так что пришлось несчастному Киловатту тащиться с двумя пересадками к себе, матеря на чем свет стоит весь женский пол.

Проснувшись в семь утра, он сразу полетел к сквоту.

10

Проснулись Хиросима и Юля в половине десятого. Они проспали.

— Твою мать! — бормотал Хиросима, натягивая трусы. — Вот блин...

— Подумаешь, опоздаем, — пожала обнаженными плечами Юля, лежащая под одеялом. — В любом случае они уже распределили очередность.

— Да, действительно, — Хиросима призадумался. — Если не удастся влезть без очереди, придется прыгать на ночь глядя. Черт!

— Не смотри на меня так, как будто это я виновата в том, что мы проспали.

— С чего это ты взяла, что я на тебя так смотрю? — удивился Хиросима.

— Ну, мне так показалось.

— Ладно, одевайся. Позавтракаем и полетим туда.

Из гостиной доносились звуки какой-то передачи. Юля смущенно улыбнулась.

— У тебя уже родители проснулись. Как мне себя с ними вести?

— Поздороваешься — и хватит с них.

Минут за десять они оба посетили туалет и ванную. Юля познакомилась с отцом Хиросимы, и теперь тот призывал ее присоединиться к нему и вместе посмотреть повтор вчерашней секс-борьбы, репортаж из Нового Лондона, штат Калифорния. Девушка присела на диван с ним рядом (мать, очевидно, все еще спала в другой комнате), ведь, пока Хиросима возился с завтраком, ей все равно делать было нечего.

Само шоу еще не началось, и репортеры брали интервью у Мэгги О'Нил. Она имела статус суперзвезды и за пять лет, проведенные на ринге, умудрялась до сих пор оставаться девственницей. В отличие от реальности, в сфере эротического спорта это не считалось чем-то позорным. Сегодня Мэгги должна была бороться с известным спортсменом Риком Кларком по кличке Манчестерский Дефлоратор, и журналисты выпытывали у девушки, не боится ли она потерять сегодня предмет своей гордости. Нет, отвечала им Мэгги, какого черта я должна бояться этого жалкого импотента? Она выглядела очень уверенной и была еще в халате.

— Хороша-а, — протянул отец Хиросимы.

В это время в зал вышел сам Хиросима.

— Пошли есть, — сказал он.

— А вы здесь позавтракайте, — предложил отец.

Но они все же ушли на кухню.

До места они добрались на воздушном такси. Погода с утра была хорошей, и оставалось надеяться, что таковой она пребудет и до конца дня. Юля была счастлива, Хиросима же вел себя так, как будто ничего не случилось. «Интересно, — думала девушка, — могу ли я остаться в Екатеринбурге? Устроиться здесь на работу?»

Народу возле сквота собралось уже порядочно. Человек тридцать-сорок: камикадзе, их знакомые, просто зрители. Штук шесть фигур стояло на крыше. Идентифицировать их Юля не смогла.

— Уже прыгают? — поинтересовался Хиросима у Стива.

— Еще как.

— На меня очередь кто-нибудь забил?

— Понятия не имею.

— А кто имеет?

— Понятия не имею.

— А где Марат? А, понятно: понятия не имеешь.

— Понятия не имею, — Стив усмехнулся.

Они пошли искать Марата, но неожиданно наткнулись на Игоря. Окинув их злобным взглядом, тот поинтересовался:

— Ну, как ночь провели?

Юля не говорила Хиросиме, что прилетела вообще-то в гости к Игорю, и теперь тот, вероятно, никак не мог понять, чем объясняется такая плохо замаскированная агрессия.

— Ты что, репортер? — удивился Хиросима.

Кстати, о репортерах. Здесь их уже присутствовало как минимум двое. Они бродили среди толпы, вооруженные каждый своей голокамерой: мужчина и девушка. По традиции оба были в специальных масках, не позволяющих видеть их лица. В последнее время репортеров убивали очень часто, поэтому они предпочитали скрывать свою внешность. Особенно это касалось криминальных репортеров.

— Ладно, забыли, — прошипел Игорь.

— Ты уже прыгнул? — поинтересовалась у него Юля, пытаясь разрядить обстановку.

— Ну.

— А тут очередь или как?

— Очередь, очередь! — Игорь усмехнулся. — Боюсь, вам придется прыгать часов в десять вечера. Спать нужно ночью, а не сами знаете что делать.

— Слушай, ты чего это тут несешь? — возмутился Хиросима. — Ты че, охуел, Киловатт?

— Щас ты сам у меня охуеешь, очкарик.

Юля не успела ничего сделать, а Хиросима уже толкнул Игоря в грудь. Взыв, тот нанес ему удар в лицо. Хиросима упал, очки слетели. Юля залепила Игорю пощечину и закричала:

— Ты что это себе позволяешь? Я тебе не принадлежу, ты понял? А после этого я тебя вообще видеть не хочу!

— Эй, вы че? — рядом очутился кто-то со знакомым лицом; его имени Юля не помнила.

Поднялся Хиросима, потирая губу.

— Совсем уже крыша поехала, да? — осведомился он.

— А пошли вы оба на хрен! — ответил Игорь и удалился.

— Что это с ним? — поинтересовался тот, у кого было знакомое лицо.

— Да черт его знает, — пожал плечами Хиросима. — Тестостероны, похоже, бушуют. Блин, губу мне разбил, придурок.

В это время с крыши кто-то прыгнул. Юля никогда еще не видела камикадзе в прыжке и во все глаза уставилась на летящего вниз человека. Это была девушка, она радостно визжала. У Юли внутри все похолодело — ведь она может разбиться! Но примерно в метре над магнитом траектория ее полета вдруг резко изменилась, и она нырнула в сторону, словно скользя по невидимому трамплину. Через десяток метров ее ноги уже ступили на поверхность земли. Радостно улыбаясь, девушка принялась стаскивать с себя жилет, который тут же надел высокий бородастый мужчина интеллигентного вида. Затем он скрылся в подъезде.

— У вас с Киловаттом что, были какие-то отношения? — поинтересовался Хиросима у Юли, когда некто со знакомым лицом, увидев, что опасность миновала, удалился.

Вздохнув, Юля призналась ему во всем.

— Баран, — констатировал Хиросима. — Пошли в дом, что ли? Поищем Марата, узнаем у него насчет этой дурацкой очереди. Блин, надо же было проспать...

— Спать нужно было ночью, а не сам знаешь что делать, — лукаво повторила Юлия слова Игоря.

Хиросима криво усмехнулся, и они пошли к сквоту. В общей комнате две каких-то девчонки что-то готовили.

— Марата не видели? — спросил у них Хиросима.

Они ответили отрицательно. Юлия забрала свою сумочку (все же в ней деньги лежат — нельзя, чтобы такие вещи валялись где попало), после чего они с Хиросимой продолжили свое путешествие по этажам и квартирам, разыскивая Марата. В одной из комнат обнаружился какой-то паренек лет шестнадцати с раскрытым компьютером на коленях. Рядом с ним стояли два мужчины и женщина военно-научного вида и внимательно слушали то, что он им излагал.

— Да вы же имбецилы! Вы что, не понимаете, что я вам говорю? Ну, вы тупые, в натуре! Вы мне медаль должны дать — я вам уже третий сервер заморозил, а вы мне херню какую-то несете!

— Джонни, ты Марата не видел? — осторожно поинтересовался у него Хиросима.

— Да какой тут, на хрен, Марат — меня тут под трибунал подвести пытаются!

— Поймите, да не собираемся мы вас арестовывать, рядовой, — устало заговорила женщина. — Но дело в том, что...

— В натуре, тупые! — развел руками Джонни, обращаясь к Хиросиме с Юлей. Один его глаз подмигнул им. — В первый раз таких тупых милитантов вижу...

— Рядовой, ведите себя прилично, — забубнил один из мужчин.

Хиросима хмыкнул и потащил Юлю из комнаты.

— Марат, кажется, на крыше! — крикнул им вслед Джонни.

— Он, как всегда, в своем репертуаре, — заметил Хиросима. — Но они с ним ничего не могут сделать, потому что он один стоит сотни всех этих военных ламеров. И они прекрасно знают, что ему это известно, и поэтому сносят оскорбления спокойно. Они уже в третий раз к нему приходят, но, правда, до этого я знал об их визитах только по его рассказам. Я думал, он, как всегда, приукрашивает...

— Он что, в войне? — уточнила Юля.

— Ну да, — усмехнулся Хиросима и, пока они поднимались по ступеням, вкратце обрисовал ей ситуацию.

Оказывается, когда Джонни шел в атаку, то вместе с вражескими майкрософтовскими серверами он неизменно замораживал и компьютеры однополчан, находящихся поблизости. Это была своеобразная месть за то, что его насильно заставляют воевать, да и вообще его бесило, что вокруг всех принудительно призванных хакеров постоянно болталась куча прилипал из военных, и именно их-то регулярно и погружал в лед Джонни. Командующих виртуальными войсками это, конечно, порядком раздражало, но сделать с амбициозным юнцом они ничего не могли, поскольку исключительно благодаря таланту таких вот юнцов и была возможна победа «Сони» над «Майкрософтом». И победа эта была не за горами — японский концерн вот-вот должен был подмять под себя последний оплот национальной гордости американцев.

Марата они действительно нашли на крыше. Хотя «крышей» ее назвать можно было лишь условно.

11

Увидев приближающуюся парочку, Игорь что-то прошипел и отвернулся. К прыжку готовился физик Козловский. Киловатту было немного стыдно из-за того, что он позволил себе так глупо сорваться и ввязаться в драку с этим чертовым очкариком, но признаваться в этом он никому, естественно, не собирался.

Джулия с Хиросимой подошли к Марату. Тот, как и Игорь, недолюбливал Вечного Студента и в проблему с Джулией был уже посвящен.

— Кто распределяет очередь? — поинтересовался Хиросима.

— Собрался прыгать, что ли? — немного иронично уточнил Марат.

— Нет, просто занимаюсь статистикой, — Хиросима саркастически усмехнулся. — Нужна точная цифра участвующих в этом мероприятии.

— Ах, статистика, — протянул Марат. — Ну, пока записалось человека двадцать два.

— А как бы узнать поточнее? Ты случайно не в курсе, кто все это записывает?

Киловатт, присев на краю крыши, фыркнул. Забавный у них диалог...

— Совершенно случайно я в курсе. Все вопросы к Антону.

— А где Антон?

— Где-то внизу, наверное.

— Это что, нам опять вниз спускаться?

— Можете спрыгнуть. Но без жилетов — на них очередь.

— Хрен с тобой, Марат, — сказал Хиросима раздраженно. — Хорошо. Пошли, Юль.

И они снова направились к лестнице. Марат хохотнул; Игорь скорчил рожу, передразнивая Хиросиму, распрямился и вновь приблизился к другу. Тот ободряюще похлопал его по плечу.

— Да плюнь ты на нее!

— Ну, я пошел! — сообщил Козловский и прыгнул вниз.

— Ну давай! — бросил вслед Киловатт.

Что касается его и Марата, то они уже прыгнули в числе первых.

Хиросима оказался настоящим джентльменом.

— Пускай она первой прыгает, — сказал он Антону.

— Не первой, — поправил тот, — а двадцать шестой.

А ты у нас будешь двадцать седьмым.

— М-да, — изрек Хиросима.

Антон развел руками. Мол, я тут ни при чем.

— М-да, — глубокомысленно заметил Хиросима еще раз. — Это часов в шесть вечера получается?

— Если не позже.

— Весело.

— Сочувствую.

— Спасибо.

Они с Юлей отошли в сторону. Девушке нравилось здесь, хотя ее и расстроило поведение Игоря. А ведь по Фидо он писал ей такие хорошие письма..

— Привет! — рядом с ними возникла Белка.

— Ой, привет! — обрадовалась Юля.

— Гутен морген, — Хиросима почему-то счел нужным поздороваться по-немецки. Был он мрачен.

Несколько секунд Белка, растерявшись, молчала.

— Гутен морген, — сказала она наконец. — А че это ты на немецкий перешел? О! А почему у тебя губа опухшая? Юлька, это не ты его укусила?

— Ладно, пойду я тут поищу кое-кого, — Хиросима, проигнорировав ее вопросы, добавил: — Если что, я буду где-то здесь, — и удалился.

— Ну что, вы с ним трахнулись? — тут же набросилась на Юлю Белка.

Юля важно кивнула.

— А меня этот твой Киловатт вчера задолбал, — пожаловалась Белка. — Весь вечер приставал, я от него кое-как смылась. Принципиально давать ему не хочу.

— Это он ведь Хиросиму стукнул.

— Да ну?! Они уже успели сцепиться?

Юля все ей рассказала.

— Киловатт больной, — сказала Белка. — У него два года назад была подружка, а потом они с ней разбежались, вот он и липнет ко всем подряд. Считает, что все должны его любить и ему давать. Пошел он! А как тебе с Хиросимой? Понравилось?

— Ну, нормально. — Юля немного смутилась, вспомнив кое-что из вчерашнего. — Только мне показалось, он до конца не раскрывается.

— Он такой, — кивнула Белка. — Я с ним тоже однажды спала, но ты не думай — у нас с ним ничего не было!

— А сколько у вас стоят эмбрионы? — сменила тему Юля. — Я имею в виду клонированные?

— Ну, я покупала за двести. Но это три года назад было, а сейчас они дешевле раза в два.

— Я тоже хотела бы ребенка, — призналась Юля. — Но смешивать гены с каким-то мужчиной... Я не знаю, но мне кажется, что это слишком рискованно.

— Во-во! — подтвердила Белка. — Еще родится хрен поймешь кто. А если от себя, да еще и ДНК-дизайн...

— У вас уже ДНК-дизайн делают? — расширила глаза Юля.

— А у вас что, не делают?

Юля смутилась.

— У нас в поселке даже эмбрионника-то нет. Женщины либо от мужей беременеют, либо в Татарск ездят — там есть небольшой ген-центр. Ой, мне так хочется побывать в настоящем эмбрионнике!

— Можно слетать, — предложила Белка. — А ты правда учительницей биологии работаешь?

Юля кивнула.

— Ниче себе! — недоверчиво протянула Белка. — А я думала, ты тогда пошутила. Ну ладно, пошли к моей технике.

Эмбриональный магазин «Зигота» располагался на третьем этаже какого-то огромного здания, где находилось множество других контор самого различного профиля. В принципе это был даже не магазин и не лаборатория, а так, что-то вроде офиса. За столом сидел парень лет двадцати, на столе лежал компьютер с видеонаушниками, а на стуле рядом примостился еще один парень. Когда девушки вошли, те вели оживленную философскую дискуссию.

— Говорю тебе, существует такое понятие, как общечеловеческие ценности, — втолковывал сидящий на стуле сидящему за столом. — И если для тебя этого понятия нет, то это не значит, что такие ценности отсутствуют вообще.

— Тс-с, Кольцов! У нас, кажется, клиентки. Здравствуйте; что вам угодно, девушки?

— Так, зашли осмотреться, — сказала Белка.

— Как насчет чашечки кофе? — поинтересовался тот, что сидел на стуле.

Юля с Белкой переглянулись и кивнули; парень тут же извлек из-под стола кофейник и чашки на всех. Девушки сели в кресла для посетителей, Белка закурила.

— Так вы ДНК-дизайном тоже занимаетесь? — уточнила Юля.

— Без проблем, — сказал сидящий за столом.

— Они тебе слона из мухи сделают, если заплатишь, — добавил его друг. — Или наоборот. И оно будет уметь говорить на четырех языках и сочинять толстые умные книги.

— А сколько это у вас стоит?

— Ну, пока очень дорого. От тысячи двухсот до пяти тысяч. По-разному — смотря, что ты хочешь. В стоимость входит и размещение зародыша в матке.

— То есть вы берете от меня клетку и...

— Ну да. Кусочек кожи, каплю крови. Я, конечно, сам этого не делаю, я только заказы принимаю.

В итоге девушки побыли здесь около получаса. Вначале в разговоре с Ромой и Сашей Юля употребляла кучу

биологических терминов, но потом Рома признался, что он ни хрена во всем этом не понимает, и напомнил, что он только приемщик заказов. У него даже высшего образования нет.

Когда они вновь очутились на улице, Юля вдруг опять начала слышать тот странный писк с перезвонами, что предшествовал обмороку. Казалось, он доносился со всех сторон одновременно и, более того, находился в постоянном движении, словно его источников было несколько.

— Кажется, — сказала Юля Белке, — сейчас я снова потеряю сознание.

— С чего бы это? — удивилась Белка.

— Пищит что-то в ушах.

— А, так это на самом деле пищит! — рассмеялась Белка. — Это сейчас мода такая — в туфли или вообще в женскую обувь пищалки вставлять. Или колокольчики на ноги вешать. Это привлекает мужчин, — пояснила она и рассмеялась. — Ты же знаешь: мы, женщины, любим, чтобы на нас обращали внимание...

— Фу-у! — сказала Юля облегченно. — А я думала, может, это у меня давление поднимается.

13

Весь день Юля с Белкой мотались по разным магазинам. Юля потратила почти все свои деньги на аккумуляторы для Белкиного «Сатурна» и на штрафы за неправильную парковку. И вот наконец наступил момент, когда она стояла на крыше недостроенного дома и, дрожа, застегивала электрожилет. Хиросима ей помогал. Он, кстати, все же вынужден был прыгать первым, потому что Юля дико боялась, а камикадзе торопились побыстрее все закончить, ведь дело уже близилось к вечеру. Рядом толпилось еще человек восемь. Незадолго до этого в одной из комнат сквота девушка освободила мочевой пузырь от

имеющейся в нем жидкости — это посоветовала ей Белка. Мол, в первый раз у всех имеется определенный риск...

— Не бойся, — сказал Хиросима. — С тобой все равно ничего не случится — поле тебя поймает.

— А если ток отключат? — прошептала Юля.

— А если земное притяжение увеличится? — проворчал ошивающийся рядом Игорь. — А если электромагнитное поле исчезнет?

— Черт, да не тяните вы время! — сказал Марат, который весь день торчал наверху. — Уже почти полседьмого, а еще не все прыгнули. А менты сказали, что завтра они нам уже не дадут подключиться.

Юля нерешительно сделала шаг к краю крыши и заглянула вниз. Отпрянула назад. Ой, как высоко! Насколько она знала, Стив должен был поставить для нее «трамплин». Синусоида тоже наверняка понравилась бы девушке, но со стороны сей трюк выглядел как-то странно, и Юле было немного неудобно от мысли, что кто-то увидит ее во время выполнения таких пируэтов.

— Пошла! — поторопил ее Марат.

Юля тяжело дышала. Руки-ноги похолодели. И вдруг кто-то толкнул ее в спину! Вскрикнув, Юля начала падать. Время, казалось, встало на паузу — что-то подобное она испытывала вчера под психоделиком... А если и правда ток выключат?

Она словно катилась по невидимой горке. Что-то поддерживало ее и направляло — девушка чувствовала эту силу. Земля с каждой секундой делалась все ближе и ближе, и на какой-то миг Юле показалось, что она по-прежнему стоит на крыше и просто смотрит в объектив камеры, быстро увеличивающей панораму. Возможно, она визжала, хотя твердой уверенности в этом у нее не было.

В нескольких метрах (впрочем, ей показалось, что в сантиметрах) от земли угол падения вдруг изменился,

и теперь Юля мчалась по горизонтальной магнитной дорожке лежа на спине, ногами вперед. Кажется, существовал какой-то подобный зимний вид спорта. Похожие ощущения Юля переживала на виртуальных американских горках и еще вчера во время оргазма, дома у Хиросимы. Ой, как здорово-то!

Но тут все кончилось. Хватка магнитного поля становилась все слабее (или наоборот, все сильнее?), движение Юли замедлилось, и вот ее туфли уже коснулись земли. Видя, как это делали другие, она — чтобы не оказаться в лежачем положении, что выглядело бы довольно глупо, — поспешно встала на ноги, радостно улыбаясь. Ее волосы растрепались, глаза блестели.

— Ну, давай снимай жилетку! — рядом с ней оказалась какая-то интеллигентного вида полная дама.

Все еще улыбаясь, Юля принялась расстегивать кнопки. Блин, как классно было...

Женщина буквально сдернула с нее жилет и поспешила к дому. По дороге промчалась пара одиноких машин. Начинало становиться прохладнее — такое впечатление, что ночью мог пойти дождь.

НА КОСМИЧЕСКИХ СТАРТАХ И ФИНИШАХ

Наша страна по праву считается родиной первых космических стартов. 4 октября 1957 года все человечество стало свидетелем первого в мире полета во внутренний космос, который был совершен советским искусственным спутником. Вслед за ним в океан Юнга были запущены очередные искусственные спутники; в основной массе

тоже советские. Всего до первого полета человека во внутренний космос было запущено около 50 космических летательных аппаратов, с помощью которых упорно и скрупулезно велись необходимые исследования.

25 марта 1961 года в СССР была выведена в континуум Юнга пятая спутниковая конфигурация: в одновременный полет отправились шимпанзе Жучка и собачка Звездочка, временно сращенные при помощи биологического нейрошунта обратной связи. Симбиоз-корабль, находящийся под воздействием 700 мг ЛСД, успешно выполнил программу и после одного оборота вокруг себя совершил посадку. Во время полета не раз были проверены бортовые программные устройства, аппаратура, приборы ориентации корабля, тормозные вегетативные установки, системы синапс-управления... Запуск и полет симбиоз-корабля показали, что этап подготовки полета человека во внутренний космос завершен. Шимпанзе Жучка после своего возвращения стала разумной и заговорила на чистом неизвестном языке, тем самым полностью подтвердив теорию Маккенны: обезьяна стала человеком исключительно из-за употребления в пищу галлюциногенных растений!

По специальной программе усиленно готовилась группа психонавтов. Каждый хорошо знал, что только одному выпадет великая честь первым открыть путь в космические просторы. И в конце концов для участия в первом внутрикосмическом полете были отобраны два психонавта.

Готовились и мы, спортивные журналисты. Нам предстояло не только быть свидетелями полета, но и регистрировать новые в истории Международной авиационной федерации рекорды — космические. За несколько дней до старта мы взвесили отобранного психонавта, коим был Юрий Гагарин, составили все необходимые материалы, которые после завершения трипа должны были войти в отчет об этом космическом путешествии.

1961 год, 12 апреля. Время старта приближается. По радио объявляется часовая готовность, затем получасовая, на стартовой площадке находится уже лишь один человек. Гагарин стоит, словно всматриваясь внутрь себя, изучая путь, по которому впервые унесется во внутреннее пространство сознание человека. Ему уже ввели подкожно 660 мг ЛСД, а также он принял 400 мг ДХМ, запив это дело стаканом грейпфрутового сока. На экране телевизора хорошо видно лицо космонавта. «Чувствую себя хорошо, к старту готов», — докладывает Юрий Гагарин. Видеозапись будет транслироваться в прямом эфире. Мир затаил дыхание. Многие зрители (да и мы, чего уж скрывать) предварительно приняли 9-дельта ТГК для расширения восприятия. Нам, спортивным журналистам, это необходимо вдвойне — ведь именно нам придется писать об этом статьи и составлять передачи. Комментировать полет будет сам генерал Каманин, отважный психоделик-испытатель.

— Внимание, минутная готовность!
— На старт!
— Протяжка один!
— Есть протяжка один!
— Продувка!
— Есть продувка!
— Предварительная!
— Есть предварительная! Блин, я чувствую, меня уже накрывает...

— Промежуточная... Главная! ПОДЪЕМ!!!

Последние секунды! Взоры всех обращены на сидящего в кресле Гагарина. По радио слышно, как он говорит: «Все проходит нормально». Дыхание его учащается, веки и руки подергиваются. Тело начинает вибрировать. Гагарин словно замирает в каком-то тягостном раздумье, чуть подрагивая, и вдруг его сознание, оставляя за собой бес-

чувственное тело, исчезает. С мгновенно побледневших губ сочится слюна.

Я, Иван Борисенко, фиксирую на секундомере время отрыва сознания от тела: «12 апреля 1961 года, 9 часов 07 минут московского времени, космодром Байконур». Впервые в истории человечества начался полет человека во внутренний космос! Летчик-психонавт Юрий Алексеевич Гагарин — в космосе!!!

Первые два часа он просто сидел с закрытыми глазами, и о том, что он жив, говорили лишь показания приборов. Но наконец Гагарин пошевелил правой рукой, а спустя полчаса, издав тонкий свистящий звук, широко раскрыл глаза. В них отражался свет внутреннего космоса, и мне захотелось зажмуриться от его ослепительного сияния, но — в связи с обязанностью наблюдателя — делать это я не стал. А Гагарин тем временем приоткрыл рот и начал быстро-быстро говорить на неизвестном языке. Фиксируя его речь, тихо шуршали магнитофоны. После пятнадцати минут монолога летчик-психонавт снова закрыл глаза и на протяжении последующих трех часов не шевелился.

А потом он, не открывая глаз, заговорил снова. Губы повиновались ему с трудом, но все же все слова были хорошо понятны.

— Свой, товарищи, я свой! Тоннель в тоннеле, нагваль в нагвале... Я ПОНЯЛ!!! Внешний космос конечен, а внутренний — бесконечен!!! Товарищи, я уполномочен заявить, что свет в конце тоннеля ВИДЕН! Я вхожу в чужое пространство, доселе неизвестное людям. Здесь все не так, как у нас... Другие понятия, другие законы...

Спустя сорок минут репортаж с той стороны продолжился:

— Все мертвое... Мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое мертвое! Всё мертвое... Твое

мертвое... Твое мертвое жертвоприношение... самопожертвование... вето... самоповето...

Через полчаса:

— Это прекрасно! Я никогда раньше не видел такой красоты! Это... Это БОЖЕСТВЕННО!

И вот наступило долгожданное мгновение: спустя девять часов, в 18 часов 40 минут, Юрий Гагарин, выполнив программу полета, прителился в заданном районе, а именно в своем теле, но в связи с диссоциативным эффектом ДХМ его сознание оказалось на 26 градусов юго-западнее биологической сущности. Юрий Гагарин увидел окруживших его существ, издающих странные скрежещущие звуки, а существа эти были не кто иные, как мы, но летчик-герой еще некоторое время не воспринимал нас адекватно в связи с постэффектами принятых им психodelиков. Существа эти, по его словам, смотрели на него с любопытством, гордостью и любовью. От нахлынувших на него чувств психонавт расплакался.

Это были счастливые минуты.

Хотя я и знал, что передо мной именно он, психонавт Юрий Гагарин, все же — как этого требует спортивный кодекс — попросил его показать удостоверение, а также назваться в устной форме. Гагарин долго не мог сообразить, чего именно я от него требую, но потом кое-как извлек из кармана рубашки удостоверение летчика-психонавта и протянул его мне. Переписав данные в блокнот, я попросил его назвать свое имя. Гагарин смотрел на меня расфокусировано. «Что, если кто-то другой завладел его сознанием?» — подумал в ужасе я.

— Гаааа... гаааа, — загудел психонавт. — Я Гааагааа... Гаагарин!

Некоторые из нас захлопали, некоторые заплакали. По выражению лица космонавта было видно, что он устал. Все понимали его состояние. Ведь в первом космическом полете никто не мог дать гарантию полной безопасности.

И только снова очутившись в родном теле, он по-настоящему осознал происшедшее. Ему поднесли фрукты и какие-то восстанавливающие напитки, но, сделав пару глотков, психонавт жестами объяснил, что потреблять пищу ему сейчас очень трудно. Врачи унесли его в душ, после чего прочистили кровь и накачали витаминами, и в итоге через два часа после прителения Гагарин был как огурчик.

Я сказал ему, что им установлено сразу три абсолютных мировых рекорда, спросил, как он перенес измененное состояние сознания.

— Измененное состояние сознания — очень интересное, необычное ощущение. Я словно очутился за пределами всего, что только может себе представить человеческое воображение. Из тела меня вдруг резко выбросило в коллективное бессознательное, и я понял, что под понятием «коллективного бессознательного» отныне следует понимать не столько наше, человеческое бессознательное, а бессознательное ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ! У меня не хватает слов, чтобы все описать. О, как жаль мне, что не поэт я, хотя в детстве, бывало, и баловался стихотворными формами... «В одном мгновенье видеть вечность»... Вначале мне показалось, что я умер, но потом... потом я ожил! Смерти не существует... Жизни, впрочем, тоже... Кто-то из мудрецов сказал однажды: «Смерть — это стрела, пущенная в тебя, а жизнь — это то мгновение, которое она до тебя летит». А я бы сказал по-иному: смерть — это токарный станок, а жизнь — это деталь, которую он вытачивает. Или: смерть — это книга, а жизнь — буквы в этой книге, а ты сам... мы сами — тот смысл, который читается между строк! Извините, Иван Григорьевич, но проще я сказать не могу. Вы хоть примерно поняли, о чем я?

Я помотал головой.

— Мы, в отличие от вас, в школах психонавтики не обучались, мы — обычные люди, обыватели, можно сказать. Одно из немногих доступных нам измененных состо-

яний сознания — это алкогольное опьянение... Алкоголь помогает нам чувствовать себя сильнее, смелее... Лично я никогда бы не отважился на исследование внутреннего космоса, ведь, как писал Гилберт Остин, «когда видишь физическую опасность, можно обратиться в бегство, но во внутреннем космосе убежать некуда, ибо все это находится в тебе самом»...

...Всемирно Ю. А. Гагарин признан первым покорителем внутреннего пространства, установившим абсолютные мировые космические рекорды.

...И, конечно же, новые старты отважных психонавтов принесут и новые рекорды, свидетельствующие о высоком призвании человека, о величии его духа, о его вечном стремлении к совершенству.

Федор Гайворонский

ЛУНОХОД «ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ»

Сталин медленно достал папиросу, распотрошил содержимое в трубку и, утрамбовывая табак указательным пальцем, произнес, обращаясь в пустоту:

— Мы не можем ждать так долго, как того просит Жуков. Если испытательный образец доведен до семидесяти пяти процентов готовности, значит, мы пошлем на Луну сто тридцать четыре ракеты вместо предполагаемых ста — если я не ошибаюсь в расчетах.

Маршалы молчали. Сталин не ошибся в расчетах.

— А потому, — продолжал Сталин, — пусть товарищ Жуков строит не сто ракет, а сто тридцать четыре.

Заметив, что лицо Жукова посуровело, Сталин спросил маршала:

— Кажется, вы хотели что-то сказать, товарищ Жуков?

Жуков подошел к карте Луны и постукал чуть дрожащей ладонью по Море Спокойствия.

— Вчера еще два наших лунохода были атакованы здесь. Как раз в ста километрах от предполагаемой точки высадки десанта. Я считаю, что, если мы произведем посадку именно в Море Спокойствия, мы неоправданно потеряем людей и машины. Высаживать десант следует южнее. Да, местность там гористая, и это создаст определенные трудности при высадке, которая по предварительным оценкам займет времени на пять часов больше. Но, совер-

шив марш-бросок на ракетных катерах, мы сможем неожиданно для врага напасть на лунные базы с более удобного для атаки юго-западного плацдарма.

Жуков опустил глаза. Мышцы его челюстей налились свинцом.

Сталин долго смотрел на карту Луны, неторопливо стряхивая с пальца табачные крошки. Потом Сталин закурил. Дым «Герцеговины Флор» растекся по бункеру. Маршалы успокоились. План Жукова понравился генералиссимусу.

Командир второй бригады луноходов, майор Васильев, третий день не вылезал из блиндажа. Вчера фашисты опять атаковали базу. Около десятка самолето-снарядов ФАУ-2 упали в угрожающей близости от топливного хранилища, поставив под угрозу выполнение всей операции «Юг». Ракетная техника немцев была крайне сырой. У них не было времени доводить экспериментальные образцы до нужной кондиции. Но враг брал числом. Из пятидесяти ракет пять-шесть обязательно достигали цели. В советской же армии подобных ракет не хватало, и их берегли на случай массированного наступления. Советские войска упорно оборонялись, используя малоэффективный для ФАУ лунный вариант «Катюши». Предназначенные для использования в условиях земной гравитации, эти неуправляемые реактивные снаряды, из-за своего малого для Луны веса, часто просто не взлетали с пусковых станин и взрывались вместе с прислужкой.

Васильев сбросил с плеч кожаную летную куртку, растянул ворот гимнастерки и прилег на топчан. В ту же минуту над шлюзовым люком вспыхнула красная лампочка.

— А, черт... — ругнулся Васильев, нехотя поднялся и принялся вращать непослушные скрипучие воротки вакуумной двери.

В шлюзе стоял красноармеец в сильно поцарапанном скафандре. Но разглядев сквозь желтое стекло улыбающееся лицо своего ординарца Паши Соловьева, Васильев успокоился. «И где только он раздобыл этот старый скафандр?»

Пашка, не снимая медного шлема с красной звездой и наварными буквами «СССР», козырнул и протянул конверт. «Срочное!» — доложил трескучий микрофон Пашкиного скафандра. Васильев опять прилег, взломал сургучные печати. Тем временем Пашка со скрипом сворачивал шлем. «Водолаз чертов», — невольно подумалось Васильеву.

— Ты где раздобыл такое барахло? — вслух спросил он ординарца.

— Да мой скафандр вчера осколком пробило, насилу удержал кислород, пока до лунохода добрался. А этот каптер выдал. Бери, говорит, первая модель. Сам Ворошилов в таком на Луну летал.

Васильев уже читал приказ. Его казачьи брови хмурились, глаза наливались огнем.

— Ох, Павел, — в сердцах сказал, сложив приказ, майор, — отрубить бы тебе, как недоброму гонцу, башку, да времена у нас сейчас не царские. Пиши сию минуту мамке письмо! Чтобы сегодня с ракетой домой отправить. Завтра уже будет некогда...

Обер-лейтенант Дитрих Дитц третий час торчал в скалах, наблюдая в дальномер за перемещениями в лагере русских. Пружинный лунный автомат, стреляющий иглами, лежал рядом, зарывшись прикладом в серую лунную пыль. Воздуха оставалось на сорок четыре минуты. Если его не заберут, он погибнет. Дитриха бросало в дрожь от мысли, что ему суждено будет умереть от недостатка кис-

лорода. Он помнил синие, распухшие лица Мюллера и Раскова, луноход которых был подбит русскими неделю назад. До последнего Расков и Мюллер были на связи. А потом — лавина проклятий и тишина, потому что спасательный вездеход подорвался на mine, а от вездехода до базы было в два раза ближе, чем до Раскова и Мюллера. Мюллер отстегнул пустой кислородный баллон, слил, вопреки инструкциям, испражнения. «Что-то случилось. Они не придут за мной», — понял Дитрих. Отключил связь и налегке направился к русским. Он должен успеть прийти раньше, чем закончится кислород. Железный крест неприятно скребся о гофрированные шланги скафандра. И какого черта он нацепил эту железяку? Огни русской базы становились всеближе. Вдруг они слегка потускнели и вновь вспыхнули с прежней яркостью. Дитрих догадался, что произошло, — его засекли русские локаторы, и включившаяся сигнализация вызвала легкий скачок напряжения в трансформаторах. Обер-лейтенант картинно отбросил лунный автомат. Чтобы русские видели — он без оружия. Наблюдая, как красноармейцы в серых скафандрах со звездой и с гарпунными винтовками системы Симоннова наперевес высыпают ему навстречу, беря в кольцо, он думал, что воздух сладок где угодно, даже в подвале НКВД. Ему было давно на все наплевать — на фюрера, чья ракета десятки сутки мчалась к Марсу, на сослуживцев, одуревших от регенерированного тяжелого воздуха, на идеологию, вбитую в голову еще со времен гитлерюгенда. Обер-лейтенант просто хотел жить. Дитрих решил рассказать русским все: про ракетные базы, про секретные заводы в недрах Луны, где узники концлагерей дни и ночи напролет куют космическую мощь Вермахта, про марсианскую ракету Фон Брауна и про скелеты с удлинненными черепами, найденные недавно разведгруппой в горах... Он расскажет все и получит взамен воздух и Землю... А может... А почему бы и нет? Если его Маргит еще не заму-

жем, он напишет ей из Сибири письмо. И кто знает, вдруг она продолжает еще любить Дылду Дитриха из параллельного класса?

За разгромом лунной группировки фашистов Сталин наблюдал лично, сидя перед экраном огромного телевизора подмосковного барвихинского бункера. В зале Сталин находился один. На столике перед креслом остывал в серебряном подстаканнике чай с лимоном, лежала коробка папирос. Разгром транслировали четыре телекамеры. Две — на борту пилотируемых ракет «Октябрь», везших на Луну десант и бомбы, а остальные — на луноходах бронированных или, как еще их называли, бронемашинах «Лаврентий Берия». Луноходы нанесут основной удар по немцам после воздушной атаки пилотируемых ракет. А потом... Сталин не любил загадывать. Он прогнал навязчивые мысли, отхлебнул чай. Будущее покажет, что будет потом.

Десант, как и планировал Жуков, застал фашистов врасплох. После захвата радиостанции нацистские базы лишились связи и, едва опомнившись от бомбардировки, глухие и немые, были напрочь разбиты орудиями луноходов. Враг понес колоссальные потери. Фельдмаршал Кейтель, в серебряном скафандре с символикой СС на шлеме, размахивал белым полотнищем над последним поверженным гнездом мирового фашизма. Знамя капитуляции из рук фельдмаршала торжественно принял майор Васильев, командир второй луноходной бригады — и тут же бросил в лунную пыль. После восьми часов напряженного телесеканса у Сталина заболели глаза. Доктор посоветовал капать лекарство, но Сталин отказался. Он жаждал увидеть финал. Все радиоточки мира громогласно объявляли о триумфальной межпланетной победе социализма. Английский репродуктор, установленный тут же, голосом Левитана возвещал: «Великая Отечественная война, длившаяся три тысячи дней и три тысячи ночей, завершилась

нашей победой! Сегодня, двадцать четвертого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года, в девять часов утра, фашистская Германия капитулировала! Слава советскому народу, слава непобедимой Красной Армии, слава товарищу Сталину!» И вот, финальный аккорд прозвучал. Лунное отделение генштаба передало секретную сводку, согласно которой в лунном бункере «Вервольфхаузен» три часа назад покончили жизнь самоубийством Адольф Гитлер и его последняя любовница, Марлен Дитрих. Вместе с ними обнаружены обгорелые тела Бормана, Мюллера и Валленберга. Фамилия Дитрих заставила вождя улыбнуться. Приходился ли тот обер-лейтенант ей родственником? Наверное, нет. Ведь у артистов настоящие фамилии совсем другие. В Марлен была чопорная холодность, которая нравилась Сталину. Он хотел пригласить ее в свой кабинет, но самолет с актрисой, бежавшей из радио-активного пекла испепеленного Гитлером Нью-Йорка, был перехвачен аргентинскими истребителями. Ракета, унесшая Дитрих к Луне, взлетела из аргентинской сельвы... Сталин продолжал улыбаться. Он твердо знал, что еще отобедает с Марлен. Дитц Дитрих, который летит на Марс в октябре, привезет ее. Ведь, как сказал недавно Дитцу Лаврентий, лейтенант Красной Армии Дитрих хочет увидеть живой свою Маргит... Очень хочет.

Надорванная пачка папирос так и осталась нераспечатанной. Недопитый чай совсем остыл. Сталин ехал в Кремль и думал о Марсе и еще о том, что лет через пятьдесят, когда американские прерии заселят казахи, или туркмены, или китайцы, или еще какие-нибудь азиаты, плодящиеся как кролики, Сталин приедет туда, на просторы Нового света, выпьет марсианскую таблетку, продлевающую жизнь, и, поднявшись на лифте, покажет Марлен из головы восстановленной Статуи Свободы просторы своего нового Советского государства. Наверное, это будет красиво.

Иван Матвеев

СФИНКС

Далеко на Юге, в пустыне Аль-Фаридат, где песка столько, сколько секунд прошло с сотворения мира, построен древний город Шетар. Раз в год он появляется в сердце пустыни, чтобы пробыть там день и ночь, а затем исчезнуть, оставив только бессчетные волны песка. Почему так — неизвестно. Говорят, что в центре города Шетар возвышается зиккурат, а наверху зиккурата возлежит Сфинкс, охраняющий неведомое сокровище. Говорят также, что всякий, кто пожелает завладеть сокровищем, должен правильно ответить на загадку Сфинкса. Но как найти город Шетар, не говорит никто.

* * *

Ближе к полудню грузовик снова завяз. Обливаясь потом, я вышел из кабины и залез в кузов, где в маленьком холодильнике, от греха подальше, держал пиво. Некоторые до сих пор не верят, что по пустыне можно проехать на грузовике. На самом деле на них даже ралли по пустыне устраивают. Но вот так, как я, — это, конечно, не ралли. У меня весь кузов забит. Скучно, жарко и опасно. Ключевое слово — жарко. «Кругом нет ничего. Глубокое молчание. Пустыня мертвая. И небеса над ней...» И я в роли Озимандии, а может, мой грузовик. Правда, ему до «царя царей» еще дальше, чем мне. Сверкающий на солнышке «MAN» специально предназначен для такого рода поез-

док. Меня уверяли, что все эти навороты вроде контролируемого давления шин сделают любую поездку чем-то вроде пикника. Пришел, намусорил, ушел. Об этом я и думал, потягивая холодное пиво в душном полумраке кузова, когда слышался приближающийся рев моторов. Однако. Здесь становится людно. Я высунулся наружу и увидел три джипа. Из одного уже вылез какой-то тип и совал свой нос в открытую кабину моего грузовика. Остальные люди сидели в машинах, негромко переговариваясь.

— Эй, он там, в кузове!

Да я, в общем, и не прятался. Тот, который заглядывал в кабину, знаком подозвал еще трех человек и подошел ко мне. Волосы ежиком, физиономия каменная, а на поясе, между прочим, пистолет. И у тех троих, что подошли, — тоже оружие.

— Привет, — улыбнулся я. — Рад вас видеть. Я как раз застрял, и...

— Что ты тут делаешь? — холодно спросил он.

Ну, в общем, я бы тоже спросил. Нечасто встретишь грузовик посреди пустыни. Ответ у меня был наготове:

— Да решил срезать поворот, и вот, пожалуйста. Уже часов восемь по пустыне...

Каменнолицый поджал губы, потом приказал одному из своих подручных:

— Проверь кузов.

— Эй, — возмутился я. — Какого?!

— Заткнись, — негромко ответил он.

Пистолет каким-то образом уже был у него в руке, и дуло смотрело прямо мне в грудь. Я и заткнулся.

Парень, которого послали посмотреть кузов, быстро вернулся и немного озадаченно сообщил:

— Все чисто. Там только бочки, судя по маркировке — топливо.

Вот так получилось, что у меня появился весьма недружелюбный конвой. Они решили, что «топливо» им может

пригодиться, и прихватили меня заодно. Судя по их ро-
жам — ненадолго.

Человек, который наставлял на меня пистолет, был
главным среди этих авантюристов. Представляться он не
стал, а прочие называли его «сэр». Поэтому я про себя ок-
рестил его Полковником. Остальные были обычными го-
ловорезами, какие только и могут окружать подобного типа.
Всего их было восемь. Ах да. Еще был Профессор. Суетли-
вый такой, преклонных лет, он носился с каким-то обрыв-
ком ветхой ткани, поминутно сверяясь то с ним, то с кар-
той. Это наводило на кое-какие мысли. Ну, в конце концов,
что же еще может делать такая команда в пустыне?

А на закате мы увидели, как зыбкий мираж превраща-
ется в город на горизонте. Все машины остановились, и я
выскочил наружу, любуясь зрелищем. Когда восхищен-
ные возгласы прекратились, возбужденно залопотал Про-
фессор:

— Это Шетар, Забытый Город! Санчес, вы хоть пони-
маете, свидетелями чего мы стали?! Господи, мне не пове-
рят, это же...

— Замолчите, — чуть вежливей, чем меня, прервал его
Полковник. Похоже, он не страдал избытком словарного
запаса. — Надо еще туда доехать. Скоро будет совсем тем-
но. — Ты! — Это уже мне. — Полезай обратно в грузовик,
живо!

Лунный свет так хорошо освещал путь, что мы отклю-
чили фары, въезжая в Забытый Город. Огромные стены,
простые и древние дома, в свете луны довольно мрачные.
И фантазмагорическая колоннада вдоль широкого пути,
что ведет в центр города. Спорю, Лавкрафт бы дал что
угодно, лишь бы тут погулять. Луна стояла точнехонько
над здоровенным зиккуратом, к которому эта дорога вела.
На вершине виднелась темная фигура.

«Молчаливый и прекрасный». Мы встали у основания
зиккурата и затем в благоговейном молчании пошли по
лестнице. Я хотел было остаться в машине, но меня без

лишних разговоров вытолкали вперед. По мере подъема открывалась панорама города. Профессор пошелкал фотоаппаратом, а потом, как и все, шел молча, то и дело озираясь по сторонам.

Наконец мы забрались на самый верх, на площадку, залитую лунным светом.

Бледный свет.

Неподвижная громада. Черная, словно купается в тенях.

Сфинкс.

Рядом кто-то всхлипнул.

Полковник достал свой пистолет, толкнул меня вперед.

Громада шевельнулась. Полковник выругался.

— Загадка. — Профессор пытался что-то разглядеть в своей записной книжке. — Он должен задать вопрос.

Полковник ничего не ответил, вперясь взглядом в Сфинкса, словно прикидывая, куда всадить первую пулю.

Профессор внезапно воздел руки и произнес какую-то тарабарщину. Полковник метнул на него гневный взгляд, но ничего не произошло. С минуту все стояли, не зная, что делать. Потом Сфинкс ответил. Гортанно, словно бы дюжиной голосов сразу, он произнес несколько фраз. Профессор залистал книжку быстрее. Потом захихикал.

— Ну? — спросил Полковник. — Что там?

— Совсем просто, — улыбнулся тот. — Он спрашивает, где нет зла?

— И каков ответ?

— Дуат, конечно, — тихо ответил Профессор. — Царство Мертвых. Теперь надо сказать это громко, и... И все.

Полковник медленно кивнул и ткнул меня стволом в спину. Уже в который раз.

— Скажи ему «Дуат», придурок, — зашипел он. — Да погромче!

Ну, я сделал еще пару шагов навстречу темной фигуре и заорал: «Дуат!» Несколько человек сзади отступили на лестницу, нацелив оружие на Сфинкса. Потянулись томи-

тельные мгновения ожидания. Затем Сфинкс встал и молча сделал шаг назад, пригибая голову к площадке. На том месте, где он лежал, — черный проем.

Вход.

Пауза.

Затем Полковник расхохотался и заорал на свою команду:

— Живо внутрь! — И куда-то вверх: — Вот сукин сын... Дуат! Ха!

Я отошел в сторонку и присел. На меня уже не обращали внимания. Мои спутники были возбуждены, они опасно приближались ко входу в сокровищницу.

Сфинкс поднял голову.

Я зажмурился.

В следующее мгновение раздались вопли.

Через минуту все было кончено.

Открыв глаза, я обнаружил только несколько черных пятен. Поднявшийся ветерок перелистывал страницы чудом уцелевшей записной книжки Профессора.

Сфинкс вновь был на прежнем месте.

Он смотрел прямо на меня.

Я приподнял бровь.

— Какого хрена ты так долго? — возмущенно осведомился он. Снова встал, потянулся и пошел вниз, к подножию зиккурата. Я вздохнул и нырнул в такой знакомый проем сокровищницы. Когда я вышел наружу, поигрывая камнями в карманах, Сфинкс уже успел вернуться, опростать первую бочку и начать следующую. Грузовик стоял тут же, на площадке. Достав пиво из кузова, я присел рядом со Сфинксом.

— Нормально доехал? — спросил он наконец.

Я кивнул:

— Не считая этих вот.

— Это дело обычное. — Он глотнул из бочки. — Привези в следующий раз темное, хорошо?

— Конечно.

Мы сидели, потягивая пиво, и смотрели на восток, потому что все Сфинксы смотрят на восток. И этот Сфинкс — не исключение.

* * *

Далеко на Юге, в пустыне Аль-Фаридат, где песка столько, сколько секунд прошло с сотворения мира... Далеко на Юге, в пустыне, лежит древний город Шетар. В центре города Шетар возвышается зиккурат, а наверху зиккурата возлежит Сфинкс, охраняющий неведомое сокровище. Рядом со Сфинксом сидит человек, и они оба поют песню, глядя на восток.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

Когда дело доходит до метафор, начинает казаться, что ты не так уж и поэтичен, как думал. Да, во мне «свились четыре стихии и ангельский дух», но это — для понимания. Как описывают абстракции?

Конечно, абстрактно. Что делает копающий мандрагору мальчик? Копают мандрагору, если только это не символ. А мы предсказываем. Представьте себе полотно, по которому бегут разумные капельки ртути. Запомните этот образ, хоть он и тривиален, я к нему еще вернусь — когда смогу быть более внятным.

Эта кутерьма началась лет десять назад, когда Хасан позвонил в Копенгагенский аэропорт и предупредил их насчет самолета. Ему не верили до тех пор, пока кто-то умный не решил, что Хасан — сумасшедший террорист.

Маккрей, кстати, даже предлагал поспорить, что все так и будет. Он очень веселился, когда оказался прав.

Итак, Хасан предупредил администрацию аэропорта, и ему поверили, с условием, что Хасан — террорист. Само-

лет сняли с рейса, и через полтора часа он взорвался. К счастью, специалисты из местных полицейских, не найдя бомбы, уже ушли к тому времени из самолета.

Так все началось. Позже, когда Маккрей или Хасан звонили с новыми сообщениями, веселился уже я — потому что власти неизменно принимали за террористов обоих. Еще бы, Маккрей — ирландец, а Хасан — араб. И акцент у них такой, что искажатель голоса не помогал. В какой-то момент сразу несколькими умными людьми в верхах пришла в голову мысль, что мы ведем себя очень странно для террористов — например, ничего не требуем. Кроме того, ни одно из происшествий, о которых мы предупреждали, предотвратить не удалось. А потом я очень вежливо вклинился в трансляцию саммита Европейского Союза и предупредил о серии смерчей. Тут-то до них дошло. Сначала поднялся переполох, их кидало из крайности в крайность, но в конце концов установился некий баланс, который существует и по сей день. По крайней мере, они не слишком усердствуют в попытках нас отыскать. Они-то их начисто отрицают.

Многие, правда, пытаются добраться до нас другими методами. Как тот сумасшедший. Тем утром Хасан сломал кофеварку. Это взбесило и его, и Маккрея, и меня.

— Хорошо! — вопил Маккрей. — Но это же не я — араб, не Виктор, а ты! И это ты ломаешь кофеварку, и это ты не можешь приготовить кофе, который был бы на вкус лучше мочи упившегося нефтью осла!

Вот, Маккрей бывает очень поэтичен. Он бы, пожалуй, придумал метафору, но его поэтичность распространяется в основном на сферу ругательств. Моча упившегося нефтью осла — это он Хасана уел. Цветастость в лучших восточных традициях. Еще это значит, что Маккрей не столько зол, сколько ухватился за возможность устроить спектакль. Когда он выходит из себя, он ругается не так

литературно. Хасан, кажется, тоже это понял. Он флегматично пожал плечами и ответил:

— Хорошо. Мы просто купим новую кофеварку, Маккрей.

Судя по вдохновенному выражению лица его противника, они бы могли препираться еще минут десять, а то и больше, но меня эта утренняя разминка не прельщала. Поэтому я сказал:

— Хасан, закажи новую прямо сейчас. Маккрею надо перепроверить данные по тому вчерашнему грузовику. Он ошибся на два часа.

— Что? — переполошился тот. — Быть не может!

Он рванул к компьютеру, быстро сверился с таблицами и грозно посмотрел на меня. Хасан заказывал новый источник кофе и подражал при этом Джоконде.

— Это было очень смешно, — буркнул Маккрей.

Ну вот, доброе утро, доброе завтра.

Хасан отправил заказ и вперился в монитор. Он совсем не тот Хасан, который мог бы сидеть с Карагиозисом на холме над бухтой в Пирее, нет. В нем почти нет того желтоглазого Востока, и, кроме всего прочего, он не умеет варить кофе. Зато есть в нем что-то такое, спокойное, что заставляет его костюм выглядеть одеждой бедуина.

Маккрей — он ирландец. Никаких стереотипов — он брюнет, не танцует джигу, а бранчивость скорее итальянская. Но Маккрей — ирландец.

Запищал мэйлер.

Пришел запрос из Чехии.

Теперь мы уже получаем солидные денежные вознаграждения от властей за наши прогнозы. Плюс частные лица. Набегает солидная сумма. Мы не можем отследить каждого человека, поэтому ежедневно компьютер играет в лотерею с заявками, присланными со всего мира. Выигравшие получают предсказание совершенно бесплатно.

По-моему, это честно.

Маккрей печатал как заведенный, а Хасан все так же таращился на монитор. Перебирал варианты. Тяжко судить.

Я зевнул и пробежался по списку городов Чехии. Собственно, наш дом находится неподалеку от Праги (но об этом — молчок), поэтому местные новости для меня особенно важны. Такой вот эгоизм.

Кроме вчерашнего грузовика, который выцепил Маккрей, ничего особо крупного не было. На всякий случай я посмотрел в послезавтра и получил приз: пожар на пивоваренном заводе. К счастью, не Пльзенском. Все равно неприятно.

Я набрал номер мэрии того города, около которого был завод.

— Да, добрый день. Это предсказатель Виктор.

Потом возник вопрос идентификации. Море любителей развлечений звонили от имени предсказателей — начиная от все тех же террористов и кончая школьниками, которые хотели отменить уроки.

Это было несложно.

— Вы сломали карандаш, а еще у вас сегодня появится зацепка на колготках. Не задумывайтесь об этом. Записывайте: послезавтра, ближе к вечеру, N-ский пивоваренный завод должен быть пуст. Да, оборудование можно выносить.

Повесив трубку, я вернулся к списку. В общем, я мог позволить себе не торопиться: мы все время смотрим на несколько шагов вперед.

Кроме того, нельзя объять необъятное — мы и не пытались.

Испания:

— ...Не задумывайтесь об этом. Метеорологи ошиблись. У вас неделя на эвакуацию района, но пострадает только десять домов. Записывайте...

Россия:

— ...Не задумывайтесь об этом. Взрыв...

Япония:

— ...Забудьте об этом. Послезавтра, около шести-семи утра...

Калейдоскоп из стран и городов. Но теперь проще — есть места, где ждут наших звонков. Ага, вы заметили? Ну, я объясню, зачем мы просим забыть мелкие предсказания. Когда все это только начиналось, принимались всяческие меры по предотвращению неприятностей. Нам же приходилось быть более точными в своих предсказаниях, чтобы к ним прислушивались. К чему это могло привести, к тому и привело: поймав наиболее подконтрольное предсказание, ученые, образно выражаясь, залили объект в янтари и тарачились на него целые сутки.

— Хасан, помоги мне с Америкой. Они за эту неделю напортачили больше, чем вся Европа за месяц, — жалобно сказал Маккрей.

Кивок в ответ.

Все еще дуется из-за кофеварки, что ли? Не верю. Наверное, что-то другое.

Так вот, что произошло — это как с колготками и зацепкой. Если очень постараться и если предсказание сформулировано точно, можно его избежать. Чем мельче детали, тем проще. Но затраты не окупятся. Знаете почему? И почему древние оракулы так туманно предсказывали?

Хасан и Маккрей совместными усилиями одолели Канаду, когда раздался звонок. Наш телефон знают только несколько десятков человек во всем мире. Большие шишки.

Мы переглянулись. Я снял трубку.

— Алло?

— Виктор?

Я узнал звонившего.

— Да. Что-нибудь случилось?

Конечно случилось, иначе бы он не стал звонить. Что-то серьезное.

Он вкратце обрисовал ситуацию:

— Один тип может нарушить Обязательное Предсказание.

И впрямь очень серьезно. За этими словами кроется достаточно много, чтобы поднять на уши даже нас.

— Давайте подробней. У нас есть время?

— Да, он хочет поговорить с вами. Мы ему это пообещали. Видимо, один из чиновников, через которых проходил приказ.

Он рассказывал, а я включил громкую связь, чтобы слышали и Маккрей с Хасаном. Дело происходило в Германии. Неделию назад я сам предупредил их о том, что предсказание Обязательно. Это значит — должно сбыться, и точка. Зеленый свет предсказанию, оцепление, и пусть себе сбывается, только бы никто не помешал.

Этот чиновник, Крейг, решил, что помешать можно и нужно. Орда психологов-переговорщиков уже знает его лучше родного брата, наготове всяческие спецслужбы, но никто даже приблизиться не смеет — он устроился там по принципу «мертвой руки» и отказывается разговаривать с кем-либо, кроме предсказателей.

«Там» — это в пустой цистерне из-под молока. Я не шучу. Цистерна обязательно должна быть потеряна в Тихом океане. Во время шторма.

Естественно, этой части я не рассказывал. Только то, что цистерна должна уцелеть до такого-то числа, перед погрузкой. Потом бы я дал еще указания.

А Крейг засел туда со взрывчаткой, и малейший его чих может разнести цистерну вдребезги.

Вот так.

Затем он позвонил Большой Шишке и рассказал ему о том, что натворил. Убедил его в том, что цистерне не поздоровится при любой попытке его остановить, и сообщил, что, если следующий звонок на его телефон будет не от нас, цистерне конец.

Что, выглядит нелепо?

Я взял номер Крейга и убрал звук телефона.

— Что с вариантами, Маккрей?

— Атомная станция, — тихо сказал тот. — Остальные альтернативы еще круче. Помните тот образ, плотно и ртуть?

Если в полотне образуется маленькая дырочка, ее, в общем-то, можно починить, повлечь куда более серьезные повреждения. Ткань может разлезться по шву, и дыра будет не в пример больше. И в эту дырку кто-нибудь точно скатится. У нас был выход. Не самый приятный, но для тех, кто верит в «меньшее зло», — наилучший. Я кивнул Хасану и набрал номер Крейга. Хасан и Маккрей вцепились в компьютеры. Маккрей вполголоса отдавал указания, пока Хасан отсутствующим взглядом смотрел сквозь монитор.

— Алло. Крейг? Это предсказатель Виктор.

— Докажите!

У него был дребезжащий голос, гуляющий сверху вниз, очень уж он нервничал.

Я втянул в себя воздух. Прошло несколько секунд, и он не выдержал:

— Ну? Я жду?!

— Сейчас на вас капнет капелька воды, прямо на нос или на лоб. Не вздумайте дернуться из-за этого, — предупредил я его на всякий случай.

— Ссс, — раздалось из трубки. — Ладно, я вам поверю. Тем более я помню ваш голос, я прослушивал линию связи.

— Что вам нужно?

Маккрей схватил другой телефон и начал набирать номера, пальцы Хасана мелькали над клавишами. Ему проще было печатать, чем пересказывать Маккрею — это не отвлекало и было быстрее.

— Я хочу вернуть человечеству то, что вы у него украли. Свободу выбора.

— Вы знаете, что такое Обязательное Предсказание?

— Конечно. Вы нам это сказали. Вы трое. Почему мы должны верить в это?

— Потому что цена недоверия будет слишком высока. Один раз ее уже заплатили, — ответил я, кидая взгляды в сторону телефонов. Маккрей бубнил:

— ...Обязательно, это дело государственной важности. Вы НЕ должны отдавать машину обратно в прокат. Что? Да, это очень важно. Послушайте...

Судя по всему, их приготовления придется использовать.

— Я знаю, кто вы и что вы, — с убежденностью фанатика говорил Крейг. — Вы — воплощение Норн. Вы прядете судьбы людей, отмеряете время, губите жизни, отстригая эти нити, вы — хозяева наших судеб. А это ваше Обязательное Предсказание — гарант того, что вы сможете и дальше быть ими. Это один из тех гвоздей, на котором держится ваше могущество. Один раз человечество от вас уже избавилось, но...

— Дай нам еще минут десять, — шепнул Хасан.

— ... Съешьте этот черствый бублик. Не выкидывайте его, — убеждал Маккрей кого-то. Затем положил трубку и потянулся к другому телефону — тот как раз начал звонить.

Я кивнул.

— ...а если мы что-то предпринимаем, следует наказание. Так...

Ему надо было выговориться. Разговор, конечно, прослушивался, и мне было интересно, что по поводу Крейга думают психологи — можно его остановить или нет, но у нас было не так много времени. Нельзя было полагаться на то, что он не рванет цистерну, пока мы вешаем ему лапшу на уши, и потому я согласно кивнул, когда Хасан одним движением брови спросил меня — можно?

Это был очень тонкий момент. Хасан создал узел, в который ему нужно было вплести и себя — когда он указал

снайперу, куда именно целиться, чтобы пуля прошла через Крейга, мгновенно нейтрализовав его, и одновременно перебила цепи, вызывающие взрыв, не задев саму взрывчатку. И *когда* сказал.

Одно это уже было чертовски сложно, и нельзя было либо убить его, либо перебить цепь. И в том, и в другом случае мог бы произойти взрыв, а более изощренная и более гуманная альтернатива требовала гораздо больше времени.

Так что снайпер выстрелил, и пуля пошла туда, куда нужно было Хасану.

Крейг выкопал свою мандрагору, но она закричала.

Хасан и Маккрей — гении. Они быстро нашли нужные точки влияния, чтобы пуля пошла так, как надо. Это кажется невозможным, если подходить с математической точки зрения, но если видишь ткань, все иначе... Вы знаете, что знакомы с любым человеком в мире через цепь знакомых длиной примерно в шесть человек? А мы можем это чувствовать. И не только.

Почти:

«Ты родился с неправильным зрением, ибо вещи ты видишь насквозь».

Вот как.

Это было довольно давно. Может быть, в те времена, когда появился тот парень из Назарета. Бог дал человеку свободу воли. Но только человеку.

Так и получилось, что мы плетем судьбы вещей, а не людей.

С этим связана куча сложностей.

Интересно, как справлялись те три сестры на заре времен? Может, им было легче? Как вы думаете? И:

— Вы заказывали кофеварку? — донеслось из интеркома.

Роман Афанасьев

ВОИН ДОБРА

Доска попалась сучковатая, и теперь станок натужно ревел. Вадик откинул со лба мокрую от пота прядь и, переведя дух, стал с силой проталкивать доску вперед. Наконец фреза взвизгнула, одолев непослушную заготовку.

Вадик выключил станок и придиричиво оглядел получившийся брус. Вышло кривовато. Грязной щеткой он смахнул со станка свежую стружку и щепки, бросил брус на пол и оглянулся. Жизнь в цехе кипела. Два десятка станков, установленных в огромном зале, создавали равномерный гудящий фон, к которому примешивался матерный говорок рабочих.

Вадик бросил взгляд на подготовленные к распилке заготовки и тоскливо вздохнул. До конца рабочего дня было еще далеко, рядом со станком громоздилась гора заготовок, которые следовало распустить на брусья.

Вадик еще раз вздохнул, удивляясь, что его мечтательная натура чудом притерпелась к работе за станком, и решил, что в качестве компенсации можно немного помечтать. Он бросил щетку на пол и решительным шагом направился в туалет.

В фабричном туалете было пусто и тихо. Он представлял собой маленькую комнатку с рукомойником и двумя кабинками, одна из которых была заколочена намертво.

Вадик забрался в открытую кабинку и неловко завожился в тесноте, задевая локтями стенки. Достал сигарету. Зажав ее в зубах, он прикурил, спрятал пачку и полез с ногами на унитаз, обложенный со всех сторон плотным желтым кирпичом.

Спустив штаны, он присел и, затягиваясь едким сигаретным дымом, принялся мечтать, не забывая держаться одной рукой за ручку двери. Мечта должна была быть в этот раз короткая, это Вадик хорошо понимал. Поэтому он сосредоточился, напрягся и попытался представить себе, что он сейчас пойдет домой и найдет кошелек, пухлый такой кошелек из черной блестящей кожи. Он раскроет его, а внутри будут доллары, много зеленых долларов.

Потратить доллары Вадик не успел. Все кончилось быстро, конец у мечты вышел неловким и скомканным. Подтираясь, Вадик пытался представить себе, что его жопы касается не старая газета, а хрустящие, шершавые на ощупь доллары. Но все это было как-то неубедительно, и он поскорее вышел из кабинки и отправился мыть руки. Стоя над бьющимся в истерике краном, Вадик с тоской думал о том, что мечты у него выходят некачественные, мелкие, мещанские. Нет бы замахнуться на что-то большее. Вот, например, стать бы в мечтах властелином мира или на худой конец героем, спасающим мир...

За спиной хлопнула дверь, и в туалет ввалился Саныч — толстый мужик с заметной лысиной, алкоголик и прекрасный механик. Он тихо прошел мимо замечтавшегося Вадика и втиснулся в освободившуюся кабинку. Вадик его и не заметил, пока из-за двери не донесся его добродушный бас:

— Померанцев, гондон драный, когда ж ты за собой говно будешь смывать?!

Мечты вспорхнули с насиженного места, и Вадик очутился перед грубой реальностью. Он обиженно поджал губы и, не удостоив Саныча ответом, вышел из туалета.

Домой Померанцев возвращался в привычной задумчивости, не замечая луж и собачьего дерьма, налипшего на ботинки. Он мечтал о том, что дома его будет ждать грудастая топ-модель, которая удовлетворит его орально прямо в прихожей.

Однако дверь открыла жена, Маринка, и мечтам пришлось отступить.

— Где ж тебя носило? — гавкнула она, поправляя фартук. — Давно жрать готово, раздевайся давай!

Вадик стал вяло стаскивать с себя старенькое пальто, пытается понять, почему Маринка, пять лет назад казавшая ему пределом мечтаний, теперь стала обыденной реальностью. Тогда она была крашеной блондинкой с огромными сиськами, от которых двадцатипятилетний Померанцев просто млел. Когда же Маринка, работающая в палатке продавщицей, сделала Вадика первый в жизни минет, он твердо решил на ней жениться.

Теперь же, сидя за обеденным столом на грязной кухне, склонившись над тарелкой с котлетой, он с грустью смотрел на Маринку, превратившуюся за пять лет в дебелую блондинистую бабищу. Она по-прежнему торговала в палатке, но минет не делала мужу уже давно, ссылаясь на то, что раньше была молодой и глупой, а теперь замужняя жена.

Это было обидно. Минет эта стерва умела делать знатно. Вадик вздохнул и уставился на погнутую вилку из старого гэдээровского набора, что подарила теща на свадьбу.

— Че замечтался, — буркнула жена, наливая в чайник воду из-под крана, — жри давай. Пашу на тебя как проклятая, хоть бы какой толк от тебя был... Жри, жри, мне еще посуду мыть после тебя.

Вздохнув, Померанцев взял котлету рукой и, откусив от нее знатный кусок, принялся меланхолически переже-

вывать полусырое мясо. Мечты снова остались за горизонтом.

Ночью, устроившись на пахнущих маслятами простынях, Вадик отвернулся к стене, чтобы не видеть Маринку в соседней комнате, демонстративно уткнувшуюся в старенький телевизор. Двухкомнатная квартира, бывшая пять лет назад пределом мечтаний, безумно надоела Вадику, и в своих мечтах он часто представлял, что живет в огромном доме на берегу лазурного океана и каждый день купается в теплых волнах. Правда, в мечтах дом приобретал иногда образ пятиэтажки, в которой Вадику принадлежал целый подъезд. А иногда казался дачным домиком тещи — со стенами из серых шлакоблоков.

Сегодня же, вспомнив размышления в туалете о том, что мечты у него сплошь мелкие, Вадик решил помечтать о чем-нибудь другом. Он очень любил это время — когда лежишь в постели, но еще не спишь. В это время можно было тихо мечтать о чем угодно, и никто не прервет твоих мечтаний криком или грубостью, никто не позовет работать или есть.

Вообще Вадик любил мечтать. С детства. Он ходил, не замечая ничего кругом, мог часами сидеть на диване, размышляя о необыкновенной семантике слова «подъебка», и параллельно мечтать о подвиге, Подвиге с большой буквы «П». Из-за этой склонности к мечтанию Вадик едва закончил школу — у преподавателей его склонность не вызвала понимания. Им хотелось, чтобы Вадик на уроках думал о том, что написано в толстых учебниках, а не мечтал. Потом ему пришлось уйти из ПТУ и поступить работать на фабрику. Он работал целыми днями, а дома предавался мечтам на полную катушку. Иногда он выпивал водки со случайными знакомыми, иногда приводил домой дам, таких же мечтательниц, как и он. Мечтательницы были, как правило, неопрятны, немыты и все время хотели денег. Так он жил до тех пор, пока не встретил об-

щительную блондинку Марину, продавщицу из продуктовой палатки.

Вадик сморщился, поняв, что, вместо мечтаний, он предается воспоминаниям. Он зарылся носом в слежавшуюся подушку и срочно попытался представить себя спасителем мира. Выходило плохо. Пока был виден только белый костюм и золотой портсигар. Очертания самого подвига виделись крайне смутно.

Вадик всегда знал, что он создан для чего-то большего, чем работа на заводе. Он чувствовал, что его предназначение обязательно его найдет. Поэтому он часто думал о том, каким оно будет, его предназначение. В его мечтах оно принимало то облик всемирной известности, то облик великого богатства, которое он потратил бы на гуманитарные цели. Ну, половину-то точно. Деньги Вадик не любил, считал, что не в них счастье, но постоянно их хотел.

И сейчас, засыпая на несвежих простынях, он думал о том, что хрен с ним, спасителем человечества, лишь бы найти небольшой пухлый кошелек из черной кожи. Как всегда, в тот момент, когда его сознание расслаивалось, находясь на границе сна и яви, к нему пришла очередная мудрая мысль. Такие мысли всегда приходили к нему в этот момент. Правда, Вадик обычно их забывал, но помнил, что они были мудрые.

На этот раз он вдруг понял, что его Маринка, сидя в кресле перед телевизором, тоже мечтает, как и он, Вадик. Просто мечталка у нее не развита, и ей для качественной мечты требуется внешняя поддержка в виде красивых цветных картинок. Но, глядя на них, Маринка наверняка видит не то, что ей показывает экран, а нечто свое, сокровенное, и ждет прихода предназначения. Уверившись в истинности этой мысли, Вадик язвительно подумал, что это от недостатка ее образования, и спокойно уснул.

Вадик стоял у станка и задумчиво рассматривал деревянный брус, который только что выпилил из заготовки. Фреза затупилась и оставляла в дереве темно-коричневые жженные полосы. Это было плохо. Во-первых, надо удалить эти повреждения и придать брусу товарный вид. Это можно легко сделать на механическом рубанке, но тогда бы потерялся размер. Рубанок снимал быстро и хорошо, но много. Но это полбеды. Во-вторых, надо было снимать фрезу со станка и точить ее. Вадик перевел взгляд на станок. Точить — значит, провозиться час, шаркая напильником по железным зубьям. Этого Вадик не любил. Геморрой.

В животе ворочался обед — холодная вчерашняя котлета с горсткой недоваренного риса. Работать не хотелось. Мечтать — тоже. Вадик чувствовал себя странно опустошенным, вычерпанным до дна. Бросив испорченный брус, он огляделся в поисках смысла жизни. За соседним станком работал незнакомый молоденький паренек в синем рабочем халате, заляпанном потеками клея ПВА. Его длинные волосы были перехвачены черной банданой с какими-то белыми змейками. Длинный чуб, выбившись из-под платка, лез пареньку в глаза, и тот сдержанно матюкался, не отрываясь от работы.

Вадик прислушался. Гул в цехе стоял знатный — работали сразу несколько станков. Но он уже свыкся с подобным шумом и привычно вычленил из общего фона людской разговор.

— Это все хуйня! — раздавался пронзительный голос Максимыча.

— Хуйня — она жидкая, а это тебе не хуйня, а фернамбук, гондон ты штопаный! — гудел бас Саныча.

— Да пошел ты, Саныч, я эту хуйню моментом распушу на фрезе!

— Ты Саныча не трожь, пиздрончик ушастый, не пили на фрезе фернамбук, он как краснуха будет ссыным матрасом вонять. Фрезу точно убьешь нах. Ты ее, что ли, точить будешь?

Вадик посмотрел на свою фрезу. Ее надо было точить уже прямо сейчас. Со вздохом он поднял кожух и взялся за ключ, чтобы снять зубчатое колесо.

В этот момент раздался жуткий визг, перекрывший хор станков. Померанцев вздрогнул и выронил ключ. Он резко обернулся — у дальней фрезы толпились мужики. Они орали, размахивали руками, но их заглушал леденящий душу вой, доносившийся из центра толпы. Вадик заметил среди мужиков Саныча и пошел посмотреть, что случилось. Уткнувшись в стенку из спин, Вадик привстал на цыпочки, пытаясь рассмотреть, что там такое.

— Померанцев, гондон, смотри не наступи, сука! — прогудел, не оборачиваясь, Саныч.

Вадик опустил взгляд и обомлел — на полу, в куче опилок валялся указательный палец. Весь заляпанный кровью, он напоминал странного белого червяка. Вадик ошеломленно уставился на него, и вдруг ему показалось, что палец шевельнулся. Фантазия вдруг выдала отчаянное коленце — Померанцев представил себе, как отрезанный палец, сгибаясь, словно гусеница, рывками уползает за станок, чтобы потом...

Тут Вадик почувствовал, что волосы на его голове шевелятся, он повернулся и на негнущихся ногах пошел к выходу из цеха.

Захлопнув за собой деревянную дверь, Померанцев неуклюже потоптался на месте, не зная, что делать. Горло у него перехватило, и, неожиданно для себя самого, он сблевал на цементный пол. Расстался с обедом, который совсем недавно с таким аппетитом съел — домашние котлетки с рисом. Рассматривая еще не переваренное месиво из фарша и риса, Вадик почувствовал себя совершенно

обессиленным и опустошенным. Он вздохнул и пошел в сторону раздевалки. Ему хотелось прийти домой, улечься на кровать и просто заснуть, отключившись от внешнего мира.

* * *

Домой он добрался только через час — задержалась электричка. На улице было уже холодно, и старое пальто ничуть не согревало. Поднявшись по лестнице, Вадик не стал звонить, было еще рано, а просто открыл дверь своим ключом и вошел в коридор.

Первое, что бросилось ему в глаза, — это огромные стоптанные мужские кроссовки на месте его тапочек. Он с удивлением уставился на них, и тут до него донесся неясный шум из комнаты. Не раздеваясь, позабыв про запахнутую настежь дверь, Вадик прошел в гостиную. Шум раздавался из второй комнаты, которую они с Маринкой обычно называли спальней. Дверь в нее была прикрыта, но не плотно. Оставалась большая щель, в которую Вадик и заглянул.

Из комнаты на него смотрела поджарая, волосатая мужская жопа. Вадик остолбенел и робко подался вперед, увеличивая поле обзора. Его глазам открылась удивительная картина...

Около дивана, спиной к нему, стоял голый мужик. По бокам его бедер торчали полненькие женские ноги, в которых Померанцев моментально опознал конечности супруги. Мужик держался руками за них, как за ручки тачки, заслоняя собой Маринку, и совершал поступательные движения тазом. Судя по положению ног, Маринка лежала на животе.

«Ебет, — подумалось Вадиду, — Маринку ебет!»

Невидимая за мужской жопой супруга Вадика сладострастно охала и что-то шептала. Ебать хранил молчание.

В странном оцепенении Вадик наблюдал эту картину, не шевелясь и почти не дыша.

Наконец Маринка всхлипнула особенно жалостливо и тяжело, с надрывом задышала. Мужик бросил ее ноги, подался вперед и стал что-то делать руками в области собственного паха.

Вадик рассматривал его жопу, поросшую жестким черным волосом, и размышлял о том, что все жопы удивительно похожи друг на друга.

«Ведь жопа не лицо, — думал он, — а жаль, так можно было бы различать по жопам, кто есть кто. Вот если бы у жопы были глаза, тогда, наверное, в них было бы больше индивидуальности».

В этот момент, прервав размышления мужа, Маринка отчетливо прошипела:

— Ну куда ты без вазелина! Вазелин возьми!

— Лежи! — коротко выдохнул ебарь и снова наклонился вперед.

«В жопу ебет, — с тоской подумал Вадик, — ебет ее в жопу!»

Сам он не раз пытался склонить жену к анальному сексу. Но Маринка активно отказывалась, называя мужа педерастом.

Мужик, склонившийся над пышным женским задом, вдруг неловко повернулся, и Вадик увидел его профиль с гордо торчащим носом. Это был Гийя — хозяин палатки, в которой работала Маринка.

Вадик вздохнул и на цыпочках отошел от двери. Он находился в странном оцепенении. Гнева и злости не было, словно и не его жену сейчас ебали в спальне. Была только глухая тоска, обида и еще удивление. Он столько слышал анекдотов на эту тему, рассказывал их сам — «возвращается муж из командировки...» — и вот это случилось с ним самим.

Вадик вздохнул, вышел на площадку и аккуратно прикрыл за собой входную дверь. Выйдя из подъезда, дрожащими руками он натянул на голову черную шапочку-пидорку. Было холодно, накрапывал дождь. Идти было некуда. У Вадика не было друзей, к которым бы можно было завалиться в гости и поплакаться в жилетку, утешаясь дешевой водкой. Вадик предпочитал одиночество, его никто не понимал и с детства считали «с приветом», выслушивая его фантазии. Потом Вадик замкнулся и перестал рассказывать о своих грезах. И вот теперь ему даже не к кому было зайти. Знакомые у него были — такие, что займут десятку и пропадают на месяц. Но с ними Вадик ни за что не поделился бы ни своими мечтами, ни своим горем.

Потоптавшись на месте, Вадик оглянулся на черную пасть подъезда и двинулся в сторону железнодорожной станции. На работу. Идти было больше некуда.

* * *

На работу Померанцев добрался через полтора часа — электрички ходили преотвратно. Рабочий люд уже разбежался. Вахтер, худощавый дед-матершинник, носивший почему-то красную метрополитеновскую фуражку, увлеченно беседовал со стаканом чая и не обратил на подошедшего Вадика никакого внимания.

Померанцев поднялся по лестнице на третий этаж фабрики, где располагалась фирма, в которой он работал. Раздевалка была закрыта. И офис — старая мастерская, украшенная для вида письменным столом с печатной машинкой — тоже. Вадик спустился на второй этаж, в деревообрабатывающий цех. Но и он был закрыт. Все разбежались.

Спускаясь по узкой лестнице с высокими ступенями, Вадик с грустью подумал о том, что придется ночевать на станции. Домой возвращаться не хотелось. А на улице было уже холодно, не лето, чай. Он спустился на первый

этаж, и у него вдруг появилась замечательная мысль: забиться где-нибудь в теплый уголок на фабрике и переночевать там. Он в нерешительности стал оглядываться по сторонам и вдруг увидел, что дверь в подвал была приоткрыта. Вадик удивленно присвистнул. Вообще-то, строго говоря, эта дверь вела не в подвал. Просто в коридоре, сбоку от основной лестницы, было странное ответвление. Оно уходило ниже первого этажа, в конце него имелась бронированная дверь. Она всегда была закрыта. Правда, иногда оттуда доносились странные звуки, и тогда по фабрике прокатывалась очередная волна слухов. Саньч, например, утверждал, что подвал сняла какая-то коммерческая фирма и делает там баяны на продажу. Максимыч, обладавший чутким нюхом, утверждал, что там расположен цех по копчению рыбы. Петрович же утверждал, что как-то вечером видел у бронированной двери двух чертей, и вообще там дело нечисто. Но Петрович был конченым алкашом даже по меркам пьющих работяг, так что ему ни на грош не верили. Что там было на самом деле — никто не знал. Да и, если честно, никто особо-то и не стремился узнать.

Вадик осторожно подошел к двери, размышляя о том, что ему в последнее время везет на приоткрытые двери.

«Может, это предназначение?» — подумалось ему.

От этой мысли по его спине промчался легкий холодок, но странным образом это придало ему уверенности. Вадик открыл дверь и прошел вперед.

За дверью оказался длинный коридор, освещенный единственной блеклой лампочкой. Метров через пять коридор делал поворот направо. Из-за угла шел свет, как от настольной лампы, и Вадик уверенно направился к этому ориентиру. Его сердце замирало от страха, любопытства и странного предчувствия событий.

Заглянув за угол, он остановился, приоткрыв от удивления рот. Его взору предстала довольно большая комната, похожая на подвальную, но с высоким потолком.

Здесь было темно. Только недалеко от входа прямо на полу стояла большая настольная лампа, включенная в розетку. Ее света едва хватало на треть помещения, но и этого было достаточно, чтобы Вадик осмотрелся.

Комната была пуста, голые стены, бетонный пол. Посреди комнаты, прямо в лучах лампы, топтались на месте трое мужиков, одетых в грязное тряпье. Они стояли спиной к Вадиду, и он видел только их спины. Они странно двигались, словно танцевали на месте медленный танец, едва отрывая ноги от пола. При этом руками одни делали странные медленные движения, словно пытались облапать невидимую партнершу.

От этой картины у Вадика перехватило дух, и он даже пропустил тот момент, когда из угла навстречу ему выскочил еще один персонаж.

Когда перед Померанцевым нарисовалась невысокая фигура, облаченная в черный рабочий халат, заляпанный машинным маслом, он едва не вскрикнул. Сердце подпрыгнуло и забилось, словно шмель в спичечном коробке. Но в следующую секунду Вадик узнал подошедшего человека и облегченно вздохнул.

Это был татарин Фарит — фабричный дворник. За узкие глаза и жидкую бороденку все на фабрике звали его Китайцем, и был он человек тихий и, в сущности, безвредный. Вадик, правда, с ним никогда не общался, но слышал о нем от всеведущего Саньча.

— Здравствуй, — сказал Фарит и улыбнулся. Его морщинистое лицо растянулось в улыбке, бороденка задрожала, и он стал удивительно похож на китайского божка.

— Здорово, — довольно грубо выдохнул Вадик, — чего это вы тут делаете?

— Мы постигаем смысл жизни, — ответил дворник, — очищаем наши души лечебной гимнастикой. Что привело тебя к нам, как тебя зовут?

— Я — Вадик, — представился Померанцев. — Мне переночевать негде, увидел свет и зашел.

— Так проходи, — кивнул Фарит. — Мы всегда рады новым лицам!

И он широким жестом обвел зал. Потом он повел Вадика в угол, в котором стояла широкая садовая скамейка. Мужики, переминающиеся с ноги на ногу, продолжали заниматься своим делом, не обращая внимания на гостя. Померанцев заметил, что глаза их были закрыты, и они тихо что-то бормотали себе под нос.

— Садись, — сказал Фарит и первым сел на скамейку.

Вадик опустил рядом, с подозрением покосившись на грязную хозяйственную сумку, примостившуюся на краю скамейки.

— Расскажи, что привело тебя к нам, Вадик, — сказал Фарит, поглаживая свою бороду. — Входная дверь открывается не всем. Только тем, в ком проснулось предназначение...

— Да я... — булькнул Вадик. — Да у меня жену в жопу выебли, и я из дома ушел.

Он выдохнул это с детской обидой и чуть не заплакал. Он сам не знал, почему сказал это незнакомому дворнику, да еще татарину. Но, утерев рукавом нос, он почувствовал, что ему стало легче. С души упала странная тяжесть, и Вадик почувствовал себя снова легким как перышко, готовым к мечтаньям.

— Да нет, — тихо ответил Фарит, — просто ты ощутил свое предназначение, поэтому и пришел. Жена и жопа — это тлен. Это лишь повод. Не обращай на это внимания. Твое предназначение зовет тебя.

Разобрав, что дворник говорит про предназначение, Вадик насторожился. Да, конечно, он всегда чувствовал себя необычным, не таким, как все. Он чувствовал, что ему в жизни уготовано что-то особенное, что у него есть пред-

назначение... Но неужели вот так вот сразу? И при чем здесь татарин?

— Мы поможем тебе, — мягко продолжил татарин, — тебе будет хорошо, поверь. Все наладится, и ты найдешь себя.

Вадик с надеждой посмотрел на Фарита. Теперь он предстал перед ним в новом свете — благообразная борода, вид умудренного опытом старца. Учитель. Наставник. Померанцев почувствовал, что внутри него разливается умиротворение, и удовлетворенно кивнул.

— Вставай! — велел Фарит и пошел к центру комнаты.

Вадик послушно вскочил со скамейки и засеменил вслед за дворником. Тот остановился прямо за лампой, чуть в стороне от танцующих мужиков.

— Стой на месте, — сказал татарин. — Расслабься!

Вадик послушался, поедая глазами танцующие фигуры. Одежда на них была изрядно потасканная, грязная. Лиц он их не видел, но был уверен, что лица давно не бритые и жутко грязные. Вадик подумалось, что, наверно, это были бомжи.

— Фарит, — шепотом спросил он, — а кто это?

— Это люди, которые продвинулись на своем пути. Они почти пришли к своему предназначению и постигают его сущность, оттачивая клинок своей души.

— А! — ошеломленно сказал Вадик. — А чего они такие грязные?

— Ты об одежде? Это все внешнее, наносное. Мы больше внимания уделяем внутреннему, душе. Неважно, что у тебя снаружи, как ты выглядишь. Главное то, что у тебя внутри! Когда занимаешься внутренним, времени на внешнее и не хватает. Поэтому их одежды в таком запущении. А одежда — это как раз внешнее. Как жена и жопа, понимаешь?

С этими словами Фарит коснулся пальцем живота Вадика, и тот почувствовал от этого прикосновения тепло.

Он удивленно посмотрел на свой живот, но в этот момент дворник взял его за руку.

— Поставь руки так, — сказал он и поднял его руку, показывая как. — А ноги вот так. Теперь подними одну ногу на носок, поставь обратно, теперь вторую. Хорошо.

Вадик слушался Фарита, чувствуя, как изнутри, из живота, поднимается незнакомое ощущение того, что он делает все правильно.

— Все верно, — продолжал Фарит, — теперь руки. Двигай кистями. Представь, что ты гладишь кошку. Или обнимаешь женщину.

Вадику вспомнилась Маринка с голой жопой, и он досадливо поморщился. Он представил себе, что держит в руках серую полосатую кошку, что жила у него в детстве, и стал осторожно ее поглаживать.

— Закрой глаза, — скомандовал Фарит. — Теперь делай все одновременно и чувствуй!

— Что чувствовать? — удивился Вадик, не открывая глаз.

— Тихо! — прикрикнул на него Фарит. — Не разговаривай! Чувствуй! Ты поймешь, когда почувствуешь...

Вадик стал послушно переминаясь на месте, чувствуя себя довольно неловко. Вокруг было тихо. Татарин, видимо, отошел, и Померанцев слышал только сосредоточенное сопение мужиков, которых про себя окрестил бомжами.

Вадик топтался на месте, водя перед собой руками, и рассматривал появившиеся перед глазами зеленые и синие круги.

«Неужели это и есть предназначение? — думал он. — А что дальше? Вот я топчусь. Что я должен чувствовать? Интересно, слово „топтун“ не от этого танца произошло?»

Почувствовав легкость мыслей, он хотел помечтать о том, как спасет президента от шальной пули, но в этот момент ощутил жжение в подошвах. От удивления он чуть не раскрыл глаза, но ему помешал громкий шепот:

— Дальше, дальше давай! — Это был Фарит, который и не думал отходить. Просто он очень тихо стоял рядом.

Вадик еще плотнее сжал веки и стал дальше топтаться на месте, чувствуя, как тепло поднимается до колен и начинается стучаться в бедра. Ему стало жутко интересно, что будет дальше, и он стал убыстрять движения.

— Не так быстро, — прошипел невидимый Фарит, — медленнее, нежнее!

Вадик послушался, и минут через пять теплота добралась до живота и стала наползать на ребра.

— Хорошо, хорошо, — шептал татарин, — хорошо идет! Ты сильно продвинулся по пути! Ты пришел к нам уже подготовленным! Это хорошо...

Померанцев не обращал на этот шепот никакого внимания. Волны теплоты захватили его тело, и Вадик стало безразлично все происходящее кругом. Ему хотелось все больше этой теплоты, больше и больше. Когда эта волна захлестнула шею, Вадик вдруг показалось, что он ощущает рядом мохнатые фигуры. Он сразу догадался, что это были другие — те бомжи, которые топтались недалеко от него. Он попытался по ощущениям определить, где стоит Фарит, но не смог. Вернее, смог, но это был не Фарит. Вадик почудилось, что рядом с ним стоит небольшая кирпичная стенка. Именно так он ощущал Фарита — твердый и холодный, как кирпич.

— Давай, давай! — подбадривал его Фарит. — Давай!

Теплая волна рванулась выше, и у Вадика закружилась голова. Он вдруг почувствовал, что начинает излучать тепло, и в это время таинственная волна накрыла его с головою. Разум у Вадика помутился, он стал чаще дышать и делать резкие движения, словно пытался выскользнуть из одежды.

Когда в голове прояснилось, он почувствовал, что спокойно стоит на месте. Он открыл глаза и сразу же наткнулся взглядом на Фарита.

— Ай, молодец! — крикнул дворник и расплылся в морщинистой улыбке. — Ты готов, почти готов!

Вадик с удивлением почувствовал себя освеженным, словно только что принял ванну. Он обернулся — мужики продолжали мяться на месте, кряхтя от нахлынувших ощущений.

— Да, — сказал дворник, — ты по-настоящему приблизился к предназначению! Несколько дней — и ты найдешь его! Осталось еще немного.

Он вдруг метнулся в темный угол — к хозяйственной сумке. Запустив в нее руки по локоть и чем-то звякнув, татарин извлек из нее бутылку без этикетки.

Когда он вернулся к Вадiku, тот увидел, что в бутылке налито нечто прозрачное.

— Вот, — сказал Фарит, — это тебе поможет. Быть может, цветок твоего предназначения распустится уже сегодня!

— Это что, водка? — опасливо осведомился Вадик, глядя на бутылку. Водку он не любил. От нее Померанцеву всегда делалось плохо.

— Нет, — покачал головой дворник. — Это эликсир души. Тебе надо подпитать себя, ты сейчас растратил много энергии. Этот эликсир даст тебе дополнительные силы, и перед тобой откроются пространства твоей души. Ты поймешь самого себя и установишь мир в своем теле.

— Водку не буду! — решительно отказался Вадик.

— Это не водка! — рассмеялся татарин. — То есть это выглядит как водка. Но бутылка, купленная в магазине, не будет эликсиром души. Новую бутылку надо заряжать своей энергией, придавать ей астральные свойства и устанавливать контакт с зыбким миром. В общем, немного побыть алхимиком. Надо передать водке часть своей сущности, отдать ей свою доброту, благожелательность, тепло и свет, и только тогда она станет эликсиром души, который сможет помочь другому человеку.

— Правда? — неуверенно спросил Вадик, ошеломленный таким аргументом.

Вместо ответа Фарит протянул ему открытую бутылку. Померанцев нерешительно взял ее и принялся пахнуть водкой. Наконец он решил, что надо попробовать, и сделал большой глоток. Вопреки ожиданиям горло не обожгло. Жидкость ловко скользнула в пищевод и оттуда легко перетекла в желудок. Там она на секунду затаилась, а потом взорвалась фонтаном тепла.

От удивления Вадик застыл на месте, прислушиваясь к новым ощущениям организма.

— Чувствуешь? — спросил татарин.

— Чувствую.

— Что чувствуешь?

— Еще хочется, — застенчиво признался Вадик.

Фарит тихо засмеялся и подбодрил Померанцева широким жестом — давай, мол, продолжай!

Второй глоток пошел еще лучше. Прозрачная жидкость скатилась внутрь и заворочалась в животе, распространяя живительное тепло. Вадик глубоко вздохнул и почувствовал себя воздушным шариком, полным легкой радости, от которой хотелось взлететь.

— Закрой глаза! — велел Фарит. — И танцуй снова, танцуй с великими силами!

Вадик послушно закрыл глаза и принялся топтаться на месте, не выпуская бутылку с эликсиром души из рук.

На этот раз тепло из ног поднималось быстро, да что там, оно просто хлынуло потоком, в один момент, заполнив Вадика до самой макушки.

«Я как бутылка, — подумал он, — я наполняюсь душой, я сам стал бутылкой с эликсиром души!»

В голове звонко щелкнуло, и перед закрытыми глазами Вадика открылось небольшое окно. Из него бил яркий свет, который упал прямо на мысли Вадика и высветил их словно прожектор. Почему-то отчетливо запахло сладким дымом — наверно, рядом жгли солому.

Померанцев засмеялся. Он видел все свои мысли, ему стало легко и хорошо. Он отчетливо видел, что все внешнее не важно, а важно то, что внутри. И то, что нужно заботиться о своем нутре, он тоже видел, мысли нужно было растить, культивировать и прочищать, выдирая сорняки. Вадик подумалось, что к нему опять пришла мудрая мысль, и он снова засмеялся.

Он по-прежнему топтался на месте, двигая руками и ногами так, как ему подсказывало его тело. Не открывая глаз, он еще раз приложился к бутылке с живительным эликсиром.

Энергия хлынула потоком, устроив в голове воронку водоворота. Вадик продолжал смеяться, несмотря на гарь, от которой першило в горле. Он чувствовал, что излучает энергию, чувствовал, что она просто льется из него в окружающее пространство, наполняя мир светом и теплом.

— Я горю! — прошептал он.

Перевел дух и тут же закричал:

— Я факел! Я — факел!!!

Он действительно чувствовал себя факелом — своей горячей душой он освещал мир, делал его светлее и чище.

— Так гори! — закричал в ответ Фарит, находящийся где-то далеко. — Гори!

И Вадик вспыхнул. В голове его все смешалось. Он смеялся и чувствовал чужой смех, он танцевал и чувствовал чужой танец. Он светил в мир и чувствовал свет других.

А потом все смешалось в кучу: свет, мохнатые теплые туши, чьи-то касания и разговоры. Вадик мощным глотком допил эликсир души и растворился в мировой радости, отдавая ей свое тепло.

* * *

Проснулся он легко. Просто открыл глаза и уставился в закопченный потолок, выкрашенный уже облупившейся зеленой краской. Через минуту он сообразил, что

лежит на лавке лицом вверх и рассматривает потолок подвала.

Вадик рывком сел. Он находился в той же самой комнате, где вчера познакомился с Фаритом и его учениками. В голове было пусто. Но зато она не болела. Вадик чувствовал упадок сил, но больше никаких неприятных ощущений не было.

В подвале никого из вчерашних бомжей не было. Только горела лампа, вяло освещающая грязный бетонный пол. На лавке валялась драная хозяйственная сумка, которую Вадик использовал как подушку. Он потянулся к ней, запустил внутрь руку и извлек на свет пустую водочную бутылку без этикетки. Принюхался. Пахло водкой.

Он точно помнил, что вчера пил из этой бутылки. Но похмелья не было, и это было самым странным. Обычно после водки Вадик полдня не мог встать.

«Что же было в этой бутылке?» — подумал он.

Обведя взглядом пустую комнату, Померанцев попытался припомнить, что было вчера.

Он пил, и ему было хорошо. Энергия хлестала из него, как из прохудившегося ведра, а голову посещали мудрые мысли. Потом воспоминания как-то резко заканчивались.

«Наверно, потом я ужрался», — подумал Вадик.

Он напрягся, пытаясь вспомнить, что было дальше, но память выдала лишь неразборчивый набор ощущений: его хвалили, хлопали по плечу, он с кем-то танцевал и снова пил, было хорошо. Вдруг вспомнилось, что одного из его новых знакомых звали Шумахером.

«Запоминающаяся фамилия», — подумал Вадик.

Еще память вдруг выплюнула из своих недр случайную фразу: «Когда наливают от души — это и есть эликсир души».

И еще, следом, истошный крик:

— Да не факел ты, а фак ты ел!

Вадик поморщился, а потом вдруг испугался. Он вскочил со скамейки и стал ощупывать свою жопу. Вроде она

не болела, да и других неприятных ощущений тоже не было. Померанцев облегченно перевел дух.

«Ну и хорошо, — подумалось ему, — а то Саныча послушаешь — кругом одни пидорасы».

Вспомнив про Саныча, он подумал о работе. Автоматически глянув на старенькие часы, он присвистнул — рабочее утро было уже в разгаре. Вадик внезапно вспомнил, что сегодня должны были давать аванс и, плюнув на все воспоминания, заторопился к выходу.

Железная дверь была распахнута настежь. Вадик вышел на лестницу и попытался аккуратно прикрыть за собой дверь. Но это ему не удалось — железная конструкция была тяжелой. Взяв разгон от толчка Вадика, она с ужасающим грохотом захлопнулась. Померанцев втянул голову в полечи, поежился и бросился по лестнице на третий этаж, перескакивая через несколько ступенек за раз.

Скинув в раздевалке пальто и натянув рабочий халат, Вадик отправился к цех. Там было многолюдно. Сегодня все вышли на работу и делали вид, что ударно трудятся в поте лица. Мужики в цеху перекрикивались, стараясь заглушить рев станков, и сияли заплывшими глазами в предвкушении аванса.

Померанцев подскочил к фрезе, взял новую заготовку из того штабеля, что он не добил вчера, и решительно положил ее на станок. Работа спорилась. Вадик привычно выпускал заготовки на брусья и пытался разобраться в себе.

Воспоминания о вчерашнем вечере были смутными и расплывчатыми. Зато очень ясно проступали ощущения. Вадик помнил, что ему было хорошо, так хорошо, как еще никогда не было. Он вспомнил, что ему вчера говорили о том, что он скоро найдет свое предназначение.

Померанцев попытался помечтать, что он скоро станет героем России, но выходило плохо, он все время срывался, возвращаясь к ощущению тепла, поселившемуся чуть ниже пупка.

Рабочий день закончился быстро. После обеда раздали аванс, и мужики потихоньку потянулись по домам. Работать с получкой в кармане выглядело немыслимым кощунством.

Вадик, у которого не было сегодня обеда, сильно проголодался. Он решил не тратить деньги, а просто поехать домой. При мысли о доме он вспомнил Маринку, ее голые пятки, торчащие по бокам волосатой жопы Гийи. Это воспоминание, к его собственному удивлению, не вызвало протеста. Вадик подумал, что очень мало размышлял об этом ужасном, как ему сначала показалось, событии. Сейчас, вспоминая происшедшее, Померанцев удивлялся себе. Ну, трахнули жену, ну и что. Не в первый раз, видать. Он все одно догадывался, был почти уверен, что Маринка ему изменяет. Вот наконец увидел, ну и что? Это все внешнее, пустое. Главное — что внутри! А внутри у Вадика сейчас было пусто, и есть хотелось прямо-таки ужасно. Он пожал плечами и пошел к раздевалке.

Плетясь по длинному темному коридору, в котором с роду не горел свет, Померанцев размышлял о том, что будет делать, когда встретит Фарита. Он как раз пытался сформулировать вопросы, которые задаст татарину, и поэтому не заметил человека, стоящего раком посреди коридора и завязывающего шнурки.

Вадик толкнул его прямо в откляченную жопу, и человек полетел головой вперед, издав веское, раскатистое «Бля!».

Вадик в испуге замер, пытаясь рассмотреть, что он натворил.

— Померанцев, бля, гондон, бля! — загудело на уровне пола. — У тебя, бля, что, глаза на жопе? Ты когда, гондонщик, перестанешь на ходу спать, бля?

Вадик облегченно вздохнул. То был всего лишь Саныч, целый и невредимый, судя по реплике.

Саньч тяжело поднялся с пола и подошел к Вадику вплотную, взял его за пуговицу рабочего халата и тихо произнес:

— Вот что, Померанцев, кончай мечтать, еб твою мать. Ты уже заебал. Сам подумай, так замечтаешься и руку себе отмахнешь фрезой, нах, и не заметишь.

Саньч внезапно запнулся и пристально уставился на Вадика. Тот глупо и немного смущенно улыбался.

— Ты чего лыбишься, нах? — спросил Саньч. — Ты чего?

— А что? — удивился Вадик. — Что такое?

— Да у тебя ебальник такой счастливый, будто ты где на халяву ящик водки отхватил...

— Это, Саньч, все внешнее, наносное. Тлен, — невольно ответил Вадик, продолжая думать о Фарите. — Главное — то, что внутри!

— А! — коротко ответил Саньч.

Он смерил Вадика цепким взглядом и заторопился в сторону раздевалки. Померанцев еще немного постоял на месте, пытаясь понять, что он такого сказал. Потом пожал плечами и пошел одеваться. Очень хотелось есть.

* * *

На этот раз он позвонил в дверь. Маринка была дома — звук телевизора был слышен даже сквозь закрытую дверь. Не открывали долго. Вадик успел позвонить три раза, прежде чем в замке со скрежетом заворочался ключ.

Дверь распахнулась, и Вадик вошел в коридор. Маринка стояла посредине прихожей, уперев руки в бока. Выглядела она грозно: длинная обесцвеченная прядь спадала на раскрасневшуюся щеку, глаза зло горели, полные губы кривились в презрительной ухмылке.

— Ну, — громким шепотом сказала она, — и где ты шлялся?

Вадик захлопнул дверь, и Маринка сорвалась на крик:
— Паскуда приبلудная, где тебя носило, ебанный кобель?

Вадик лишь улыбнулся в ответ. Внутри у него было тепло и хорошо, ссориться совсем не хотелось.

— Нажрался, алкаш?

Маринка шагнула ближе и хищно втянула воздух ноздрями. Вадик успел заметить, что из правой ноздри торчит длинный жесткий волос. Радость внутри угасала, как костер, в который поссал пионер.

— Работы было много, — сказал он, — пришлось остаться на фабрике. Зато зарплату дали.

— Погань ебучая, — протрубила супруга, — пропил, наверно, все, член моржовый!

Вадик вытащил из внутреннего кармана пальто горсть мятых бумажек и протянул жене. Та ловко, одним движением выхватила деньги у него из руки и отработанным жестом развернула их веером.

— Ишь ты? — подивилась она. — Надо же, все на месте, твои гроши. Где ж тебя носило? У блядей, что ли, был? Где ж ты такую нашел, что она на тебя польстилась? Слепая небось блядища была да глухая...

Тепло внутри живота угасло совсем. Внутри него осталась только голод. Вадику стало скучно, в голове образовалась странная пустота, и он стал стаскивать с себя пальто.

— Заходи уж, кобель, — тоном ниже сказала Маринка, — твоё счастье, я сегодня добрая. Обед готов. Как раз себе стряпала. Иди жрать, пока не остыло.

Она повернулась и пошла в комнату прятать деньги в щель между секретером и платяным шкафом.

Вадик тоскливо посмотрел ей вслед и принялся развязывать ботинки. Ему казалось, что он попал в странный и страшный сон. Все кругом было чужое. Не свое. Внешнее.

Он пошел на кухню, размышляя о том, что же внутри него изменилось. Все свое стало чужим и непривычным, а все чужое и незнакомое — своим.

«Наверно, это оттого, — подумалось ему, — что предназначение близко».

На кухне он сразу уселся за стол. Подошла Маринка и бросила перед ним на стол ложку и вилку. Потом взяла глубокую тарелку, плеснула в нее половник борща и шмякнула туда же большой кусок вареного мяса. Красные брызги борща полетели во все стороны, забрызгав ее домашний халат.

— Вот блядство! — прокомментировала она и поставила тарелку перед мужем.

— Жри давай, блядун копеечный. Смотри, засеку тебя с бабой — хуй отрежу и тебе же скормлю.

Вадику стало совсем плохо. Тепло внутри исчезло окончательно и бесповоротно, осталась только глухая обида, тоска и раздражение.

— А может, в пидорасы подался? — вслух размышляла Маринка. — Ну где тебя носило, скажи уж! Только не пизди про работу, вижу же, у бабы был, пахнет от тебя чем-то сладким.

Раздражение перешло в злость. Рука, держащая ложку, задрожала, и Вадик разжал пальцы. Ложка брякнулась на пол.

— Хули ложками бросаешься? — взъярилась Маринка. — Ишь, чмо, ты у меня довыебываешься!

— Я знаю, — глухо сказал Вадик. — Знаю.

Если бы Маринка промолчала, он бы тоже не стал ничего говорить, но своими воплями она вывела Вадика из себя. Ведь это она ему изменила, она! А ведет себя так, словно это он, Вадик, водил домой баб.

— Что ты знаешь, тля? — нахмурилась Маринка.

— Тебя Гийя в жопу ебал. И просто так тоже ебал. Я видел!

Вадик выпалил все это и тут же испуганно втянул голову в плечи, опасаясь гнева жены. Маринка выпучила свои давно выцветшие глаза, потом кровь бросилась ей

в лицо — щеки покраснелись, губы стали алыми, словно напояженными. Она прищурилась, так что глаза превратились в едва видимые щелки. Вадику вдруг некстати подумалось, что ее глаза сейчас стали похожи на глаза Фари-та. Только у него глаза были добрые, а у Маринки...

— Сучонок! — выдохнула она. — А ты как думал? Твоим членом только посуду в шкафу протирать, он же как тряпка!

Она задохнулась, подавилась своим очередным криком и резко повернулась, недовольно бормоча себе под нос.

Вадик застыл, растерянно глядя на ложку, что валялась на полу. Потом он взял в руки вилку, перевел взгляд на кусок мяса в алом борще и повернулся к Маринке. Та стояла к нему спиной чуть нагнувшись. Она колдовала над плитой, гремя крышкой кастрюли. Ее толстая задница слегка выдавалась назад, смотрела прямо в лицо Вадику. Внутри у него все кричало от гнева и боли, ему было плохо, очень плохо. Если вчера вечером ему было хорошо, как еще никогда не было в жизни, то сейчас ему было настолько же плохо. Вчера его переполняла радость и тепло, сейчас же в нем бушевал всепожирающий огонь. Все мысли исчезли, подчинясь неведомым инстинктам, он нагнулся вперед и с силой воткнул вилку в округлый зад жены.

Маринка заорала и подпрыгнула, ударившись головой о вытяжку, висевшую над плитой. Вадик отпрянул.

Маринка, продолжая вопить, обернулась и, размахнувшись, отвесила мужу затрешину, от которой он вместе с табуреткой полетел на пол. Маринка набросилась на упавшего мужа, беспорядочно молотя его руками. Закрыв голову, Вадик попытался подняться и получил удар ногой по ребрам. Озверев, он оттолкнул Маринку обеими руками, и она отлетела, ударилась спиной о кухонный шкаф. Вадик вскочил на ноги, сжав кулаки, и тут увидел, что жена схватилась за длинный кухонный нож. Ничуть не задумываясь, он размахнулся и ударил по-настоящему — в ли-

цо, чуть справа. Маринкин визг оборвался, и она повалилась навзничь, выронив нож. Она села на пол, потрясла головой и внезапно заревела. Слезы катились по ее раскрасневшимся щекам, словно два небольших ручейка.

Вадик резко развернулся и бросился прочь. В прихожей он схватил пальто, оборвав вешалку, подхватил ботинки, открыл двери и выскочил на площадку.

Обулся он только на первом этаже. Натянув кое-как ботинки, он накинул на себя пальто и вышел на улицу. Все его внутренности сжались в тугий комок. В горле стоял колючий ком, а в глазах стало горячо и влажно. Он обернулся, бросил взгляд на подъезд. На втором этаже скалилось стеклянными клыками разбитое стекло, из распахнутых дверей несло кошачьей мочой.

Порыв осеннего ветра забрался в распахнутое пальто, и Вадик мгновенно озяб. Он развернулся и решительным шагом направился к станции. Здесь больше нечего было делать.

* * *

Пройдя мимо лестницы, ведущей на второй этаж, Вадик нырнул в знакомый закуток и остановился перед железной дверью. Ручки на ней не было. Вадик уцепился пальцами за железную кромку и потянул ее на себя. Что-то лязгнуло в железном нутре, и дверь легко распахнулась. Вадик скользнул внутрь и помчался по коридору к знакомому повороту.

Свернув за угол, Вадик облегченно вздохнул. Здесь было все по-прежнему — четверо мужиков топтались на месте, тихо ухая. Ему ничего не приснилось. Все было взаправду.

Вадик вошел в зал и увидел, что в дальнем углу на лавке сидит Фарит, вытянув вперед свои короткие ножки. Померанцев решительно направился к нему и без приглашения бухнулся рядом. Фарит посмотрел на него

и вместо приветствия безмятежно улыбнулся, словно они не расставались.

— Фарит, — хрипло сказал Вадик, — что ты сделал со мной? Почему кругом все кажется чужим?

— Я ничего не делал, — тихо ответил татарин, — это сделало твое предназначение. Ты чувствуешь его. Оно нахлынуло на тебя, открывая глаза на то, что есть истинный мир, к которому ты должен стремиться.

Вадик потряс головой. Фарит говорил умно, правильно, его слова находили отклик в душе Вадика, но он чувствовал дискомфорт. Он достал из кармана одноразовую китайскую зажигалку и посмотрел на нее, пытаясь сообразить, куда он сунул пачку купленной по дороге «Примы».

— На, покури, — Фарит вытянул из кармана своего халата мятую бумажную пачку папирос. Вадик с сомнением посмотрел на цветастую пачку, на которой было написано не по-русски, но потом ловко выудил из нее папиросу. Отказываться от угощения он не привык. Свои целее будут.

Он прикурил от зажигалки, втянул в себя горький дым, неожиданно оказавшийся ароматным. Вкус напоминал лавровый лист. Вадик затянулся еще раз, и папироса, излишне сухая, затрещала.

Фарит стал растирать себе колени, поглядывая на Померанцева краем прищуренного глаза. Вадик затянулся еще раз, и папироса неожиданно кончилась. Она была слишком сухая и истлела в одно мгновение.

Померанцев смутился. Он бросил окурочек на бетонный пол и раздавил его каблуком ботинка.

— Вставай! — скомандовал Фарит. — Пошли!

Вадик послушно вскочил. Он чувствовал, как от татарина исходило странное тепло. Это тепло он ощущал всей кожей.

— Я все тебе расскажу, — тихо сказал Фарит, — но кое-что ты должен сначала увидеть сам. Закрой глаза!

Вадик прикрыл веки. Было хорошо. Ему очень хотелось вернуться в это странное состояние тепла, которое он

испытал вчера, ощутить величие духа, осознать свое предназначение. И вот, наконец он здесь.

— Танцуй! — приказал Фарит, его голос стал внезапно жестким и резким.

Тело Вадика повиновалось само, еще до того, как мозг успел осмыслить команду.

Руки сами поднялись в нужную позицию, и он стал топтаться на месте, чувствуя, как тепло поднимается из земли в пятки.

— Танцуй и чувствуй! — велел Фарит.

Вадик стал двигаться чуть активнее. Он чувствовал, как тепло добралось до его лодыжек и теперь тянется выше — к бедрам.

Отключившись от внешнего мира, он танцевал, ощущая, как тело наполняется теплом. Предназначение обертывалось вокруг него, словно покрывало, захлестывало с головой.

— Держи, — раздался вдруг голос Фарита, и Вадик почувствовал, как что-то ткнулось в руку. Ощувив ладонью знакомый изгиб, Вадик сообразил, что это бутылка с эликсиром души.

— Пей! — скомандовал татарин. — Ты еще неопытный, тебе нужна помощь.

Вадик послушно сделал глоток, не прекращая движений. Все шло по-прежнему. Только стала кружиться голова.

Когда тепло доползло до макушки, он стал ощущать то, что происходило вокруг, не открывая глаз. Вот тени танцуют мохнатые и теплые, это те, что рядом. Померанцев напряг память и вдруг легко вспомнил их имена — Семен, Шумахер, Хан и Валера...

Внутри бился теплый комочек. Стало хорошо, до ужаса хорошо, и Вадик застыл на месте, прогнувшись назад и запрокинув голову вверх.

— Смотри, — донесся до него шепот Фарита, — на меня смотри! Не открывай глаза!

Вадик потянулся на голос своим теплом, переполнявшим его тело. И наткнулся на скалу — прочную и холодную скалу, именно так представлялся ему Фарит. И вдруг эта скала лопнула, по ней пошла трещина, и прямо из середины брызнул ослепляющий белый свет. Вадик вскрикнул и закрылся руками.

— Смотри, — шептал татарин, — это я. Теперь ты видишь меня.

В темноте перед Вадиком пылал белый огонь, от которого было не укрыться, не спрятаться.

— Это я, — продолжал татарин, — Воин Добра. Ты видишь мою сущность, видишь мою душу, видишь то, что внутри. Видишь самое главное во мне — силу добра.

— Это как? — простонал Вадик.

— Не открывай глаз, — резко предупредил Фарит, — а то у тебя будет шок. Я — Воин Добра. И нас много. Сейчас я здесь один. Эти ребята, что стоят рядом, — они на пути к этому, они еще не достигли своего предназначения. Им еще предстоит много работы. А ты уже на пороге. Еще немного — и ты тоже станешь Воином Добра. Вот только поймешь, что к чему, и станешь. В этом твое предназначение.

Вадик жадно внимал татарину. Его слова находили в душе Померанцева незащищенные бреши и вливались туда подобно расплавленному свинцу. Вадик стало душно, во рту появился неприятный привкус, и он еще раз отхлебнул из бутылки. Тепло взорвалось внутри него миллионом искр, голова закружилась, и он пошатнулся.

— Мы боремся со злом, — продолжал Фарит, сверкая своим нутром, — и ты тоже станешь таким. Иди по своей стезе и ты присоединишься к нам. Ты будешь творить добро и защищать людей от зла.

— Когда? — прошептал Вадик, пораженный открывшейся перспективой. — Когда?

— Скоро, очень скоро. Только верь мне и иди по пути. Танцуй танец души, танцуй!

Вадик принялся топтаться на месте. Лучи яркого сияния души Фарита обжигали его, но это была приятная боль. Она выжигала все те темные пятнышки, остававшиеся внутри. Боль, страх, тягу к деньгам, гнев...

Перед Вадиком вереницей прошли Саныч, Маринка, Гийя с голой жопой. Он понял, что это все не стоит его внимания. Что это все наносное, внешнее, которое канет в вечность, не оставив и следа. Истина лежала перед ним. Душа — это главное. Главное — то, что внутри. Надо следовать внутреннему пути, танцую танец души и приближаясь к своему предназначению.

Вадик одним глотком допил бутылку, отбросил ее и рассмеялся. В голове шумело, кругом расстился мрак, но посреди него горела душа Фарита, освещающая путь.

Он продолжал танцевать, чувствуя, что предназначение близко, когда вдруг коленям стало больно. Вадик дернулся и с удивлением понял, что упал на колени. Он улыбнулся, покачал головой, но глаз так и не открыл. Сияние рядом померкло, Фарит отошел. Вадик вскинул голову и выкрикнул в потолок, уходящий в космическую даль:

— Я — факел!

И опрокинулся на спину...

* * *

На следующий день Вадик поднялся в цех и работал там до самого вечера. Потом вернулся в подвал и снова танцевал танец души. Фарита не было, зато у Семена была бутылка эликсира души. Они танцевали все вместе, постигая предназначение, пока не свалились с ног. На следующий день все повторилось.

Так Вадик и стал жить: днем работа в цехе, вечером — танцы в подвале. Домой он и не думал возвращаться. В его воспоминаниях дом стал злом, в нем правил бал гнев.

Ел Вадик то, что приносил вечером Фарит, в основном хлеб. Скоро он почувствовал легкость во всем теле,

казалось, стоит взмахнуть руками — и непременно оторвешься от этой земли.

Внешний мир мало занимал Вадика. Днем он двигался вяло, автоматически выполняя знакомые движения; он жил только вечером, когда совершенствовал свой внутренний путь.

На работе почти никто ничего не заметил. Только босс, Евгений Иннокентич, как-то сказал ему: «Зря ты, Вадик, связался с бомжами». Померанцев промолчал. Директор хмыкнул и ушел. Ведь Вадик стал работать лучше, чем раньше. Он задерживался в цехе до самого вечера, оставаясь один, когда прочие работяги расползались по домам.

Вообще-то Вадик решил бросить работу, ведь она представляла собой яркое проявление внешнего мира, но Фарит отсоветовал. Он сказал, что еще рано. Еще он сказал, что Вадик пока не готов полностью уйти во внутренний мир. Померанцев, прислушавшись к своему нутру, согласился.

Так прошла неделя. Однажды днем вездесущий Саныч подкатился к Вадiku с разговором.

— Померанцев, гондон, — привычно пробасил он, — слушай, а твоя-то, Маринка, с этим черножопым живет. Ты, бля, чего зеваешь-то? Может, помочь? Мы тут с мужиками попиздели, если надо, пойдем выкинем этого хуя из твоей хаты...

— Не надо, — попросил Вадик и улыбнулся, — не надо. Это все пустяки, внешнее, наносное.

— Ну-ну, — сказал Саныч.

Он пристально посмотрел на Вадика, расплывшегося в широкой дружелюбной улыбке, и, сплюнув, заторопился в цех. Больше к Вадiku никто не подходил.

А на выходных пропал Фарит. Вадик всю субботу и воскресенье ждал его, но татарин не явился. Приходили его растерянные ученики, которые тоже не знали, что с ним. Шумахер принес хлеба и полбатона докторской

колбасы. Семен достал бутылку водки, но никто из них не смог превратить ее в эликсир души. Опечаленные, они все вместе танцевали и пили, пытаясь постигнуть судьбу Фарита, но не преуспели в этом.

В понедельник вечером, после работы, Вадик вернулся в подвал и никого там не обнаружил. Чувство тепла и радости, не покидавшее его все это время, немного померкло.

Он потанцевал, один и без настроения, но что-то внутри не давало ему покоя. Беспокойство сводило на нет все упражнения и не давало сосредоточиться. И к тому же было очень сложно без эликсира увидеть глубины собственной души.

Вадик, расстроенный этим, лег спать, привычно подложив под голову старую телогрейку и укрывшись своим стареньким пальто.

Но едва он задремал, как его сон наполнился голосами. Вадик открыл глаза.

— Вставай! — сказал Семен, нависая над Померанцевым, словно надломленный тополь. Он шмыгнул огромным носом и втянул соплю, выглянувшую из волосатой ноздри.

— Вставай, — повторил он, — поедem Фарита выручать.

Вадик немедленно вскочил, тараща глаза спросонья. Он натянул на себя пальто и оглянулся по сторонам, не зная, что нужно делать.

— Телогрейку надень, — посоветовал Семен и, развернувшись, пошел в коридор.

Вадик натянул телогрейку прямо поверх пальто и бросился за ним.

Семен не пошел к выходу, в коридоре он свернул в подсобку и углубился в лабиринт отопительных и вентиляционных труб. Вадик едва поспевал за ним.

Наконец они выбрались наружу через черный ход. Здесь, за фабрикой, была большая асфальтированная

площадка, на которой обычно разгружались грузовики с пиломатериалами. Сейчас она была пуста, лишь посреди нее стоял старенький ярко-красный «запорожец», у которого не было двери со стороны водителя.

— Пошли! — поторопил Вадика Семен и припустил к машине бегом.

Вадик старался не отставать.

В машине, как оказалось, уже собрались все ученики Фарита. За рулем, нахохлившись, сидел Шумахер. Семен опустил спинку сиденья, и Вадика втиснули назад, между Ханом и Валерой. На переднее сиденье сел Семен. Едва он захлопнул за собой дверцу, как «запорожец» буквально завизжал своим мотором и рванул с места.

Все одновременно закричали, пытаясь переорать рев мотора, и Вадик тоже стал кричать — он хотел узнать, что же случилось с Фаритом.

Из ответных криков Померанцеву удалось понять, что Фарит два дня назад отправился отслеживать Воинов Зла. Заодно он хотел помочь паре светлых людей, ищущих свой путь. Но вроде как Воины Зла сами его выследили, поймали и уже два дня никуда не отпускают. По слухам, Фарита они поили паленым эликсиром души, черным. Где они его держали, никто толком не знал, был известен приблизительно только район.

Откуда-то появилась бутылка настоящего эликсира души и пошла по рукам. Вадик пару раз изрядно к ней прилржился и почувствовал, как внутри разливается знакомое тепло. Он пожалел, что не может немного потанцевать, чтобы настроиться на свет. Но зато он попробовал мысленно пощупать собеседников, и это удалось.

Когда по кругу пошла вторая бутылка, все примолкли, включая замерзшего Шумахера. Никто не знал, как найти Фарита, но все очень хотели это сделать. Как Вадик понял, он был самым продвинутым из учеников, и почему-то остальные решили, что он лучше всех знает, что надо де-

лать. Вадик отнекивался и пытался отделаться фразой о том, что надо «слушать теплом».

Машина ехала не быстро, но уверенно. «запорожец» натужно ревел мотором, распугивая «жигули» и «мерседесы». Его постоянно заносило из стороны в сторону. Потом скорость увеличилась, и Вадик стал уже плохо понимать, где он находится и куда они едут. Кричали все. Каждый кричал свое, но все слова сводились к тому, что надо срочно начинать.

Машина резко остановилась, и Вадик вздрогнул. Оказывается, он немного задремал. Его вытащили из машины и стали орать на ухо, но он ничего не понял и только для вида качал головой. Внутри него пела душа.

Наконец его оставили в покое, и он вздохнул спокойно. Вокруг все немного искажено, словно он находился в тумане. Краем глаза Померанцев успел уловить, что его приятели разбегаются в разные стороны с истошными криками.

Тогда он пошел вперед, а потом налево. Кругом все плыло, и вообще видно было плохо. Тогда Вадик закрыл глаза и, пританцовывая на месте, стал мысленно ощупывать пространство. Так было легче.

Он чувствовал много всего — и боль, и гнев, и усталость, но никак не мог понять, что же он ищет. Наконец решил двигаться вперед. Выставив перед собой руки, он прошел несколько шагов и уперся в стенку. И в этот самый момент он почувствовал их — Воинов Зла. Где-то далеко, на краю ощущений, заворочались черные злые тени, и Вадик испуганно присел. Это было Зло — самое натуральное Зло, и его было много. Пять или шесть Воинов Зла, вот кто это был. Вадик попытался прощупать их подробнее, но не смог. Тогда он пошел к ним. Не открывая глаз, он шел вперед, прямо к этим теням. По дороге он все время натыкался на мягких людей и твердые предметы.

Он открыл глаза, но голова так кружилась, что он снова их закрыл и пошел дальше. Внезапно среди этих чер-

ных теней мелькнула яркой вспышкой белая звезда. Фарит! Это был Фарит! Вадик заметался на месте, не зная, что делать. Это был точно Фарит, это был свет его души. Воины Зла сгрудились над ним, стремясь задавить его свет, лишить Фарита души. Надо было что-то делать.

И тогда Вадик побежал. Не открывая глаз он побежал вперед, ругаясь на Воинов Зла.

Он натыкался на препятствия, падал, разбил колено, но глаз упорно не открывал. Его хватали за рукава, но он вырывался и упорно бежал вперед.

Он нашел их быстро. Минут через пять он почувствовал всю эту компанию так хорошо, что ему даже стало тошно. Они были рядом.

Только тогда Вадик открыл глаза. Как оказалось, он стоял между двумя высокими домами, в дворике, заросшем голыми кустами сирени. Из-за угла раздавался натужный хрип, и Вадик почувствовал, что Фарит там. Он вздохнул поглубже и бросился за угол.

Его глазам предстала ужасная картина — в узком тупичке пятеро Воинов Зла били ногами Фарита, который лежал на земле. Воины Зла были все одеты в китайские рваные пуховики, а на головах их были вязанные шапочки. По виду они ничем не отличались от учеников Фарита — такие же обросшие, грязные, отвергнувшие внешнее. Но внутри — внутри они состояли из сплошных комьев зла! Их души были черны. Они били Фарита, и свет его души угасал на глазах.

— А!!! — закричал Вадик и бросился вперед.

Он налетел на Воинов Зла, расталкивая их руками, крича. Его тоже толкали, а потом один из них схватил Вадика за обе руки и развернул лицом к себе.

— Сука, блядь, — заорал он, — пидорас ебанный!

— Я — факел! — гордо закричал Вадик в ответ.

Он вобрал голову в плечи и рванулся вперед, ударив врага головой в лицо. От удара из глаз посыпались искры, но Вадик услышал, как что-то хрустнуло, и противник

упал. Его схватили за плечи, развернули в другую сторону, и Померанцев увидел, как в руке одного из нападавших блеснул нож. Вадик попытался вырваться, но было поздно. Рука с ножом метнулась к нему и ударила в бок. Но лезвие запуталось в толстой телогрейке и даже не прорезало пальто. Вадик ухватил руку с ножом обеими руками, облапил ее и принялся ломать, не обращая внимания на удары, сыпавшиеся на него.

Рядом кричали. Наконец его сильно ударили по голове, и он отшатнулся, выпустив руку с ножом, но не упал. Он прижался спиной к стене тупичка и перевел дух. Воины Зла не приближались к нему, они просто стояли и матерились, злобно сверкая глазами.

— Я — факел! — изо всех сил закричал Померанцев, наступая на Воинов Зла. — Факел!

И они побежали. Позорно развернувшись, они бросились наутек, оставив на поле боя Фарита, Вадика и разбитые бутылки.

Вадик даже не стал смотреть им вслед. Он наклонился над лежащим без движения Фаритом, встал на колени и перевернул татарина на спину. Тот дышал хрипло, с натугой. Глаза его были закрыты, телогрейка на груди изодрана в клочья. Лицо представляло собой кровавое месиво, а жидкая бороденка слиплась от крови, сочащейся изо рта.

Вадик приподнял голову татарина обеими руками и, склонившись над ним, позвал:

— Фарит! Фарит!

Тот открыл левый глаз и застонал.

— Вадик, — прошептал он, — я знал. Я чувствовал тебя.

— Я пришел, — просто сказал Вадик.

— Уходи, — простонал Фарит, — уже поздно.

Он вдруг неловко дернулся, и из рукава его телогрейки выпала полная бутылка.

— Забери эликсир, — прошептал татарин, — нельзя никому давать, выпей сам. Обязательно выпей! Прямо

сейчас. Тебе осталось немного. Еще чуть-чуть — и ты станешь Воином Добра.

— Как же так, — растерянно сказал Вадик, — как же! Нельзя ж так!

— Бери, — протянул Фарит, — бери и беги. Они вернутся. Сейчас вернутся. Они пошли за помощью.

— А может, ментов позвать? — спросил Вадик. — Они не дадут...

— А что менты? Они тоже люди, среди них есть и Воины Добра, и Воины Зла. Я чувствую приближение темных сил.

Он вдруг приподнялся, и Вадик отпустил его голову.

— БЕГИ! — заорал он, широко раскрывая окровавленный рот. — БЕГИ!

Его второй глаз открылся, и Вадик увидел там тошнотворное месиво из крови и слизи. Он испуганно отпрянул, подхватил бутылку и выпрямился.

— БЕГИ! — снова закричал Фарит, но уже тише.

И Вадик побежал.

Ужас гнал его прочь от окровавленного татарина. Померанцев бежал изо всех сил, прижимая бутылку с эликсиром к груди.

— Беги! — донеслось до него.

Вадик побежал еще быстрее. Он петлял между домами, перебегал улицы, продираясь сквозь кусты. Один раз он остановился и прислушался. Огонь души Фарита угасал. Он умирал. Вадик заплакал, достал бутылку и сделал большой глоток. Завинтив пробку, он бросился бежать дальше, распугивая собак и прохожих. А за его спиной угасал свет души Фарита. Когда этот свет погас, Вадик остановился и снова отпил из бутылки. С Фаритом было покончено, Вадик это чувствовал. Торопливо проглотив эликсир, он обжег себе горло, закашлялся, завинтил бутылку и побежал дальше.

В голове шумело, бежать становилось все труднее. Теперь, когда не было света Фарита, Вадик впал в отчаяние.

Ноги почти не шевелились. Скоро он просто уже шел вперед, глотая на ходу эликсир. Он не видел ничего вокруг, только вспоминал, как погасла звездочка души Фарита. Внезапно ему стало так плохо, что он остановился и опустил руки. Но в этот момент ему почудилось, что знакомый голос шепчет сверху:

— Беги!

И на Вадика упала яркая звезда. Она пробила ему голову и вспыхнула в животе. Это было послание от Фарита. Вадик глотнул еще из бутылки и снова побежал вперед, унося в себе белую звезду Воина Добра.

Он бежал долго, пока не кончились силы. Потом упал. Успел еще немного проползти вперед, но потом все вокруг растворилось в белом мерцании.

* * *

Проснулся Вадик от холода. Легкий морозец гулял внутри штанин и забирался под пальто и телогрейку, норовя куснуть побольнее.

Вадик заворочался и разлепил опухшие веки. Яркий утренний свет брызнул ему в глаза. Недовольно ворочаясь, он приподнялся и попытался осмотреться.

Как оказалось, он лежал на асфальте между двумя зелеными мусорными контейнерами с погнутыми ржавыми стенками. Вадик сел. Контейнеры были переполнены, и мусор валялся рядом, образуя разноцветные кучи.

«Где я? — подумал Вадик спросонья. — Как я сюда попал?»

Он окинул взглядом окружающий мир. Из-за баков было видно, что он находился в проулке между двухэтажным домом и длинным рядом гаражей-ракушек. Вдалеке виднелся кусок узенькой улочки. Было холодно. Легкая изморозь покрывала голую землю белыми узорами.

«Да где же я?» — снова подумал Померанцев.

Он опустил глаза и вдруг увидел бутылку без этикетки, лежащую рядом. Память вернулась с резким щелчком, навалилась медведем, отозвалась болью в затылке. Вадик застонал, обхватил голову руками и заплакал. Он сидел на голом асфальте, покачиваясь из стороны в сторону, и плакал. Ему было холодно.

Но внутри живота ворочалось что-то маленькое, но теплое, вроде котенка. Вадик закрыл глаза и прислушался к себе. Внутри него был свет, яркая звездочка, пульсирующая в такт сердцу и распространявшая вокруг себя ореол тепла. Вадик мысленно коснулся звездочки. Она дрогнула, а потом стала увеличиваться, даря тепло.

Вадик улыбнулся, чувствуя, как замерзают слезы на щеках. Он открыл глаза и подхватил бутылку. В ней еще оставалось немного водки, но жидкость была пустая, безжизненная, словно только что из магазина. Он встал, выпрямился и принялся к горлышку бутылки. Пахло водкой.

«Выдохлась», — с сожалением подумал Вадик.

Ему припомнились слова Фарита о том, что эликсиру надо отдавать кусочек души. Вадик выпрямился и закрыл глаза. Он мысленно коснулся своей яркой звездочки в животе, и она заворочалась, превращаясь в огненный шар. Вадик стал танцевать, чувствуя, как добро разливается внутри теплой волной. Своей теплой мыслью он потянулся к бутылке, что держал в руке. Он почувствовал ее — холодную и пустую. Вадик отщипнул от себя немного добра и вложил его в водку. Бутылка заиграла радостными теплыми красками.

Вадик открыл глаза, возвращаясь в привычный мир. Теперь ему было тепло, и настроение улучшилось. Вадик посмотрел на бутылку. В ней, на самом донце, плескался искристый и светлый эликсир души.

«Получилось! — радостно подумал Вадик. — Получилось!»

Он вскинул бутылку донцем к грязно-серому небу и высосал в один глоток остатки эликсира. Утерся рукавом телогрейки, царапнув по недельной щетине, и аккуратно отправил опустевшую бутылку в мусорный бак.

Эликсир внутри взорвался, словно граната. Волны тепла захлестнули Вадика с головой, и он засмеялся. Мир налился яркими красками, проступил цвет. Небо стало голубым, а изморозь на траве не белой, а серебряной.

«Вот, — думал Вадик, — вот я и нашел свое предназначение. Я — Воин Добра, я буду бороться со злом».

Теперь он ясно видел, насколько были пустыми его былые мечтания. Вилла на берегу моря и мешок с баксами подернулись легкой дымкой и пропали. Это все было пустым, наносным, внешним. А главное, настоящее, оно как раз крылось внутри, в душе. Вадик радостно рассмеялся. Белый огонь плясал в нем, резвился, пожирая его прошлые мечты и желания. И душа выходила обновленной из этого пламени. Вадик точно знал, что ему нужно делать. Надо было разыскать учеников Фарита — Семена, Хана, Шумахера, Валеру — и продолжить их обучение. Вадик хотел все им рассказать. Нет, не рассказать, словами это не выразишь, он хотел передать им то знание, которое получил от своего внутреннего огня. Вадик хотел поделиться с ними всем тем хорошим, что принес в его душу белый огонь. Он снова засмеялся от радости.

Он знал, что нужно делать. Его путь лежал перед ним, зовя в дорогу. Вот только от эликсира немного кружилась голова. И еще очень хотелось есть. Вадик воровато оглянулся по сторонам. Никого не было видно. И тогда Воин Добра, бывший когда-то просто Вадиком Померанцевым, принялся рыться в мусорном баке.

Н. Крайнер

ЛИНК

1

Ссылка, если даже добровольно в нее наступить, — занятие самой высшей степени поганости. Ни тебе свободы воли, ни в родные края слезоточивых визитов. Одна свобода слова и остается. Да и слово это все больше матерное.

Туда (в ссылку) направили мы себя почти что сами, с одной лишь целью: не принимать участия в Войне Трех Судеб, которая вздумала зачем-то разыгаться в родном нашем Ксю-Дзи-Тсу. Еще когда этот мир только задумывался, я, просматривая ТЗ для младших демиургов, говорила, что в городе с таким названием ничего путного случиться не может. Но Киол только поржал похабно и тут же внес в ТЗ еще и город Ксар-Сохум. По иронии судьбы (Первой), оба стали столицами. В Ксар-Сохуме, восточной столице, мы свою ссылку и отбывали.

Мир у нас маленький. Всего десять городов. Зато столицы целых две. А у одной из них — три судьбы. Все потому, что населяют этот мир сплошь и рядом божества. Развоплощенные и не слишком. Те, которые не пригодились в родном своем мире.

Я вот, к примеру, божество кофеен, со всеми прилагающимися атрибутами: пепельницами, сигаретным дымом и разговорами ни о чем. В Ксю-Дзи-Тсу моими старания-

ми возникла целая сеть кофеен, где-то, когда-то закрывшихся или просто испортившихся так, что туда перестали заглядывать завсегдатаи — одним словом, канувших в Небытие. Это мир наш так называется: Небытие. Все, что каким-то образом пропадает из других миров, попадает к нам. И не все из этого приятностью отличается. Вот липший мой кореш Терикаси, тот вообще божество истерик. Кто и зачем его выдумал, мне неизвестно. Однако вот живет, и все истерики, с кем-либо случившиеся и свое за давностью лет отжившие, теперь бродят у нас по улицам и пугают прохожих. Терикаси их строит время от времени, но истерик много, а он один, да и сам к ним неровно дышит. Бардак получается, одним словом.

Впрочем, сперва о судьбах. Поначалу, когда Киол — божество несбывшихся миров — все это выдумывал, судьба у нас в мире была только одна. Самая обычная. Которая к какой-то цели ведет и сворачивать по пути не велит. Но потом появилась Вторая судьба. Та, которая ни с того ни с сего роняет на головы кирпичи и уводит из-под носа автобусы. Она особо не бузила, вела себя тихо и выступала только в положенные сроки, когда Первая ей разрешала. Но пару месяцев назад кто-то выдумал Третью судьбу — судьбу сослагательных наклонений. Так ее сам автор назвал. Это все то, что могло бы произойти с человеком, если бы он, скажем, успел на уехавший автобус. Или если бы домой пошел не как обычно, а по другой какой-нибудь дороге.

Третья судьба обладала крайне вздорным характером и порядки свои насильственным путем устанавливала. Первая со Второй, разумеется, не выдержали. Тоже всю разошлись.

С тех пор жить в Ксю-Дзи-Тсу стало просто невозможно. Идешь, к примеру, по улице прямо. Тут на тебя с чистого неба кирпич летит, под ногами люк канализационный открытый появляется, да и сам ты вдруг не только по

этой дороге идти начинаешь, но и еще по парочке других, которые тебе, может, и не нужны совсем. Мы помаялись-помаялись, а потом Киол всеобщую мобилизацию объявил и всех на борьбу с судьбами отправил.

Только вот я божество мирное. Занятие мое требует душевного спокойствия, иначе таких кофеен сюда притащу — ужас чистый. А у нас и без меня проблем хватает. Вон с судьбами хотя бы.

Об этом я Киолу и заявила: не могу, мол, ничего делать, когда меня каждый фонарный столб норовит по голове ударить, да еще и в трех реальностях одновременно. И ловить никого не стану, ловец из меня хреновый потому что. Тут Лянхаб, подружка моя, божество матерных слов (да-да, и такое у нас имеется), начала нецензурно рассказывать, что ей тоже надоело, что у нее за последние три дня пять раз отняли сумку, при этом она находилась одновременно дома, в автобусе и почему-то в городе Урюпинске, который вообще не в этом мире расположен. Да еще и с грудным ребенком на руках.

Киол зажал уши (с божеством матерных слов мало кто в состоянии долго общаться) и сказал, что мы можем отправляться к чертовой матери, в ссылку. Потому как за дезертирство наше он нас обратно, в родной Ксю-Дзи-Тсу, не пустит. По крайней мере, пока ситуация не устанится, и потом еще три вечности, начиная с четверга.

Желания пожить в Ксар-Сохуме у меня не было никогда, но и вариантов не осталось. Мы с Лянхаб собрали, что было: я — салфетки с пепельницами, чтобы квалификации не терять и парочку кофеен в Ксар-Сохум притащить, она — злополучную сумку, которую, к счастью, в одной из реальностей просто забыла дома, и остороженько поехали на вокзал. За транспортные пути у нас отвечает Олеогоб — божество ночных путешествий, поэтому поезда ходят только ночью, зато и добираются до любого города часа три, как раз, чтобы поговорить обо всем успеть да пару чашек чего-нибудь выпить.

До вокзала добрались почти без проблем, поймали частника. Частник у нас один на весь город, зато вездесущий. Потому как божество частного извоза. Казалось бы, что нам, божествам, могли бы и по воздуху долететь, хоть до вокзала, хоть до самого Ксар-Сохума. Может, мы и смогли бы, но на Киола в период сотворения мира ностальгия обрушилась, и между городами он летать запретил. Да и Олеогобу надо чем-то заниматься. А мы существа понимающие. Вот Лянхаб из любви к Терикаси время от времени истерики закатывает. Только слушать их очень тяжело.

А уж по Кзю-Дзи-Тсу в военное время летать — так лучше уж сразу признать себя мертвым божеством и отправиться прямиком в Галлавал — остатки вечности пропивать. А не хочется. Очень уж город неприятный.

Поезд наш в 00.09 уходил, как и все остальные поезда, впрочем. Очень уж это время нашему Олеогобчику чем-то приглянулось. Мы уселись на нижних полках (других просто не было), попросили две кружки свежесваренной темной Крушовицы и стали думать, как дальше жизнь свою выстраивать. Лянхаб говорит, пивом побулькивая:

— Жилищем нужно обрасти, тудыть. Дела великие вершить опять же, сюдыть. Киол, чтоб его перевернуло, наши великие дела увидит и тут же нас простит.

Лянхаб, когда не на работе, вполне умеет цензурно мысли выражать. Хотя трудно ей. Я задумчиво гляжу в окно, за которым огоньки мигают, и возражаю:

— У Киола все великое им же самим монополизировано еще в том столетии. А выпендриваться будем, так разве что от Юплидзи получим того, чем он, собственно, заведует. Я считаю, тут главное устроиться покомфортнее и вечность коротать уютно. Да и поработать можно. В одном, Лянхабная моя, ты права. Квартирный вопрос в любом мире самым первым появляется.

— Да, — отвечает Лянхаб. — Но у меня знакомые есть в Ксар-Сохуме. Может, етить, помогут чем.

И начинает вытряхивать все из сумки. А сумка, надо заметить, у Лянхаб волшебная. Киол на день рождения подарил. В ней можно найти все что угодно, только не то, что нужно. Тем временем и третья Крушовица закончилась, и вокзал Ксар-Сохумский где-то на горизонте появился. А Лянхаб уже с головой в сумку залезла и матом оттуда приглушенно ругается. Это у нее реакция на стрессы такая, рабочий режим включается.

— Вылазь, — говорю я ей, — подъезжаем. Все равно в этой сумке ты сейчас не найдешь ничего. Проверено ведь. Лучше имена вспоминай.

— Да епть, — отвечает Лянхаб. — Чего их вспоминать-то. — И замолкает минут на пять. — А вот не помню, — говорит потом. — И понятия не имею, как их, тудыть, там найти.

Поезд тем временем к перрону подошел, притормозил незаметно и наконец вообще остановился. Олегоб в форме начальника поезда подмигнул хитро, когда мы на платформу выскакивали. Считается, что это примета хорошая. В первую очередь самим Олегобом считается. А он ошибается редко.

И вот шагаем мы с Лянхаб по платформе, курим нервно. Город незнакомый потому что. И мрачный. Небо над головой висит свинцовое, прохладно за макушку цепляется время от времени. И вдруг навстречу нам идет кто-то неимоверно прекрасный. Прекрасный — потому что улыбается и на нас смотрит.

— О, — говорит Лянхаб, — да это ж Геп.

И начинает ему на шею бросаться. А он улыбается по-прежнему и одной рукой подружку мою держит, чтобы не случилось чего. Лянхаб ловкая, об этом все с первой встречи знают и потом уже всегда придерживают. На всякий случай.

— Да, я Геп Туберр — божество встречающих и прибывающих. Вот, при исполнении, скажем так, — говорит он мне и протягивает руку, ту, которой не держит Лянхаб.

Я руку жму, говорю:

— Очень приятно, меня Каф зовут.

Тут он узелок с салфетками и пепельницами у меня из рук выхватывает и шагает с ними куда-то целеустремленно, за ним Лянхаб вприпрыжку несется.

— Давай, — кричит, — перетудить, Гепочка, помогу!

Я мгновение смотрю на это ошалело, а потом за ними бегу. Куда же я в Ксар-Сохуме без салфеток, Лянхаб и нового знакомого Гепочки.

3

Геп Туберр к выходу с вокзала подбежал, потом остановился в задумчивости и говорит:

— Есть у меня ощущение, что вас надо кофе напоить по приезду, вот только кофеен у нас в городе нету.

— Ну это-то не проблема, — говорю я.

Тут же в другой мир переносюсь, нахожу кофейню, где глупый бариста пытается в глянсе полкило шоколада одним куском запихнуть (я такие вещи чувствую — практика), копаюсь в головах посетительских, нахожу самые приятные воспоминания об этой кофейне, собираю их в один клубочек — и обратно.

Геп Туберр с Лянхаб говорят о чем-то, на меня внимания не обращают. И хорошо, не люблю, когда на работу мою смотрят. Могут желаниями своими испортить все.

Я клубочек разматываю, нитку воспоминаний между двух столбов натягиваю, на нее салфетку вешаю. Потом закуриваю и дым туда же выдыхаю. И вырастает из ниоткуда кофейенка, небольшая, уютная, с курящим залом, маленькими черными пепельницами и правильными бариста. Геп с Лянхаб оборачиваются, Лянхаб улыбается радостно, Геп подозрительно на кофейню косится.

— И что, она теперь тут всегда будет или только пока мы кофе не попьем?

— А как захочу, — отвечаю. — Может быть, всегда. А если сильно понравится, с собой заберу, рядом с домом поставлю.

И тут мы с Лянхаб мрачнеем синхронно, потому как кофе — это хорошо, но жить в кофейне неудобно. Заходим туда, забиваемся за столик в углу и начинаем думать думать, пока Геп Туберр нам черный лесной берет.

— Да, — говорит Лянхаб, — надо, етить-колотить, с Гепочкой поговорить. Может, он что посоветует. Хотя, тудыть, он ведь только встречает и живет на вокзале, наверное. От поезда до поезда.

— Все равно поговорить надо. Или хотя бы еще раз бумажки в сумке поищи. Может, сейчас найдутся.

Лянхаб опять в поиски с головой уходит, а я про себя Киола предпоследними словами вспоминаю, вместе с подарочками его. Недавно он мне неразменный блок сигарет подарил. Там всегда одна пачка остается. Только никогда не знаешь какая. Бывает, оттуда «Ротманс» вываливается, а бывает — «Беломор» или сигареты «Друг». Есть у меня подозрение, что сорт сигарет от настроения Киола зависит. А он в последнее время рефлексии и депрессии подвержен, вот и коплю дома пачки «Беломорканала». Недавно даже «Прима» появилась, это Киол, наверное, опять с Врестой ненаглядной своей поссорился. И знает же — ничего хорошего от божества стервозности не дождешься, но все равно любит и ссорится.

Пока мы обе своим занимались, Геп нам кофе принес. А себе какао. Я смотрю на него изумленно: кто же в кофейнях какао пьет? Но молчу: уж больно лучезарно улыбается. Даже возникает желание очки темные надеть.

Лянхаб, мрачная, как сам Ксар-Сохум, закрывает сумку и утыкается в чашку с кофе. Потом говорит смущенно, умеет она это:

— Гепочка, тудыть, а ты нам жилище тут найти не можешь, вечности так на три-четыре?

— Нет, — говорит Геп Туберр, продолжая улыбаться, — не помогу. Я ведь божество приезжающих и встречающих. А божества живущих и ищущих жилье — это совсем другие сущности. Я сейчас вообще какао допью и исчезну, дела потому что.

Я давлюсь кофе, Лянхаб вообще какой-то странный квакающий звук издает, и обе мы смотрим на Геп Туберра с таким изумлением и тоской, что он даже лучезарность свою выключает временно:

— Простите, это действительно вне моей компетенции. Правда, могу вас к другу своему отправить. Поживете у него пока. А там уже разберетесь.

И пишет нам на бумажке что-то. У меня в голове мысль начинает бродить, и нашептывает в ухо изнутри, что фонарный столб — не худший вариант, если задуматься. Да и Урюпинск не Ксар-Сохум. Я мысль пинками в глубь сознания загоняю и на Геп Туберра смотрю. А он Лянхаб бумажку протягивает и в воздухе растворяется. Хорошо, хоть улыбки своей по традиции чеширской нам не оставил. И без нее тошно.

Лянхаб на меня глазами квадратными смотрит, я — на нее. Потом мы вдвоем глядим на бумажку.

А там почерком красивым две строчки:

*Касавь,
улица Иилян, 2*

— Может, еще кофе попьем? — спрашиваю я, пытаюсь лицу радостное выражение вернуть.

— Да... не помешает, — отвечает Лянхаб, изо всех сил стараясь не перейти в рабочий режим, по глазам судя.

Я кофе приношу, сажусь, пачку сигарет к себе тяну и вижу, что на столе пепельницы больше нет.

- Лянхаб, — спрашиваю. — А где пепельница?
- Тут, — говорит она, улыбаясь, и на сумку косится.
- Нельзя в день появления пепельницы из кофейни воровать, — очень медленно говорю я, стараясь не перейти в ее рабочий режим. — Примета плохая.
- Зато пепельница хорошая.

4

Гуляем мы с Лянхаб по Ксар-Сохуму. Прохожих останавливаем, пытаемся про улицу Иилян у них выпросить. Они только плечами жмут недоуменно и в разные стороны света посылают. Уже и поесть раза три успели и городом налюбоваться до изжоги. Красивый он, но мрачный. В Ксю-Дзи-Тсу солнце всегда светит, домики маленькие, одноэтажные, по ночам фонари горят зеленые, деревья растут, гремлины по улицам бегают, хоть и не существуют их. А здесь сплошь и рядом ранняя готика, все темное, высокое, в небо стремится. Кафешки, наоборот, в подвалы запрятаны, пять минут будешь по лестнице спускаться, прежде чем поешь. А небо над этим всем висит, и время от времени тучами вниз падает, к самой земле. Охотится, на-верное.

Лянхаб рассказывает, как она сюда первый раз ездила, лет сто назад:

— Ну да, я тогда с Гепой познакомилась, мать его так. У него как раз смена заканчивалась, он меня встретил, а я его потащила пить вино из фонтана Истины. А, етить, ты же не знаешь, это фонтан самый достоприметный в Ксар-Сохуме, из него вино круглосуточно льется, красное сухое. Кстати, надо будет спросить, если уж не можем улицу эту злосчастную найти, едрена вошь, так хоть вина попьем.

Я головой киваю, а сама по сторонам смотрю. Прохожие тут такие же, как и сам город — красивые, но далекие очень. Хотя и смотрят вроде с интересом, и злобы на лицах нет.

— Вот, а потом сам Гепа, тудыть, как третий ковшик залпом выпил, потащил меня по всем своим знакомым и друзьям. Ночью все у кого-то собрались, едрен. Кто-то ящик вермута белого притащил, а дальше я, мать, вообще ничего не помню. Я со всеми с утра по новой знакомилась. Но вот Гепу помню. И еще, как же его, вот ведь, мы же с ним пять раз на брудершафт пили...

— А ты зачем вообще сюда ездила? — спрашиваю я, поеживаясь под очередным заинтересованным взглядом. Все-таки очень они странные тут, словно бы и не прохождение, а мороки какие-то. Может быть, тут где-то божество мороков живет, вон в том, например, доме, с круглым окном под крышей?..

— Да в себя приходила. Ну, после того, как мы с Киолом поссорились...

Конечно, конечно. А с Киолом они после того поссорились, как с горя три дня витрины били и подопечных Терикасинских по улицам гоняли. Разумеется, погром этот случился в связи с трагедиями личными и непереносимыми. Иногда я подозреваю, что мои друзья состоят в тайной какой-нибудь секте мазохистов. Один выбрал самое стервозное существо в мире и начал его обожать безмерно, вторая умудрилась целую вечность с божеством цинизма под одной крышей прообитать. У нас с Киолом это божество — Кицни — вызывало только одно желание: подарить ему на Новый год красивый подарок в обертке с красной ленточкой, большой воздушный шарик и плюшевого бегемота. Просто чтобы посмотреть, как по-дурацки он будет со всем этим выглядеть.

Впрочем, однажды мы так и поступили.

— А, ну да, — говорю я Лянхаб. — Помню.

А сама смотрю по сторонам, и становится мне жутко. Потому как забрели мы в очень странное место. Набережная из темного гранита. Внизу река течет, широкая, черная, за рекой не видно ничего, тьма сплошная. Синяя.

И никого. Только ветер. Лянхаб тоже отвлеклась от воспоминаний и теперь на меня испуганно смотрит.

— Это где это мы? — спрашивает.

— Мне-то откуда знать, я тут в жизни не была.

— Я тоже. Мне такого прошлый раз не попадалось.

И тут прямо перед нами из воздуха фигура появляется. Очертания приобретает. И становится в итоге вполне антропоморфным существом. Высоким, худым, с темным лицом. По лицу беспрестанно рябь бежит, так что и не различишь его толком.

— Я, — говорит существо, — Нвае — божество Реки.

— А я Лянхаб, божество матерных слов, — заявляет моя подружка. — Сможешь в этом убедиться, если не объяснишь, какого мы тут делаем!

— А как река называется? — встречаю я.

Мне когда страшно, я всегда вопросы глупые задаю.

— Река называется Река, — терпеливо говорит Нвае. — А вы здесь потому, что решили жить в Ксар-Сохуме. И если окончательно решили, вам придется выпить по кружке речной воды. Иначе город вас не примет. Ксар-Сохум живой, и чтобы он вас принял, надо выпить его крови. Иначе вы тут жить не сможете. Вы вот никак улицу Иилян не найдете, верно? Это потому, что вы только город гостей пока видите. Для тех, кто приезжает. Он ненастоящий. Морок.

— Как морок? — опять перебивает Лянхаб. — Что, и вино в фонтане Истины морок?

Тут у Нвае какое-то подобие улыбки на лице заколыхалось.

— Вино настоящее, но это одно из немногих исключений. Так вот, для тех, кто тут живет, город совсем другой. И если вы воды из Реки выпьете, то второй город увидите. А уж понравится вам тут жить или нет, сбежите через неделю или останетесь — вопрос второй. Это от того зависит, полюбит вас Ксар-Сохум или не полюбит.

Мы с Лянхаб задумались, переглянулись и одновременно руки вперед протянули.

5

И тут у нас с ней в руках кружки оказываются. Большие, глиняные. А в них темная жидкость плещется. Лянхаб, как самая смелая, делает первый глоток. Морщится, но ничего, вроде живая пока. И допивает до дна, мило Нвае улыбаясь между глотками.

Я тоже из кружки отхлебываю. И тоже морщусь. Потому что в кружках на самом деле что-то вроде вишневого сока. Но как будто в него жженный сахар добавили. И песка от души насыпали. Правда, мне по долгу службы и не такое пробовать приходилось. Поэтому пью. Делаю последний глоток, и тут чудеса твориться начинают.

Тьма, которая за рекой была, исчезает, и перед нами город появляется. Другой совсем, не тот, по которому мы с Лянхаб полдня ходили. Обычный. Тоже, конечно, пасмурный, но вполне живой и обитаемый. И Нвае более-менее очеловечился. Уже не колышется лицом, улыбается вполне искренне.

— Замечательно, — говорит. — Улица Иилян там, за мостом и направо. Спросите, если что. И Касавику привет, давненько я с ним не виделся. Захотите жилье найти, обратитесь к Генсоватт. Божество наше, которое недвижимостью занимается. Она, правда, со странностями. Так что будьте повнимательнее. Ну, удачи. Еще свидимся.

И исчез.

— А вот как ты думаешь, Каф, если фонтан не только для гостей, тудыть, мы его теперь найти сможем? — спрашивает Лянхаб, как будто и не случилось ничего.

— Да, наверное. Только давай не прямо сейчас. Давай все-таки сначала Касавя найдем. А потом с кем-нибудь из местных фонтан поищем. Что-то мне не хочется пока в одиночку по городу этому ходить. Неуютно.

— Ну ладно, — соглашается Лянхаб. — Тогда пошли. Мост — вон он.

И правда, через реку мост. Красивый, каменный.

Идем по мосту, смотрим во все четыре глаза, город изучаем. Настоящий. А настоящий он настолько, что вспоминается мне другой мир — тот, откуда я кофейни таскаю. Дома как на подбор грязно-желтые, готика средней полосы России, трамваи длинные, как гусеницы.

— Интересно, — задумчиво говорит Лянхаб, — а Ксар-Сохум такой с самого начала был, по Киоловому замыслу?

— Это вряд ли, — отвечаю. — Киол, до того как божеством стать, издателем был. У него только с чужим воображением хорошо, а со своим проблемы. Может быть, то, что мы сейчас видим, действительно он сам придумал. А тот, второй город, гостевой, это уже сам Ксар-Сохум наворотил. Вот почему он ожил — это вопрос поинтереснее...

— Ну да, йопть. Давай расследование проведем.

— Нет уж, Лянхабчик. Нам в этом мире одного Локреша Смолха достаточно. По крайней мере, пока.

Локреш Смолх — наше божество расследований. Бывает, гуляешь по улице вечером, а он за тобой крадется, расследует что-то свое, в дурном тебя подозревает. Однажды одна из Терикасиных подопечных пропала. Самая красивая и со странностями, как у красоток водится. Локреш поднял на уши весь город. В Ксю-Дзи-Тсу каждый третий был под подозрением, а каждый второй свидетелем проходил. Когда Локреш добрался наконец до дома, чтобы перedoхнуть, он обнаружил пропавшую в прихожей. Она, оказавшись, его подвигами вдохновилась и пошла к нему домой в любви великой признаваться. А он неделю дома не был, расследовал.

— Ага, ну хорошо, — бормочет тем временем Лянхаб. — Вот мы себе жилье найдем, тудыть, тогда у нас время будет, тогда займемся...

— Да-да, когда жилье найдем. А то бродим тут, два божества без определенного места божительства. Кстати,

чтобы жилье найти, нам хотя бы до конца моста дойти нужно...

Тут я умолкаю и начинаю вокруг озираться. Потому как появилось ощущение, что кто-то на нас смотрит. Пристально наблюдает, приглядывается, прислушивается, на вкус пробует.

— Лянхаб, — говорю. — Видишь, как оно все. На нас сам Ксар-Сохум посмотреть пришел. Вот сейчас не одобрит, и будем мы на этом мосту до скончания вечности и коллапса вселенной стоять.

— Да, — говорит Лянхаб. — Я тогда вязать научусь. Давно хотела научиться вязать, мать.

Ксар-Сохум понял, видимо, что его заметили, смутился, отвернулся куда-то. И мост сразу же кончился, началась серая гранитная набережная.

6

А возле набережной парк маленький оказался. Нескольких плакучих ив, скамеечки зеленые, дорожки, по дорожкам огромные белые кошки носятся. И над всем этим солнце светит. А над нами, как обычно, тучи.

— Атас, — говорит Лянхаб. — Давай мы тут полчасика посидим, епть. Покурим, пива попьем. Хорошо же тут, а?

А мне вроде и хочется уже улицу Иилян найти, но парк действительно красив не по-здешнему. Как будто его сюда кто специально притащил. Чтобы было где посидеть, если настроение мерзкое, и весь мир большой экзистенциальной жопой кажется.

— Какое, — спрашиваю я, — пиво? Откуда мы его возьмем?

— Ну... — мямлит Лянхаб смущенно. — Я тут научилась вроде пиво из ниоткуда доставать. Ну, то есть я училась, епть. Меня Киол учил.

— Киол... Киол хорошему не научит, сама же знаешь. Впрочем, выхода у нас с тобой нет. Придется проверить.

И вот мы в парк этот забредаем, находим скамеечку под ивой, куда лучи солнечные пробиваются, и Лянхаб, глаза закрыв, чего-то под нос себе бормотать начинает. Потом рукой какой-то странный знак в воздухе чертит, и в руке этой бутылка оказывается. Я смотрю, вроде как даже «Гинесс», хоть и бутылочный. А на скамейку кошка запрыгивает, белая, пушистая.

— Слышь, красавица, а сливок не наколдуешь? А я тебе судьбу предскажу.

Нас с Лянхаб при слове «судьба» на полметра над скамейкой подбрасывает, и зубы непроизвольно постукивать начинают.

— А какую из трех? — спрашивает Лянхаб.

— Дура ты, красавица. Это в вашем городе, смешном и дурацком, судьбы шведскими семьями живут. У нас, в Ксар-Сохуме, судьба одна. И ее так запросто никто не узнает. Так что я тебе шанс даю, какой мало кому выпадает. Раз уж увидели вы этот парк.

— А мне? — спрашиваю. — Мне судьбу предскажете?

— Смысла нет. У вас, пока вы тут живете, судьба одна на двоих. Потому что Ксар-Сохум вас вдвоем увидел. И никуда вам теперь друг от друга не деться. Так где сливки-то? А то я предсказывать уже начала, а сливок нету.

Лянхаб опять в бормотания свои ударилась, а я сижу, смотрю на кошку во все глаза. Она прищурилась, хвостом туда-сюда мотает и ждет. Так и не скажешь, что пару минут назад вешала что-то метафизическое.

Наконец из ниоткуда появился пакетик 30-процентных сливок. Кошка открыла глаза, достала не пойми откуда миску, и мы ей сливки эти в миску перелили. Она попила, морду облизала, еще немного пощурилась от избытка чувств и снова на лавку вскочила. Уставилась на нас. Смотрит, а глаза все темнее и темнее, и взгляд почти чуждый, не кошачий совсем.

— Ну что я вам сказать могу, красавицы. Будет вам тут плохо. Будет страшно. Но если поймете, что делать, страш-

но ваше полезным окажется. Будет вам хорошо, но не дома... Да, дом-то вы найдете, но странный. С домом особенно осторожными будьте. Любовь вам будет, неземная и тоже страшная. А особенно вам надо бояться часов и часовщиков. Да, и ни в коем случае не открывайте северную дверь.

Сказала она все это и исчезла. Вместе с парком. Стоим мы с Лянхаб посреди улицы, а перед нами указатель: «Ул. Иилян» — и стрелка направо, стало быть.

— Бля, — говорит Лянхаб. — Вот ведь нагадала, тварь хвостатая. Прямо хоть уезжай отсюда, прямо сразу.

— Ну да, зато, видишь, сказала, дом мы себе найдем. Хотя бы насчет этого можно не переживать. А там прорвемся, наверное. Все лучше, чем три судьбы. И вообще, определенность — это хорошо.

Лянхаб кивает, но хмуро как-то. Видно, испугали ее слова кошачьи. Мне и самой не по себе, но бодрюсь. Надо, чтобы хоть кто-то из нас двоих бодрился. Иначе все, раскиснем, и удача убежит, она кислого не любит, ей перченное подавай.

— Ладно, — говорю, — вон указатель, пошли. Сейчас Касавя найдем, и все у нас будет.

И вот мы закуриваем дружно и идем направо, как указатель говорит. Минут через пять выходим на улочку, узенькую, темную, дома высокие, почти все небо закрывают. Зябко, ветер с Реки, судя по всему, надрывается.

— А вон, вон второй дом! — кричит Лянхаб и несется куда-то вприпрыжку.

Смотрю, и правда большая красивая цифра два нарисована. И дом, на котором она нарисована, тоже большой, красивый. На башню похож, только не ввысь, а вширь почему-то. А на самом верху болтается маленькая башенка. Не на крыше стоит, а просто висит себе в воздухе, и все.

Мы с Лянхаб подходим к двери, мнемся, думаем, как бы так, чтобы удобно было вломиться. Наконец Лянхаб решается, берет молоток, который около двери висит,

и стучит три раза. Дверь тут же распахивается. Мы заглядываем вовнутрь, но там темень непроглядная. И тут из этой темени вылезает что-то большое, красивое, смотрит на нас так, что мы уже пятиться потихоньку начинаем, и вдруг говорит:

— Ну, заваливайте, лягухи-путешественницы. Мне Геп уже рассказал все. Сейчас вас кормить-поить будем.

7

И вот сидим мы у Касава дома, перед нами стол от еды-питья ломится, как в русских народных сказках. Хорошо хоть жена Касава не в сарафане нас встречать вышла. А мы пьем терпкое, совсем сухое вино и очень не хотим больше думать. Ни о чем. Впрочем, нам и не дают.

— Я божество Острова, — громогласно вещает Касавь.

Он вообще громогласный и большой, как дэв. Зато очень уютный.

— Остров называется Остров, если вы вдруг спросить решили, — поясняет.

— Ну да, — бормочет Лянхаб себе под нос, но так, чтобы я слышала. — Все просто и незатейливо, как лыжня. Река под названием Река, остров под названием Остров.

— Глупая ты, — говорит Касавь и наливает Лянхаб еще вина. — Ты же уже поняла, что у нас город живой. Живой совсем, только что в сортир не ходит. А знаешь, когда он ожил? Когда ему название дали. Официально. Приперся этот гад надутый с мордой редактора (это он про Киола) и нарек, так сказать. И понеслось. Поэтому мы ни реку, ни остров называть не стали. Просто так, для подстраховки. Одного живого города нам вполне для нескучности бытия хватает. Идешь по улице вечером и не знаешь, домой ты придешь или куда-нибудь еще. Я вон недавно на горную вершину забрел, когда за пивом в магазин ходил. Это нормально, по-вашему?

Тут мы с Лянхаб начинаем наперебой ему про наше троесудьбие рассказывать и доказывать, что им тут еще везет несказанно. Что горная вершина — это даже красиво, а вот Урюпинск — грустно.

— Это-то все, конечно, да, — говорит Касавь. — Но у вас все это когда-нибудь кончится, а у нас такое всегда. И не дай бог, Ксар-Сохум полюбит кого. Тогда вообще трындец, как он есть. Завалит чудесами по уши, дышать нечем будет.

— Блин, — произносит Лянхаб с явно выраженной матерной интонацией и делает глоток вина, основательный такой. — Это что же, классическая непоностаколотуха получается?

Я киваю, а сама думаю: знал ли Киол о свойствах местного климата, когда нас сюда высылал? Надо будет спросить при встрече.

— Да ладно вам, девчонки, — Касавь сгребает нас в охапку (от полноты чувств или от паров алкогольных — не разберешь), — нормально все будет! Поживете у нас пока, в башенке. Вот только развлекать вас не получится особо. Все-таки на мне весь Остров, я даже в одиночку не всегда справиться могу. Мне тогда жена помогает.

А жена у Касава красивая — сил никаких нет. Только почти все время молчит. Но хоть и молчит, а забыть про нее не забудешь. Улыбнется, как будто табун солнечных зайчиков по комнате носиться начинает.

— Ну да и это не беда, — продолжает Касавь. — У меня тут парочка знакомых хлопцев есть, вот они вас развлекать и будут. Кстати, сейчас одного из них и вытащу, он вроде вот-вот работать заканчивает.

И выходит куда-то.

— У вас тут чего, телефоны? — удивленно спрашиваю я.

Иногда мне кажется, что не ту профессию я себе выбрала. Надо было мне божеством глупых вопросов становиться.

— Да нет, — отвечает жена Касавя. — Он пошел самолетик отсылать.

— Кого?! — мы с Лянхаб синхронно хлопаем глазами.

— Самолетик. Ну, бумажный такой. У нас в городе только так на расстоянии общаться можно. Но они всегда долетают, это проверено.

Как только Касавь вернулся, мы на него с расспросами накинулись.

— Ага, — говорит он, ухмыляясь, — самолетики. Причем только из бумаги в клеточку. Кстати, вот, возьмите, пригодится, — и протягивает нам тетрадку школьную, двухкопеечную.

— А операторы самолетной связи у вас есть? — интересуется Лянхаб. — Ну, чтобы знать, к кому подключаться...

— Да нет, они как-то сами добираются обычно.

Сидим, разговариваем, и вдруг стук в окно раздается. Касавь форточку открывает, и в комнату влетает самолетик.

— Ага, — говорит Касавь, прочитав то, что на самолетике написано. — Придет скоро, радость наша.

— А «радость наша» — это, мать его, кто? — интересуется Лянхаб.

— Это наше божество самодостаточности. Ну, или БС. Дело в том, что он так самодостаточен, что ему даже имени не требуется. Он сам и так прекрасно знает, кто он такой... Он хороший в принципе, но есть одна небольшая проблема. У БС сильно выраженный маниакально-депрессивный психоз. И в депрессивные моменты с ним лучше вообще не общаться, повесишься через пятнадцать минут, осознав бессмысленность бытия. Зато в маниакале он просто незаменим. К счастью, стадии у него четко распланированы, и во время депрессии он работает.

После этой речи Касавь смотрит на часы.

— Ну вот, через полчаса он тут образуется. А пока давайте еще, что ли, вина выпьем.

И выпили. И даже еще немного. Так что к моменту, когда стук в дверь раздался, нам уже без всяких БээСов было хорошо и весело.

Жена Касавя пошла дверь открывать. Потом вернулась. А за ней следом прибежало очень странное существо. Маленького росточка, заросшее черной шевелюрой по самый подбородок и все время нетерпеливо подпрыгивающее на месте.

— Приветствем, — пробурчало оно скороговоркой. — Я БС, вам уже сказали, собирайтесь, пошли.

— Куда пошли? — вопрошаю я. Очень уж с теплой кухни уходить не хочется.

— Посмотрим еще, куда пошли. Куда Ксар-Сохум решит, туда и пойдем, но будет весело. Ну, чего сидим еще?

Пришлось нам с Лянхаб отрывать-таки задницы от теплых кресел и идти за БС. Но как только за дверь вышли, даже возрадовались. Потому что закат красивый, и впереди что-то интересное. Не то маниакальность у БС заразная, не то у Касавя дом такой коварный.

8

И вот идем мы с БС по почти вечерним улицам. Народу вокруг никого почти, или мы просто не видим. Или просто есть еще один Ксар-Сохум, третий, совсем уже для своих, проверенных временем. Неизвестно, да и спросить не у кого. БС несется вперед, время от времени грозясь показать чудесное, мы с Лянхаб вприпрыжку за ним, не успевая даже заметить в какую сторону движемся, Остров это или не Остров уже.

— А реку-то мы перешли? — спрашивает Лянхаб.

А я и не помню.

Наконец БС остановился.

— Вот, — говорит, — чудо ваше сегодняшнее. Вам, — говорит, — повезло. Так близко он мало кого подпускает.

— Кто подпускает? К чему? — спрашиваю.

А вокруг нас горы выросли, оказывается. Высокие, синие, как на картинках.

— Вон за тем склоном есть замок, — отвечает БС. — Этот замок — любимый секрет Ксар-Сохума. Если знать подход, к нему можно совсем близко подобраться, а если повезет — и внутрь попасть. Только вот куда именно тебя при такой ворожке закинет, это только сам Ксар-Сохум может решить. Он тут вообще много чего сам решает.

— Так это ж про эти самые горы Касавь говорил! — вдруг вспоминает Лянхаб. — Шел, мол, за пивом, а попал на горную вершину.

— Ага, — кивает БС, — с ним всегда так. Задумается и начнет где-то внутри себя ворожить. По привычке, что ли. А потом удивляется.

— А он в замке был? — встречаю я.

— Нет, — отвечает БС и улыбается печально, того и гляди, обратно в депрессивную стадию рухнет. — Ксар-Сохум, может, и рад бы, да Касавю этого не надо. Он с вершины всегда возвращается. У него все хорошо и без замков. Или ему так кажется. Ему досталось по знакомству три мешка покоя, так они с женой даже один никак не используют.

— Интересная метафора, — замечает Лянхаб.

— Это не метафора. Ладно, пошли, а то мы тоже до замка не доберемся, а лично мне мешков с покоем не дали пока.

Все повторяется, БС скачет впереди, мы с Лянхаб — за ним. И вроде как даже не по горам идем, дышим нормально, воздух теплый, и иных признаков высоты тоже не наблюдается. Но об этом мы БС расспрашивать не стали. Не так уж это и удивительно по сравнению со всем остальным.

Наконец перешли перевал. А внизу и правда замок. Готический, разумеется. Ксар-Сохум, как я погляжу, вообще к готике неровно дышит. Вокруг замка ров, мост через него на цепях, все как водится.

— Там живет кто-нибудь? — спрашиваю.

— Не знаю, — говорит БС. — Мне внутрь попасть не удавалось еще. Последний раз на мосту завернули. Вот хочу еще с вами попробовать, может, вы ему больше нравитесь. Может, сделает вам такой подарок по поводу переезда.

Начинаем гуськом по тропинке загогулистой спускаться вниз. Я все жду, когда нас пинком обратно отправят. Не может так быть, чтобы приехали две непонятно что, непонятно откуда, а им тут сразу и чудеса на подносе, чуть ли не в постель, вместе с кофе. С другой стороны, БС виднее. Вон, скачет впереди, в ус не дует. А есть у него усы-то? И не разглядишь.

Пока думала, мы уже до моста добрались. Тут БС притормозил немного, закурил, достал из кармана фляжку, сделал основательный глоток и нам ее протянул.

— Вот, хлебните. Сейчас ворожить будем. А без этого ворожба сухой и грустной получится.

Хлебнули. Что-то явно спиртосодержащее, и вкус знакомый. Начинаю вспоминать судорожно, что же это быть может.

— Эксклюзивный рецепт, — объясняет БС, хитро на наши рожи задумчивые глядя. — Когда-нибудь потом расскажу. А сейчас пошли, только надо думать про огонь, обязательно. Любой, хочешь спичечный, хочешь Олимпийский.

Снабдил нас БС этими инструкциями и пошел по мосту.

До середины моста мы чуть ли не ползком поползли. Я боялась хоть шаг в сторону сделать от БС или потерять нарисованную внутри картинку — большой костер на главной площади Ксю-Дзи-Тсу, который мы в прошлом году разводили. Жгли воспоминания. В какой-то момент оказалось, что в домах скопилось столько воспоминаний, что повернуться невозможно без того, чтобы какое-нибудь из них не задеть. А если его задеть, оно начинает звенеть противно и картинки на стенах показывать. И вот Киол

решил свалить все это на главной площади и поджечь. А мы стояли, грелись и смотрели на улетающие вверх кусочки жизней, пытаюсь опознать среди них свои.

На середине моста БС остановился, улыбнулся откуда-то из-под челки и заявил:

— Ну все, самое опасное позади. Теперь дойдем, только не забывайте про огонь думать. На всякий случай.

Лянхаб ко мне наклоняется и шепчет:

— Слушай, Каф, а про это нам кошка не говорила ничего.

— А это и не судьба, наверное, — отвечаю я тоже шепотом. — Это так, чудеса попутные. Судьба позже начнется.

9

В замок мы все-таки попали. Долго стояли на пороге, пытались заглянуть в темноту, там, внутри. Ничего не увидели, пришлось идти дальше. БС снова из фляжки глотать начал, уже для храбрости: кто его знает, какие чудеса Ксар-Сохум для избранных хранит? С его-то непростым характером...

Но все тихо вроде бы, никто на нас из темноты не бросается, даже свет появился, факелы на стенах загорелись. Оказалось, находимся в большой такой зале, парадной наверное. Стол огромный, на нем всяческой еды и питья человек на сто расставлено.

— Это все для нас? Чудо такое? Чтобы обожраться и умереть? — интересуется Лянхаб, разглядывая все эти кулинарные шедевры.

— Чудо. Но совсем не для этого, — объясняет БС. — Все зависит от того, *что* съешь и *что* выпьешь. Вот тогда-то чудо основное и начнется. Причем для каждого свое. Ксар-Сохум толп не любит. Даже таких маленьких, как наша компания. Так что, если не боитесь, — пробуйте.

И сам тащит со стола тарелку с чем-то вкусным.

— А ты откуда знаешь? — не отстает Лянхаб. — Ты же не был тут.

— Я не был, другие были. Стол этот всегда стоит. И каждый свое получает, только мне никто не говорил что именно. Но вроде недовольных не было.

Сказал это, и вдруг исчез куда-то.

— Ой, мама, — шепчу я. — Это что же, его обратно вернули? А как же мы возвращаться будем?

А эхо мои слова по всему замку разносит.

— Да нет, это он просто сожрал чего-то, вот и исчез. Я тоже хочу попробовать, — отвечает мне Лянхаб и хапает со стола кубок. — О, вино, красное. — Булькает, сделав один глоток, и тоже исчезает.

И остаюсь я одна. Мне совсем не по себе становится. Уж больно замок большой и гулкий. И пустой. Я нацеливаюсь на стол, выхватываю из всего разнообразия чью-то ногу обжаренную, начинаю ее грызть, и тут *случается*.

Я оказываюсь в обычной такой маленькой комнатке. Сажу на диване, в руке у меня чашка с капуччино, на столике пепельница, а напротив сидит человек — ну, вроде бы обычный человек, в джинсах и рубашке. Судя по всему, не из наших, не из божеств.

— Привет, — говорит. — Я с тобой так давно мечтал поболтать, если честно. Вот так вот, чтобы с кофе, и тихо.

— А ты кто? — спрашиваю. Потом осекаюсь. Ну, разумеется, еще один дурацкий вопрос. Он и сам расскажет, если захочет. А не захочет, так чего тогда спрашивать? Поэтому ищу сигареты, нахожу, закурываю и выжидательно на него смотрю.

— Как тебе кофе? — спрашивает он.

Я смотрю на чашку в своей руке, делаю глоток.

— Хороший, — говорю, — кофе. Сам готовил или как?

— Ну, можно считать, что сам. Мне только немного помогли.

— Кто?

— Есть тут парочка духов, они мне с кофе сильно помогают. Пропорции там рассчитать или еще что — в техническом плане. А уж настроение этому кофе я сам даю.

— Настроение?

— Да. Этот кофе с легкой грустинкой. Потому что, скорее всего, хоть эта встреча и первая у нас, а не увидимся мы больше. И даже непонятно, сколько нам времени дадут, чтобы пообщаться. Впрочем, хорошо, что его вообще дали. Видишь ли, такая штука получается, что я — твоя вторая сторона.

У меня в голове тут же начинают судорожно проноситься все прочитанные книги по эзотерике и мифологии.

— Вторая сторона? Двойник, что ли? Доппельгангер?

— Да нет. Просто вторая сторона. Знаешь, как у пластинки. Я совсем не ты, мы мало в чем похожи, разве что кофе любим оба. Только я его готовлю, а ты кофейнями заведешь. Ты божество уже, а я пока что человек. Даже живу не в твоём мире. Просто каждому полагается его вторая сторона. Она в судьбу с самого начала вписывается. Только об этом почти никто не знает. Я бы тоже не знал, просто мне сны начали сниться.

— Какие?

— Мне снилось, что по улице ходят люди, странные такие, с одной стороны посмотришь — вроде один человек, а с другой посмотришь — так уже другой. Я и подумал, что у каждого есть вторая сторона. Только ее найти нужно. А если еще точнее, ее нужно понять.

— А зачем они нужны, стороны эти? Если их даже в судьбу вписывают, значит, полезная в хозяйстве вещь, так ведь?

— Очень полезная. Обратная сторона — это твоё «нея». Собрание всего, что существует на одной с тобой частоте, но никогда ни в тебе, ни рядом не появится.

— А тогда зачем...

— Как обычно, для равновесия. Чтобы не болтало ни тебя, ни меня по системам координат вселенским. Ничего

из того, что у твоей второй стороны есть, тебе недоступно, а значит, не сделаешь глупостей, и последствий страшных не будет. И наоборот. А если две половины вместе соберутся, они таких дел наворочают, что всем страшно станет. Они мир за пять минут смогут завоевать, даже не заметив. Поэтому и не позволено. Только разве что вот так. В порядке чуда.

— Тогда расскажи, какой ты? Интересно же, чего во мне никогда не будет.

— Лучше ты расскажи. Или нет, не надо. Давай просто кофе попьем.

Сидим, пьем, смотрим друг на друга, молчим сосредоточенно. Хорошо, тепло и уютно. И не хочется, чтобы кончалось. Потому что когда кончится, снова начнется Ксар-Сохум странный, поиски жилья, ссылка. И хоть прекрасна вполне моя жизнь божественная, но вот таких моментов в ней не бывает. Разумеется, так же по закону бытия положено.

— Знаешь, — говорит наконец моя обратная сторона, — я эту теорию сам придумал, только вчера, когда проснулся. А сегодня попал сюда, тебя увидел и понял, что все правда. Или стало правдой.

— А может, ты тогда придумаешь что-нибудь, чтобы нам еще раз кофе попить вместе? А то как-то совсем уж су-рово получается.

— Может быть, — соглашается он. — Я подумаю еще. В любом случае я всегда рядом. Половина все же. Если удастся вовремя оглянуться, может быть, увидишь.

Я собираюсь спросить, а как же все-таки зовут обратную сторону моей пластинки, но не успеваю. Оказываюсь вдруг в большой зале Ксар-Сохумского замка. А там уже БС с Лянхаб сидят, на пару содержимое фляжки употребляют. Задумчивые оба дальше некуда. Увидели меня и тут же фляжку мне выдали. Видать, лицо мое к этому располагало.

Вот только выйти из замка у нас не получилось. Совсем не получилось. БС вышел, а мы за дверь дергаем, и хоть бы что. БС уже с той стороны кричит, надрывается:

— Ну чего вы там застряли, мне пора уже!

— Да мы выйти не можем, — отвечаю я. — У нас дверь не открывается.

Тут БС начал материться, да так, что Лянхаб с завистью в сторону двери посмотрела. Поматерился, а потом и говорит:

— Ну раз так, я ничего поделывать не могу. Ксар-Сохум все сам решает. Так что пойду я. Может, увидимся еще, если выберетесь.

И ушел. Мы даже вслед ему печально посмотреть не смогли, дверь мешала.

— Ну что, — спрашивает Лянхаб, — допрыгались? Чудес им захотелось, видите ли. И чего теперь-то будет?

— Не знаю, — говорю. — Мы, кажется, в какой-то тупик судьбы случайно залезли. Ждать будем. Вон, поесть еще можно.

— Да, и нас опять колбасить начнет?

— Думаю, уже не начнет. Это, наверное, больше одного раза не работает.

Мы с ней пошли к столу, уселись и начали есть. Причем на нервной почве наелись до состояния едва шевелящихся тушек. И ничего сверхъестественного не происходило, кроме, конечно, нашего сверхъестественного обжорства.

— Я домой хочу, — говорит Лянхаб, с отвращением косясь в сторону стола. — Домой, в Ксю-Дзи-Тсу, к Киолу. Не хочу больше этих странностей. В Ксю-Дзи-Тсу странности свои, родные и знакомые, а тут сплошь ужас какой-то. А вдруг у меня клаустрофобия, вдруг я замкнутых замков до колик боюсь?

— Да, домой я бы тоже не отказалась. Мне все-таки работать надо. Вот просидим мы тут три вечности, так в Ксю-Дзи-Тсу все кофейни испортятся, за ними же глаз да

глаз нужен. Сменят один раз персонал, потом всю кофейню на помойку можно выбрасывать. Да и вообще...

— Слушай, — оживилась Лянхаб, — ну а, может, попросить его? Типа, отпусти нас, батюшка Ксар-Сохум, к детишкам малым, кофейням славным, и все такое?

— Что-то мне кажется, это не поможет.

И мы опять замолчали.

Но долго молчать, как всем известно, куда сложнее, чем долго говорить, и мы потихоньку начали вспоминать Ксю-Дзи-Тсу. Все тамошние истории, которых оказалось очень много, Киола, который, если вдуматься, не такой уж и плохой, Терикаси, который, наверное, без нас со своими прямыми обязанностями не справляется, и прочих добрых божеств, которые продолжали существовать в нормальной (хоть и с тремя судьбами) реальности, в то время как мы сидели здесь и совершенно не знали, что случится в следующую минуту.

Самое страшное, что не случилось ничего. Мы по-прежнему сидели около стола, потягивали вино и курили. И никаких потусторонних шорохов, никаких намеков, что хоть кто-то тут есть и к нам прислушивается. И не оставалось ничего, кроме как заснуть прямо в креслах в надежде на то, что утром все хоть как-то прояснится.

Утром все действительно прояснилось. Когда продрали глаза, оказалось, что дверь открыта настежь, а за ней виднеются привычные глазу, милые сердцу башенки и домики Ксю-Дзи-Тсу.

Мы с Лянхаб заворопили от радости и рванули на улицу. Никакого замка позади нас, разумеется, больше не было. Зато впереди маячил Киол. Подошел к нам и спросил со всей возможной суровостью:

— Ну что, с судьбами воевать пойдете? А то, глядите, сошло.

И мы пошли воевать с судьбами. А что нам еще оставалось делать?

ЭПИЛОГ

На войне с судьбами нас, разумеется, убили, и даже не один раз, потому что солдаты из нас, как мы и предупреждали с самого начала, хреновые. Воскресая, мы всякий раз ругались и шли пить кофе.

ПОЛУСКАЗКИ

ПЕРВАЯ СКАЗКА

Давным-давно в одной сказочной стране жил-был дурак. Не Иван, потому что страна была из другой сказки. Просто дурак. Назвать его в детстве забыли, потому что родители очень испугались, когда его первый раз увидели, и убежали сразу. А дурака оставили. И вскормили его прохожие грибники и ягодники. Еще иногда он белок ловил. Но белки так загадочно на него смотрели, что дураку приходилось их отпускать. А белки издевались и кидались сверху гнилыми желудями. Он, впрочем, не обижался, потому что, как уже говорилось, был дураком. А еще потому, что искренне верил в то, что когда-нибудь одна из белок подскажет ему, что делать дальше. Но белки совершенно не собирались открывать ему свои большие беличьи тайны, да и не было у них этих самых тайн, если честно.

Так дурак дожил до тридцати лет и, проснувшись как-то утром от промозглого тумана, понял, что пора ему из этого леса, этой страны и этой сказки валить как можно быстрее. Он собрал все, что накопил за эти годы: три сломанные алюминиевые ложки, оставшиеся от туристов, одну корзинку для грибов и беличий хвост, который ему по доброте душевной все же подарила какая-то белка, — да и отправился в путь-дорогу. Шел он долго, по лесам, полям и городам, но страна все никак не заканчивалась, и

было все везде одинаково: люди смотрели на него, как на дурака (а что им еще оставалось?), и норовили плюнуть в спину (а вот это уже невежливо). Дурак их не осуждал, только сжимал в кармане беличий хвост и печально смотрел под ноги.

А время шло вместе с дураком, и наступил момент, когда он понял, что из сказки этой ему никак не выйти, Иваном-царевичем не стать и дракона победить не получится, потому что не водятся в этих краях драконы. Поэтому дурак остановился и начал строить себе дом, чтобы умереть там тихо и спокойно. Построил, состарился и умер. Только труп его никто потом не нашел. А дом сожгли, и на его месте построили турбазу «Белочка».

ВТОРАЯ СКАЗКА

Жил-был мальчик. Он был таким легким, что в детстве родители привязывали к нему веревочку, чтобы не улетел, и так выводили его гулять, на веревочке. Разумеется, общаться со сверстниками мальчику было сложно, они все норовили веревочку отпустить и посмотреть, что получится. Поэтому он и не общался почти. Только с родителями гулял.

Потом пришло время мальчику идти в школу. И родители не могли все время быть с ним рядом. Тогда они дали ему кирпич и строго-настрого запретили этот кирпич из рук выпускать. Так и ходил мальчик в школу все десять лет, с кирпичом. Что, кстати говоря, было полезно, потому что этим самым кирпичом и хулиганов можно побить, и орехов наколоть для девочки Насти с большими синими глазами. Мальчик привык к кирпичу и, в общем, даже как-то с ним сроднился. Вот только с возрастом мальчик становился все легче, и один кирпич его удержать уже не мог. Поэтому приходилось подбирать все новые кирпичи или просто носить до дома Настин портфель, он тоже был достаточно тяжелым.

Так бы и жил себе мальчик дальше, если бы не один случай. Когда он уже закончил школу и институт и даже стал почти большим человеком на месте своей работы, он встретил девушку. Это случилось поздним вечером, когда он шел домой, прижимая подбородком кирпичи, которых накопилось уже немало. И тут навстречу ему, практически из ниоткуда, появилась невероятно красивая девушка.

— Здравствуй, — сказала она.

— Привет, — ответил мальчик, пытаясь не уронить кирпичи.

— Я — Жизнь, — сказала девушка. — Я тебе нравлюсь?

— Очень, — ответил он.

— А ведь я могу быть с тобой. Тебе только надо согласиться. Тогда и кирпичи носить больше не придется. Они просто окажутся в тебе. Тебе с ними будет хорошо и уютно. И мы будем жить с тобой в маленькой квартире, слушать музыку и пить чай с мятой. Ты согласен?

Мальчик сначала очень хотел ответить, что согласен, но потом задумался.

Так и стоит до сих пор, прижимая к себе кирпичи, и думает. А рядом с ним сидит Жизнь, уткнув голову в колени, и ждет, что он ответит.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА

Случилась эта история совсем давно, примерно в прошлую пятницу. Один умный и порядочный человек — да, очень умный и до неприличия порядочный — проснулся как-то рано утром, в восемь если быть точным, посмотрел на сопящую под боком жену, встал, умылся, поцеловал детей (а их у него было трое), выпил чашку утреннего чая с двумя ложками сахара и, надев костюм, вышел из дома.

Он поймал такси и поехал в аэропорт Шереметьево, к примеру, 2. Там он взял билет на ближайший самолет в Австралию. До самолета оставалось еще полтора часа, поэтому он отправился в бар, выпил там рюмку текилы,

познакомился с красивой девушкой, взял у нее телефон, выкурил пять сигарет и одну гаванскую сигару и дождался того момента, когда объявили посадку на его самолет. В самолете он сел у окна и, попросив у стюардессы виски, долго и задумчиво смотрел в окно.

Когда самолет потерпел крушение где-то в океане, он не стал нервничать, взял парашют и выпрыгнул, не попрощавшись с пассажирами и членами экипажа. Он упал на воду всего в паре километров от одного необитаемого острова. Доплыв до острова, человек разделся, улегся на белом песчаном пляже, пару раз огляделся по сторонам и после этого с чистой совестью сошел с ума.

ЧЕТВЕРТАЯ СКАЗКА

Произошло это все жутким дождливым вечером, струи мерзкого осеннего ливня лупили по окнам вагона метро на перегоне между «Филями» и «Багратионовской». В метро ехал человек. Человек твердо знал, что в жизни ему уготован Великий Шанс, что судьба каждый вечер целует его в макушку и поправляет одеяло. Он хотел приехать домой, обнять любимого человека и лечь спать в ожидании своего Шанса.

И когда поезд уже почти подъехал к станции, перед человеком вдруг возник дьявол и сказал, что у него сегодня плохое настроение и что по этому поводу он забирает человека к себе, ибо тот грешен, а значит, основания есть. И оба они отправились в ад. В аду человек быстро пошел вверх по карьерной лестнице и даже стал заместителем Люцифера. А когда Люцифер умер, он стал новым Люцифером и победил Бога.

Нет, дурацкая получается сказка, я по-другому попробую.

Произошло все это ясным весенним утром, солнышко жизнерадостно светило в окна вагона метро на перегоне между «Филями» и «Багратионовской». В метро ехал человек.

Человек был жалким и несчастным. Жизнь его была отвратительна и паскудна. Судьба воротила от него нос и демонстрировала лишь филейные части. Человек хотел доехать до дому, выпить чаю с малиной и лечь спать, чтобы не думать о том, что существование его никуда не годится, совсем как бутылка из-под водки: и сдать не сдать, и содержимое уже выветрилось.

И когда поезд уже почти подъехал к станции, перед человеком вдруг возник Бог и сказал ему, что человек выбран для ответственной миссии — борьбы со злом. И выдал ему большой, блестящий, сверкающий меч. Человек встал, неуклюже взмахнул мечом и случайно отрубил голову Богу, а заодно и сидящему рядом дьяволу.

Ну нет, это уже полный пиздец выходит. Попробую в третий раз, в сказках с третьего раза всегда все получается.

Произошло это все обычным зимним днем, низкие тучи лениво мурлыкали над вагоном метро на перегоне между «Филями» и «Багратионовской». В метро ехал человек.

Это был самый обычный человек. Жизнь его была спокойна, как лесное озеро, ничего примечательного в ней давно уже не случалось, примерно со времени его рождения. Но человек знал, что дома его ждут три апельсина, кот персикового окраса и сто граммов хорошего кофе. Он собирался попить кофе, съесть апельсин и завалиться в кроватку в обнимку с котом и собранием рассказов Шекли.

А напротив человека на лавке сидели Бог с дьяволом и читали, один на двоих, последний роман Дарьи Донцовой.

СКАЗКА БЕЗ МОРАЛИ

На берегу одного очень теплого моря жил город. Южный, с белыми стенами и шумными людьми. А на самом берегу теплого моря стоял маленький домик. В домике жила семья: мама-папа и двое детей — мальчик и девочка, разумеется.

Мама с папой были еще очень молодыми, детей им аист принес случайно, просто ошибся адресом. Поэтому они совсем не знали, что делать со своими детьми и как с ними разговаривать. Себя они уже считали взрослыми и совсем не помнили, как обстояли дела, когда они были маленькими. Они обычно сидели на веранде, держась за руки, и лица у них были счастливые и чуть-чуть испуганные.

Мальчик очень любил играть у моря. Он воображал себя капитаном дальнего плавания, поднимал несуществующие якоря и плыл в далекие, тоже несуществующие, страны, чтобы искать там сокровища и сражаться с пиратами. Разумеется, все пираты погибали от рук великого капитана, а позже, когда мальчик уже начал понимать, что он не только капитан, но и мужчина, к сокровищам прибавились спасенные им красавицы.

Девочка обычно сидела на чердаке и перебирала старые вещи. Их там много было: прабабушкины платья и прадедушкины шахматы. Ей казалось, что она живет в большом заброшенном замке и по вечерам играет в шахматы с верным дворецким. А у ног ее лежит огромная собака и щеотно дышит. Девочка становилась все старше, а дворецкий все моложе и красивее, и все вернее. Только собака оставалась неизменно большой.

Время в южном городе было тягучим, как варенье из абрикосов, и люди, бывало, в нем вязли. Но не все.

Однажды мальчик пошел в город, нашел старого капитана, который плавал на почерневшем от времени корабле в соседний порт и обратно, перевоза то вино, то опиум, то табак, и попросился к нему на корабль, хотя бы юнгой.

Старый капитан, разумеется, согласился. И очень долго никто не видел мальчика. Только старый гитарист, который всегда сидел около портовой таверны, иногда пел длинные песни о бравом капитане, который победил всех пиратов.

А девочка продолжала жить на чердаке. Она время от времени выходила в город, чтобы купить фиников и послушать песни старого гитариста. Финики нужны были, чтобы угощать собаку, а песни, чтобы помнить о брате. Больше ей не было нужно ничего.

Однажды она вышла из дома, чтобы пойти за финиками, и увидела, что родители ее умерли. Они по-прежнему сидели на веранде, взявшись за руки, но глаза их давно выклевали чайки, а улыбки на лицах превратились в жуткие гримасы. Девочка позвала могильщиков и похоронила папу и маму, потом пошла на чердак и рассказала обо всем дворецкому. Он гладил ее по голове и шептал всякие глупости о вечности и небесном царстве, где все будет хорошо.

Так прошло еще много лет. И однажды мальчик решил вернуться в свой южный город, проведать сестру и родителей. Но родителей он не нашел, только две заброшенные могилы, на которых сидели чайки. Он заплакал, пошел на чердак и нашел там сестру, которая, кстати, за все это время научилась очень хорошо играть в шахматы.

Мальчик забрал ее с чердака, не обращая внимания на слова и уговоры, и отвез в другой, совсем большой северный город. Там он купил ей дом без чердака и нанял женщину, чтобы помогала по хозяйству. В этом городе нашлось очень много людей, желающих сыграть в шахматы с красивой женщиной, которая не говорила ни слова, только гладила несуществующую собаку. Некоторые даже собирались на ней жениться, но она не хотела бросать своего дворецкого, который уже постарел и не мог обойтись без нее.

Дом, где когда-то жили мальчик с девочкой, однажды, во время особенно сильного шторма, смыло в море. А мо-

ряки в таверне южного города, когда напьются, иногда рассказывают про дом-призрак, качающийся на волнах. Говорят, оттуда доносится собачий лай, а на крыльцо выходит дворецкий в ливрее, с шахматами в руках и всматривается вдаль, как будто ждет кого-то.

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

В одном из воплощений мне довелось побывать маленьким камушком в ботинке одного великого, но никому не известного мудреца, который жил в одной великой, но никому не известной стране.

Мудрец был полон светлых мыслей, практически свят и до неприличия безгрешен. Он прекрасно понимал, что любая мудрая мысль, если выразить ее словами, станет в сотни раз глупее, и поэтому предпочитал молчать. Зимой он сидел дома и вырезал из дерева маленькие лодочки. Весной, когда заканчивался ледоход на великой реке великой страны, он выходил из дома, спускал на воду свои лодочки и шел за ними, раздумывая о Вечном.

Вечное очень любило этого мудреца, поэтому часто позволяло ему подумать о себе, даже посмотреть и потрогать. Вечное знало, что мудрец никогда и никому не расскажет о том, что видел.

Я редко вмешивался в дела великого мудреца. Только если он сильно отставал от своих корабликов или уходил далеко от реки, я появлялся в его ботинке и возвращал его к реальности.

Осенью, когда все кораблики тонули, а река покрывалась тонким слоем льда, мудрец шел обратно, к своему дому, размышляя о Сиюминутном. Сиюминутное так и порывалось броситься под ноги, упасть с дерева, пролиться сверху и осыпаться снизу. Сиюминутное прекрасно понимало, что, если мудрец его заметит, у него появится отличный шанс стать вечным. А какое Сиюминутное не мечтает стать Вечным?

Сиюминутное было мне чем-то симпатично, поэтому время от времени, когда оно впадало в отчаяние, я снова появлялся, и мудрец замечал дождь, опадающие с деревьев листья, овраги, кусты и первый иней на траве. Теперь я понимаю, что тоже был частью Сиюминутного, но тогда мне казалось, что я влюблен.

Мудрец понял очень много, и, когда он умер, Вечное забрало его к себе. Мы с Сиюминутным поплакали, потом взяли оставшиеся лодочки и пошли спускать их на воду, потому что ледоход уже закончился.

МРАК

Я не знаю, что напросят мне завтра оракулы: уйти или остаться, жить или умереть. Я не знаю, что я сама решу, когда наступит завтра. Проблема в одном: в этой стране завтра наступает уже который год. Наступало до моего рождения, и будет наступать даже после моей смерти. Хотя, почему «даже»? Не я первая, не я последняя, кто будет всю жизнь видеть солнце в зените.

За двадцать восемь лет своей жизни в этом городе мне удалось попробовать все, что так или иначе изменяет ощущение времени. Субъективность восприятия реальности — хорошая штука, если не знать, что это всего лишь субъективность. Наркотики, выпивка — суррогаты часов, которые не ходят, на которых всегда полдень. Секс — много хорошего и разного секса... Просыпаясь утром, видишь, что и не утро это вовсе, что и ночи-то не было, просто опустили шторы.

Обо мне ходят всякие слухи, и самое смешное, что это не слухи даже. Я живу именно так, как говорят за моей спиной. Не для того, чтобы доказать людям, что я — дерьмо, и тем более не для того, чтобы доказать, что дерьмо — все остальные. Это было бы слишком просто, это не требует ежечасного прощания с собой.

Помню, мне было пять лет, когда я впервые задумалась о том, почему на небе всегда одно и то же. Мне никто никогда не говорил, что бывает иначе. Видимо, заговорила кровь предков, они-то знали, у них за днем неизменно приходила ночь, приносящая свободу от самих себя. Мама, вместо того чтобы ответить на мой вопрос, заперла меня в чулане, но и там я не могла укрыться от палящего света.

И теперь, когда полгорода шепчется за моей спиной, когда со мной перестали разговаривать друзья и подруги, когда все, что остается, — шлаться по самым мрачным кварталам в поисках ночи, я все равно уверена, что права. Пусть мне не дано изменить этот мир, но, по крайней мере, я найду *свою* ночь.

Сегодня я ходила на улицу мудрецов, пыталась понять, почему и кто так сделал. Там мне встретился Маххара — великий знаток всего на свете, в прошлом самый страшный убийца и самый страстный любовник в этом городе. Ему был знак, после чего он засел за книги и философские трактаты. Но когда я спросила его про ночь, он только ухмыльнулся и протянул мне трубку, набитую гашишем. Но это же не ответ.

И так было везде. Где-то прогоняли, где-то просто молчали.

Завтра я пойду к ведьмам, может, они что-то скажут. По крайней мере, они не боятся... Не боятся — но кого? Точнее, кого боятся все остальные, включая родителей, мудрецов, друзей и даже врагов?

За окном кто-то ходит. Наверняка слушают, смотрят, следят... Рано или поздно меня обвинят в моральном разложении и издевательствах над собственной плотью и повесят. Но главное — не выжить, а успеть понять почему. Почему в этом городе нет темных помещений, почему, когда завешены шторы (это, разумеется, запрещено законом), у меня начинают чесаться десны и болят глаза, и почему после смерти всех в этом городе протыкают деревянными колыями?..

Главное — успеть понять.

Юрий Погуляй

ЧАТ

>>Соб@к@:...

>>прелестница: Соб@к@: привет) Хорошо трянуло?

>> Соб@к@: прелестница: *трямс) Да... седня кидает...*
сервак глючит :(

>> прелестница: Соб@к@: ты откуда?

>> Соб@к@: прелестница: *из Москвы... а ты?*

>> прелестница: Соб@к@: я из Питера..

>> Соб@к@: прелестница: *красивый город, я там давно не был... Те скока лет?*

>>ПАЛЛАДИН: Всем привет, об чем базар?

>> прелестница: ПАЛЛАДИН: приветик)

>> прелестница: Соб@к@: 19...

>>ПАЛЛАДИН: слышали, эти уроды уже под Владивостоком...

>>Соб@к@: ПАЛЛАДИН: *в этом чате эта тема не обсуждается...*

>> прелестница: Соб@к@: а те сколько?

>>ПАЛЛАДИН: Соб@к@: мне начхать, я завтра в военкомат — и в добровольцы. Этих казлов надо месить и месить!!!

>>Соб@к@: прелестница: 23...

>>Соб@к@: ПАЛЛАДИН: *Я же сказал, здесь эта тема закрыта.*

>>ПАДЛАДИН: Соб@k@: А не охренел ли ты часом??? Думаешь, что посидишь в сетке, поговоришь о лютиках, и все??? Все само изменится???

>>преlestница: Соб@k@: Какой ты большой :) Чем занимаешься?

>>Соб@k@: ПАДЛАДИН: Мне по реалу этого хватает, че я здесь буду говорить?

>>ПАДЛАДИН: Соб@k@: хм... Вы в Москве небось считаете, что до вас и не дойдет, да?

Администрация удаляет ПАДЛАДИН

>>Соб@k@: преlestница: да ничем... работаю...

>>преlestница: Соб@k@: кем? ;-)

>>STING: Хайяяяя!!!!

>>Соб@k@: STING: привет) Как жизнь?

>>преlestница: Соб@k@: привет)

>>STING: Соб@k@: идет =) Завтра с пацанами идем на бухло, а потом к бабам на хату! ТРАХНУСЬ НАКОНЕЦ!!!

>>STING: преlestница: поехали с нами =)

>>Соб@k@: STING: ууу... я тож хочу... Работаю завтра... Млин... (((

>>преlestница: STING: НЕТ!

>>mr. TblkBa: Соб@k@: сука, ты админ, да? Пидор, есть такая штука, прокси-сервер... Из-за таких уродов, как ты, я Москву вашу и не перевариваю! Думаешь, что отсидишься за компом??? Говнюк... Да ты не русский! Считаешь небось, что война тебя не касается??? ТАМ НАШИХ УБИВАЮТ!!!

Администрация удаляет mr. TblkBa

>>STING: во придурь... ему больше всех надо, что ли???? Не дойдут они до нас! Им переть через всю Россию... Хер там плавал, русских не победишь =))))))

>>Соб@к@: *STING: эта тема здесь не обсуждается!*

>>*STING: Соб@к@: Лано-лано, молчу=))))*

>>Laska: приветики, тут есть мальчики старше 20?

>>прелестница: Laska: привы, есть ;-)

>>*STING: Laska: Я! =)*

>>Соб@к@: Laska: ну?

>>Laska: а вы под призыв не попали? А то у нас в чате тока два остались, отмазались как-то.

>>прелестница: Соб@к@: так кем работаешь?

>>*STING: Laska: я на лапу дал ;-)* так что теперь я псища вольная =)))

>>Соб@к@: Laska: не прошел по здоровью...

>>Соб@к@: прелестница: вебдизайнер...

>>Laska: гряд, что вокруг Владивостока теперь пустыня... Я вот боюсь, вдруг и до нас дойдут...

>>Соб@к@: Laska: мля! Здесь об этом не разговаривают!!!

>>Самый_Лучший: привет всем!

>>Laska: Самый_Лучший :)))

>>*STING: Laska: Оня Америку восемь лет стирали, я слышал, че наши почти нашли способ замочить их =) Не дойдут, не ссы =))))*

>>Laska: Соб@к@: почему?

>>Соб@к@: Laska: *STING: ПОТОМУ ЧТО И ТАК ОБ ЭТОМ ВСЮДУ ГОВОРЯТ!!!!*

>>прелестница: Самый_Лучший: те сколько лет?

>>*STING: Самый_Лучший: самый лутший тут я =)*

>>Самый_Лучший: *STING: нет я)))*

>>Самый_Лучший: прелестница: 16)))

>>Соб@к@: прелестница: у ты ася есть? Дай, стукнусь...

>>*STING: Самый_Лучший: Я! =)))*

>>прелестница: Соб@к@: нет...

>>Самый_Лучший: *STING: Я!!!*

>>Laska: говорят, они из моря вышли... типа, жители Атлантиды... Почему так? Из-за чего??? Мы же им не мешали...

Администрация удаляет Laska

>>STING: Соб@k@: че ты седня такой злой?

>>преlestница: Самый_Лучший: в школе еще?)))

>>Zanozza: **ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ! ВСЕ ЛОХИ!**

Администрация удаляет Zanozza

>>Самый_Лучший: вот урод...

>>Соб@k@: STING: настроение дерьмовое (((

>>Самый_Лучший: преlestница: не... бросил... какой смысл? Всем все равно каюк :)

>>преlestница: Соб@k@: у меня тож :(

>>STING: Самый_Лучший: почему каюк???

>>Самый_Лучший: STING: в новостях ведь говорили, что единственное, что их берет, — серебро... Оборотни, мля... И их как грязи...

>>Соб@k@: Самый_Лучший: **ЩА ИЗ ЧАТА ВЫКИНУ!!!**

>>преlestница: STING: а ты Стинга любишь?

>>Самый_Лучший: Соб@k@: че?

>>STING: преlestница: не... музыки его =))) **Ваше-то в рестлинг, жаль, что нет его больше =(((**

>>Соб@k@: Самый_Лучший: *ниче! Тема эта здесь закрыта!*

>>преlestница: STING: да... Америку подчистую стерли...

>>Соб@k@: *ща совсем чат закрою... у вас других тем нет?*

>>Самый_Лучший: Соб@k@: ладно... слушай, ты знаешь, где можно нарыть адды для контров?

>>прелестница: Соб@k@: да.. ты прав... тема плохая...

>>STING: Соб@k@: ну ты ваше... будто ты не кормили =)))

>>Соб@k@: *www.counterstrickers.ru...*

>>Самый_Лучший: Соб@k@: сенькс... а то че-то официальный сайт не находит :(

>>STING: *ля-ля-ля...*

>>Самый_Лучший: Соб@k@: мы завтра кланом идем рвать команду другого клана :)

>>прелестница: Самый_Лучший: хе :) официальный же в Америке :) Вот и нет его)

>>девочка: всем-всем-всем хачу переспать с парнем

>>STING: девочка: *я согласен =) Ты откуда?*

>>Соб@k@: прелестница: *не надо про Америку!*

>>девочка: STING: Владивосток.

Администрация удаляет девочка

>>STING: *дела...*

>>Соб@k@: *ничего себе... о чем она думала???*

>>прелестница: Соб@k@: наверное, девственница...
Перед смертью-то...

>>Самый_Лучший: прелестница: по реалу было не найти??? Хотя... там, наверное, не до этого...

>>STING: я вот слыхал, шо уродам этим ни еды, ни воды, ни секса не надо... Извини, собака...

>>Соб@k@: *все... вы мя достали...*

Извините, чат временно недоступен. Возможно, вы нарушили правила нашего чата или же неполадки в сети. По всем вопросам обращайтесь по адресу: <http://chatinteners.ru/>.

ДЖЕК-ПОПРЫГУНЧИК

Он сидит в мягком кресле, напротив большого окна, за которым — шум городской толпы, перестук лошадиных копыт и скрип колес по булыжной мостовой Оксфорд-стрит. Рядом, на столике из полированного дерева — свежий номер «Таймс» и курительная трубка, плотно набитая первосортным табаком. Где-то за спиной пьет утренний кофе его невеста Джессика. Они помолвлены; свадьба через месяц. Он слышит, как звенит, соприкасаясь с фарфоровой чашкой, маленькая серебряная ложечка. Словно колокольчик. И он улыбается, понимая, что все будет хорошо, несмотря на странное, гнетущее ощущение где-то глубоко внутри.

Все будет хорошо, но...

Бывают мгновения, тонкие и невесомые, когда в бесконечной череде мыслей вдруг возникает провал. Черная, зияющая пустота, в которую норовит просочиться туман, густой и вязкий, вечерами расползающийся по сонному Лондону, проникающий в дом через дверные щели, оконные рамы, через камин, через погреб, через...

Большая белая комната.

Кровать, узкая, со спинкой из стальных прутьев.

Столик среднего размера, накрепко привинченный к полу.

Парочка стульев из пластика. Легкие, почти бумажные.

Ничего лишнего.

Даже окон нет.

Эта картинка вспыхивает в его голове, словно спичка в крошечной темноте ночи. Только на мгновение. Туман отступает, все же это не мистическое чудовище, приносящее плохие сны, а всего лишь мельчайшие капельки рассеянной в воздухе влаги.

Он реалист. Он твердо стоит на ногах.

Чудесный бред и вещие сны — удел масонских лож и магнетизеров-одиночек.

Пока отсчитывает время Большой Бен, пока существует Лондон, с его туманами и дождями, парками с аккуратными скамеечками для влюбленных, чопорными джентльменами, опирающимися при ходьбе на фамильные трости, и бродягами, выпрашивающими полшиллинга, и пока существует он, сэр Джонатан Алекс Монро, мир может быть спокоен.

Мир может быть.

Ничто не украшало этот город так, насколько мог это сделать багровый закат, но и ничто более не делало его таким старым. Джонатан любил гулять по вечернему Лондону, особенно в обществе леди Джессики. Он не слишком опасался уличных крыс, хотя и признавал, что сумерки здесь страдают легким умопомешательством. Пару недель назад, в одну из таких прогулок, их с Джессикой догнал какой-то бродяга. Он не просил денег, не жаловался на голодную жизнь и большую бедную семью, а просто бежал следом, иногда цепляясь грязными пальцами за край его сюртука, и повторял: «Пойми, Олег. Ты должен понять, Олег. Пойми, Олег!» У нищего был странный акцент, и он явно принимал Джонатана за своего знакомого, но быстро ретировался, едва на противоположной стороне улицы замаячил полицейский.

Сегодня Джонатан вышел на вечернюю прогулку один. Он собирался посетить мясную лавочку, перешедшую к не-

му по наследству от дяди, и обсудить кое-какие дела с управляющим. Лавочка приносила ему небольшой, но стабильный доход; ко всему прочему он неплохо справлялся с биржевыми делами, справедливо полагая своего маклера одним из лучших в Лондоне.

Сумерки плавно превратились в сырую мглу, озаренную лишь светом газовых фонарей на Седьмой авеню, когда Джонатан, покончив с делами, возвращался домой. Он почти заблудился, погрузившись в счастливые раздумья о будущей свадьбе, а это, как известно, способно запутать человека даже по дороге к собственной двери. Поэтому он не заметил, как из вороха теней в самом темном углу очередной подворотни выскочила и взвилась в воздух странная фигура в длиннополом сюртуке и мятом цилиндре. А минуту спустя сэр Джонатан Алекс Монро был сбит с ног запыхавшимся полицейским.

— Вы видели его, мистер? — Лицо полисмента блестело от пота, а глаза сверкали так, что Джонатан подумал, что к физической нагрузке здесь вполне мог примешаться страх.

— Кого?

— Джека-Попрыгунчика.

— Еще одного? — Джонатан вспомнил жутковатую историю трехлетней давности, когда убийца по кличке Джек-Потрошитель терроризировал лондонских шлюх. — Опять потрошит или только прыгает?

— Уж лучше бы потрошил! — отмахнулся полицейский. — Тот, по крайней мере, был человеком. А этот... Даже не убил никого! Пугает жителей до полусмерти, а они заваливают жалобами Скотленд-Ярд. Неужели вы не читали сегодняшний «Утренний вестник»? Именно там эту тварь окрестили Попрыгунчиком!

— Увы, я читаю исключительно «Таймс», — Джонатан покачал головой. — Более того, я не верю в странных тварей.

Налетевший порыв холодного ветра заставил его поднять воротник сюртука и поежиться.

— Зря не верите! — воскликнул полисмен и помахал рукой куда-то в темноту проулка. — Шли бы лучше домой, мистер...

— Монро, — подсказал Джонатан. — Сэр Джонатан Алекс Монро.

— О, простите... сэр.

Джонатан обвел взглядом подошедших коллег полисмена: плотного бородача, лет сорока на вид, чья форма была слишком узкой — бедняга, вероятно, никак не мог смириться с внезапным исчезновением талии, — и светловолосого коротышку с большой родинкой около носа.

— Вот, к примеру, Бэнкс, — кивнул полисмен в сторону бородача. — Не верил даже в Бога. А сейчас пересматривает свои взгляды, бедняга.

— Он прав, мистер Монро, — согласился бородач Бэнкс. — Вы, конечно, не поверите в Попрыгунчика, пока сами его не увидите, но я вам этого и не желаю, сэр. Существо поистине странное и страшное, будто сам черт из преисподней. Гонишься за ним, и вроде уже настиг, и впереди милый сердцу каждого полицейского тупичок в подворотне, а он ка-ак прыгнет через десятифутовую стену — и был таков!

— Чушь какая, — невольно поморщился Джонатан.

— Вам-то чушь, сэр Монро, а нам — работа, — полисмен сощурил глазки. — Поэтому уж извините, но ответствуйте, что вы делаете на этой темной улочке в столь поздний час?

Джонатан рассмеялся:

— Может, мне еще и попрыгать? Иду домой!

— Так идите, сэр Монро, идите. Не хватало еще, чтобы вы влипли в какую-нибудь неприятную историю, а в этом обвинили трех лондонских полицейских.

— Хорошо, буду рад последовать вашему совету, — улыбнулся Джонатан. — Удачи вам, господа.

— Удача нам понадобится, сэр, — процедил блондин с родинкой, и его коллеги закивали, словно фарфоровые японские статуэтки.

Оставив позади бригаду озабоченных полисменов, Джонатан с облегчением вздохнул. Дом был уже близко, поэтому он решил немного срезать путь, свернув на Би-хайнд-лейн, грязный переулок на северном берегу реки. Пару раз он оглядывался, услышав позади непонятные шорохи, но вскоре убедил себя, что это всего лишь ветер таскает по булыжной мостовой скомканные газеты и прочий мусор. Но, остановившись около закопченного фонаря, чтобы поправить шнурок на ботинке, он внезапно обнаружил, что уличные тени ведут себя странным, неподобающим их природному положению образом. Так, две узкие линии теней от двух фонарных столбов крутились по часовой стрелке, хотя никакого повода для таких метаморфоз Джонатан не находил. А одна из теней так и стелилась по мостовой, как шелковый отрез, приближаясь все ближе и ближе, пока наконец не подползла вплотную к тому кругу света, в котором он находился, и не выпрямилась во весь свой немалый рост. Джонатан в испуге отшатнулся, благо вид этого визитера был самым что ни на есть адским: из-под помятого цилиндра смотрели два багровых глаза, которые светились в темноте, будто старые лампы из фотомастерской, полы длинного черного сюртука трепал ветер, а упругая деревянная трость в руке незнакомца отбивала незатейливый мотивчик прямо на приглянувшемся ему уличном булыжнике.

— Доброй ночи, мистер Монро, — произнес незнакомец. — Не правда ли здесь хорошие ночи?

Джонатан машинально покивал головой, все еще не вполне осознавая намерения незнакомца, но не рассчитывая на благополучный исход. Все это было странно, конечно, но в Лондоне, помимо грабителей, бесчинствовало достаточное количество шарлатанов, чтобы придумать

подобный эффектный розыгрыш для запоздалого прохожего.

— Не имею чести вас знать, — наконец выдавил Джонатан и сжал правую руку в кулак, уже нацеливаясь наглому шарлатану в челюсть.

— Некоторые называют меня Джеком-Попрыгунчиком, — улыбнулся незнакомец. — Говорят, это имя мне очень подходит.

— Что вам нужно?

— Не кипятитесь, мистер Монро. — Существо покрутило тростью и снова принялось отбивать на мостовой дурацкий мотивчик. — Мне нужно всего лишь уничтожить мир. Бессмысленный, грязный, прогнивший, погрязший в грехах и разврате мир, в котором вы существуете. И я это сделаю. Если, конечно, вы, мистер Монро, не убедите меня, что человечество должно жить дальше.

— Чушь какая! — воскликнул Джонатан и повернулся, чтобы уйти. Он даже сделал десяток-другой шагов, но тварь словно свалилась с небес, преградив дорогу.

— Не верите, мистер Монро? Я вижу это по вашим глазам. Как мне убедить вас? Глаза... глаза... Ваши глаза, мистер Монро, давно с вами, не так ли? С самого вашего рождения? Не хотите ли посмотреть на мир моими глазами?... Моими, чужими... чьими угодно... — Речь Джека-Попрыгунчика стала сдавленной, хриплой, словно он тонул во мраке и цеплялся за Джонатана, как за последнюю соломинку. — Глазами, мистер Монро? Всего лишь глазами других?

— Да, только отстаньте!

— Все люди, в которых вы разочаруетесь, чье существование не имеет для вас смысла, будут исчезать, мистер Монро, так и знайте. А через неделю я буду ждать вас здесь, в это же время, мистер Монро, и вы скажете мне, стоит ли жить остальному человечеству. — Тварь рассмеялась. — Есть ли смысл в их жизни, мистер Монро, вот что вам надо

понять. Понять и сказать об этом мне. А там посмотрим, мистер Монро.

И наваждение исчезло.

* * *

Доктора поставили Олегу неутешительный диагноз — шизофрения. Разумеется, они провели с пациентом кучу тестов, сделали всевозможные анализы, но никаких органических и эмоциональных причин для состояния, в котором он пребывал, не нашли. Впрочем, его случай был настолько экстраординарен, что больного перевели из обычной лечебницы в специальную палату исследовательского центра, чтобы поподробнее изучить все особенности его невероятного недуга. Да и родственники были не против — по большому счету такой пациент не был способен находиться в кругу семьи, а уж пособие им выдали щедрое. Как ни крути, Олег работал на науку, пусть даже этот факт его самого нисколько не впечатлял.

Дело в том, что Олег неадекватно воспринимал окружающий мир или, как отметил заведующий отделением лаборатории Петр Евгеньевич, не воспринимал его вообще. Олег жил в своей реальности, и доктора поставили перед собой задачу вывести его из тьмы заблуждения на свет божий.

Когда все традиционные методы лечения разбились о неприступную убежденность больного в своей правоте, в их дружный коллектив влился новый кадр — молодой перспективный специалист Владимир Горелко. Узнав, что пациент живет не где-нибудь, а в придуманном им самим Лондоне позапрошлого века, Владимир понял, что настал его звездный час. В свое время, еще будучи аспирантом, молодой доктор написал диссертацию по английской психиатрии XIX столетия, поэтому чудесное совпадение принял как знак свыше.

Именно Владимиру пришло в голову, что любой придуманный мир можно разрушить, и пациенту ничего другого не останется, кроме как вернуться в реальность и жить нормальной, человеческой жизнью. Так был создан «Проект Джек». За основу взяли героя английских бульварных газет того времени по кличке Джек-Попрыгунчик. Коллеги предлагали взять за основу Джека-Потрошителя, но Владимир решил, что такой деструктивный образ может недостаточно впечатлить пациента. Или, того хуже, спровоцировать его на агрессивные действия к тому, кто будет играть эту роль. Да, именно роль — Владимир намеревался устроить в палате Олега настоящий спектакль.

Через одностороннее стекло Петр Евгеньевич частенько наблюдал за путешествиями Олега по вымышленному Лондону, за его беседами с невидимыми людьми и призрачной невестой. Санитаров Олег принимал за случайных прохожих, а иногда за гостей в его доме на Оксфорд-стрит. Человека, который приносил еду — за рассыльного. Даже брошенную на столик бумажку он считал свежим номером газеты «Таймс». Периодически Олег вставал с кровати, упирался головой в стену и перебирал ногами, будто куда-то шел — такими были его прогулки по большому и прекрасному городу Лондону. Это было невероятное, но бесконечно угнетающее зрелище, хотя лицо Олега казалось счастливым, почти блаженным, особенно когда его сопровождала леди Джессика.

Но после того как Владимир ввел в игру персонаж по кличке Джек-Попрыгунчик, все изменилось.

Олег стал бояться. Этот страх поселился в его больших черных глазах, как паук в паутине. Он все еще «гулял по Лондону», но призрачная невеста покинула своего возлюбленного на целую неделю. А чаще всего Олег просто сидел на кровати, смотрел в пустоту и перечислял незнакомых людей, с их качествами и недостатками. Бесконечно перечислял, словно поставил перед собой задачу перебрать все знакомые ему английские имена.

— Сэр Артур Эштон Смит, — говорил Олег. — Благообразный джентльмен с манерами льва. Посмотрим, посмотрим... В детстве разрезал палец собственной няне, потому что хотел посмотреть, как течет кровь. Его отец — доктор естественных наук — с тех пор боялся вида крови, но это не помешало ему ударить жену тростью по голове, вчера, перед ужином, а потом посетить публичный дом, чтобы развеяться, потому что полагал, что имеет такое право. Как и право выпивать бутылку виски раз в неделю, по пятницам, и в этом его смысл... Прощайте, сэр.

Он закрывал глаза и качал головой, а затем...

— Сэр Монтгомери, которому не нравится собственная фамилия и нос его супруги, который болел в юности гоночницей и убивал голубей, чтобы... Убил сестру, случайно, но считает, что она сама виновата... Прощайте, сэр... А вот мисс Натали Бертон, благообразная Натали Бертон, которая завтра выйдет замуж за студента-медика и считает, что он не сможет понять, что она уже не мисс, а миссис. Причем неоднократно миссис. Она считает, что у студента-медика, которого зовут Уильям, очень богатый отец, а для развлечений в постели вполне подойдет ее знакомый моряк, и знакомый ее моряка, и знакомый знакомого ее моряка... И вообще, цель жизни — хорошо устроиться. А любовь и верность — дерьмо вонючее. Что ж, прощайте, мисс Бертон!

«Люди, чье существование не имеет для вас смысла, будут исчезать» — так сказал Джек-Попрыгунчик. Именно это сейчас и происходило, а Володя с Петром Евгеньевичем стояли за большим односторонним стеклом и вполголоса обсуждали грядущие перспективы.

— Как ты думаешь, Володя, мы не ошиблись в подходе? Не слишком много мучений? Ведь найти смысл жизни — тяжелая задача даже для одного человека. А уж о человечестве не стоит и рассуждать.

— А вот это — мистер Каннингхем! — продолжал за стеклом Олег. — Мне нравится мистер Каннингхем.

Почему? Потому что он смотрит на мир хорошим, открытым взглядом. Ему нечего бояться, этому мистеру Каннингхему. Дома его ждут красивая жена и двое детей. Он верен своей жене. Он обеспечивает семью... только... Только проблема в том, что мои проблемы мистер Каннингхем, каким бы он ни был хорошим, решить не сможет. Он не воровал, не убивал, у него большое доброе сердце, у мистера Каннингхема. Только человечество обойдется без него. Если он исчезнет, мир не изменится ни на йоту... Где же тут смысл? Прощайте, мистер Каннингхем, и, видит Бог, мне жаль, что так вышло...

— Для начала попытаемся его вернуть. — Владимир пожал плечами, но чувствовалось, что он уже ни в чем не уверен. — Сегодня он должен сообщить Джеку свой вердикт, и, как я погляжу, он не питает иллюзий по отношению к людям. Может, в нем говорит его прежний опыт? Все, что случилось до болезни? Как я понимаю, он убежал в придуманный мир от собственных проблем.

— Это, наверное, были очень большие проблемы. — Петр Евгеньевич поморщился. — Посмотри, он вернулся домой.

Пациент за стеклом действительно сделал вид, что открывает дверь, снимает шляпу и верхнюю одежду, а затем садится в кресло и закуривает трубку. Кажется, то, что роль трубки для него играл большой палец правой руки, Олега нисколько не волновало. Он нервничал по другому поводу: сегодня был не только день встречи с Джеком-Попрыгунчиком, но и день приезда Джессики. Олег несколько раз вскакивал со стула, пересекал палату быстрыми и резкими шагами и делал вид, что слышит, как на призрачном втором этаже ходит его будущая невеста.

— Джессика, — шептал Олег. — Мои чертовы глаза... Я хочу верить тебе, но может так случиться, что мне придется вырвать их. Ах, если б я только знал, в чем смысл. Джессика, зачем ты приехала?.. Мне надо уйти. Я не хочу смотреть на мир твоими глазами!

Он вскочил, устроив очередное шоу по одеванию уличной одежды, и уперся головой в стену. Похоже, прогулка намечалась непродолжительная: он очень быстро перебирал ногами.

— Пошли выпьем по коньячку, — предложил Владимиру заведующий. — Тебе ведь сегодня опять наряжаться Джеком-Попрыгунчиком. А пациент пусть пока подождет.

— Не откажусь, — выдавил Володя, с трудом отрывая взгляд от стекла.

Они перешли в ординаторскую. Петр Евгеньевич выудил из шкафчика под вешалкой бутылку трехзвездочного коньяка и две маленькие рюмки.

— Был тут у нас один псих в прошлом году, — начал рассказ Петр Евгеньевич, разливая по рюмкам ароматную янтарную жидкость. — Поймали его за попытку убийства собственных детей. Так вот он считал, что Земля — разумное существо. Человечество, по его мнению, — это такой специальный вид удобрения, которое матушка-планета создала себе для прикорма. Живет, мол, человечество и не замечает, что смысл всей этой кутерьмы — родиться, вырасти и умереть. Представляешь, какие вкусные мегатонны праха мы ежегодно производим, а, Володя? И все это для нее, Земли нашей... Себя этот шизофреник считал Мессией, который должен помочь планете прокормиться. Помер от эпилепсии, да и черт с ним... Ну, за успех?

— За успех, — кивнул Владимир. — Знаете, Петр Евгеньевич, а ведь он странный, этот Олег. Иногда у меня самого бегут мурашки, так он играет роль. Страшно.

— Что страшно?

— Убежденность его. Вчера я зашел в палату, чтобы у него перед глазами помелькать, так он... Он меня за прохожего принял и заговорил. Долго говорил, а потом прошептал: «Исчезни». И я ушел, потому что... Правду он сказал.

— Какую правду? — заведующий рассмеялся. — Слушай, Володя, не задумывайся об этом. Просто вышвырни

из головы, иначе станешь таким же, как он. Ну, давай еще по одной, за жизнь!

— За жизнь! — согласился Володя, залпом выпил коньяк и, прихватив черный плащ, помятый цилиндр, парик и красные линзы, выбежал из ординаторской.

Время Джека близилось, и тем чернее становилась ночь в глазах пациента из специальной палаты.

* * *

— Смысл в том, чтобы понимать свои ошибки! Чтобы учиться не совершать их! — твердил сэр Джонатан, а безучастная тень Джека-Попрыгунчика нависала над ним, собираясь разрушить мир.

— А когда вы осознаете все ошибки, тогда в чем будет смысл вашего существования? — не унималась тварь.

— В прогрессе, в способности творить, в любви, в мире...

— А когда вы добьетесь всего этого? Где будет смысл?

— Значит, смысл — это какая-то конечная цель? Одна цель за другой, до бесконечности... Смысл в том, чтобы вечно искать его!

Алые глаза Джека-Попрыгунчика налились кровавым светом, и он засмеялся.

— Хороший смысл! Бессмысленный смысл!

— Черт тебя дери, сволочь! Убей меня! — Джонатан разбежался и ударил кулаком ближайшую стену, да так, что стекла на втором этаже дома задребезжали.

Он больше не боялся полицейских или бродяг, которые могут услышать его беседу с адским пришельцем. Он просто мог посмотреть на мир их глазами, вселиться на короткое мгновение в их тела, увидеть их гнилое нутро, и эти люди исчезнут в мгновение ока.

Никто сегодня не помешает сэру Джонатану Алексу Монро найти смысл жизни. И если понадобится, он выдернет его из глотки этой твари!

— Смысл должны придумать сами люди! — кричал Джонатан.

— Так придумай, об этом я тебя и прошу, — улыбался Попрыгунчик.

Наконец человек устало сел на булыжную мостовую и опустил голову.

— Может, смысл в том, чтобы каждый получил то, о чем всегда мечтал? — прошептал Джонатан. — Но о чем мечтает человечество? Может, найти бессмертие? Постоянную величину среди круговорота жизни и смерти? Я не знаю...

На секунду он призадумался, но затем вдруг расправил плечи и встал, его пронзительные черные глаза впились в алые светильники на лице твари.

— Но одно я знаю точно. Тебя нет. Никакого Джека Попрыгунчика нет. Мистическое существо из преисподней — так ведь тебя называют? Считай, что шутка удалась. Потому что я знаю только одно существо на всем белом свете, которое, получив жизнь как данность, способно спросить: «Зачем?» Неважно, чья это жизнь, собственная или чужая... Хочешь посмотреть на мир моими глазами, человек, такой же, как и я?

* * *

Когда Володя вышел из палаты Олега, его уже поджидал Петр Евгеньевич. Молодой специалист выглядел задумчивым, погруженным в себя, и, когда заведующий поинтересовался состоянием пациента, не сразу смог подобрать нужные слова.

— Знаете... — Владимир запнулся. — Знаете, Петр Евгеньевич, нам с вами больше здесь делать нечего.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы были правы, я больше не могу. Я слишком увлекся играми с сумасшедшим. Я ухожу из этого проекта, да и вообще из института.

— Мальчик, приди в себя! — Петр Евгеньевич всплеснул руками. — Так же нельзя. Давай мы переведем тебя в другое отделение. Зачем губить свою карьеру из-за какого-то психа?

— Я уже ее погубил, Петр Евгеньевич. Он более нормален, чем мы с вами, этот ваш псих. Вот что я думаю.

— Он здоров?

— Нет. Просто мы проиграли.

По дороге домой в теплом салоне маршрутного такси Володя безуспешно пытался задремать. Но картина, впившаяся в его внутренний взор, никак не давала покоя и требовала немедленного объяснения, которого не могло быть.

Он видел узкие улочки с трехэтажными кирпичными домиками, застывшими в сумеречном океане чужого мира. Видел людей в старинных одеждах. Видел туман, расползающийся по улицам старого города, клубящийся в тусклом свете газовых фонарей.

Он видел Лондон.

Владислав Силин

ВИЛТИГАЙ ВЕЛД

I. ЭКЗАРХ

— Редид посол, сиятельнейший кунд Дагда срочно желает вас лицезреть.

На мгновение мне показалось, что мордочка герольда выразила сочувствие, но я тут же отмел эту мысль. Ко мне, варвару? блистательный житель империи? Быть не может.

— Э-э... — промычал я, лихорадочно стирая пену с подбородка. — Передайте кунду Дагде...

— ...разветвленноживущему с алой лентой кунду Дагде, — с нажимом подчеркнул лакей.

Естественно, ни о каком сочувствии не могло идти и речи, как говорится, *vae victis*. Даже лакею-герольду позволяется сокращать титул разветвленноживущего до простых разговорных форм... лакею, но не мне, полномочному представителю Земли на Латлаге.

— Немедленно, редид Вадилий. Вам дается сорок семь секунд, и поспешите: кунд Дагда не любит ждать.

Это мы знаем, знаем, ученые уже... Торопливо скребу щетину огромной, украшенной финифтью бритвой, не без юмора оформленной в виде стрелецкого протазана. «Дипломатический кодекс Латлага», страница сто пятьдесят шесть: ритуал встречи лодошского чиновника второго ранга, предписанный жителям Ойкумены при нахожде-

нии в столичном городе империи. Обязательное бритье, замена видового запаха на растительный, подстрижка когтей на всех четырех конечностях... Все, чтобы соответствовать званию бритоносого круглоухого варвара.

Варвары. Мы — жители Ойкумены.

Черт возьми! Сегодня специально встал на два часа раньше, чтобы успеть подготовиться к визиту, однако у господина экзарха прекрасные осведомители. Сдавленно хихикаю, представив, как сиятельный кунд Дагда мечется по спальне в поисках церемониальной юбки, чтобы застать меня врасплох в самый ответственный момент бритья. К счастью, они не знают, что вломиться к послу в нужник во время справления естественных надобностей — стократ оскорбительнее. Или знают?..

— Передайте сиятельному разветвленноживущему с алой лентой кунду Дагде, — церемонно чеканю я, — что через четырнадцать с половиной ляку я прибуду, дабы почтить его присутствие троекратным падением ниц.

В моих словах нет ни издевки, ни сарказма. Общаясь с лодошами, приходится отвечать за свои слова и рассчитывать время буквально до долей секунд.

* * *

— Редид Вадилий Дамода, — еле заметно кивает мне господин экзарх.

Я поспешно — быть может, несколько более поспешно, чем требуется, — опускаюсь на пол, нелепо разбросав руки и ноги в разные стороны. Господи!.. Знал бы я, что когда-нибудь буду так стелиться перед тушканчиком-переростком, похожим на аляповатую игрушку из «Детского мира»!.. Тушканчиком в цветастой юбке и бронзовом шлеме с гребнем, тушканчиком, чья белоснежная шерсть успела местами вылезти от старости и пожелтеть, тушканчиком, не выговаривающим «с» в наших именах и заменяющим его звуком «д»...

— Встаньте, редид Дамода. Я разрешаю вам угостить меня чаем.

Кланяюсь.

— Это большая честь для меня, сиятельный разветвленноживущий с алой лентой...

— Разрешаю вам звать меня просто Дижакайд.

— Благодарю вас, Дижакайд!

Вновь рассматриваю светло-коричневые лубяные маты. К счастью, Светлана Егоровна ежедневно по несколько раз протирает все полы тряпкой с «Филиа»: шерсть лодошей, как и любая инопланетная органика, очень токсична.

Для нас. Лодоши спокойно едят нашу пищу, причем наш чай им особенно по вкусу. Это тем более странно, что до контакта с землянами поедание горячей пищи воинственным тушканчикам было абсолютно незнакомо; они питались сухими злаками, и разогревание еды в микроволновке первоначально сочли неким экзотическим религиозным ритуалом, чем-то вроде обряда очищения или жертвой богу огня. Зато потом, после взятия Земли, на Латлаге возникла мода на горячие блюда. Открылось множество ресторанчиков варварской пищи: «Бритый хомячок», «Обнаженная норка», «Три голощеких мышонка». Немало, ох немало предприимчивых хвостатых дельцов обогатилось на гурьевской каше и кичари!..

Мои размышления на тему цивилизации, развращенной покоренными варварами, прерывает деликатное покашливание. Бог мой!.. Чуть не упустил «белый ключ» за размышлениями!..

Торопливо наливаю кипяток и накрываю заварочный чайник смешной тряпичной бабой с румяными щеками и огромными грудями. Мечта мещанина — у самовара я и моя Маша, однако тушканчикам-самураям нравится. Лодош булькает с довольным видом, снимает с себя меч в ножнах (на пресловутой красной ленте) и кладет слева от себя, лезвием наружу. Это он меня презирает, значит, мышь белая. Вот ведь натура самурайская: в помещении

при оружии и в обуви не ходят — это неудобно, видели бы вы их сандалии! — но, понимаете ли, презрение маленьких цивилизованных зверьков к варварам-приматам не знает предела. Они ведь тоже рабы Кодекса, все эти разветвленноживущие Дагды, Герды и Гарды, только мы свое рабство сознаем и тяготимся им, а лодоши — нет. Они живут рабством, дышат им, едят, пьют как чай...

Чай!..

Да что это со мной сегодня? Не выпался? Медленно, с достоинством переливаю ароматный Хьюджиминг (ах, ханжи европейцы!) из чайничка в пиалу и обратно. Прихотливо располагаю на черном лаковом подносе курагу и хлебцы из пророщенного зерна, накладываю на блюдечко мед, насыпаю на белоснежное вафельное полотенце горку фундука.

— Ваш чай, Дижакайд.

Реакция лодоша вполне предсказуема: поднос летит в сторону, я вновь разглядываю маты. Да, Светлана Егоровна, после ухода господина экзарха вам будет много работы...

Как ни странно, второй поднос отправляется вслед за первым. Это уже что-то новенькое: обычно после второго раза лодоши более благосклонно относятся к предложенному угощению.

— Я не вправе принимать еду и питье в доме мертвого варвара из несуществующей страны, — ничуть не смущаясь, поясняет Дагда. — Извольте ознакомиться с данным документом.

Кланяюсь. Лежу на полу. Принимаю затейливо сложенный в причудливую кисть литинии (без ножниц! без капли клея!) лист пластика. Разворачиваю. Снова ложусь.

Что ж... Этого следовало ожидать: в моих руках — принятое всеобщим собранием Даэмаа постановление о переводе Земли в категорию «Зет-кабЗА».

«ЗА». Полная утилизация.

Всего хорошего, и спасибо за рыбу!*

Словно сквозь вату слышен голос Дагды, бормочущий что-то о великой чести и вселенском предназначении. Море и Путь. Какое там было число?..

Тупо смотрю на дату подписания постановления и понимаю, что цыганское радио не подвело: слухи о гибели Земли поползли как раз три дня назад, незадолго до собрания Дазмаа.

Пока я соображаю, что делать дальше, пальцы оживают, начиная перегибать и разглаживать пластик. Горб, впадинка... придержать, в открывшийся клапан вложить язычок... Не зря, ой не зря учила голоноского варвара благородному искусству папирада смешливая кудэ Ивар!..

— Вашему самообладанию можно позавидовать, редид Вадилий Дамода, — с невольным уважением бормочет экзарх, наблюдая за моими умными пальцами.

Можно, можно, лодош... Приговор Земле превращается в уродливую лягушку — такими я баловался еще в школе на переменах. Кособоко, на троечку... Тем не менее тушканчик-самурай доволен и церемонно трясет юбками:

— Воистину, многие прославленные кунды могли бы поучиться достоинству и знанию этикета у варвара. Я приношу вам соболезнования, редид Дамода... и отдельно соболезнующую о вашем соотечественнике. Не далее как три минуты сорок семь секунд назад редид Абрахам Гор потерял морду и повел себя неподобающе. Мы скорбим.

Вновь обнимаю лубяные маты. В отношении варваров лодошский этикет удручающе однообразен. Впрочем, я зря надеялся на то, что сюрпризы сегодняшнего дня для меня закончились.

— Встаньте, редид Дамода! — торжественно объявляет экзарх. — Мы обеспечим вам подобающий доступ к праху недостойного соотечественника, а пока...

* Фраза из романа Д. Адамса «Автостопом по Галактике».

Кунд Дагда издает два пронзительных истеричных взвизга, и в комнате появляются золотошерстные девицы из свиты экзарха. Одну я знаю — кудэ Ивар, дочь кунда Дагды, вторая мне абсолютно незнакома. Из почтения к хозяину лодошские дамы передвигаются на четвереньках, поджимая хвосты. Фрейлины ритуально пищат, ритуально меня обнюхивают — ой, щекотно! — а затем удаляются, оставив у моих ног инкрустированную янтарем и бериллами шахматную доску.

— Жаль, что поторопился отказаться от чая, очень жаль!.. — удрученно трясет головой Дагда.

Его речь прерывается одобрительными взреываниями после каждого слова, так что не понять: жалеет он о пролитом чае или же рад этому.

— Но ничего, ничего, насколько я помню, кунд Вадий, вы прекрасно играете в шахматы. Совместную трапезу мы заменим благородным состязанием ума, и ваша честь не пострадает.

После этих слов экзарх разувается и садится на свои сандалии, перевернутые подошвой кверху.

Чудеса! Я обретаю все больший вес в лодошском обществе. Интересно, можно мне будет разок фамильярно называть его разветвленноживущим? или интимно: Алая Лен-точка?..

Беру доску, тушканчик вопросительно мотает головой:

— Шахматы? Торнид?

Я надолго задумываюсь. Налицо еще одна загадка лодошской цивилизации. Как выяснилось, у наших мохнатых соперников существует игра, полностью идентичная шахматам. Исключение лишь одно: черного короля из какой-то лингвистической прихоти зовут не король, а Вилтигай Велд. Чем эта фигура отличается от своего белого собрата (да и от черного в обычных шахматах), мне так и не удалось выяснить — ни в ходах, ни в правилах никаких отличий нет. Тем не менее всякий раз перед игрой лодоши педантично осведомляются, в какую игру будем иг-

рать — шахматы или торнид. Я всегда выбираю шахматы; предложив торнид, можно получить доской в лоб, — один раз так и случилось, первый и единственный. Шрам виден до сих пор.

— Так шахматы или торнид? — вежливо повторяет экзарх.

— Торнид, — твердо отвечаю я. Что мне терять, когда Земле осталось жить считанные дни?..

Господин экзарх совершенно другого мнения.

— Забываешься, варвар! — цедит он сквозь зубы. — Жалкое бесхвостое существо!.. Впрочем, преподам тебе урок. Твои белые, расставляй.

...Эту партию я проиграл. Ровно через пять минут двенадцать секунд после начала игры. Следующую тоже.

— Глупый, глупый голощекий редида Дамода! — тянет экзарх, глядя на меня с отвращением. — Ты думаешь, своему возвышению обязан заступничеству кудэ Ивар? О да, отчасти. Скоро начнется праздник Моря и Пути — тебе на нем уготована главная роль. Страшная кара для варвара: сидеть на скале и любоваться чужим счастьем. Как на земле, так и в небесах; часть отражает целое. А потом тебя пожрет...

Он хватает с доски черного короля и потрясает им в воздухе:

— ...Вилтигай Велд!

II. ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СОЮЗНИК

После ухода господина экзарха я около часа пролежал на полу, не смея подняться. Все-таки вымуштровали нас тушканчики на славу... Сожженные Пекин, Нью-Орлеан и Вышневолоцк, потопленные будхическим порывом разветвленноживущего кунда Маритэ Волга и Миссури, отрубленная голова генерала Кадакевича на ступенях Белого Дома...

Вставать не хотелось. Говорить и думать тоже. Да и о чем говорить, о чем думать?.. О каналах и дворцах Венеции, где я бродил когда-то — угрюмый, зажатый, истерзанный собственными страхами и обусловленностями подрасток, случайно попавший в страну чудес?.. О Старом Таллине, где сидел с любимой в стилизованном под средневековые уютном ресторанчике, не смея поверить в то, что моя жизнь наконец коренным образом изменилась и я больше не одинок в этом огромном мире? О сером унылом здании в Москве, где меня спешно натаскивали лучшие дипломаты Земли, до боли в висках пытаюсь понять: что же нашел такого особенного лодошский посланник в некадистом рижском архитекторе, выбрав его полномочным представителем Земли на Латлаге?..

Все, все бессмысленно. Было время разбрасывать камни, и вот оно вышло. Было время родиться и время умирать. Все прошло, и это пройдет. За рыбу, впрочем, спасибо.

В груди давно уже нарастала тупая ноющая боль, чтобы сбросить ее в землю, я уселся в полулотос. Позу лотоса я так и не освоил — сперва травма колена мешала, а теперь... Чего уж теперь жалеть.

— Ом-м! — затанул я. — Нам пхат шрат крим хрим бхат!

Набрав воздуха побольше:

— Сваха!

Как всегда некстати в голове мелькнула мысль, что тушканчики за мной следят и сейчас заявятся. Прямого запрета на личностный рост не было, но любые мои беспомощные попытки медитировать или заниматься йогой настойчиво пресекались под разными предложениями. Вот и сейчас послышался стук в дверь. Я напрягся.

— Ва-арсилий?

Дверь с шорохом поползла в сторону.

— Ва-арсилий, ты где-ерсь?

Я открыл глаза.

Карикатурное существо в ниспадающих белых одеждах, хрящеватые уши, квакающий голос. «Са-арми мы не ме-ерстные... Альфа-Центарвра зна-арешь?..» Керелех утверждал, что реконструировал свой облик на основании одного из земных фантастических фильмов, чем черт не шутит, — может, и «Гостыи из будущего».

— Керелех? — Торопливо, будто меня застали за чем-то постыдным, я расплел ноги. — Заходи, Керелех. Заходи. У меня — сам знаешь...

Керелеху можно доверять, но лишь отчасти — он то, что лодоши называют Кадамори Драуд, Парадоксальный Союзник. Может быть, трикстер. Мне неизвестно самоназвание его расы, неизвестна цель, с которой он живет в столице, я знаю лишь, что Кадамори с трогательной заботливостью опекает варварских посланников, живущих на Латлаге. Друзей ищет?.. Не думаю, вряд ли мы нужны всесильным Кадамори. Лодоши побаиваются своих Парадоксальных Союзников: без определенной внешности, без имен, смысла и цели — Драуд непостижимы, а потому опасны.

— У-уртилизация? — клекочет Керелех.

Киваю.

— Трри-Ар?

Снова киваю.

— Вы-ырпей, Ваарсилий! Вы-ырпей. Стаарнет легче.

Словно по волшебству, на столике появляются чай, две леопардовых бутылки «Черной реки», тонко напластанная бастурма (для Керелеха, сам я вегетарианец), мисочка с сушеным инжиром, полпачки шоколадного масла.

Мне не хочется думать, из чего все это сделано и чем является на самом деле. Керелех пробовал обучить меня принципам бытия и в частности Закону Подобия, рассказывал свои инопланетные коаны, но я оказался неспособным учеником. Вполне возможно, что вместо сушеных фиг он видит вяленых улиток, а вино в бутылке — вытяжка из семенников гигантской лягушки. Черт с ним! Мне

в самом деле необходимо напиться. Все же гибель Земли не каждый день случается.

Звякают тяжелые лодошские кубки. Можно говорить что угодно о моем испорченном вкусе, но я обожаю африканские вина с зеленым чаем. Они напоминают мне старые добрые времена: спортивные сборы под Кестерцием-сом, шум моря, запах хвои, прохладу тренировочного зала и свободу, свободу от всего, что только можно придумать.

— Ну, за счастье твоего мира!

— За счастье, — киваю я. — Теперь уж немного времени осталось. Мы станем счастливы.

Выпитое на Керелеха всегда оказывало благотворное воздействие: он переставал булькать и рычать, подобно пришельцу из третьесортного блокбастера. Если б не эти уши... Неужели перед смертью я становлюсь ксенофобом?

— Василий, помнишь, ты спрашивал — в чем лодоши превосходят вас? Почему они оказались первыми в этой войне?

— Помню. Ты ответил что-то несуразное.

Кадамори не удержался и булькнул, засмеявшись.

— Я ответил, что лодошам плевать на ваше понимание реальности. Дао, Божественный Промысел, Порядок Вещей — мышление, достойное жителя Ойкумены. Ты думаешь, что человек, вооруженный автоматом, жрущий чипсы, греющий гамбургеры в микроволновке превосходит тушканчика с мечом, торбой пророщенного зерна и алтарем Кокодо Девда на поясе? Реальность показывает иное.

Он помолчал и вновь разлил вино по бокалам.

— За Абрахама Гора.

— За Гора. Что с ним?.. — Я не смог произнести роковой фразы, но Союзник понял без слов.

— Потерял морду, — он чиркнул себя большим пальцем по горлу. — В прямом и переносном смысле. Знаешь, Василий, варварский посол не может позволить себе роскошь обладать настолько выразительной мимикой.

Я кивнул.

— Для американцев лодоши оказались чересчур большим потрясением. Ты правильно сказал, Керелех, — пушки и фастфуд не способны служить мерилom цивилизованности.

— Ничего, — успокоил меня Кадамори Драуд. — Просто ваша звездная экспансия прекратилась слишком рано. Хочешь фигушку?

Кадамори намазал инжирину шоколадным маслом и протянул мне.

— Угощайся, Василий. Эх, прогрессорство-мугрессорство... Если бы вам хоть раз довелось колонизировать настоящему феодальный мир, вы бы сразу поняли, в чем проблема. Дело ведь не в том, что тупых туземцев-моземцев приходится расстреливать из автоматов, перед тем как принести им Библию, демократию и привычку чистить зубы по утрам. Нет, Василий. Их нужно предварительно убедить в том, что они смертны. Что этот дурацкий кусок металла в руках полубогов способен нести гибель. Смерть-кумерть. Лодошей убедить не удалось, потому вы и проиграли. Война-шмойна, как говорится. *Vae victis. Victis-biktis.*

Керелех как-то хвастался, что написал больше дюжины трактатов по земной культуре; его последний опус: «Удвоение слов с заменой первого слога как проявление подсознательного влечения к осознанию Раша-Миори» даже хранится в нашей посольской библиотеке. Я прочел его со смешанным чувством. Все-таки проводить параллели между особенностями сексуальных взаимоотношений трехполых крокодилов с другого конца галактики и речью моих соотечественников — занятие рискованное. Тем не менее анализ словосочетания «культур-мультиур» на шестидесяти четырех страницах меня впечатлил. Да и шефа нашего, Нуфетдинова, насколько знаю, тоже.

— Так что же, лодоши, по-твоему, не верят, что умрут? Они бессмертны?

Союзник вздохнул.

— Ты варвар, Самоса. И вся ваша цивилизация — варвары. Впрочем, в том виноват принцип голографичности: часть отражает целое, как на земле, так и в небесах.

— Что же нам делать, Керелех? — жалобно проблеял я.

— Созерцать. — Керелех оторвал кусочек бастурмы и положил на язык. — Стать бесстрастным свидетелем гибели мира. Жаль, мне у вас понравилось... — Он внимательно посмотрел мне в глаза. — Ты теперь Земля, Василий. Лодоши знают это. Ты знаешь это. Ваше спасение — Вилтигай Велд.

— Что?.. — протянувшаяся было за очередной чашкой чая рука остановилась.

— Вилтигай Велд. Теперь тебе можно сказать.

— А раньше?

— Раньше ты не играл в торнид. — Керелех едва заметно усмехнулся и кивнул в сторону шахматной доски.

— Я играл в шахматы.

Мне стало безумно интересно: откуда Парадоксальный Союзник узнал о моем утреннем выборе? Что ему подсказало? Я понимал, что ответа не получу, и вопрос так и остался невысказанным.

— Да, раньше ты играл в шахматы, — в руках Кадамори Драуд появилась маленькая черная фигурка, — а это совсем иное. Знаешь, почему черный король — Вилтигай Велд? — Не дожидаясь ответа, он продолжил: — Потому что лодоши чересчур серьезно относятся к торниду, это их власть над миром. Для лодошей нет разницы: игра или жизнь, лодош или пешка... Белые — живые, черные — войско мертвых... но у мертвых не бывает королей, Василий. Понимаешь? Всадники есть, гвардейцы, экзархи с острыми мечами — все, кроме королей. Черный король — это Вилтигай Велд.

После этого разговор сам собою сошел на нет. Мы с каменными лицами допили вторую бутылку, Союзник озабоченно пробормотал формулу Граничности Времени, раскланялся и исчез.

Как оказалось — вовремя, буквально через несколько минут за мной пришли. Меня ждал сам Дарай Лодош — корнеживущий, грызущий небо, с тремя черными колокольчиками. Вновь явились кудэ Ивар и незнакомая мне лодошка, меня облачили в цветастую юбку с кистями, обули в сандалии на несуразно высокой подошве, и в сопровождении двух статных оруженосцев кунда Дагды я отправился в Нору Бога. Морально готовиться к предстоящему празднику.

III. ДАРАЙ ЛОДОШ

*На небе — как на земле, а часть смотрится
в целое и в нем видит себя.*

Нора Бога, как и любое жилище Латлага, являлось отражением Вселенского миропорядка. Запутанные тропинки, устланные ковриками кукушкина льна, вились без всякой системы, сплетаясь и расплетаясь хаотично, но все они вели в одну сторону — к покоям Дарай Лодоша, патриарха. Плетенные из разноцветных корней стены образовывали сложный, гипнотизирующий узор; капающая в металлические чаши вода пела едва слышимую мелодию, растаскивающую сознание по ниточкам, как игривый котенок, треплющий салфетку; временами по узким коридорам Норы Бога проносилась волна теплого, насыщенного цветочными ароматами воздуха. Очень скоро я потерял себя в колоссальном лабиринте лодошского храма. Я пробовал считать повороты тропинок, искать ориентиры, но очень скоро забросил это дело — храм оказался непознаваем. Узорные корни, музыка и дурманные запахи сделали свое дело: я стал ощущать тело как нечто отдельное от меня. Каждый шаг доставлял мне неизъяснимое наслаждение; я стал понимать буддийских монахов, знаменующих каждое свое движение звоном колокольчика.

Девд, Девд, Девд.
Дарай, Дарай, Дарай...

Мы вышли к титанической лестнице, сплетенной из сучьев, корней, мха и сухой травы. Лестница уходила ввысь, в непроглядную тьму вертикальных храмовых туннелей; все тропинки и дорожки Норы Бога заканчивались и начинались здесь. Всем живым необходимо куда-то идти, но лишь Дарай Лодош, корнеживущий, уже пришел. Уже на месте.

Вот и все. Ни боли, ни страха, ни усталости. Я украдкой глянул на часы; в пути мы находились около пяти часов. Заметив мое движение, левый страж что-то пробурчал сквозь зубы, и циферблат наполнился приятным зеленым мерцанием. Этот миг стал для меня последним отмеренным и посчитанным в жизни, остальные так и остались неучтенными.

— Иди, варвар! — Сломавший (или наоборот — освободивший?) часы оруженосец тронул меня за плечо. — Кроме тебя никому...

Он произнес слово, которому не нашлось аналога в моем словаре, и это значило, что понятие, им обозначаемое, в моей жизни еще не встречалось.

— Иди! — повторил второй. — Дарай Лодош ждет тебя. Я беспомощно оглянулся.

Кап-кап. Кап-кап. Девд-Девд. Звук держал сознание в напряжении, маня неведомым, недостижимым знанием; в какой-то момент мне показалось, что капель сложилась в слова:

Пусть в проклятой пустоши бродит человек... —

пел невидимый церковный хор. Я похолодел: пели по-русски!.. Мало что по-русски — я уловил в пении голоса Вальки Смирнова, оставшегося в Риге, и Кати-Катарины-Зарины. Илюхи Шермана и Володьки Кемме. Всех, кого я когда-либо встречал в жизни...

Кто поймет, как лучше? Кто найдет ответ?

Это что ж получается-то?.. Меня опоили? Запах цветочный — наркотик? Или я сплю?

— Иди! — в третий раз повторил оруженосец, подталкивая меня в спину. — Иди!

Потеряв равновесие, я схватился за травяной жгут лестницы, и тропинка за моей спиной исчезла. Неловко подтянувшись, я приступил к восхождению.

* * *

Парадоксальный Союзник как-то рассказывал, что у лодошей кроме общепринятых пяти чувств есть еще два: чувство пространства и сознание бесконечности. К счастью, я не обладаю ни тем ни другим, иначе еще у основания лестницы сообразил бы, во что ввязываюсь, и остался бы внизу.

Мало кто из живущих на Латлаге видел Дарай Лодоша. Быть может, я первый и единственный. Хотя нет — оруженосцы его тоже увидят. Или уже увидели?..

* * *

Когда очередная травяная косица лопнула в руках, окружающий мир с радостным воем ринулся вверх. Радость костлявой оказалась преждевременной: не успев пролететь и десятка метров, я врезался в хитроумное переплетение лубяных лент и замшелых сучьев.

— Позволь тебя спросить: что ты делаешь? — сварливо осведомился старческий голос.

От неожиданности я не нашелся, что ответить, и лишь глупо хлопал глазами, в то время как площадка, на которой я лежал, потрескивала и угрожающе кренилась в сторону. Я панически забился, но лишь ухудшил свое положение.

— Что за странные забавы. Это спорт? Развлечение? Ты проигрался в торнид? Тебе, наверное, неудобно так

лежать, — наконец заключил невидимый голос, после чего из-за огромного — в три моих объёма — мохового каната выглянула седая мордочка.

Лодош-старичок молодцевато пробежался по ненадежной веревочной сети и прыгнул рядом со мной. Сооружение опасно закачалось, а сам я еще больше приблизился к краю площадки.

— Эт-эт, варвар! Корни Латлага не хотят тебя принять.

Одевание лодоша составляла потрепанная сизая юбка с бахромой и кисточками; на его шее болталось ожерелье из трех коробочек растения, напоминавшего мак; при каждом движении отшельника они негромко потрескивали. Старик протянул мне посох, и когда я ухватился за него, подтянул меня поближе к себе.

— Сядь, отдохни. Норы и боги созданы не для таких, как ты.

— Ты — Дарай Лодош? — коробочки на шее отшельника напомнили мне о титуле патриарха и о трех черных колокольчиках. — Корнеживущий? Я ишу Дарай Лодоша.

— Глупец! — ухмыльнулся отшельник. — Если ищешь Дарай Лодоша — зачем тратишь время и силы на карабкание по Корням Латлага? Это разные вещи. Теперь я понимаю, почему вы, варвары, так недолго живете — вы стремитесь делать несколько вещей одновременно и постоянно забываете о том, что надо жить. Просто жить.

Старик дернул меня за рукав, булькнул, и мы оказались в моих собственных апартаментах. Хихикая и одобрительно порывая, Дарай Лодош бежал комнату на четвереньках, тщательно обнюхивая все углы. Казалось, происходящее доставляет ему чрезвычайное наслаждение; у лужицы пролитого чая он задержался: цокал языком, жмурился, а затем, обернувшись ко мне, ехидно осведомился:

— Что за чай? Хуиджиминг?

Меня передернуло.

— Да, Хьюджиминг. Если желаете, корнеживущий, грызущий небо...

— Дижакайд. Желаю. Угощай.

Он уселся на мою кровать и уставился на меня круглыми немигающими гляделками. Черные колокольчики трещали не переставая, и от их звука мне становилось не по себе.

— Хочешь знать, как кунд Дагда успевает к твоему утреннему бритью? — внезапно спросил отшельник. — Ты очень забавно представил утром, как экзарх ищет юбку. Спасибо, мне понравилось!

Я напрягся, а патриарх как ни в чем не бывало продолжал:

— Нет, Дамода. Кунд Дагда не мечется и никогда никуда не спешит. Он просто приходит в нужный момент. Не знаю, где экзарх хранит нужные моменты — на столе или в карманах церемониальной юбки, — но твое время разгадать несложно: ты постоянно пялишься на часы. Вот и сейчас, смотри!

Рука непроизвольно дернулась; я пролил чай и обжегся. Дарай Лодош захихикал.

— Дао, Ход Вещей, Великий Порядок, Промысел Господень... Глупцы! Вы отделили существование от самих себя и утратили над ним власть. Не побыв господами, малодушно продались в рабство! Ты передерживаешь чай, Вадилый, его уже пора переливать.

Похоже, чайным церемоном мне не быть. Я растерянно схватился за чайник, за пиалу, вновь за чайник. Мысли вихрем неслись в голове, вызывая недоуменную боль в висках: это что ж получается-то?.. Каждый лодош является отражением миропорядка, творцом и творением?..

Как на земле, так и в небесах; часть смотрится в целое и видит там... Что она видит?!!

Кунда Маритэ, пузатенького смешливого лодоша, голыми руками перебившего чуть ли не роту американского спецназа при атаке «Хрустального Пика»? Нестреляющие автоматы и зависшие в воздухе вертолеты? Выходя-

щих из храмов многоруких чудовищ в ожерельях пылающих черепов; пустые проемы картин Дюрера и Босха?..

Вилтигай Велд! Да как же играть в шахматы с существами, что являются одновременно пешками, доской, игроками и правилами?

— Есть пять ответов на вопрос, пять реакций на препятствие: тревога, сожаление, страх, гнев и радость. Земля, Металл, Вода, Дерево и Огонь. Одно следует за другим, перетекая и объединяясь, — насмешливо тянул старик. — Но, Дамода, ты застреваешь в фазе Воды.

— Да пошел ты к черту, проклятый грызун! — Я отшвырнул в сторону чайник. — Твои загадки...

— А вот теперь ты адекватен, — улыбнулся Дарай Лодош.

Разбившийся о стену чайник собрался из осколков и оказался у него в руках.

— Гневаешься, Дамода; следуешь кругу... — лодош на мгновение запнулся и поднял глаза к потолку, вспоминая слово, — ...кругу У Син. Теперь можно быть спокойным — Вилтигай Велд не постигнет тебя.

— Объясни хоть: кто или что это — Вилтигай Велд?

— Что тебе с того, мертвый? Легче станет? Он ни кто и ни что... впрочем, нельзя сказать, что он никто или ничто. Вилтигай Велд не существует. Для тебя.

— А что существует?

— Мы существуем, мы, лодоши. Порядок существует. Промысел Господень существует.

Патриарх зевнул и деликатно прикрыл рот ладошкой:

— Прошу меня простить, редид Дамода — я утомил тебя своими пустыми рассуждениями, а тебе еще участвовать в празднике Пути и Моря, любоваться чужим счастьем. — При слове «счастье» старик скептически хмыкнул. — Надеюсь, праздник станет праздником для тебя... тем более что других радостей в твоей жизни больше не будет. — Дарай Лодош поднялся на ноги, отряхнул юбку и трижды хлопнул в ладоши: — Он готов. Заберите его!

IV. ВИЛТИГАЙ ВЕЛД

И вот я на празднике...

Между нами: кунд Дагда и Дарай Лодош оказались людьми (вернее, лодошами) слова. И скала мне досталась всамделишная, и чужим счастьем пришлось любоваться всерьез... Счастье жители Латлага понимали весьма и весьма экстравагантно: подобное я видел лишь однажды, когда случайно попал в Москву во время парада на Красной площади. Всюду, куда ни кинь взгляд, толпились чиновники: рангом повыше — на ходулях, пониже — в удивительных башмаках на высокой подошве. Юбки счастливых поражали причудливостью фасонов, форм и расцветок; они были украшены цветами, лентами, фонариками, флажками. От разнообразия красок кружилась голова. Многоголосый хор трещоток наполнял пространство треском и писком; дудочки гремели и хрюкали на разные голоса, играли незатейливые мелодии, подражали лаю и мяуканью местных хищников. Моя скала с примостившимся на ней уютным домиком изо мха и травы возвышалась в нескольких десятках метров над волнующейся цветастой толпой, и клянусь — я не хотел бы оказаться внизу, среди счастливых аборигенов!

Впрочем, они этого тоже не очень-то жаждали: мне удалось заметить кружащего вокруг скалы маленького альбатроса-снайпера с синим огоньком святого Эльма в клюве. Значение этого огонька кунд Дагда разъяснить не удосужился, но я и без того понимал: живым и несъеденным Вилтигай Велдом со скалы мне не уйти. Не позволят счастливые мохноносые аборигены. Эх, Абрахам, Абрахам, рано ты морду потерял, друг заокеанский, мы б еще побарахтались!.. А сейчас — что горевать о несбывшемся?..

Игроки. Вот ваше поле, вот ваша доска для торнида... Всадники, экзархи, гвардейцы. Блистающие мечи, кисточки на поясах, шляпы с перьями. Наверняка где-то среди

неспешной реки счастливых бредет лодошский король. Самые высокие ходули, самая богатая юбка... ленты, колокольчики.

Внезапно я ощутил себя Гулливером в стране лилипутов. Сильным, могучим, огромным — и тем не менее связанным по рукам и ногам сетью тоненьких канатов, прикованным к огромной повозке тончайшими стальными цепями. Вот-вот затрещат маковые колокольчики за дверью, войдет канцлер и прикажет отправляться к блефускианцам, чтобы захватить их флот. Картина была настолько отчетливой, что я даже покосился на дверь.

Чушь! Ерунда. Никто не войдет. Все лодоши там, внизу. Ни один не может остаться вне праздника Пути и Моря, говорят, даже мертвые принимают в нем участие. Насчет мертвых сомнительно, конечно, но...

А я сам?.. Кто я?.. Мертвый варвар. Мертвый варвар из несуществующей страны — неужто я сомневаюсь в собственном существовании?..

Я мертв. Я один. Я смотрю в целое и...

От треска колокольчиков за дверью сердце подпрыгнуло и выдало оглушительное стаккато.

— Можно, — закричал я. — Входите!

Канцлер? На мгновение мне подумалось, что это оруженосцы из свиты господина экзарха: удостовериться, что все в порядке, что я не сбежал и честно сижу, завидуя чужому счастью. Но нет. Человек... вернее, лодош, вошедший в дверь дома на скале, был абсолютно мне незнаком.

— Dveidl! — бодро оскалился он, входя.

— Двейд, двейд, — ошарашенно кивнул я в ответ. — Садись.

Судьба? Это моя судьба? Почему-то до меня не сразу дошло, что знание лодошского языка, намертво впечатанное в подкорку могучими методами местной трансперсональной психологии, в отношении незнакомца не работает. Каждое его слово приходилось повторять про себя, чтобы понять, что он произнес.

— Agga! — ухмыльнулся тот, словно прочитав мои мысли. — Nebadid, kund.

— Я не боюсь, — машинальноотреагировал я. — Чего мне бояться?

— Man. Tu badidie pared, — снова ухмыльнулся тот. — Ed edda Viltigai Veld.

Не ожидая предложения, незнакомец уселся на пол, скрестив по-турецки лапы. Кисточки на его ушах смешно задержались:

— Tu gaidi ke? Dedelid tornid?

— Ну... — замылся я, и вдруг до меня дошел смысл сказанного: — Торнид? А может, шахматы?

— Tornid. Ia, barbarid.

Не переставая улыбаться, Вилтигай Велд протянул лапу и достал из пустоты шахматную доску — ту самую, янтарную. С ума сойти!.. И это в пустой — два тонких одеяла, подушка и лубяной короб с крендельками из пророщенного зерна — комнате! Хотя, чему я удивляюсь после встречи с Дагдой, Союзником и Дарай Лодошем?

Вновь дрогнули кисточки на ушах.

— Черные, — умоляющим голосом, не то спрашивая, не то утверждая, произнес Велд, — мои?

— Идет, — согласился я, подавляя внутреннюю дрожь. Я вдруг понял, что мне напоминает происходящее: не «Путешествие в Лилипутию», нет! скорее оно было похоже на сказку об Иванушке-дурачке, подрядившемся сдуру три ночи провести в доме с привидениями. Что ж, с привидениями и вести себя следует соответственно.

— На что играем?

Лодош пожал плечами:

— Не знаешь? Притворяешься? На жизнь, конечно, сам решил. Моя же ставка — надежда. Вера. Свобода. Как захочешь. Я — черный король.

— По рукам!

Холодок пробежал по спине, пробиваясь сквозь накатившую бесшабашность. В сказках просто: Иванушки

всегда выигрывают, глупость человеческая непобедима — ну а вдруг я умный?.. Тот самый здравомыслящий старший братец, безмолвный статист в сюжете, обреченный на бесславную гибель.

Лодош смотрел на меня огромными немигающими глазищами, а я все никак не мог решиться. Что же я делаю? Быть может, то, что я сижу и боюсь сделать ход, — это признак ума? Или наоборот, какой-то особой, недоступной обыденному пониманию глупости?

e2 — e4

Гость сразу успокоился и принялся дергать себя за усы, размышляя. Наконец он деликатно, двумя пальчиками взял гвардейца и выдал сакраментальное:

e7 — e5

Первые несколько ходов мы сделали молча. Велд сидел по-турецки, тщательно расправив вокруг ног складки потертой коричневой юбки, и жадно жевал крендельки из моего запаса. Признаться, он меня разочаровал: цвет шерсти обыденный, серенький, такой цвет чаще всего бывает у потомственных мелких клерков, глазки — маленькие, карие, слезящиеся. Нос в морщинах. На шее — грязная пестрая ленточка, из тех, что носят хронические холостяки. И это — неназываемый ужас, которого так боятся все-все сильные рыцари лодошей?..

— Ты — местный дьявол? — наконец решился я.

— Я — Вилтигай Велд.

Он помолчал, а затем спросил, кивая на окно:

— Завидуешь?..

— Им? — Я пожал плечами. — Нет.

— И правильно. Ведь придет Вилтигай Велд и пожрет тебя. — Он двинул вперед коня и взял из коробки очеред-

ной кренделек. — Только ты зря называешь нас тушканчиками.

Похоже, мы решили удивлять друг друга по очереди.

— Почему?

— Мы не тушканчики, Василий. У вас, на Земле, есть забавные зверьки — лемминги. Знаешь, какой у них главный праздник в жизни?

— Хм... — Ладья перешла через всю доску. — Забавная мысль. Море и Путь... Массовый психоз грызунов, заставляющий их кончать жизнь самоубийством.

— Не психоз — именно Путь. Путь к Морю длиною в жизнь, самореализация. Дарай Лодош говорил как-то, что реалии вашего мира созданы леммингами, а богам свойственна усталость от жизни.

— Отчего же они так разукрашены? — поспешил я увести разговор от тревожной темы. — Ну... я имею в виду не леммингов, а твоих соотечественников. К чему эта разногласица?

— Очень просто. Вилтигай Велд. Три дня назад я проснулся и вспомнил, что настал праздник Моря и Пути. Еще я вспомнил, что к моему рангу четвертого секретаря кунда Маритэ полагаются башмаки высотой пятнадцать даку, черно-зеленый веер и три синих ленты. Денег у меня хватило лишь на ритуальный фонарик дауле... Тебе шах, редид Вадилий.

— Спасибо. Гардэ, Вилтигай Велд. И как же ты выкрутился?

— Никак. Это редкий, нереальный случай — наше общество жестко структурировано, и такого, чтобы лодошу не хватило денег на обряд Пути, просто не бывает. Это невозможно.

— Но произошло?..

Лодош пожал плечами.

— Ты варвар. Или дурак... впрочем, это одно и то же. Нет разницы между законами социальными и законами физическими. Правил много, но мы устанавливаем их.

Он передвинул экзарха под удар моего всадника. Господи, да как это возможно? Мой гость утратил хваленое лодошское всемогущество? Или же я действительно Иванушка-дурачок?

Позиция на доске давала два варианта развития: взять черного экзарха или...

— Дурак-то дурак, — не без ехидства заметил я, — а в шахматы играю получше некоторых. — Тебе мат, Вилтигай Велд.

— Мат?

— Мат. Ну, где моя надежда? Или ты предпочтешь расплатиться верой?

Гость усмехнулся.

— Выбирать тебе, редид, выбирать тебе. Как и было сказано.

Лодош подобрал юбку и, небрежным щелчком сбросив с доски черного короля, взгромоздился на его место.

— Вилтигай Велд! — полетели из-под его босых лап фигуры. — Вилтигай Велд, где мне мат, глупый редид?! Ты играешь в шахматы или торнид?

В этот миг вселенная обрушилась сквозь меня, перевернув мир с головы на ноги. Суть торнида, меняющего мир, стала для меня кристально ясна и понятна — игра, перетекающая с доски в мир и обратно на доску! Солнце, восходящее на востоке и одновременно над вертикалью «а» доски торнида.

В один миг я стал пешкой, доской, игроком и правилами. Стал — и отказался от этого.

Вилтигай Велд!

Дверь распахнулась от моего удара. Альбатрос предупреждающе чирикнул и в ужасе бросился прочь от меня.

Вилтигай Велд! Ха-ха-ха-ха! Я понял!

Несуществующий, невозможный, нереальный в предельно формализованном мире лодошей, Вилтигай Велд!

Латлагский пластик не рвется, но тем не менее Вилтигай Велду в облике человеческого посланника удалось с ним справиться. Обрывки грозного документа, словно снег, осыпали согбенные спины хозяев планеты.

— Всего хорошего, — заорал тот, кто некогда был Василием Самосой. — Всего хорошего, милые мои, дорогие! спасибо за рыбу! Вилтигай Велд!

Он спрыгнул со скалы на площадь, и лодошская процессия в ужасе отпрянула, забилась, задержалась конвульсивно, распадаясь на составные части.

— Вилтигай Велд! — неслоь над толпой. — Вилтигай Велд!

Кунд Дагда рухнул на колени, вырывая из ножен церемониальный кинжал с явной целью свести счеты с жизнью, но Вилтигай Велд оказался проворнее. Выхватив из лап экзарха ритуальное оружие, бывший посол Земли грозно взревел:

— Куда? Ишь чего удумал! Тебе все равно, а меня дисквалифицируют. И думать забудь!

Вилтигай Велд.

Едва завидев Парадоксального Союзника, господин Нуфетдинов — толстенький лысоватый человек со смуглой кожей и восточными чертами лица — вскочил и в нетерпении забежал по перрону.

— Ну? Говорите же, говорите, Керелех! Какие новости?

Кадамори Драуд раздраженно отмахнулся от землянина, достал из шляпы красный клетчатый платок и принялся вытирать потную шею. По удивительному стечению обстоятельств сейчас Керелех напоминал доброго волшебника из старого советского мультфильма о Незнайке, и облик его вызывал у посланника безотчетный ужас.

— Все хорошо, — не переставая скалиться, пропел Керелех, — лодоши дали добро. Собственно говоря, им не до

вас. По всему Латлагу объявлен траур: Праздник Пути и Моря сорван, члены собрания Даэмаа готовятся к масовому самопожертвованию во славу родины... в общем, имейте в виду: помимо Кадамори Драуд с вами никто разговаривать не будет.

Посольские работники недоуменно переглянулись. Кроме Нуфетдинова на перроне присутствовали все, вернее, почти все: Галочка, Эмма Гор с никелированной урной в руках (останки потерявшего морду Абрахама), Светлана Егоровна, мистер Фицджеральд и Лев Наумыч. Не хватало только Василия Самосы, но с его отсутствием Земля, похоже, примирилась.

— Я полечу с вами, — продолжал перевертыш. — Я прослежу, чтобы вы добрались до места назначения без приключений, в целости и сохранности. Думаю, что к тому времени Сообщество успеет рассмотреть вопрос о вступлении Земли в ряды Парадоксальных Союзников и вынесет вердикт в вашу пользу.

Подавленное молчание было ему ответом. Наконец Светлана Егоровна не выдержала.

— Молодой человек! — в сердцах бросила она. — Не пудрите мне мозги. До вас тут один хамоватый тушканчик с мечом и в юбке, едва прикрывающей, пардон, гениталии, наглядно объяснил, что будет с Землей в целом и каждым из нас в отдельности. Теперь появляетесь вы в своем идиотском клоунском обличье и утверждаете совершенно обратное. Так кому же из вас прикажете верить?

Посланники Земли замерли. Эх, Светлана Егоровна, Светлана Егоровна! Культурнейшая, умнейшая женщина: три высших образования за спиной, две докторских, масса публикаций — и такой конфуз!

К счастью, Драуд не обиделся.

— Эх, Светлана Егоровна, Светлана Егоровна... — вздохнул он, — вы же умная женщина, должны понять. Что вам теперь эти лодошские хамы в юбках? На земле

как на небесах — помните? а часть смотрит в целое и видит... ну?..

— Фигу она там видит, — пробурчал себе под нос Лев Наумыч.

— Правильно, плод инжира. Ну как Сообщество Парадоксальных Союзников откажется от планеты, объявленной лодошами Вилтигай Велд?

— А сам Василий? — испуганно пискнула Галочка. — Он не вернется домой?

— Я думаю, — печально ответил Керелех. — Василий уже дома. Вернее, он дома везде, где бы ни оказался.

Мерси Шелли

ПАЛЕЦ ХРИСТОФОРА

Издали я принял его за баска. И даже обрадовался.

Да чего врать — я хотел, чтобы он был баском. Подлым, грязным террористом, которого я возьму. Первым за три месяца этой идиотской работы. За три месяца бесполезных блужданий по нестерпимой жаре под видом счастливого идиота-туриста, который впервые увидел парк Гуэль. Если б этот тип оказался вандалом из БАСФ, было бы мне хоть какое-то оправдание. Хоть какое-то ощущение причастности к той настоящей работе, которую теперь делали за меня другие.

Раньше-то я не понимал стариков, которые бесятся, когда начальство намекает им, что пора на покой. Это ведь только в кино люди нашей профессии — супермены. А по жизни никаких долгих и красивых перестрелок не бывает. Либо стукач дает верную наводку, и ты успеваешь выстрелить первым, либо наоборот — сам получаешь очередь из-за угла. Казалось бы, радоваться надо, когда отпускают на пенсию. Однако старики бесятся. Чего уж говорить обо мне, инвалиде в тридцать пять! Семь грамм свинца в коленку — и друзья уже смотрят на тебя с эдаким противным сочувствием. А начальство с не менее фальшивой важностью предлагает «другую, еще более ответственную работу».

Одна радость, что работу эту не специально для меня придумали, как делают иногда для особо заслуженных ста-

риков. Пара-тройка взрывов в год — для Мадрида это стало нормой еще пять лет назад. Пока в прошлом году не появилась Баскская Армия Свободного Фронта с более творческим подходом. Им подавай не какие-нибудь там столичные кафе и парадные подъезды, как любят боевики из ЭТА, а памятники культуры. Соответственно, более широкая аудитория — толпы иностранных туристов. И более широкая география — от музея Дали в Фигейросе до могилы Колумба в Севилье.

Про Барселону и говорить нечего: шесть актов вандализма только за полгода. К счастью, без жмуриков. Зато эффект всегда долгоиграющий, все последствия на виду — настоящая визитная карточка БАСФа. Больше всего досталось «Святому Семейству»: зашвырнули в лик Христа на южном фасаде емкость с какой-то гадостью, разъедающей даже гранит, не то что известку и песчаник. А фигуру девицы на площади Каталонии облили зеленой радиоактивной краской. Потом еще в Готическом квартале старинную кованую дверь одного из соборов расписали матерными словами, как кусок масла вилкой. Пока наши спецы разбирались, что за инструмент использовался — то ли газовый резак особый, то ли вообще лазер, парни из БАСФ успели тем же инструментом срезать балконную решетку на знаменитой Педрере. И где только технику такую находят, собаки баскервильские!

Правда, в нашей службе ребята все-таки не бараны и понимают, из какой задницы ноги растут у этих вандалов. Едва ли настоящим баскам так уж нужны новые гадости на свою голову. Другое дело, что скоро выборы в Парламент. И кое-кто из наших же политических шишек сможет справедливо упрекнуть кое-кого другого — мол, даже с хулиганами не справляетесь, куда уж вам выше лезть.

Но шишки на макушке, а наше дело маленькое — ловить, пресекать... и профилактика. Работа моя ответственная — после получения семи граммов в колено — заключалась в том, чтобы бродить по парку прогулочным шагом,

улыбаться и время от времени наводить камеру на подозрительных типов. Щелк! — и картинка полетела в центр. А дальше уже работа самого центра — проверить подозрительную рожу по разным «черным спискам» и в случае чего дать сигнал, чтобы человеком занялись.

Что и говорить, за три месяца ощущение высокой ответственности пропало начисто. Как назло, ничего особенного не происходило. Профилактика, само собой, дело полезное... Только ведь баска от каталонца не особенно отличишь. Нет, есть у них, конечно, в горах такие особые горные козлы, которых ни с кем не спутаешь. Но надо быть полным идиотом, чтобы посылать на дело человека, которого и так в течение дня пять раз остановят явно и двадцать раз снимут скрытно.

А этот темнокожий тип при ближайшем рассмотрении оказался вообще индийцем. Сухой такой, вроде копченой курицы, а рубашка белоснежная — не человек, а просто негатив какой-то. Глаза собачьи, малость навывкате. Нос из разряда «одинокая слива». И брови густые, сросшиеся. Мне сразу вспомнилось, как в детстве брат притащил домой огромную черную гусеницу и прямо на обеденном столе долбанул ее ножом ровно посередине. Но несильно долбанул, из любопытства, так что на две части она не развалилась, и даже не вытекло из нее ничего. А только видно было, что с ней уже не все в порядке, потому что она стала шевелиться как две сросшиеся брови, а не как один здоровый организм.

Вообще-то за три месяца работы в парке я разных психов наблюдал. Туристы сами по себе люди не очень нормальные. Да и местные тоже, когда оказываются рядом с достопримечательностями. Статую Колумба на набережной видели? Который пальцем в море указывает? Так имейте в виду: это единственный целый статуйный палец во всей Барселоне. Дед мне рассказывал — когда он маленький был, Колумб этот стоял внизу, безо всякой колонны. И все, конечно, лазили, чтоб потрогать знаменитый па-

лец. В конце концов этого каменного мужика поставили на высокую колонну, только потому его палец и сохранился. А все остальные статуи внизу, по периметру колонны, давно уже беспальные.

Короче, к ненормальным туристам мне не привыкать. Но индеец был все-таки чересчур странный. Я почти час за ним ходил, прежде чем понял, что он вытворяет.

Заприметил я его у «крокодила». Мы так называем между собой этот фонтанчик, хотя вообще это, наверное, ящерица или динозавр. Сидит себе такая двухметровая тварюга, мозаикой веселой украшенная, изо рта воду пускает. Но главное — на нее забраться можно и сфотографироваться.

Это и есть мой главный объект. И самое популярное место парка, не считая, конечно, музея Гауди. Я уж от скуки какого только вандализма с этим «крокодилом» не придумал за три месяца! Ну там хвост отбить или вообще весь экспонат украсть — всю такую банальщину в первые же дни прокрутил в голове.

Потом более изощренные схемы пошли. К примеру: что будет, если плохие парни из БАСФ сумеют чем-нибудь заткнуть ему пасть, из которой вода хлещет? Разорвет «крокодила» на части или просто потечет из ушей?

Занимаясь такой вот ответственной работой, я и засек индийца — слишком уж долго он тут ошивался. На «крокодила» как раз залезла парочка здоровенных теток из большой группы то ли финнов, то ли немцев. Ну ясно, теперь, пока все по очереди не сфоткаются верхом, не отойдут. А индеец вокруг них так и вьется. Но на расстоянии — вроде и не у «крокодила», и не у группы... Я даже подумал: уж не карманник ли?

Потом еще одна группа, англичане как будто. И та же история с индийцем. Словно он с этим «крокодилом» поговорить хочет, но как раз тогда, когда туристы подходят и мешают.

Через полчаса он поглядел на часы и быстро куда-то двинулся. Я за ним. Оказалось, он решил подняться на террасу с мозаичными скамеечками, которые во всех проспектах Гуэля обязательно рисуют. Что и говорить, не дурак был этот Гауди, умел сделать просто и приятно. Вроде как собраны осколки битой посуды, набросаны кое-как в цемент. А со стороны поглядишь — такой цветник получается, душа радуется.

Хотя в сотый раз, конечно, уже не то. К тому же во время сиесты на этой площадочке как на сковородке. Но время было уже вечернее, да и индеец меня заинтриговал. Так что я был не против сделать вид, что снимаю чудескаемейки. В конце концов, парни из БАСФ могут и тут что-нибудь отмочить. Залить красивые скамеечки клеем, к примеру. Или написать на них различные слова, как они уже сделали три месяца назад на ограде парка у западного входа.

Ага, индеец мой и здесь начал чудить. На часы поглядел, покрутился рядом с одной группой фотографирующихся, потом с другой... Э нет, не просто рядом! Тут-то я и понял: он старается попасть в кадр.

Между тем толпа с террасы схлынула, мой подопечный прошел еще кружок вдоль красивых скамеечек, поглядел опять на часы и снова спустился к «крокодилу». И я еще раз убедился, что разгадал его маневры. Этот бровастый делал свое дело прямо-таки профессионально. Влезал в кадр очень ненавязчиво, как бы случайно проходя позади, где-то с краю, так что туристы даже не трудились отводить камеру. А многие наверняка и не замечали его маневров! Я вспомнил, что рамка в видискателе обычно меньше, чем берет объектив. Поэтому на краях снимка частенько оказываются детали, которых ты даже не видел, когда наводил аппарат. Странный индеец, похоже, знал эту тонкость.

Но в его действиях, в конце концов, не было ничего противозаконного. Тем более для нашего отдела: ребята

меня засмеют, если я начну их дергать из-за каждого извращенца. Конечно, если бы кто из туристов заметил и пожаловался... Но на такой случай в парке есть обычная охрана. Это ее забота — гонять подростков, покуливающихся в укромных местах травку, да пьяных, которые норовят уснуть на тихой скамеечке. Я, конечно, могу подойти к одному из этих красавцев в фуражках, показать свою корочку и попросить проконтролировать одного извращенца...

Но тогда вся местная охрана будет знать, кто я. А это крайне нежелательно. Нет, не потому, что копы недолюбливают нашего брата-спеца (хотя и это тоже). Но, главное, у БАСФ могут оказаться свои люди и в здешних фуражках, благо на такую работу набирают обычных сезонников.

Тем не менее я хотел понять, в чем фокус. Ситуация казалась особенно необычной, поскольку за годы работы в особом отделе привыкаешь к совершенно противоположной модели поведения: люди не любят попадать в кадр. Это касается не только мафии, кинозвезд и секретных агентов, но и автолюбителей, которых снимают на въезде в город, и футбольных фанов, которых снимают при входе на стадион... да и вообще всех нормальных людей.

Конечно, есть такой вид развлечения-подлянки — строить рожки за головой фотографирующихся. Но час за часом влезать в чужие кадры, безо всяких особых рожек-ножек, а просто в уголок... Особая форма эксгибиционизма?

Или... хмм... новая форма стеганографии. Тогда для кого-то из снимающих лицо индийца в уголке кадра — особый знак, секретное сообщение. Что-то подобное рассказывал мужик из британской МИ-5, когда приезжал к нам опытом делиться. Как раз после его приезда у нас министра связи грохнули.

Кто-кто, а я не мастак долгих мысленных построений. Когда индеец спустился в самый низ парка и сел в кафе у южных ворот, я решил взять быка за рога. Тем более что незанятых столиков в кафе все равно не было.

Вялой походкой я подвалил к кафе, немного поизображал растерянность — ах, все занято! — и положил свою «Кодику» на столик индийца. Объектив оказался с солнечной стороны, и линзы тут же нарисовали на белом пластике стола светящуюся балерину.

— Извините, у вас не занято?

Раньше я думал, что у меня самый жуткий английский на свете. И даже немного стеснялся подкатываться к американкам. Но когда до меня донеслось ответное карканье этого копченого индюка, я понял, что мой папа Шекспир и Америку пора открыть. Слова он расставлял правильно, но произносил их как ребенок, который издевается над репетитором. Я даже не мог бы это повторить. Ну, что-то типа:

— Нет-нет, саджитись пхаджаласта!

Я ответил улыбкой, сел и стал думать, с чего начать. Он опередил меня. Указал на мою «Кодику» черным узловатым пальцем, похожим на вымоченный в воде корень, и прокаркал:

— Лупхите пхатаграпхирават?

В общем-то, он попал, и это сразу меня сбило. Работа работой, но побродить с камерой я любил. Конечно, не с этой служебной, со «спецвозможностями», которые мне самому ни к чему. Но моя собственная «Кодика», отдыхающая сейчас дома, была не хуже. Через два месяца, получив заслуженный отпуск, я как раз собирался взять в охапку мою маленькую вредину Ги и отправиться куда-нибудь за рубеж пощелкать затвором. Хоть на своей ответственной работе я и насытился по горло толпами туристов, но вот парадокс — иногда ужасно хочется побыть на их месте. Вроде как сапожник, мечтающий наконец пройтись в новых сапогах.

— Да, люблю пощелкать, — честно ответил я, теребя ремешок «Кодики». — А вы? Кажется, я видел вас там наверху... около ящерицы.

И тут он попал второй раз. Дело в том, что в отпуск я собирался именно в Париж.

— Ятшерица, да-да! На ней очинь уджопно снимацца, она фся пхопхаджаит в каджд! Не то что Эпхелева пхатшня... Липха пхаймаишь толикха самый тшпиль, липха толикха аджду ногу, кха-кха-кха!

Он резко захохотал. Ветки рук взлетели, изображая нечто навороченное — скорее всего, ту самую башню, на которую я давно мечтал навести свою «Кодику». А глазами он, видимо, изображал растерянный объектив — по крайней мере, они метались еще быстрее, чем руки. Может, парень накурился дури? Хотя черт их знает, этих азиатов. У них и в нормальном состоянии глаза как у психов...

— А где же ВАША камера? — спросил я и широко улыбнулся, задержав рот в растянутом состоянии чуть ли не на минуту. Вышло очень по-туристски. Прямо как у идиотов-американцев, что улыбаются по любому поводу.

— Они фсе мои, фсе! — Рука-коряга протянулась вперед и нежно постучала указательным по моей «Кодике». Жест был очень странный и в то же время получился так естественно, что я бы не удивился, если бы в ответ из объектива вылетела птичка.

— Вы... работаете в компании «Кодика»?

Черные гусеницы бровей сжались, словно их владелец попытался соединить их вторыми концами.

— Удже нет... Меня выкхнали... Но эта мая теххналокхия! — Он снова постучал по моей «Кодике». — Они укхрали маю иджею! Интеракхтивный пхотопханк, кхатый апхеспечивает неприфсайтенное кхачество!

И тут на меня полилось. Через полчаса общения на языке копченых птиц я узнал не только историю несчастного индийца, но и основы той технологии, которую «Кодика» якобы украла у него, выбросив его самого на улицу.

Первая часть рассказа, касающаяся краха карьеры, не представляла собой ничего оригинального. Типичная история нелегального иммигранта, которого наняли, выжа-

ли, как зубную пасту, а потом сдали службе по контролю за иммигрантами, а она прижала его за все оставшиеся органы и вытурила из Штатов.

Зато технология, о которой он рассказывал, заставила призадуматься. С одной стороны, звучало это как бред сумасшедшего. Но некоторые вещи, на которые он намекал, были... да, почти бесспорными. Особенно качество снимков, позволившее «Кодике» в очень короткое время занять лидирующие позиции на рынке.

Кроме того, меня не покидало ощущение, что кто-то — или тот английский пижон из МИ-5, или даже кто-то из моих боссов по пьяни — рассказывал нечто подобное. На другую тему, но все равно похоже. О некоей новой системе надзора с дурацким кодовым названием, напоминающим название телепрограммы. То ли «Сам себе режиссер», то ли «Конкурс народных талантов». Суть была в том, что все камеры, находящиеся в руках населения, можно скрытно использовать в качестве камер наблюдения. Если уж такие сумасшедшие проекты возникают даже в нашем ведомстве...

В общем, каким бы психом не выглядел этот тип со сливовым носом и сросшимися бровями, говорил он интересно. Я даже поймал себя на мысли: хорошо, что он все-таки не оказался баском. Выражение «горизонтальный параллакс» едва ли что-нибудь сказало бы дуболомам из БАСФ. А так я нескучно провел полчаса сиесты, слушая хоть и странные, но любопытные для любого фотолюбителя идеи.

Что оказывается в фокусе, когда снимаешь человека на фоне «Святого Семейства»? Это зависит от прихотей аппарата, если мы говорим об автоматических «мыльницах». В принципе, иногда они умеют брать в фокус объект на переднем плане, просто отлавливая контраст в центре кадра. Но ведь каждый видел и обратное: когда на снимке особенно четко получается какое-нибудь дерево или угол дома,

зато человек на переднем плане выглядит как медуза, которую швырнули об стену.

Конечно, на приличном аппарате ты сам можешь вывернуть объектив как надо. Классический трюк: если фоновое здание далеко — поставить фокусное расстояние, равное двум расстояниям до человека. У хорошего фотографа таких трюков навалом. И для леса, и для поля, и для гаргулий, сидящих на верхотуре храма в шеренгу по четыре.

Но таких знающих фотографов — единицы. И даже им зачастую приходится чем-то жертвовать: где резкостью заднего плана, где резкостью переднего, а где и целой пленкой. Что же говорить о миллионах простых туристов с «мыльницами», которым хочется получить четкий во всех отношениях снимок после нажатия одной лишь кнопки!

Индиец и придумал эту штуковину, которую он назвал «интерактивным фотобанком». И даже заранее прикинул, что это окупится. По его словам, более чем на половине любительских фотографий в качестве заднего плана используются разные известные достопримечательности: Белый дом, Голубая мечеть, Черная пагода, Красная площадь... Если заранее иметь большое количество снимков этих сооружений, можно строить из них вполне приличные виртуальные модели-копии в компьютерной памяти. А затем использовать эти копии для коррекции новых снимков в цифровых фотоаппаратах разных лохов по всему миру. Пусть «мыльница» ловит в автофокус лишь клиента. А пирамиду или собор за его спиной система искусственного интеллекта распознает, найдет в своей базе и подкорректирует снимок на основе виртуальной модели. Причем для обновления фотобанка можно, в свою очередь, использовать некоторые снимки, которые делают туристы. Нужно лишь организовать сервис так, чтобы все цифровые фотографии до превращения в «конечный продукт» на бумаге проходили через общий суперкомпьютерный комбайн. Само собой, делу помог Интернет — благо

сейчас почти все цифровые камеры оснащены беспроводным доступом.

В устах индийца все звучало просто и логично. Я мысленно пытался опровергнуть эту теорию глобального цифрового подлога, но вместо контраргументов вспоминались лишь факты, косвенно подтверждающие его рассказ.

Когда «Кодика» только начала продавать свои аппараты, никакого особого отличия от продукции других фирм не наблюдалось. Будочки сервис-центров неизвестной фирмы вызывали лишь усмешки: стоит ли тягаться с признанными лидерами рынка? Однако примерно через пару месяцев это началось: «Я выбираю „Кодику“, потому что теперь на моих снимках ничего не расплывается». Тупо, но ведь верно!

А главное, ты и вправду не знаешь, что там происходит внутри — ни в твоём цифровом аппарате, ни в сервис-центре, где ты забираешь готовые фотки невиданного качества. И уж тем более не знаешь, что и куда твой аппарат может переслать по своей беспроводной сети без твоего ведома. А «Кодике», само собой, вовсе ни к чему разоблачать своего суперкомпьютерного спрута-коллажиста, который сунул щупальце в каждый фотоаппарат и втихаря подменяет расплывчатые силуэты любительской съемки на более четкие картинки из своего виртуального мира.

— Там, около фонтана-ящерицы... вы как будто высматривали туристов с «Кодиками», — заметил я, когда собеседник замолчал и уставился в пространство печальным собачьим взглядом. — Скучаете по своему детищу?

— Да-да, пхотому я и прикхожу в такхие мьеста. — Индиец нежно провел пальцем по кожуху моей камеры. — Кхочецца снова их увиджеть, просто окхасаться ряджом... Кхто-то наджимае кхнопкху, и я срасу приштавляю, как потшла опрапхотка новыхкх испраджений...

— А этот ваш искусственный интеллект, как много памятникoв он уже... ну, оцифровал?

— Мнокха, очин мнокха! Пхоэтому я кадждый рас кху-ляю в расных мьестах. Чтопхы не асопхенно привлекхать виньимание, пханимаете? Пхывает, проста сиджу у сервис-сентров. Смотрю, кхакх люджи палучают свои снимкхи. И мне удже не такх крустно спхоминать, что миня выххнали... Если люджи раджуются...

Узловатые ветки рук и мохнатая гусеница бровей одно-временно залетели, как бы демонстрируя всенародную радость. Но тут же вновь грустно опали. Нет, не очень-то он радовался тому, что другие используют его изобретение.

Зато мне пришла в голову очень веселая мысль. Я представил вдруг, как это со стороны: два человека, которые занимаются похожими странными делами, но по разные стороны объектива. Я втихаря навожу на кого-то камеру, он втихаря влезает к кому-то в кадр. И вот эти два человека сошлись за одним столом...

— Хотите, я вас щелкну? — предложил я. Улыбка в этот раз получилась совершенно натуральной.

Индиец тоже улыбнулся в ответ. Потом взглянул на часы. Ну да, типичный жест «Извините, мне пора». Но он ответил иначе:

— Некхоторие народжы верьят, что каджая пхотограп-хия краджет у человьеска част его джуши. А вы не верьите? Кха-кха-кха!

Он снова бешено захохотал, выпучив глаза и подняв ветки-руки. Но тут же резко оборвал смех и обратился ко мне с очень серьезным лицом:

— Я кхочу пхить на ватшем снимкхе с пхивом, моджно?

Я кивнул, и он засеменял к бару — черный паук, вставший на задние лапы. Делая вид, что вожусь с настройкой аппарата, я приглядывал за ним. Нет, драпать он не соби-рался. Стал болтать о чем-то с барменом. Прошло целых две минуты, прежде чем он снова оказался у столика. И сразу встал в такую комичную позу, что я не мог сдер-жать усмешки. Счастливый паук, салютующий тебе бу-тылкой тива — это надо видеть!

Я снял крышку с объектива, но индеец вдруг замахал руками.

— Нет-нет, нужен кхарасивий пхон...

Он указал на пряничную башенку прямо перед воротами парка. Я кивнул. Он быстро перебежал через пятачок, отделявший кафе от ворот, и принял всю ту же комичную позу на фоне башенки.

Как раз в тот момент, когда я нажимал затвор, весь видоискатель заволокло черным. Я поднял голову. Передо мной стоял усатый официант, демонстративно загородивший весь обзор.

— Что-нибудь будете заказывать?

Надо же, как не вовремя! За три месяца этот усач уже несколько раз видел меня здесь. Естественно, он не мог не запомнить клиента, который заказывает минералку и сидит с ней два часа, занимая лучший столик и не оставляя чаевых.

Теперь он мрачно завис надо мной, всем видом намекая, что я его уже достал. Но не показывать же ему корочку спецотдела!

— Нет, не буду, — отрезал я, пытаясь заглянуть за его массивный корпус. Официант — скорее всего, нарочно — сделал шаг в ту сторону, куда потянулся я. И снова заслонил ворота. Я сурово глянул ему в лицо, прочел там недоумение и наконец сообразил, что если я ничего не заказываю, то по неписанным ресторанным законам мне и сидеть здесь не положено. — Вернее, буду, — исправился я. — Только спрошу у приятеля, чего он хочет. Вы не могли бы отойти?

Но там уже никого не было. Я, прихрамывая, добежал до ворот и выглянул наружу. Увы! Имея фору в сто метров и целую минуту задержки, не так уж трудно сбежать от бывшего оперативника с простреленной ногой, который к тому же слишком вжился в роль фотолюбителя.

Не скажу, чтобы я совсем забыл этот случай. Но уже месяц он стал просто «одним из» и как-то отошел на зад-

ний план. Психов же в парке навалом, я говорил. Буквально через два дня один пьяный русский показывал любовь своей девице: встал на руках на парапет той самой террасы с гаudevыми скамеечками и начал орать, что пройдет таким раком полный круг. Третий прошел да и рухнул вниз. Высота-то всего три этажа — казалось бы, как тут можно череп проломить?

А через неделю еще веселее была история. Швырнули наконец в «крокодила» емкость с голубоватой жидкостью, по всей мозаичной спине растеклась. Я, естественно, проявил чудеса бега на короткие. По дороге успел через «Кодику» вызвать подкрепление из наших. А они в свою очередь и обычную охрану свистнули. Выходка вандалов из БАСФ, ясно дело! — все тут как тут, пальцы на спусковых. Даже пара репортеров вездесущих откуда-то выскочила.

А жидкость оказалась молочной смесью. На террасе, что как раз над «крокодилом», мамаша-американка кормила ребенка. Пацан чего-то разревелся да как швырнет бутылочку вниз через кусты! Вот и весь терроризм.

Зато в сентябре, в Париже как раз, я вспомнил эту баечку про фотобанк. Когда уже отщелкал и Эйфелеву, и Версаль. Мы сидели в кафе на Монмартре — последний день, все такое. Ги только что нарисовала пару голубей, благо они болтались под ногами, и стала читать газету. Попутно она в сотый раз объясняла мне, что фотография — это не искусство. Я, естественно, отбивался как мог, хоть я и не такой образованный.

Тут-то Ги и прочитала мне вслух эту заметку, про взлом одного из серверов «Кодики». Якобы нашелся там какой-то «черный ход». Ги, конечно, сразу вставила очередную шпильку насчет моего аппарата.

Я в ответ расчехлил «Кодику», обратил к ней и пролистал на экранчике последние несколько кадров, добавив, что с моим аппаратом все в порядке, если она, конечно, имела в виду этот аппарат, а не тот, который на улицах

демонстрировать неприлично. Ги бросила взгляд на камеру и заявила, что там все равно ни черта не видно.

«Ну, уж тебя-то видно везде!» — отшутился я и тоже поглядел на экранчик. В общем-то, она права: что там увидишь на экранчике размером в один квадратный ноготь? Лицо Ги на переднем плане еще можно различить, но что там сзади — какие-то контуры зданий, микроскопические фигурки прохожих...

И тут мне сделалось несмешно. И голуби сразу стали звучать так, словно они издевательски хмыкают. Я вспомнил индийца.

И еще кое-что вспомнил. Но это уже по дороге к сервис-центру, куда я тут же рванул, невзирая на крики Ги о том, что она не допила.

Насчет хакеров разговор один у нас был, год назад. Ну, не разговор даже, просто треп по дороге с одного задания. Хосе в очередной раз пытался подколоть нашего системщика Мануэля. И начал громко рассказывать Трамонтане, что все хакеры на самом деле бывшие программисты взломанных компаний, у которых просто свои «дырки» везде понаделаны заранее. Трамонтана, которого мы обычно используем как таран для дверей, конечно, поддержал разговор идиотскими вопросами — почему да для чего? Ну Хосе и понес свою пургу дальше. Мол, программисты обязательно оставляют в своих программах «черные ходы» вроде дополнительного пароля к программе. Чисто для себя любимого, чтоб в случае увольнения можно было отомстить фирме.

Долго он это расписывал, пока Мануэль не сказал спокойно, что это чушь собачья. И что никакой нормальный программист не будет так глупо светиться с личными «дописками», по которым его же и вычислят. Нормальному программисту, чтоб нагадить, достаточно просто знать «недокументированные возможности».

«Это как?» — спросил Трамонтана. «А это, — говорит Мануэль, — вот так: если на ноутбуке нашего Хосе одно-

временно нажать все клавиши верхнего ряда и все клавиши нижнего, то на экране все его пароли высветятся». Хосе, как услышал, тут же побелел, выхватил ноутбук из чехла и давай над ним каракатицей прыгать, пытаясь сразу две дюжины клавиш нажать. Трамонтана, само собой, бросился помогать. Когда я увидел, как эти два спецназовских быка изображают юных пианистов, чуть живот не надорвал. Я ж сразу заметил, как Мануэль губы кусает, чтоб не заржать. Он всегда умел отвечать на подколки.

Только у него была еще одна черта: Мануэль никогда не врал напропалую. Конечно, про два ряда клавиш он пошутил к месту. Но общая-то идея насчет недокументированных возможностей была вполне. А если эту идею совместить с историей бровастого компьютерного гения, уволенного из «Кодики»...

Будка с надписью «Кодика» стояла тут же, на краю бульвара. Девушка в форменном сине-зеленом вспыхнула дежурной улыбкой. Я выдернул из камеры флэш-карточку и попросил напечатать сохраненные на ней два десятка снимков. Причем не обычным форматом, а двойного размера.

Пока разогревался принтер, форменная девушка — видно, просто от скуки — ляпнула что-то насчет моего заказа. Мол, редко сейчас встретишь человека, который решил напечатать так много снимков, да еще и большим форматом: обычно люди просят лишь перегнать цифровые картинки на свой сайт. Или отправить кому-нибудь по электронной почте. Или просто слить на более емкий носитель.

От этой болтовни я как-то сразу остыл. Действительно, чего сорвался? И Ги небось бесится, что я усвистал непонятно куда и ничего не объяснив...

Но неприятное предчувствие продолжало царапаться внутри. Что там говорил этот копченый индус про обновление фотобанка? Обратная связь через новые снимки туристов... Белый дом, Голубая мечеть, Черная пагода, Красная площадь... «Недокументированные возможности».

Да, что-то такое было в его интонациях. И потом, если этот бровастый только хотел быть ближе к своему изображению — зачем всегда смотрел на часы перед тем, как по-пасть в чужой кадр?!

Еще через пару минут я получил назад свою флэшку и толстый конверт с фотографиями. Не успев еще расплатиться, разорвал конверт.

Он был на всех снимках. И у подножия Эйфелевой башни, и на втором ярусе. И на набережной Сены, и среди версальских фонтанов. Даже на самом первом снимке — я щелкнул Ги на фоне аэропорта де Голля — индеец торчал на заднем плане в правом верхнем углу. Случайный прохожий с бутылкой пива.

Фотоаппарат я прямо там разбил, об пол будки. Хотел еще полицейскому врезать, да Ги меня вовремя увела. Она хоть и маленькая, а умеет так на руках повиснуть, что не хуже наручников-липучек.

Но это еще не все. Через неделю на своей прежней работе в парке я снова его увидел.

Десятка два японцев снимались на входе в дом-музей Гауди. Облепили всю лесенку, а фотоаппараты, все два десятка, отдали одному добровольцу, чтоб он каждым затвором по очереди щелкнул. Я немного притормозил, чтоб на это чудо поглядеть — мелкий желтый японец, весь увешанный «Кодиками». Уж не знаю, есть ли у них в Японии рождественская елка, но получилось нечто похожее, только в стиле «супермодерн». Еще подумалось, что он мог бы сразу с двух рук снимать, как эдакий японский Рэмбо.

А потом я проследил взглядом, что у него попадет в кадр. Индеец с кожей копченой курицы, мохнатыми сросшимися бровями и носом-сливой стоял позади японцев, в дверях дома-музея. Белая рубашка светилась в тени.

Естественно, я опять побежал. Да, с моим дурацким коленом. Но в этот-то раз я точно знал, что он вошел внутрь, а выход только один!

Ги потом сказала, что он, наверное, спрятался под кроватью сеньора Гауди. Еще она сказала, что я просто свихнулся от своей чересчур ответственной фотоработы. И еще добавила, что, возможно, все мозги у меня находились как раз в том колене, которое прострелили. Но когда она это сказала, я взял одну из ее кисточек, сломал пополам и бросил через плечо, без комментариев. Больше она про мое колено никогда ничего не говорила. Очень понятливая.

С ответственной работой я после этого завязал. Осенью и зимой торговал картинками Ги здесь, на Рамбле. Помогал ей холсты грунтовать, рамки делать, ну и все такое.

От фотоаппаратов вначале дергался, но потом как-то отпустило. А в апреле даже решил попробовать себя в роли «артиста». Сначала долго наблюдал за этими чудиками. Влезет такой на чемодан, замрет в позе — и стоит полчаса как живая скульптура. Видок у каждого свой, кому на что фантазии хватило. Один просто балахон марлевый накинёт, а другой забабахает эдакий инопланетный костюм с носом и ушами. Да еще золотой краской покрасится весь — от носа до подошв. И меч джедайский в руках, само собой.

Девицам с хорошими фигурами, конечно, проще, но это уж кому что досталось. И потом, не всякий может долго стоять неподвижно, а в этом весь понт. Мне с моей коленкой как раз самое то — ни бегать, ни ходить не надо.

Да и роль я себе неплохую подобрал, камзольчик и глобус-постамент сразу все объясняют: тот самый Колумб, собственной персоной. Особенно детишкам нравится — укажешь пальцем на какую-нибудь егозу и замрешь на четверть часа. Я пока с вами болтал, всего два раза позу менял, а больше и не шевелился, заметили?

Где оригинал посмотреть? А просто вниз по Рамбле спуститесь, там он и стоит на набережной. На столбе высоком, так что не пропустите. Я вам уже говорил, что это

единственная фигура во всем ансамбле с целым указательным пальцем? Ах да, говорил, и про деда тоже.

Нет, сам я достопримечательности теперь не посещаю. Разве что только на его, прототипа моего, поглядываю временами. Не специально, а так, когда в трамвае по набережной еду. Но все равно на лицо стараюсь не глядеть. Ага, только на палец. Мне и этого хватает — неприятное зрелище.

Почему? А вы, когда до него дойдете, присмотритесь. Слыхали небось, что этот парень Америку открыл? А указывает-то совсем в другую сторону!

АЛГОРИТМ

У-уф, наконец-то реклама!

Кевин выхватил платок, вытер лицо и отвернулся от стола. Никто не собирался отключать яркий свет на время рекламной паузы. Но теперь, по крайней мере, можно смотреть в другую сторону, а не туда, где пылают их дурацкие «слепильники».

Хотя и темную сторону тут найти непросто. Кевин скользнул взглядом по огромному экрану, выполняющему роль задника. По синему фону ползли реплики из сетевой конференции:

«Неправда, Марвин Мински никогда такого не говорил!»

«Эй, кто тут давно? Че за профессор такой вообще?»

«Дубина, это же Доктор Чипс!»

«Скажите, а где можно продать яйцеклетку?»

«Мы с тобой, Кевин, вставь им всем электронные мозги!»

«Что за дурацкая передача! Расскажите лучше про загрязнение Темзы!»

Черт побери, двадцать первый век... Неужели нельзя было уже придумать такое освещение, которое не жарит так сильно по глазам человека, сидящего в телестудии? И они еще хотят, чтобы он непринужденно улыбался и смотрел в камеру!

— Ну как вы, профессор? — С лица ведущего уже свалилась идиотская гримаска «попсовика-затейника», уступив место маске «деловой мужик». Вежливость требовала повернуться на голос. Но очень уж не хотелось снова подставлять глаза под «слепильники».

— Все нормально. Я, правда, не ожидал... — Кевин продолжал глядеть в темноту.

— Да уж, задали вам жару! — перебил ведущий. — Но в целом вы держались молодцом. Только постарайтесь быть раскованнее. У нас еще полторы минуты отдыха.

Ведущий отвернулся, что-то крикнул оператору про свет. Затем заговорил в микрофон, обсуждая с кем-то невидимым дальнейший план передачи.

«Задали жару...» Кевин хмыкнул. Чувство, которое возникает в ответ на откровенно идиотские вопросы, едва ли можно назвать «жаром». Особенно все эти вечные, однообразные «если». А если вы по ошибке имплантируете ваш чип человеку, который на самом деле не был имбецилом? А если собственная личность человека вдруг выразит протест против подключения к ней искусственного интеллекта? А если ваши пациенты попытаются использовать свои способности для захвата власти?

Кевин вспомнил, как много лет назад в начальной школе его одноклассники с таким же «жаром» обсуждали подобные дурацкие ситуации: «А если у тебя „черный пояс“ по каратэ и на тебя напали четверо с ножами? А если еще один с автоматом подкрался сзади?» Как много людей, оказывается, до самой старости мыслят на том же уровне!

— Вам сейчас зададут вопрос про возможности искусственного интеллекта, — снова обратился к нему ведущий. — Было бы неплохо...

— У вас что, подставные звонки? — удивился Кевин.

— Нет конечно! — Ведущий скорчил такую гримасу, словно его обвинили в детоубийстве. — Но звонков очень много, всегда можно выбрать нужный. Так вот, я бы хотел вас попросить, чтоб вы осветили этот вопрос... ну, как-нибудь полегче. Меньше формул, больше простых образов. Я читал вашу книгу — тест Тьюринга, «парадокс китайской комнаты» — это все безумно интересно! Но у нас передача для обычных людей... Для домохозяек, понимаете? Им нужен простой, доступный язык.

— Я понял.

Кевин мрачно поправил воротник. Жест неожиданно приободрил его, и он пошел дальше: подровнял манжеты рубашки так, чтобы они выступали из рукавов ровно на полсантиметра. «Я вам покажу доступный язык», — злоратно подумал он.

— Дон, десять секунд, — сказал громкий женский голос откуда-то сверху.

— Мы готовы.

Ведущий бросил Кевину последнюю ободряющую улыбку и показал глазами на камеру. Кевин вновь нехотя повернулся к источнику ослепительного света. У ведущего это получилось лучше: за какой-то неуловимый миг лицо потеряло осмысленное выражение — и вот он уже смотрит в камеру стеклянным взглядом манекена.

— Три, две, одна. Би-и-и-п!

ВЕДУЩИЙ. Итак, мы продолжаем беседу с доктором Кевином Норвиком из Брэдингского института нейрофизиологии. Напомню, что разработанная профессором Норвиком методика позволяет снабдить искусственным интеллектом людей, чей мозг — от рождения или в результате травмы — отказывается работать. В первой части нашей

передачи профессор Норвик любезно ответил на наиболее острые вопросы своих противников, которые называют его не иначе как «Доктор Украденное Тело». Мы также выяснили медицинские критерии и юридические тонкости, на основе которых принимается решение об имплантации пресловутого «искин-чипа». Доктор Норвик успокоил нас и в отношении такой важной проблемы, как сохранение личности. Личность его пациентов, которых в народе уже окрестили «чипсами», никуда не девается. Я правильно интерпретировал вашу последнюю реплику, профессор?

ДОКТОР НОРВИК. Да, верно. (*Прочищает горло.*) Мы определяем «сознание» как непрерывный процесс. Даже у человека, переживающего «клиническую смерть», мозг продолжает работать — именно это является залогом восстановления памяти, мышления... и того, что мы называем «личностью». Поэтому в обсуждаемом вопросе мы считаем главным критерием сохранение непрерывности процесса сознания. Мы лишь добавляем к этому процессу некие вспомогательные устройства. Примерно так же, как к компьютеру добавляют еще один диск памяти, а к автомобилю — гидравлическую систему управления вместо прямой ручной.

ВЕДУЩИЙ. И в то же время люди, считавшиеся практически невменяемыми, попросту кретинами, получают благодаря вашей методике возможность вернуться к полноценной жизни. Или не к такой уж полноценной?.. Ага, вот и первый звонок, давайте поговорим. Здравствуйте, как вас зовут?

ГОЛОС. Это мне?

ВЕДУЩИЙ. Да-да, говорите! Вы в эфире!

ГОЛОС. Здравствуйте, Дон! Меня зовут Джордж, и я очень люблю вашу передачу! Но знаете, сегодняшний ваш гость — шарлатан, потому что никакие там электронные устройства никогда не смогут заменить человеческий мозг, потому что возможности нашего мозга огромны,

и даже у тех, кого мы считаем безнадежными, есть огромный внутренний мир, и кроме того, люди с электронными мозгами никогда не смогут любить, ведь душа каждого человека...

Пи-пи-пи...

ВЕДУЩИЙ. К сожалению, что-то случилось со связью. Но я думаю, мы поняли, в чем был вопрос Джорджа. Насколько хороша та поддержка, которую искусственный интеллект оказывает человеку, чей естественный интеллект оказался каким-то образом ограничен? И может ли вообще машинный интеллект тягаться с мозгом человека?

ДОКТОР НОРВИК. Вообще-то этот вопрос уже более полувека не дает покоя лучшим умам планеты. Вашей передачи не хватило бы даже на то, чтобы кратко изложить хотя бы десятую часть существующих концепций...

ВЕДУЩИЙ. О-о-о, ваши оппоненты сейчас радостно провозглашают, что вы просто уходите от ответа.

НОРВИК. Да, я заметил еще в первой части передачи, что безапелляционные «доказательства» моего шарлатанства всегда гораздо короче моих аргументов. Ведь нести чушь легко и приятно. А впрочем... Я, пожалуй, рискну ответить в той же манере «блиц-турнира». Сейчас я за две минуты на простом и доступном языке докажу превосходство искусственного интеллекта над естественным.

ВЕДУЩИЙ. Вот как! Ну что ж, давайте послушаем.

ДОКТОР НОРВИК. Самое главное упущение моих противников — это отсутствие определения «разумности». Я предлагаю очень простое решение: давайте разобьем задачу на части. И скажем, что интеллект — это набор неких возможностей. Здесь будет и решение математических задач, и понимание естественного языка, и распознавание образов... Пока все понятно? .

ВЕДУЩИЙ. О да, даже с моим кулинарным образованием.

НОРВИК. Ну а дальше еще проще. Сегодня машинный интеллект решает большинство упомянутых задач гораздо лучше, чем большинство людей. Доказать?

ВЕДУЩИЙ. А вы можете?!

НОРВИК. Попробую. Возьмем общение на естественном языке. *(Оборачивается к огромному экрану за спиной.)*

По экрану ползут реплики из телеконференции.

ВЕДУЩИЙ. Не верю своим глазам! Вы все-таки обернулись к нашему чату, который вначале называли идиотским!

НОРВИК. Я и сейчас такого мнения. Просто хочу использовать этот пример для сопоставления с другим. Вы не могли бы вместо вашего сайта вызвать на этот экран сайт British Airways? И пойти прямо в раздел «Заказ билетов».

ВЕДУЩИЙ. Э-э-э... Да, конечно. Сейчас мы попросим...

На экране появляется симпатичная шатенка.

ДЕВУШКА. Служба заказа билетов British Airways приветствует вас. Меня зовут Одри, чем могу помочь?

НОРВИК. Я бы хотел заказать билет до Флоренции.

ДЕВУШКА. О, профессор Норвик! Извините, что не узнала! Билет до Флоренции на рейс в четверг в половине шестого?

НОРВИК. Почему вы так решили, Одри?

ДЕВУШКА. Ваш доклад стоит в программе симпозиума.

НОРВИК. Да, верно. Но я бы хотел полететь чуть пораньше, на утреннем.

ДЕВУШКА. Тогда не забудьте потеплее одеться — прошлый раз на вас был только пиджак, а завтра утром во Флоренции будет всего двенадцать градусов. Место в самолете как обычно — у окна и желательно рядом с симпатичной, но молчаливой попутчицей?

НОРВИК. Именно так. И если можно, отель...

ДЕВУШКА. Ваш давний друг, доктор Полак из Брандеиса, прилетит на симпозиум на день раньше. Он остановится в «Вероне». Я могу заказать вам номер там же. А на вечер — столик в «Савонароле», если желаете.

НОРВИК. Да, пожалуйста. Спасибо, Одри, это все.

ДЕВУШКА. До свиданья, профессор.

НОРВИК (*Ведущему*). Ну как?

ВЕДУЩИЙ. Поразительно! Эта девушка просто читает ваши мысли!

НОРВИК. Это вообще не человек, а искусственный интеллект. Они начали тестирование этой программы два месяца назад. А теперь давайте посмотрим на программы попроще. Где там ваша сетевая конференция?

По экрану снова ползут строчки чата: «Это тот Норвик, который играет Дика в „Кровавой луне“?»... «Расскажите лучше про загрязнение Темзы!»... «Где купить чип для получения мультиоргазма?»...

НОРВИК. Видите, в сравнении с предыдущим, вполне информативным диалогом, ваша конференция выглядит как свалка бессвязных реплик, которые имеют очень слабое отношение к теме нашей дискуссии. Даже школьник, владеющий примитивными навыками программирования, напишет подобный генератор словесного мусора за полчаса.

ВЕДУЩИЙ. Кажется, профессор Норвик обвиняет нас в том, что мы симулируем нашу сетевую конференцию!

НОРВИК. Нет-нет, как раз наоборот! Вся эта хаотичность высказываний, нежелание их авторов самостоятельно найти даже элементарную информацию — все это как раз доказывает, что в вашем чате сидят живые люди. С нормальным, то есть ленивым и ограниченным, человеческим интеллектом.

ВЕДУЩИЙ. Да, это был очень эффектный пример. Ну что ж, дорогие зрители, на этом мы прощаемся с доктором Норвиком, который сумел убедительно доказать нам, что искусственный интеллект — не детская страшилка, а реальный помощник современного человека. Однако наша передача на этом не заканчивается. Оставайтесь с нами! — после рекламы вас ждет еще одна увлекательная встреча. Многие наверняка уже слышали об эпидемии компьютерных радиочервей, поражающих разнообразные устройства через системы беспроводной связи. Вредоносные программы в виде скрытых кодов на определенных частотах теперь прячутся даже в музыкальных произведениях, исполняемых по радио! В следующей части нашей программы известный специалист по вирусам Евгений Спекторский подробнее расскажет о том, что такое радиочерви и как с ними бороться!..

Откуда-то сбоку зазвучала приглушенная, но бодрая музыка рекламного ролика. Ну вот и все. Кевин поглядел на монитор позади оператора. Молодая пара с ослепительными улыбками наркоманов радовалась жизни. Новые музыкальные презервативы «Дюрекс» не только увеличивают продолжительность полового акта, но и помогают при остеохондрозе.

— Хорошо вы поддели меня насчет конференции! — Ведущий двигал головой туда-сюда, разминая шею. — Я уж думал, вы и вправду сейчас начнете... У нас же там на самом деле сидит один паренек, который присматривает за тем, чтобы конференция была достаточно живой. Он не только фильтрует ругань, но иногда и сам, понимаете?.. Пожалуй, я сделаю ему сегодня выволочку по поводу того, что эти реплики... как вы там сказали?.. да, чересчур бессвязные.

Кевин молча поднялся и пошел к стеклянной двери. Но ее уже открывали с другой стороны.

— А-а, Евгений! — Ведущий вскочил и протянул руку.

В очередной раз Кевин поразился, насколько люди оказываются в реальной жизни непохожими на то, что воображаешь, когда общаешься с ними по Сети. Спекторского он представлял себе нервным и худощавым, эдаким вездесущим польским евреем. Но сейчас в студию ввалился толстый бородач скандинавского типа, с улыбкой от уха до уха и замашками пьянчуги-фермера. Игнорируя протянутую руку ведущего, Спекторский распахнул объятия на встречу Кевину.

— Какие люди, да еще вживую! Профессор Чипс! Ну что, теперь вместе окучиваем население по центральному каналу?

— Вы окучиваете. Я лечу. — Кевин демонстративно засунул руки в карманы.

В прошлом году компания Спекторского предложила ему купить новый антивирусный пакет за три дня до появления того вируса, от которого лечил этот антивирус.

— Извините, господа, но у нас мало времени.

Ведущий ловко протиснулся между ними, и в результате этого маневра Кевин и толстяк оказались по разные стороны стеклянной двери. На полпути к креслу Спекторский обернулся и послал Кевину воздушный поцелуй. «Небось еще и гомик», — с неприязнью подумал Кевин и двинулся к лестнице. Встречные улыбались ему профессиональными улыбками работников телевидения.

* * *

— Два сообщения, — произнес киб.

Кевин откинул голову на подушку кресла, наслаждаясь тишиной и кондиционированной прохладой внутри машины. Что ни говори, а киб в наши дни — единственное место, где можно отдохнуть в одиночестве и при этом не чувствовать себя запертым, как в туалете.

— От кого?

— Первое — от вашей матери.

— «Сынок, почему ты опять не приехал на Рождество! Ты же обещал...» — пробормотал Кевин замогильным голосом.

— Будете слушать?

— Ну давай.

— «Сынок, почему ты опять не приехал на Рождество! Ты же обещал. Мы с отцом...»

— Стоп! Стереть. От кого второе?

— Роберт Армстронг, лунная база «Хуанцзы».

А вот это уже не так просто. Боб собирается сообщить, что прилетает раньше? Или наоборот?

— Читай.

— «Привет, старик, это Боб. Звякни, как освободишься. У моей девочки какой-то сбой».

Кевин вздрогнул. Но тут же вспомнил, что «сбой» — обычное словечко для друга-астронавта, которым тот обозначает все на свете, от взрыва шаттла до лишнего стакана виски. Однако те несколько секунд, пока киб набирал длинный лунный номер, Кевин все еще пытался представить, что случилось.

— Привет-привет, телезвезда!

На мониторе появилось небритое лицо Боба.

— Привет-привет, звездочет. Что стряслось?

— Да ничего особенного. Вся эта фобия насчет чипсов, про которую ты как раз сегодня по телику рассказывал. Похоже, и до моей малышки докатилось. Она утверждает, что ее новая воспитательница — чипс.

— Неужели твоя дочка поймала Лизу, когда та заряжалась от розетки?

— Ха-ха, ну ты скажешь! Нет, до таких ужасов не дошло. По-моему, они просто поругались. А у Марты в детском саду... ну, ты знаешь, какие там детки и какие у них родители. Любой бред сразу расходится. Вот и у нее, похоже, чипсофобия началась.

— У тебя, между прочим, это тоже было, — мрачно пробормотал Кевин. — Помнишь, сколько раз ты меня спра-

шивал насчет прошлой воспитательницы? И под юбку к ней ты залез наверняка только для того, чтобы проверить...

Втайне Кевин был даже благодарен Бобу за ту выходку с Лили. Когда друг-астронавт попросил найти воспитательницу для дочери, в голове Кевина тут же вспыхнула заманчивая идея послать на эту работу одну из своих пациенток. Социальная адаптация людей с искин-чипами, несмотря на их способности, всегда проходила очень медленно — в основном из-за неприязни со стороны обычных людей. А без опытных данных об адаптации и самому Кевину приходилось туговато в спорах о том, имеют ли его чипы право на существование.

Однако сначала он все-таки отбросил идею тестирования пациенток на дочке Боба. И устроил на эту работу свою практикантку, работавшую медсестрой в одной из клиник для умственно отсталых детей. Лили прекрасно справлялась с работой до тех пор, пока Роберт не прилетел на Землю в отпуск. В первый же вечер изголодавшийся по ласке астронавт полез к молодой гувернантке, не зная о том, что, кроме ухода за детьми, она занималась еще и тайским боксом. Лили сломала ему нос и ушла. Боб попросил Кевина найти другую. И тогда он все-таки решился.

— Ладно, старик, я ведь уже извинился за Лили! Кто старое помянет... Когда сидишь по полгода на этой чертовой Луне... — Боб понизил голос. — Тут же одни китайцы, старик! Я не расист, но знаешь, этот желтожопый космос немного достает иногда. Особенно когда понимаешь, что тебя взяли только из-за чертовой политкорректности. Они все тут такие маленькие, шустрые, как муравьи. Во все щели пролезают, работают на всю катушку. А видел бы ты их импланты! Они даже вслух практически не разговаривают: у всех нейроинтерфейсы, форменная телепатия! А я у них как розовый слон в зоопарке. Улыбаются, чуть ли не кланяются при каждой встрече. Но чуть куда потянешься

к приборам — сразу такое чувство, что вот-вот по рукам врежут.

— Короче, ты хочешь, чтоб я для твоей Марты третью воспитательницу нашел, — резюмировал Кевин. — И чтобы она каждый день делала себе рентген и показывала твоей дочке, что в ее башке нет ни грамма кремния.

— Да брось, не надо новую! Эдак моя девочка совсем избалуется. И рентгенов не надо. Я же знаю, что ты мне не будешь черте что подпихивать. Просто ты это... может, съездишь к ним да поглядишь, что к чему? Может, у них какой чисто женский конфликт вышел, и нужен просто один холодный взгляд со стороны.

— Хорошо, Боб, я съезжу. Привет китайцам.

Получивший задание киб врубил маглев и поднялся над землей. На Лондон опускался вечер, из распахнутых дверей клубов уже лились музыкальные коктейли, смешанные самыми модными ди-джеями мира. Кевин поглядел в небо. За ослепительным светом фонарей найти бледную китайскую Луну не так-то просто. Ага, вот она — маленький подброшенный в небо снежок. Но китайцы не привередливы. Когда у тебя в стране даже пустыни все заселены, как муравейники, ты не будешь особенно долго церемониться с душой и прочей этикой. Китайцы берут все: экспериментальные американские лекарства и списанные космические корабли русских, французские подводные купола и японские искусственные острова, немецкое гено-моделирование и наши искин-чипы...

А у Боба — лишь пара вшитых датчиков медицинского контроля. «Слон в зоопарке...» Кевин отвернулся от бледной Луны, обратно к теплоте свету лондонских улиц. Ты льстишь себе, дружище. Эти практичные желтые ребята ни за что не потащили бы тебя с собой из-за одной только политкорректности. Нет-нет, брат, ты для них не слон из зоопарка. Скорее — подопытная белая мышка из «контрольной группы».

— Нет, она не человек. Она чипс! Как ты не можешь понять, дядя Кевин! — Марта с силой хлопнула рукой по одеялу и насупилась.

Дочка Боба сидела на кровати в своей маленькой спальне, похожей на аквариум: месяц назад они вместе с Лили разрисовали синие стены фосфоресцирующими рыбами и морскими звездами. Лили нравилась Марте. Лиза нравилась ей еще больше. До вчерашнего вечера.

— Но почему ты так решила, милая?

— Она читала мне сказку. А потом ушла и не сказала «спокойной ночи».

— Может быть, она подумала, что ты уже уснула?

— Нет, я просто закрыла глаза! Нужно всегда говорить «спокойной ночи», иначе придет Спрут, и я буду плохо спать! Лили всегда говорила мне «спокойной ночи»! И папа! А Лиза не сказала! Потому что она чипс и ей наплевать!

Кевин задумался. С этими детскими аргументами трудно спорить: какая-то невероятная логика... Которая, при всей ее невероятности, привела ребенка к верной догадке.

— В таком случае ты тоже чипс! — грозно произнес Кевин.

— Почему?! — Марта уставилась на него с испугом.

— Ты плеснула Лизе в лицо горячим молоком. Тебе тоже было наплевать, что ей больно.

Марта некоторое время размышляла, обводя пальцем узоры на одеяле.

— Может, она все-таки не чипс... — наконец произнесла девочка. — Когда я в нее плеснула, она даже не успела уклониться. А в садике говорили, что у чипсов очень-очень хорошая реакция. Потому что этот маленький компьютер в голове, он контролирует все... моторчики...

— Моторику, — поправил Кевин.

— Да. Может быть, она просто не знала, что надо говорить «спокойной ночи». Может, у нее не было детей.

— Ты умница, Марта. Обещай, что вы с ней помиритесь.

— Хорошо, дядя Кевин.

— А потом расскажи ей про Спрута. Она тогда поймет, зачем надо говорить «спокойной ночи». У нее ведь и вправду не было детей. Вот она и не знает.

— Ладно, дядя Кевин. Только давай сегодня ты мне сказку считаешь!

— Конечно. Я ведь тоже по тебе соскучился.

Он читал минут пять, потом остановился. Мягкий свет настольной лампы, мерцающие рыбки на стенах и потолке. Полная тишина вслед за шорохом переворачиваемой страницы. Кевин понял, что сам вот-вот уснет. Глаза Марты закрыты, дыхание ровное. «Спокойной ночи», — прошептал Кевин. Ответа не было.

* * *

Кухня сияла белизной. Кевин вошел на цыпочках, аккуратно закрыл дверь. Лиза сидела за столом, подперев щеки кулаками и глядя в пространство. На левой щеке — розовое пятно легкого ожога.

— Когда ты вот так сидишь...

— Знаю, доктор. Ничего не могу поделать. — Лиза сложила руки на столе, тряхнула головой. Длинная светлая прядь упала на лицо. — Это какая-то память тела. Иногда находит такое желание опять оказаться бездвижной. Смотреть картинки внутри.

— Тогда хотя бы делай вид, что спишь. Хорошо, что она не попала тебе в глаз.

— Пустяки.

— Нет, Лиза, не пустяки. Как она вообще умудрилась попасть? Скажи честно: у тебя ухудшилась реакция? Ты

же знаешь, у нас практически каждая модель называется «опытной». Если это сбой...

— С моим чипом все в порядке. Оставим эту тему.

Кевин нахмурился. Вот так всегда. Сначала «спасибо, доктор, конечно, доктор, все как вы скажете, доктор...» А потом они уходят и считают, что все закончилось. И игнорируют все твои рекомендации. Приходится быть жестким, приходится снова делать им больно... Но иначе никак.

— Мне неприятно напоминать тебе, Лиза, но два месяца назад ты не могла попасть ложкой в собственный рот. И ты сама говоришь про «память тела», которая сопротивляется твоим новым способностям. Было бы неудивительно, если...

Девушка молча встала, поплотнее запахнула розовый махровый халат и отошла в дальний угол кухни.

— Возьмите вон там ножик, профессор. И киньте в меня.

— Ну знаешь! Это ненаучный метод.

— Зато очевидный. Киньте.

Спорить было бесполезно: Кевин знал, что на это уйдет гораздо больше времени, и все впустую. Он вытащил из сушилки самый маленький ножик для хлеба. Положил на ладонь, деревянной ручкой вперед. И легонько подкинул — с таким расчетом, чтобы нож упал, не долетев до ног девушки.

В момент броска Лиза как бы нехотя, лениво шагнула вперед. Не спеша, словно в замедленной съемке, повернулась спиной к Кевину и кокетливо задрала ножку. Падающий ножик лег плашмя на поднятую ступню, острие даже не коснулось кожи. Кевин облегченно вздохнул, но не тут-то было: голая ступня Лизы резко дернулась, словно рыба ударила хвостом. Ножик... исчез. Ни звука падения, ни блеска стали.

Лиза как ни в чем не бывало вернулась за стол. Кевин продолжал оглядывать место, где она только что стояла. Куда-то же он должен был воткнуться!

— Не там ищите.

Кевин обернулся. Лиза повернулась в профиль, показала мизинцем. Ножик, словно шпилька, торчал в ее волосах, скрученных в узел на затылке.

— Ты нарочно позволила ей себя ошпарить?

— Конечно. Нужно было сделать для нее хоть что-то... человеческое. Вообще-то есть множество вещей, которые люди делают нарочно. Но я их не знаю, профессор! У меня теперь отличная память, только в ней ничего нет. И у меня теперь отличная соображалка... но слишком отличная, чтобы мое поведение выглядело человеческим. Люди делают огромное количество бессмысленных поступков, повторяя их снова и снова...

— Не беспокойся. Скоро ты научишься многим из этих вещей. И даже пожалеешь, что захотела им учиться.

— Не знаю, не знаю... Иногда кажется, что мне вновь и вновь будут попадаться эти странные человеческие привычки. Сколько бы я о них ни узнавала, всегда будут какие-то новые проколы. Кстати, я сегодня смотрела ваше выступление. И даже немного позавидовала этой искинке Одри, которая брала у вас заказ. Уж она-то все знает о привычках клиентов! Вот если бы вы разрешили нам подключить эти чипы к Сети...

— Нет, Лиза! Не может быть и речи. Я много раз объяснял тебе, как это опасно.

— Но ведь некоторые уже...

Девушка осеклась и посмотрела на Кевина.

— Что «уже»?

— Я хотела сказать, некоторые разработки... уже были в вашем институте.

— Были. Но они закрыты. Мы еще не изучили как следует воздействие одиночных искин-чипов на одиночных пациентов. Для нас даже один такой чип — гора проблем, понимаешь? Вот и у вас с Мартой возник конфликт. Мелкий, да. Но это лишь потому, что она еще ребенок, а ты — одна из самых успешных моих пациенток. С другими

гораздо хуже. Нас и так вот-вот закроют из-за всей этой шумихи в прессе. А ты хочешь еще и Сеть ко всему этому добавить.

— Да нет, — Лиза вздохнула. — Пожалуй что, не хочу. В конце концов, мне и вправду не очень интересно изучать чужие бессмысленные привычки.

— Ну, некоторые все-таки полезно знать! — Кевин шутиливо погрозил ей пальцем. — К примеру, ты могла бы расспросить Лили, почему она сломала нос отцу Марты.

— Зачем? Я не собираюсь ломать ему нос.

— А вдруг какая-нибудь его привычка тебе не понравится?

— Вы не поняли. Я не собираюсь ломать ему нос, потому что он уже сломан. Я сломаю ему что-нибудь другое, вот и все.

— Возможно, ты нанесешь большой урон космической науке.

— Космическая наука могла бы на досуге поизучать мои привычки, прежде чем демонстрировать свои. Так что мы с космической наукой в совершенно равных условиях.

Вот это да! Кевин внимательно посмотрел на девушку. Раньше она никогда не демонстрировала таких жестких убеждений. И это спокойное обещание сломать что-нибудь Бобу...

Лиза перехватила его взгляд. На грустное и красивое лицо медленно, словно под большим давлением изнутри, выползла улыбка.

— Извините, доктор. Я вроде бы научилась шутить, но все время забываю делать... это бессмысленное движение ртом.

* * *

Ноги сами занесли его в бар на углу. Сначала помещение показалось незнакомым, но тут же вспомнилось: когда-то давно они с Бобом отмечали его первый полет. Так

вот сразу, только забросили домой его вещи, — и в ближайший бар.

С тех пор интерьер сильно изменился. Неудивительно, что сразу не узнать. Да и бармен теперь совершенно другой... Впрочем, какая разница? После такого сумасшедшего дня Кевин был готов выпить коньяку в любой подворотне.

— Ба, доктор Норвик! — Бармен оторвался от полировки бокала. — Вот уж не ожидал, в нашем-то захолустье.

Кевин поморщился. Проклятое телевидение. Теперь будут узнавать даже в барах.

— А я ведь из «ваших», док! — Бармен покрутил пальцем около головы. — Прямо и не знаю, как вас благодарить за все, что вы для нас сделали.

Кевин оглядел бармена повнимательней.

— Простите, у меня так много пациентов... Что-то не вспомнить вашего лица. У вас был?..

Он осекся. Пациенты не любят, когда им напоминают. Вполне возможно, месяц назад этот парень безостановочно трясся или был совершенно бездвижным коматозником, «овощем с глазами». А может, он был вполне в сознании, но травма позвоночника приковала его к постели. У него мог быть паралич одной половины тела или просто дизлексия...

— Да ничего у меня не было! — рассмеялся бармен. — И главное, не было работы. А как без работы жить, даже если ты здоровый? Так что я взял у дружков взаймы да записался на операцию. Зато теперь, с вашим чипом... Память отличная, реакция отличная! Шестью бутылками могу жонглировать, а из седьмой наливать! Восемьсот рецептов коктейлей держу в голове! Все долги раздал за неделю! А через пару дней в центр переберусь, прямо в Сохо! Там в одном клубе уже держат для меня местечко...

— Погодите, но мы не вшиваем наши чипы здоровым людям!

— Как это не вшиваете? — Бармен уставился на Кевина. — Я же сам ходил в вашу клинику. Правда, дело было ночью. Но мне сказали, это потому, что очередь большая, приходится работать по ночам...

Кевин молча разглядывал свое отражение в полированном дереве барной стойки. Из-за кривизны поверхности отражение слегка развезло: правая щека вспучилась, слева голова вытягивалась в какой-то рог. Значит, прямо в его клинике. По ночам. Интересно кто? Так сразу и не скажешь: восемь ассистентов, двадцать пять практикантов...

— Стало быть, это все у вас за спиной! — Бармен стукнул по стойке кулаком. — Вот ведь люди! Это что же получается, мне могли «паленый» чип вшить?! А если эта халтура возьмет и сгорит через неделю? Слушайте, док, может, вы меня посмотрите, а? Я доплачу, если что.

— Не сегодня, — отрезал Кевин. — Мне на сегодня уже хватит неприятностей. Надо выпить.

Он оглядел штабель бутылок, словно баррикаду, за которой можно хоть на какое-то время спрятаться от всех сегодняшних лиц. Ага, коньяки. Вот и любимый «Мартель»... Бессмысленная привычка, сказала бы Лиза. И правда, почему опять коньяк? Может, из вредности выпить чего-нибудь другого? «Кровавую Мэри», например. Хотя нет, от нее першит в горле.

— Выпить — это само собой, док! Я ж понимаю, вам тоже надо отдыхать. А то не ровен час воткнете скальпель не в то место. В таких делах спешить нельзя! Давайте-ка я вам налью за счет заведения...

Бармен на миг закрыл глаза.

— ...двести «Мартеля» и шесть ломтиков лимона, верно?

Это было уже слишком. Кевин отшатнулся от стойки.

— Как... как вы узнали?

— Так ведь Сеть, док! — Бармен снова покрутил рукой у виска. — Чип-то мне продали сразу с этим... с радиомоде-

мом. Вышло вдвое дороже, зато какие возможности! Я вот сейчас на лету подключился к бармену вашего института — и уже знаю, чего вам налить. Раньше-то, бывало, потеешь, чтоб клиенту угодить! А так — и вам сразу любимая выпивка, и мне приятно! Вот мы сейчас еще музыку врубим...

Бармен обернулся к стереосистеме, покрутил ручку. Из колонок грохнул истеричный женский вокал.

— Эй, погодите! — крикнул Кевин. — Какой марки модем?!

Бармен не реагировал. Кевин перегнулся через стойку и поглядел ему в лицо. Застывшая восковая маска. В памяти вдруг всплыло другое лицо: довольная бородатая рожа Спекторского. И странный прощальный жест, этот воздушный поцелуй. «Радиочерви и как с ними бороться...»

— Эй!!! — заорал Кевин. — Выключите радио немедленно!

Бармен медленно обернулся. Потом всплеснул руками, потянулся назад и убавил звук.

— Извините, заслушался. Хорошая песня. Вы хотели сделать заказ, сэр?

— Я... — Кевин запнулся, разглядывая бармена. Вроде все нормально, лицо как лицо, голубые глаза. — Я просто хотел выпить чего-нибудь.

— У нас лучшая «Кровавая Мэри» в городе. Старинный мексиканский рецепт!

Так и есть. Все стерто.

Кевин закрыл глаза... и почувствовал, что его собственные губы сами собой растягиваются в кривую, бессмысленную ухмылку. На него неожиданно снизошло странное облегчение.словно вся сегодняшняя гора проблем сама свалилась с плеч после того, как сверху положили этот последний камень.

Умом он понимал, что это никакое не решение, что будет и дальше, и хуже... Они найдут антивирус, они улучшат качество даже тех чипов, что изготавливаются под-

полно. Будут несчастные случаи, будут громкие разбирательства и запреты. И все-таки теперь, при виде этого человека, недавно получившего и тут же потерявшего удивительные способности, в сознании крепла уверенность, что все будет не так уж страшно. Потому что теперь, когда разработка вышла из стен института, заботу о ней взял на себя человеческий фактор. С его простыми и массовыми, разделяющими и властвующими, бессмысленными, но ничем не истребимыми человеческими алгоритмами.

И еще: именно сейчас Кевин осознал, что всегда побаивался истребления этих алгоритмов. Наверное, потому, что сам всегда любил их. Да-да, работал над их истреблением и при этом любил — как собственную дурацкую привычку к «Мартелю» с лимоном. Что такое любовь как не надежда на повторение?

— Что-то не так, сэр? — спросил бармен уверенным, будничным тоном, каким задавали тот же вопрос и сто лет назад, и триста.

Кевину вдруг захотелось обнять этого простого парня, который сейчас воплощал для него все человечество. Нет, с объятиями лезть, конечно, не стоит, парень может неправильно истолковать... Но в другой раз, когда Кевин придет сюда снова, он уже сможет дружески похлопать знакомого бармена по плечу. И они вместе посмеются над каким-нибудь бородатым анекдотом, как старые приятели.

— Сэр?..

— Нет-нет, все в порядке. Уже все в порядке. Давайте вашу «Кротовую Мэри».

ХАЙКАЙ

Медузы. Сотни медуз. Самый большой магазин светильников. Тысячи карнавальных шляп, подброшенных в небо во время салюта...

Их было так много, что Тисима совсем позабыл о времени. Лишь когда вода над головой стала светлой, он спохватился: зомби вот-вот начнут атаковать отель.

Или все-таки прихватить еще парочку? Такого улова у них не было всю неделю. А ведь это уже не спортивная рыбалка, под предлогом которой они приплыли сюда из разных концов страны. Дюжина романтиков, собранных через Сеть, не имевших до сих пор ничего общего, кроме увлечения одной старинной поэтической игрой — что и определило место их отдыха во время отпуска.

Теперь из двенадцати осталось лишь пятеро. Запасов хватило на неделю: романтика подводного отеля предполагала приготовление еды из собственного улова. В конце концов они решились выходить по ночам, когда зомби не нападали. Но и эти вылазки приносили пока лишь крохи: за три ночи — только пара камбал и пяток медуз.

А сегодня, как назло, — такая удача, и как раз на рассвете...

Ладно, еще одну, для круглого счета. Тисима огляделся, выбрал самую большую медузу. Пластиковые лепестки беззвучно выплеснулись из ружья, окружили полупрозрачную тварь. Тисима подождал, пока пленка сожмет огромную плавучую шляпу в плотный мячик. Двадцатая. Вот теперь — вниз, в темноту, где зомби плохо ориентируются. И вдоль дна — на север.

Через пять минут он проплыл над разорванной осмотической маской. Значит, не сбился. Печальный ориентир, чужая ошибка. Каждый из семи погибших научил чему-то оставшихся. Каждый был ориентиром. Тисиме вдруг пришло в голову, что их можно пометить флажками на карте. Романтика отеля предполагала, что никто не открывает своих настоящих имен, и они различали друг друга по названиям префектур. Потерянный человек — потерянная земля.

Разорванная маска — это весельчак Кагосима. Первая встреча с зомби. Принял за людей, обрадовался. Вблизи

понял, но было поздно. Хотя, будь у него жабры, наверняка сумел бы отбиться. Но Кагосима был из другого мира. Нетрудно догадаться, откуда приехал человек, который вставляет слово «звезды» в любое ответное стихотворение. Даже когда темой была скользкая тропинка в темноте, этот виртуоз выкрутился: «Упал — увидел звезды». Префектура Кагосима, национальный космопорт. Наверное, он неплохо управлялся в невесомости. Но под водой все равно не мог без маски. А маску так легко сорвать...

Тисима поплыл быстрее. Но ориентир-маска уже вернула карту памяти, заставляя расставить предыдущие флажки. У троих заболела голова в первый день: сбесились импланты-нейрофоны. Решение плыть домой оказалось для них фатальным, потому что скафы тоже сбесились. Но это стало ясно только через день, когда домой собрались Мяги и Акита. Муж пообещал жене подогнать скаф ко входу и поплыл на стоянку. Через иллюминатор в холле было хорошо видно, как он бьется внутри машины, которая вдруг сорвалась с места и унеслась в неизвестном направлении.

Затем был Окинава, пожилой бизнесмен, решивший доплыть до берега самостоятельно. Они видели в перископ, как его маленькая черная фигурка не спеша выходит из воды на пустой пляж. Потом фигурка начинает метаться, пригибаясь и глядя в небо, бежит к ближайшей скале — и падает, не добежав. Что-то блестящее, словно металлическая летучая мышь, делает круг над телом и исчезает.

Тисима проплыл над светящейся разметкой стоянки. Скафов как не бывало — зомби увели последний два дня назад. С ними машины вели себя смирно. Неудивительно: ведь и зомби, и скафы, и роботы слушаются общего хозяина...

Следующее, более яркое пятно света при приближении распалось на иероглифы. «Отель Саби». Ближе, ближе — и сами иероглифы тоже распадаются на отдельные кусты светящихся водорослей вокруг грота. Дальняя стена под-

водной пещеры отъезжает, приглашая в шлюз. И возвращается на место.

Он был даже рад, что вода уходит так медленно. Хватит времени, чтобы отогнать воспоминание о Мияги. До случая с математиком они даже не задумывались о том, насколько серьезна эта поэтическая игра в шлюзе. Конечно, в рекламе отеля ее расписывали на все лады: «удовольствие для истинных ценителей ута-авасэ и хайкай-но-ренга», «людям без чувства прекрасного просьба не беспокоиться»... И там же про самую главную достопримечательность — мозг Последнего Мастера в качестве метрдолетеля.

Но кто же верит рекламе? Голосовая идентификация — это вполне понятно. Традиция поэтических приветствий — тоже. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, и они просто следовали здешней традиции. Правда, сразу после приезда Хоккайдо пытался произнести один и тот же ответ дважды в день, но на второй раз Саби выкинул его из шлюза. Остальные посмеялись и решили, что ответы где-то записываются. Так и думали до случая с Мияги, когда стало ясно, что дело не в голосе и не в запрете на повторы.

Вода опустилась до шеи. Тисима вдохнул через рот — и тут же начал икать. Проклятый лягушачий рефлекс, как не вовремя! Он задержал воздух в легких и на медленном выдохе расслабил жабры. Кажется, прошло.

Еще минута. Тисима наблюдал, как в стенной нише на уровне груди появляется каменная фигурка величиной с кулак. Сначала над водой возникли лысая голова и посох, потом каменные доги и, наконец, каменные гэта.

Интересно, что будет сегодня? Тисима мысленно расставил в ряд образы, которые Саби выдавал им в разные дни этого неудачного отпуска. Телефонный звонок жаркой ночью. Безголовый снеговик. Сухие иглы в паутине. Девушка, развернувшаяся во сне к океану. Первая вмятина на новом тюбике зубной пасты. Пересоленный рис. Запах кошки.

Нет ничего общего. В этом и смысл игры. Остается расслабиться и ждать. Когда вода опустится до щиколоток...

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

— пробубнил старческий голос. Тисима вздрогнул и устался на каменную фигурку. Хоккайдо рассказывал, что мозг Последнего Мастера Хайкай плавает в бронированной бочке с физраствором. Бочка замурована глубоко под отелем. А в этой статуэтке — всего лишь динамик и микрофон. Но все равно не отделаться от ощущения, что...

А ну их, эти несвоевременные ощущения! Тисима закрыл глаза и мысленно повторил трехстишие, произнесенное статуэткой. Образ цветущей вишни заполнил воображение. Сорок секунд тишины. Тисима глубоко вдохнул...

...ту, что едва скрывала
полусгоревший дом

— громко пропел он, продолжая стихотворение до полной танка.

Снова тишина. Тисима посмотрел под ноги. Если ответ не принят, из этих дырок хлынет вода — и вышвырнет его наружу. Вместе со всем уловом.

Нет, не в этот раз. Щелчок — и стена со статуэткой поехала в сторону, открывая холл отеля. В дальнем конце холла, у входа в ресторан зеленела камуфляжная куртка Хоккайдо.

— Все в порядке, это я! — крикнул Тисима.

— Где вас носило? — Хоккайдо продолжал держать его на мушке гарпунного ружья. — Два зомби уже заходили в шлюз. Сегодня они научились давать ответы в четырнадцать слогов.

— Вы сами знаете, что дело не в слогах.

— Знаю. Но уже восемь, а мы договаривались...

— Еда приплыла перед самым рассветом. — Тисима поднял мешок с медузами.

Хоккайдо наконец опустил ружье. Тисима усмехнулся: тоже мне, эколог. Этот худой нервозный парень не понравился ему с самого начала. Как всякий мусорщик, Тисима не любил таких трепачей. Вместо того чтоб демонстрации устраивать, лучше бы поработали месяц-другой на свалках Тибы. Пользы гораздо больше было бы — и для экологии, и для собственного развития.

В последние дни Хоккайдо особенно надоел со своими политическими речами. Все началось со споров об искусственном интеллекте, захватившем власть на суше. О том, что это искин, они узнали к вечеру первого дня, когда единственный телевизор в ресторане отеля наконец перестал показывать необъяснимую панику на улицах. Вместо этого пошли более-менее связные репортажи: о сбесившихся машинах, о людях с нейрофонами, превратившихся в зомби, и о других людях, кому эти самые импланты вживляли уже против их воли, когда они попадали в руки зомби первого поколения. Вещание оборвалось посреди выступления премьер-министра, уверявшего, что ситуация под контролем. После этого экран превратился в сумасшедший стробоскоп, от которого кружилась голова, и они отрубили его. Однако в разговорах с тех пор постоянно возвращались к главному. Откуда он взялся, этот искин? Как преодолел запрет на неорганическую эволюцию, как обошел многослойную систему блокираторов, вшитых во все программы искусственного интеллекта?

Хоккайдо настаивал, что во всем виноваты военные — благо им всегда позволяли развивать то, что запрещено остальным. Тисима несколько раз порывался спросить, откуда простой эколог так много знает о секретных военных проектах. Но нагнетать подозрительность не хотелось, и он не спрашивал.

Он даже не поделился с экологом своей версией происхождения — ведь это означало бы раскрыть кое-какие темные стороны собственного бизнеса. Из электронного мусора можно извлекать пользу по-разному. Помимо людей,

занятых непосредственно сортировкой и переработкой «железа», в штате у Тисимы был смысленный паренек, который сканировал всю выброшенную электронику на предмет интересных данных. Особенно списанные персоналки — там попадалась и незатертая порнушка, и финансовые отчеты, и кое-какой компромат посильнее. Этот-то парень и обратил внимание Тисимы на странные коды, которые стали попадаться в памяти старых принтеров, ксероксов и даже стиральных машин с сетевым доступом. Сперва Тисима думал, что это вирус-шпион. Но кому надо шпионить в старых стиральных машинах? К тому же среди этих «вирусов» не было ни пары одинаковых. И тем не менее узнать их было легко: на звуковом дебаггере чужие коды звучали как куски одной мощной симфонии рядом с детским пикиванием собственных программ всех тех выброшенных машин, в которых поселились «чужаки». И симфония эта была совершенно дикой...

— Ого! Вы один столько наловили?!

Тисима в очередной раз обнаружил, что не может определить, какая из близняшек Эхимэ с ним заговорила. Так было всегда, когда он не видел их, а только слышал. Вот и сейчас он поднял глаза уже после того, как девушки вскочили с татами и пошли к нему навстречу, совершенно одинаковые в своих облегающих песочных комбинезонах: двойная сосновая иголка на ветру.

Тисима положил мешок перед очагом.

Ага, вот теперь их можно различить: иголка разделась. Старшая — та, что бросилась возиться с медузами. Младшая, более спокойная, подошла к Тисиме.

— Вас так долго не было... И танка у вас такая грустная получилась... Хотите, спою наш вариант?

— Валяй...

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету —
не пройдет ли стороной
тот, кого ждала всю ночь?

— Не знаю, что сказал бы Саби, но мне нравится, — улыбнулся Тисима.

Все-таки хорошо, что все диалоги транслируются из шлюза в ресторан. Остальные могут потренироваться. Вот только не зашла бы эта тренировка так далеко, как у...

— А где Акита? — Тисима огляделся.

— Кажется, в оранжевое... — замялась Эхимэ-младшая.

— Послушайте, мы же договорились: ее нельзя оставлять одну!

Близняшки молча уставились в пол и снова стали неотличимы друг от друга. Хоккайдо крутил настройку перископа.

— По крайней мере, к обеду ее надо позвать.

Никто не реагировал. Придется самому. Тисима не спеша поднялся на вторую палубу. Маленький мир отеля приучил их к неторопливости, к внимательному выслушиванию чужих ответов в шлюзе. Но у этой привычки была своя крайность. То, что случилось с Аkitой после того, как Саби не впустил ее мужа.

Это было на третий день. К тому времени они уже поняли, что мозг мертвого поэта, управляющий дверями, оказался их нечаянным спасением от зомби. Каждому, кто входил в шлюз, Саби предлагал в тот день «двойку»:

в сторону океана
ты развернулась во сне

Зомби произносили в ответ нечто невнятное — и их тут же выбрасывало обратно в океан. Пятеро людей, оставшихся внутри отеля, усмехались при каждом неверном ответе. Они одновременно вздрогнули, когда очередной вошедший в шлюз произнес знакомым голосом:

гомоморфный образ группы
изоморфен фактор-группе
по ядру гомоморфизма

Акита закричала, что это Мияги, что он вернулся, он просто шутит, ох уж эти его математические шутки, нужно ему открыть... Но в глазах ее читалась другая мысль, которая пришла в голову и остальным — Тисима и Хоккайдо одновременно схватили жену математика за руки. И держали так еще полчаса, пока Мияги, переставший быть Мияги, снова и снова пытался войти — и снова вылетал из шлюза. После шестой попытки он не вернулся. К тому времени они уже знали: зомби быстро изнашиваются...

С тех пор Акита в любое время и в любом помещении сидела перед иллюминатором. С ней можно было разговаривать, но она никогда не отрывала взгляд от темноты за стеклом. Ни Хоккайдо, ни близняшки не выдерживали ее дольше пяти минут.

Такой нашел ее Тисима и сейчас. Белое кимоно и две длинные красные шпильки-канзаси на фоне черного овала иллюминатора среди веселой зелени гидропоники.

— Ага, вот вы где! — Фальшивое воодушевление в голосе смутило его самого, и он сбавил тон: — Пойдемте завтракать, Акита. Куча еды приплыла.

— Да-да, я сейчас спущусь. — Она по-прежнему была где-то далеко.

Что же с ней делать? Тисима тоже посмотрел в темную воду за стеклом. Вдруг его осенило:

— Может, споете мне?

Акита обернулась. Сработало!

— Мне не нравится мой вариант. Я переписывала его уже раз сто. Но мне все равно не нравится...

— Спойте. Меня избирали судьей в тридцати двух играх «хайкай». В разных школах.

— Ладно, слушайте.

в сторону океана
ты развернулась во сне —
новая луна
с каждой волной все дальше
уносит лодку

Тисима молчал. Взгляд Акиты снова утонул в темноте за стеклом.

— Неплохо, но мрачновато, — наконец сказал он.

— Вот и мне не нравится, — согласилась Акиа. — А как вам такой вариант...

— Погодите, Акиа, так нечестно! — Тисима погрозил пальцем, как ребенку. — Теперь моя очередь. Вы слышали сегодня мой ответ?

— Нет. Но уверена, что у вас вышло отлично. Вы же «лягушатник», полжизни в воде провели, строили все эти острова из мусора. Уж вы-то наверняка неплохо обыграли этот образ с девушкой, спящей у океана...

— Я говорю про сегодняшний образ. Сабии каждый день дает новый, разве вы не помните?

Акиа поежилась.

— Старые ни к чему переписывать, — продолжал Тисима. — Это уже ничего не изменит. Зато с новыми нам нужна ваша помощь.

— Вам? — Бледное лицо, недоверчивый взгляд.

— Не мне лично. А вот девочкам этим из Эхимэ вы могли бы преподать пару уроков. У них слишком легко-мысленные танка получают. Пока им удавалось пройти шлюз, но кто знает... Если со мной что-то случится, выходить за едой придется им. Ведь вы и Хоккайдо...

— Да, понимаю. Мы не «лягушатники» и в воде ведем себя неуклюже. Не говоря уже об охоте... Ладно, я пригляжу за девочками. Вы что-то говорили про большой улов?

— Думаю, он начнет уменьшаться без нас, если мы сейчас же не спустимся.

Он оказался прав: когда они вошли в ресторан, близняшки уже накрыли на стол. Хоккайдо нервно поглядывал то на еду, то в перископ. При виде Тисимы и Акиты он бросился к столу.

Первые пять минут завтрака прошли в молчании. Вежливость сдерживала, голод торопил, куски медуз выскальзывали из палочек, все чувствовали себя неловко. Но вот

одна из близняшек толкнула другую и хихикнула. Вторая в ответ раздула жабры и состроила сестре смешную рожицу. Акита погрозила им пальцем... и улыбнулась. И сразу как будто лопнула невидимая пленка. Хоккайдо хмыкнул. Они снова были вместе, и все было хорошо.

Увы, ненадолго. Динамик в углу зашумел, заплескался, стирая улыбки с лиц. Кто-то вошел в шлюз.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету, —

произнес бесстрастный старческий голос.

белый белый розовый
белый розовый белый, —

тут же ответил другой голос. Незнакомый и еще более безучастный, почти механический.

Шум воды, лязг металлической двери. Зомби не прошел. Но то, что он сказал... Нет, это уже не те словесные обрывки, какие они выкрикивали вчера и позавчера. Тисима посмотрел на Хоккайдо.

— С утра так, — ответил тот, не дожидаясь вопроса. — Я же говорил: они уже умеют считать слоги.

— Это больше, чем слоги. Вы слышали, что он сказал? Это уже почти картинка. Расплывчатая, но в тему. Их хозяин-искин обучается игре.

— Ерунда. Он посылает зомби только потому, что у него нет роботов, способных работать в воде. Но сегодня они, кажется, появятся. Я не хотел портить всем аппетит, но раз уж... Поглядите на берег.

Тисима нехотя отложил палочки и подошел к стойке перископа. Да, сегодня на берегу не так пустынно, как обычно. На пологом каменистом склоне собралась какая-то толпа. Похоже, действительно роботы. С какими-то странными ветвистыми манипуляторами. Но что они там делают? До берега километров пять плюс утренняя дымка. Не особо разглядишь, даже с такой хорошей оптикой.

— Пока вроде ничего похожего на торпеды, — резюмировал Тисима.

— Наверное, он хочет взять нас живыми, — подала голос Акита. — И сделать из нас... как из других...

Не договорив, она нашла взглядом иллюминатор и уставилась в темноту.

— Ему Саби нужен, а не мы, — заявил Хоккайдо.

— Зачем?! — хором воскликнули близняшки. Младшая тут же смутилась и уставилась в тарелку. Старшая продолжала в одиночку: — Ведь Саби тоже киборг!

— Не киборг, а оркиб. — Хоккайдо подцепил за край половинку медузы и перевернул ее, словно демонстрируя, как перестановка иероглифов меняет смысл.

Близняшки продолжали смотреть непонимающе.

— У зомби кибернетическая составляющая — это его мозг. Искин-имплант, перехвативший контроль над органическим телом. А у Саби все наоборот: мозг настоящий, человеческий. Зато тело железное: тот самый отель, в котором мы за...

Все лампы в ресторане вдруг погасли и тут же вспыхнули снова.

— Может, не стоит про него... — Тисима показал пальцем в потолок.

— Ай, бросьте, — скривился Хоккайдо. — Это всем известно. По крайней мере, я все это нашел в открытых источниках. Он ведь на Министерство обороны работал. Да-да, как раз в области военного применения искусственного интеллекта. Потом у него что-то вроде просветления случилось. И резко переключило его в противоположную сторону, в технофобию. Он ведь даже поэзией не просто так занялся, а в рамках большого исследования на тему «Чего не могут делать машины». Правда, это не помешало ему стать миллионером, продав русским кое-какую...

Свет снова мигнул.

— И нечего меня затыкать! — Хоккайдо поднял глаза к потолку. — Я просто объясняю молодежи, зачем кибор-

гам нужен этот старый оркиб. Именно потому, что его мозг не поврежден, как у зомби. И в этом мозгу еще есть военные секреты. Но он их просто так не отдаст. Вот он и играет в свои сумасшедшие игры.

Все остальные тоже поглядели в потолок. Лампы больше не мигали.

— А вы не думаете, что эта игра... — начал Тисима, но не договорил: из динамика снова донесся плеск воды. Выброшенный зомби вернулся в шлюз для следующей попытки.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

Тисима поймал себя на том, что уже выучил это трехстишие вплоть до интонаций, и сейчас мысленно произнес его вместе с Саби. Ответ не заставил себя ждать:

разве что ветра порыв
выдаст ее аромат

Тот же механический голос, что десять минут назад говорил про белый и розовый. Но теперь его продолжение было вполне... Тисима вскочил и бросился в холл.

Только у самого шлюза он вспомнил, что бежит с пустыми руками. Поздно: металлическая дверь отъехала. Тисима и человек, сидящий на корточках в шлюзе, посмотрели друг на друга. Время остановилось, позволяя разглядеть все детали.

Полуобритая голова, кровоподтек вокруг дыры — чип словно вправили в череп, вбили до самого гиппокампа. Осмотическая маска на лице. Серебристый баллон в руках.

— Пригнись, жаба! — крикнул сзади Хоккайдо.

Тисима присел. Позади щелкнуло, в горле человека с баллоном оказался гарпун. Зомби мотнул полуобритой головой и повалился в воду, которая еще не ушла из шлюза. Баллон покатился в холл отеля. До Тисимы донеслось шипение и тонкий цветочный запах.

«Прямо как на моей первой свалке», — пронеслось в голове. Не то чтобы он с тех пор научился работать с ядовитым мусором, но все же... Задержка дыхания, прыжок, еще прыжок. На пятом он догнал баллон. Дверь шлюза уже ехала обратно. Разворот, бросок, плеск воды. Выдох.

Он увидел медузу, когда дверь почти закрылась, скрыв за собой и зомби, и его «подарок». Оставалась лишь щель шириной в ладонь. Через нее-то и протекла в холл двухметровая медуза. Тисима попятился. Медуза пошла за ним на тонких лапках, по пути превращаясь в цветущее вишневое дерево. Тисима споткнулся. Дерево подошло вплотную, село ему на грудь и стало душить парой крепких корней...

* * *

Он пришел в себя с чувством чего-то лишнего на голове. Вокруг было темно. Он с ужасом поднял руки, ощупал голову... мокрая тряпка на лбу, только и всего.

Он потянул за тряпку. Оказалось, что она же закрывала и глаза — а со зрением все в порядке. Он лежал на татами в ресторане. Рядом сидели близняшки.

— Очнулся! — воскликнула старшая.

— Что со мной? — Тисима попробовал встать, но голова закружилась.

— Лежите, лежите! — Над ним склонилось печальное лицо Акиты. — Вы нас всех спасли, а сами немножко отравились газом. Но теперь все будет в порядке.

— Да уж вряд ли, — донесся голос Хоккайдо.

Тисима повернул голову. Эколог сидел на пороге ресторана и смотрел в холл. Ружье лежало на его коленях.

— Пока вы спали, еще трое приходили. С тем же ответом про ветер. Саби их не пустил, ведь повторы у него не засчитываются. Но раз уж один прошел...

— Сколько времени?

— Уже начинает темнеть, так что сегодня их больше не будет. Но завтра... Похоже, этот электронный спрут

научился отвечать правильно. А наш хваленый мозг поэта проиграл в собственной игре.

— Не уверен, что проиграл, — покачал головой Тисима. — Мне тут одна идея в голову пришла... Скажите-ка, что там происходит на берегу?

— Хорошо, что напомнили! С утра не смотрел. — Хоккайдо подошел к перископу. — Хмм... Если бы это было не здесь... Как-то раз я участвовал в проекте быстрого озеленения...

— Вишни-скоростки, — кивнул Тисима. — Мы такие тоже использовали на новых островах для дренажа. У меня еще утром мелькнула мысль, что это садовые роботы. Но я тогда подумал, что это слишком бредово — разбивать вишневый сад, чтобы смоделировать стихотворение... А выходит, этому машинному разуму никак иначе не подобрать ответный образ.

Акита тоже пошла посмотреть, и Хоккайдо уступил ей место у перископа. Прильнув к окулярам, женщина в белом неподвижно стояла целую минуту.

— Это похоже на театр, — вдруг произнесла она, поворачиваясь к Тисиме. — Они ходят в тумане среди цветущих деревьев. Словно пытаются уловить... Но завтра Сабби даст новую тему — и им придется ставить новую пьесу.

— Тогда у нас и вправду не все потеряно. — Хоккайдо перекинул ружье из руки в руку. — Хотел бы я посмотреть, как эта тварь смоделирует болото с поющими лягухами! Или снежную бурю. Или...

— Кстати о лягухах, — перебил Тисима. — Перед тем как я вырубился, кто-то назвал меня «жабой». Или это была часть галлюцинации?

— Это была поэтическая разминка, — пробормотал Хоккайдо.

— Разминка, разминка! — хором передразнили близняшки. Одна ткнула другую в бок, та в ответ раздула жабы и скорчила страшную рожицу.

ОБ АВТОРАХ

Рой Аксенов

Мастер Страшного Слова, хабилитированный фельдшер литературы, Рой Аксенов, он же РЫ — культовый неприкасаемый русскоязычного Интернета. Обитает где-то в Прибалтийском Лимбе. Вряд ли обладает способностью принимать человеческий облик, зато регулярно балует своих читателей отличными текстами.

Доподлинно известно, что некоторые рассказы Роя Аксенова уже публиковались в издательстве «Амфора», в антологиях Макса Фрая «Книга вымышленных миров» и «Русские инородные сказки», но это, разумеется, не является доказательством подлинности его органического бытия.

Роман Афанасьев

Роман Афанасьев родился 4 сентября 1976 года. Живет в Подмоскowie, в поселке Кокошкино Нарофоминского района. Закончил Московский открытый социальный университет по специальности юрист (гражданско-правовая специализация); работает системным администратором, досуг посвящает курению трубки и игре на гитаре.

Рассказ Романа Афанасьева «Эвелин» был опубликован в журнале «Порог» в 2000 году.

Федор Гайворонский

Родился в Сочельник 1973 года. В шесть лет изобрел вечный двигатель. В девять — влюбился в Аэлилу. Поэтому в рождественскую ночь любит смотреть на звезды и думать о том, как до них добраться. В результате размышлений время от времени рождаются фантастические рассказы.

Леонид Каганов

Родился в Москве 21 мая 1972 года в семье потомственных инженеров. Окончил техникум МТАТ (электроника), затем Горный университет (программирование), а затем факультет клинической психологии МГУ. Несколько лет работал на телевидении в команде сценаристов юмористических передач «ОСП-студия»; зарабатывает на жизнь сочинением рекламы.

Как и подавляющее большинство талантливых молодых авторов, Леонид Каганов сперва снискал популярность благодаря Интернету (авторский сайт: <http://leo.aha.ru>) и лишь потом стал публиковаться в журналах. В 2002 году в издательстве «АСТ» вышла его первая книга — сборник рассказов и повестей «Коммутация», а в 2003-м — роман «Харизма».

С 1998 года Леонид Каганов является членом Союза писателей России.

Н. Крайнер

О себе автор сообщил составителям следующее:

«Меня вот тут взяли и в лоб спросили: „Да кто он такой вообще, этот ваш Н. Крайнер?“ А я и не знаю толком. Мне тут просто открытка пришла с пирамидами. В открытке написано: „Вот ты живешь свою странную жизнь, какие-то проблемки мелкие решаешь, суетишься, а я тем временем полмира объехал, в Италии твоей любимой был, в Колумбии, в Амстердаме. Сейчас в Египте, потом поеду в тибетский монастырь, меня туда принять обещали без очереди.

А у меня, пока я путешествую, очень много историй накопилось. Только времени записать их нет. Так что давай ты их писать будешь, тебе все равно больше в этой жизни заняться нечем по большому счету.

Sincerely yours, Н. Крайнер“».

Вот так.

Иван Матвеев

Родился 19 марта 1981 года, в 2003-м закончил факультет менеджмента СПбГУ.

Первый свой рассказ опубликовал в Интернете, оформив его как один из текстов «Библиотеки Мошкова». Придумал звучное иностранное имя для «автора», а себя выдавал за переводчика, «чтобы как-то заставить окружающих прочитывать рассказ» — по его собственному признанию.

Рассказ читателям понравился, зато «перевод» был признан откровенно плохим.

Отличный, как кажется нам, дебют.

Юрий Нестеров

Родился в Брянске, учился в Брянском институте транспортного машиностроения.

В настоящее время живет в Екатеринбурге, работает программистом.

А когда дома все спят, пишет рассказы. Время от времени публикует их в Интернете и в бумажных журналах.

Илья Новак

Родился в 1971 году в Киеве. Учился на филфаке Киевского государственного университета; по специальности никогда не работал.

Больше ничего Илья Новак о себе не сообщает; лишь походя замечает, что его рассказы «пару десятков раз» публиковались в «разных журналах».

Ничего удивительного.

Макс Олин

Родился в 1978 году в славном городе Екатеринбурге; впрочем, в те далекие времена его называли Свердловском (город, а не автора). Писать (автор, а не город) начал буквально с пеленок, правда, сейчас делает это исключительно на бумаге.

Смутно помнит, что был послан на Землю с Великой Целью, которую успешно забыл по прибытии, и стал заниматься всяческой ерундой. Поэтому он: немного художник, немного скульптор, немного фотограф, немного писатель и много журналист.

Юрий Погуляй

Погуляй Юрий Александрович родился 13 июня 1979 года в Санкт-Петербурге. Студент Лесотехнической академии, автор большого числа фантастических рассказов, публиковавшихся, в частности, в журналах «Пять углов», «Просто фантастика», «Порог». Специалист по историческому фехтованию; особое внимание уделяет моделированию боя щитника первой линии.

Владислав Силин

Счел нужным сообщить о себе следующее:

«Сразу после рождения мне открылась великолепная истина: я *неправилен*. Родители пытались скрыть от меня это — безуспешно. Моя неправильность рвалась наружу.

Новички говорят со мной о философии айкидо; правоверные буддисты меряются духовными заслугами; девушки, которых я приглашаю на свидания, смотрят восхищенно, а мне неловко. Я-то ведь знаю правду. Стоит вам отвернуться, я придумываю очередной куплет к великой Саге о Мурзике. И улыбаюсь. Сага бесконечна, а жизнь — жизнь прекрасна!»

Алексей Шведов

«Мне нечего о себе сказать», — написал Алексей Шведов составителям сборника. — Я родился в 1971-м и до сих пор еще не умер. Остальное несущественно».

Что тут возразишь?

Составители сборника не считают себя вправе утаивать от читателя одну, весьма существенную, деталь: именно ради новых рассказов Алексея Шведова мы с нетерпением ждали в конце девяностых выхода очередных номеров культового журнала «Фантом».

А вот все остальное — действительно несущественно.

Мерси Шелли

Псевдоним Алексея Андреева.

Андреев-Шелли родился в 1971 году в Новгороде, закончил физико-математическую школу при Ленинградском университете, математико-механический факультет, аспирантуру в Институте информатики; некоторое время занимался научной работой в США (West Virginia University, Concurrent Engineering Research Center), параллельно практиковался в сочинении хайку и даже выигрывал специальные поэтические конкурсы в Японии. Начиная с 1996 года известен как одна из ярчайших фигур в сетевой литературе и (чуть позже) журналистике. Работал в проектах GAZETA.RU, LENTA.RU, VESTI.RU (редактор и колумнист), NETOSCOPE.RU (замглавред) и в журнале «Интернет» (замглавред). Параллельно сотрудничал с множеством бумажных изданий — от «Известий» до «Плейбоя». В 2002 году признан интернет-журналистом года по сетевому рейтингу EZHE/РoТОР. Первый фантастический роман «Паутина» под псевдонимом Мерси Шелли опубликован в Интернете и в журнале «Знание — сила» в 1999 году; отдельной книгой вышел в 2002 году в издательстве «Амфора». В настоящее время автор живет в Петербурге, делает интернет-проекты FUGA.RU

и HAIKU.RU, дописывает роман «2048» и пугает девушек своей четвертой книгой стихов (на японском языке).

Александр Шленский

Александр Семенович Шленский родился 6 декабря 1956 года в Москве, вырос в Рязани; там же в 1981 году закончил Рязанский медицинский институт имени академика И. П. Павлова и прошел интернатуру по психиатрии. С 1982 по 1984 год работал в Романцевском женском психоневрологическом интернате; позже — в областной клинической больнице Рязани и во Всесоюзном научно-исследовательском институте по организации экономики и технологии материально-технического снабжения сельского хозяйства.

В 1992 году закончил аспирантуру при Институте кибернетики ВАСХНИЛ и остался работать в Москве. После начала перестройки сменил множество специальностей; в январе 1998 года уехал в США.

В настоящее время живет и работает в Далласе, штат Техас. Свои тексты определяет как «экзистенциальные, сюрреалистические и постмодернистские». Неоднократно публиковался в Интернете, в частности на сайте «Пуговички».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЛЕОНИД КАГАНОВ

Хомка	7
До рассвета	32

РОЙ АКСЕНОВ

Киберпанк	59
Казна	64
Барсучье молоко	72
Жизнь сурков в условиях жесткой радиации	82
Светлое будущее?	86
Being Human	90
Кайся	102

ИЛЬЯ НОВАК

Каббала	105
День осеменения	126

ЮРИЙ НЕСТЕРОВ

Нотa perpetuum	133
В бомбе	151
Сталинградское Рождество	159

АЛЕКСАНДР ШЛЕНСКИЙ

Туалет «Торжество ультракоммунизма»	172
---	-----

АЛЕКСЕЙ ШВЕДОВ

Одиннадцать вольт для Феникс	183
Любовь в третьем секторе	213

Юля-камикадзе	251
На космических стартах и финишах	298

ФЕДОР ГАЙВОРОНСКИЙ

Луноход «Лаврентий Берия»	305
---------------------------------	-----

ИВАН МАТВЕЕВ

Сфинкс	311
Предсказатели	316

РОМАН АФАНАСЬЕВ

Воин Добра	325
------------------	-----

Н. КРАЙНЕР

Линк	366
Полусказки	394

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

Чат	404
-----------	-----

МАКС ОЛИН

Джек-Попрыгунчик	409
------------------------	-----

ВЛАДИСЛАВ СИЛИН

Вилтигай Велд	423
---------------------	-----

МЕРСИ ШЕЛЛИ

Палец Христофора	450
Алгоритм	468
Хайкай	488
Об авторах	503

Larisa_F

